16/IV 289

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXII-й. АПРѢЛЬ. 1901 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Императоръ Николай I и Восточн. вопросъ (1826—1830 гг.).** (Оконч.). Н. К. Шильдера..... 5— 32

II. **Иноземное преданіе объ императорѣ Александрѣ I.** В. А. Бильбасова... 33— 41

III. **Ссоры мои съ тремя министрами.** (Изъ переписки П. С. Валуева). Сообщилъ П. Я. Дашковъ..... 43— 52

IV. **Воспоминанія протоіерея І. І. Базарова**..... 53— 75

V. **По поводу разсказа объ отношеніяхъ Пушкина къ Дантесу.** Проф. А. И. Кирпичникова..... 77— 81

VI. **Россія и папскій престолъ.** П. Пирлинга. (Съ французскаго)..... 83—118

VII. **Десять неизданныхъ писемъ В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу.** Сообщ. П. Н. Тургеневъ... 123—138

VIII. **Смоленскъ подъ управленіемъ французовъ въ 1812 году**..... 139—144

IX. **Къ исторіи польской смуты 1863 года:** 1) Воззваніе бѣлорусса православнаго къ бѣлоруссамъ католикамъ. 2) Всеподдан. адресъ правосл. дворянъ Могилевской губ. Сообщ. Г. Н. Гортынскій.. 145—150

X. **Изъ записокъ Д. П. Руничa.** Переводъ В. В. Тимощукъ..... 153—168

XI. **Ѳедоръ Николаев. Львовъ.** Сообщ. Вл. С. Манассеинъ..... 171—175

XII. **Записки генерала В. И. Левенштерна**..... 177—195

XIII. **Три письма Н. С. Мордвинова къ Іер. Бентаму.** Сообщ. В. Викторовъ. 197—202

XIV. **Изъ прошлаго Забайкалья.** М. Грулева..... 203—224

XV. **Записная книжка „Русской Старины“:** Указъ Св. Синоду о расторженіи брака великаго князя Константина Павловича. 20-го марта 1820 г. (стр. 42).— Письмо И. С. Тургенева къ К. Д. Кавелину объ Обществѣ распространенія грамотности. 10-го сентября 1860 г. Сообщ. Ив. Кубасовъ (76).—Письмо кн. А. Горчакова—С. К. Вязмитинову о встрѣчѣ С.-Петербургск. ополченія. 1-го іюня 1814 г. (82).— Бердичевъ въ сороковыхъ годахъ. Сообщ. А. Мёрдеръ (119—121).—Письмо И. И. Дмитріева—гр. Н. П. Румянцову. 9-го окт. 1814 г. (122). — Измѣна Мазепы. Сообщилъ М. К. Марченко. (151—152). Письмо А. И. Тургенева—Н. М. Карамзину 11-го авг. 1819 г. Сообщ. П. Н. Тургеневъ (169—170). Донесеніе о смерти кн. Арк. Ал-др. Суворова-Рымникскаго. 30-го апр. 1811 г. Сообщ. В. Алексѣевъ. (176). — Оправдательное письмо М. А. Милорадовича—М. Б. Барклаю-де-Толли. 4 мая 1810 г. (194).

XVI. **Библіографич. листокъ** (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) **Дневники В. А. Жуковскаго.** Сообщилъ И. А. Бычковъ.

2) **Портретъ Димитрія Самозванца.** Грав. И. И. Хелмицкій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, 39.

1901.

Журнальный фонд Московской гор. библиотеки

IV-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го апрѣля 1901 г.

Библіографическій листокъ.

Изъ прошлаго. Воспоминанія офицера Генеральнаго штаба. Часть 1-я. На войнѣ. П. Паренсова. Изданіе исправленное, дополненное, съ картами, планами, портретами и рисунками. Спб. 1901 г.

Въ теченіе минувшей войны нашей съ турками 1877—1878 гг., и еще раньше, во время приготовленія къ ней, авторъ разсматриваемыхъ нами воспоминаній былъ свидѣтелемъ и участникомъ событій огромнаго значенія и сталкивался съ людьми, имена которыхъ навсегда останутся въ исторіи.

Послѣ войны, занимая постъ перваго болгарскаго военнаго министра, г. Паренсовъ лично участвовалъ въ трудахъ возрожденія славянскаго народа.

Поэтому воспоминанія г. Паренсова представляютъ значительный интересъ и прочтутся съ большою пользою не только спеціалистами, но всякимъ образованнымъ человѣкомъ.

Первоначально эти воспоминанія печатались на страницахъ нашего журнала за 1899 и 1900 гг., и въ разсматриваемую нами книгу они вошли исправленными и дополненными, что еще болѣе увеличиваетъ интересъ книги.

Приложенные къ книгѣ портреты, рисунки и карты воспроизведены прекрасно.

Н. К-ш-ъ.

А. В. Половцовъ. Прогулка по Русскому музею Императора Александра III въ С.-Петербургѣ. Съ 39-ю рисунками. Москва. 1900 г. Цѣна 60 к.

Въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ Александровичъ въ теченіе долгихъ лѣтъ лелѣялъ мысль объ основаніи Русскаго музея и изъ года въ годъ пріобрѣталъ лучшія произведенія кисти и рѣзца для будущаго своего созданія.

Русскій музей Императора Александра III основанъ 13-го апрѣля 1895 г. „Да послужитъ учреждаемое хранилище,—сказано въ Высочайшемъ указѣ,—живымъ воспоминаніемъ царственныхъ заботъ того, кто такъ горячо любилъ родину и посвятилъ всю жизнь на служеніе ей“. Созиданіе музея и управленіе имъ возложено на Великаго Князя Георгія Михаиловича, извѣстнаго по своимъ заслугамъ въ области искусства и нумизматики.

Разсматриваемая нами книга А. В. Половцова содержитъ въ себѣ много интересныхъ свѣдѣній о Русскомъ музеѣ Императора Александра III.

Подробно описавъ Михайловскій дворецъ, гдѣ нынѣ помѣщается Русскій музей, и современную художественную отдѣлку его залъ, авторъ въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи выясняетъ значеніе этого музея въ исторіи русскаго искусства, предпославъ этому нѣсколько свѣдѣній о Московской Третьяковской галлереѣ. Собранія русскихъ картинъ, имѣвшіяся въ Петербургѣ до созданія Русскаго музея Императора Александра III,—замѣчаетъ авторъ,—страдали существенными недостатками. Въ Императорскомъ Эрмитажѣ картины русскихъ художниковъ висѣли всего въ двухъ залахъ, были плохо освѣщены, а главное были расположены безъ всякой системы, которую и нельзя было установить, такъ какъ выборъ картинъ отличался случайностью. Въ Академіи художествъ господствовала та же безсистемность и случайность. Выдающіяся произведенія знаменитыхъ художниковъ перемѣшивались съ „программами“ учениковъ, т. е. картинами, писанными учениками для полученія медалей и художническихъ степеней, пробѣловъ было множество, и въ концѣ концовъ посѣтитель выносилъ смутное и совершенно неопредѣленное впечатлѣніе. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ дворцахъ, особенно въ Царскосельскомъ Александровскомъ дворцѣ, были очень цѣнныя собранія картинъ прежняго времени, но онѣ были почти недоступны публикѣ, и никто ихъ не зналъ.

Со времени основанія Русскаго музея Императора Александра III, русская живопись имѣетъ, наконецъ, давно желанный „родной пріютъ“. Всѣ картины изъ Императорскаго Эрмитажа, все болѣе важное изъ Академіи художествъ и масса картинъ изъ Царскосельскаго Александровскаго и другихъ дворцовъ—все это не только сосредоточено въ новомъ музеѣ, но расположено систематически, наглядно представляя исторію русской живописи. Картины одного и того же художника висятъ по возможности вмѣстѣ. Вслѣдствіе этого нѣкоторые художники, какъ, напримѣръ, Брюлловъ, Орловскій, Венеціановъ, получили совсѣмъ новый обликъ, стали впервые доступны цѣлостному изученію.

Далѣе А. В. Половцовъ описываетъ произведенія искусства, находящіяся въ залахъ нижняго этажа, и скульптурныя произведенія на площадкѣ лѣстницы.

Описывая верхній этажъ музея, авторъ сообщаетъ немало интересныхъ свѣдѣній о К. П. Брюлловѣ и его картинахъ; болѣе подробно г. Половцовъ говоритъ о знаменитой картинѣ Брюллова „Послѣдній день Помпеи“

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ., 16 МАРТА 1901 Г. ТИП. ТОВ. „ОБЩ. ПОЛЬЗА“, Б. ПОДЪЯЧ., Д. 39.

ДИМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

основанное 1-го января 1870 г.

1901.

АПРѢЛЬ.— МАЙ.— ІЮНЬ.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ШЕСТОЙ.

25/123
49 г.
Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Бол. Подъяч., № 39.
1901.

Вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу

НОВАЯ КНИГА

ИСТОРІЯ
КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ
И
ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ.

Н. Ѳ. ДУБРОВИНА.

ТРИ ТОМА,

заключающіе 1480 страницъ текста, съ картами и планами. Цѣна **9** рублей съ пересылкою. Съ требованіями обращаться въ **Товарищество «Общественная Польза»**, Большая Подъяческая, № 39.

ВЫШЛО ВЪ СВѢТЪ И ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

НОВОЕ ИЗДАНІЕ

ТОВАРИЩЕСТВА „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

СЕРГѢЯ МИХАЙЛОВИЧА

СОЛОВЬЕВА

(Дополнительный томъ къ „**ИСТОРІИ РОССІИ**“).

Предлагаемый томъ составляетъ какъ бы продолженіе и дополненіе къ „**Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ**“ того же автора и изданъ въ ея форматѣ.

Содержаніе: Исторія паденія Польши. Императоръ Александръ I. Начало Русской земли. Древняя Россія. Взглядъ на исторію установленія государственнаго порядка въ Россіи до Петра Великаго. Историческія письма. Восточный вопросъ. Прогрессъ и религія. Публичныя чтенія о Петрѣ Великомъ. Наблюденія надъ историческою жизнью народовъ. Писатели Русской исторіи XVIII вѣка. Н. М. Карамзинъ. А. Л. Шлецеръ. Шлецеръ и антиисторическое направленіе.

Дополнительный томъ заключаетъ въ себѣ 51 листъ (808 страницъ) текста, напечатаннаго четкимъ, убористымъ шрифтомъ.

Цѣна **4** р. безъ пересылки, на веленевой бумагѣ **5** р. Въ переплетѣ **5** р.; на веленевой бумагѣ **6** р. Пересылка по разстоянію и вѣсу. Съ требованіями обращаться въ книжный складъ Товарищества „**Общественная Польза**“. С.-Петербургъ, Никольскій переулокъ, 8.

Императоръ Николай I и Восточный вопросъ.

(1826—1830 гг.).

XIV [1].

Послѣ Кулевчинской побѣды и занятія Силистріи, императору Николаю оставалось ждать перехода русскихъ войскъ черезъ Балканы. «Подготовляйте и торопитесь приготовленіями къ переходу черезъ горы,—писалъ императоръ Николай графу Дибичу еще 21-го іюня (3-го іюля) 1829 года изъ Тульчина. 30-го іюля (11-го августа) извѣстіе объ этомъ счастливомъ событіи обрадовало государя. Переходъ черезъ Балканы совершился благополучно [2]. 5-го (17-го), 6-го (18-го) и 7-го (19-го) іюля, затѣмъ съ 11-го (23-го) по 31-е іюля заняты были Мисемврія, Ахіоло, Бургасъ, Айдосъ, Карнабатъ, Ямболь и Сливно, а въ заключеніе 8-го (20-го) августа сдался на капитуляцію, безъ выстрѣла, Адріанополь. Въ слѣдъ затѣмъ войска наши заняли 9-го (21-го) августа Люле-Бургасъ; Иніада покорена черноморскимъ флотомъ, Демотика сдалась добровольно, а 26-го августа (7-го сентября) занятъ городъ Эносъ, послѣ чего армія наша вошла въ связь съ находившеюся въ архипелагѣ эскадрою графа Гейдена. Съ этого момента слава графа Дибича, какъ полководца, окончательно утвердилась, а завистники и недоброжелатели его умолкли на долго.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ мартъ 1901 г.

[2]) Графъ Дибичъ распорядился во время этой операціи слѣдующимъ образомъ: генералъ Красовскій, послѣ занятія Силистріи, оставленъ былъ для наблюденія за Шумлою, въ то время какъ три корпуса 6-й, 7-й и 2-й двинулись черезъ Балканы.

«Любезный другъ, съ какою радостью я могу сказать вамъ спасибо Забалканскій,—писалъ императоръ Николай графу Дибичу 4-го (16-го) августа;—названіе это принадлежитъ вамъ по праву, и я даровалъ его вамъ отъ всего сердца. Но прежде всего да будетъ тысячекратъ благословенъ Господь за Его столь явное вамъ содѣйствіе; признаемъ Его покровительство во всемъ, что случается для насъ счастливаго. Затѣмъ примите полную мою благодарность за ваше движеніе столь же счастливое, сколь искусно соображенное и отлично выполненное храбрыми помощниками вашими. Вы правы, говоря, что теперь время убѣдиться, насколько вѣрно судили тѣ, которые утверждали, что было бы вполнѣ ошибочно упорствовать въ овладѣніи Шумлою, между тѣмъ какъ настоящимъ предметомъ атаки и цѣлью движенія представлялись Балканы. Доказательство на лицо. Побѣда подъ Кулевчею положила всему основаніе, и вы пожинаете ея плоды» [1]).

Нѣсколькими днями раньше императоръ Николай, по полученіи донесенія о взятіи Эрзерума, писалъ 30-го іюля (11-го августа) графу Паскевичу:

«Трудно мнѣ вамъ выразить, любезный мой Иванъ Ѳедоровичъ, съ какимъ душевнымъ удовольствіемъ получилъ я извѣстія, привезенныя Дадіановымъ и Фелькерзамомъ. Вы все сдѣлали, что можно было только ждать послѣ продолжительной и трудной кампаніи, и все сдѣлали въ 14 дней, вы вновь прославили имя русское, храброе наше войско, и сами пріобрѣли новую неувядаемую славу; да будетъ награда ваша—первая степень Георгія—памятникомъ для васъ и для войскъ, вами предводительствуемыхъ, славныхъ вашихъ подвиговъ и того уваженія, которое съ искренней дружбой и благодарностію моей на вѣки принадлежитъ вамъ. Изъявите всѣмъ мое совершенное удовольствіе и признательность; поведеніе войскъ послѣ побѣды мнѣ столь же пріятно, сколь славнѣйшіе подвиги военные; оно стоитъ побѣдъ вліяніемъ въ пользу нашу.... Сего же вечера получилъ я рапортъ Ивана Ивановича изъ Айдоса.... Вопросъ: чего хочетъ султанъ?—Казалось бы, правда, и этого довольно, но товарищъ Махмудъ упрямъ, зато мой Иванъ Ѳедоровичъ и Иванъ Ивановичъ его прошколятъ досыта».

Извѣстія изъ дѣйствующихъ армій крайне запаздывали. Когда начался Забалканскій походъ, императоръ Николай оставался въ невѣдѣніи о ходѣ операцій въ продолженіе четырнадцати дней. Донесеніе же о занятіи Адріанополя пришло въ Петербургъ лишь 27-го августа (8-го сентября), послѣ семнадцати тревожныхъ дней, проведенныхъ государемъ въ ожиданіи курьера.

---

[1]) Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 4-го (16-го) августа 1829 года изъ Александріи близъ Петергофа (Военно-Ученый Архивъ, Отд. 2 № 2895 (6)).

28-го августа (9-го сентября) императоръ Николай писалъ графу Дибичу-Забалканскому:

«Послѣ семнадцати тревожныхъ дней, я получилъ вчера, любезный другъ, ваше безподобное письмо, отъ 9-го числа, изъ Адріанополя. Да будетъ тысячекратно благословенъ Богъ за сію новую милость, вы же примите мою живѣйшую и искреннюю признательность за блестящій и прочный результатъ, достигнутый, благодаря отличнымъ вашимъ распоряженіямъ и превосходному ихъ выполненію. Имя ваше, любезный другъ, отнынѣ навсегда принадлежитъ исторіи и прославитъ наши военныя лѣтописи... Богъ да наставитъ васъ и поддержитъ въ послѣднихъ трудахъ вашихъ и да сподобитъ васъ сколь возможно скорѣе подписать прекрасный Адріанопольскій миръ» [1]).

Послѣ рѣшительныхъ успѣховъ русскаго оружія въ Европѣ и въ Азіи двухлѣтняя кровавая борьба съ Портою приближалась наконецъ къ вожделѣнной развязкѣ, предвѣщавшей скорый миръ. Предвидя уже съ нѣкотораго времени подобную развязку, императоръ Николай отправилъ въ армію графа Дибича для веденія мирныхъ переговоровъ генералъ-адъютанта графа А. Ѳ. Орлова, человѣка надежнаго, умнаго и русскаго по имени [2]), и тайнаго совѣтника графа Ф. П. Палена.

Судя по письму графа Дибича къ императору Николаю отъ 9-го (21-го) августа 1829 года, онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи, вступая въ Адріанополь: 12.200 человѣкъ пѣхоты, 4.500 кавалеріи и 100 орудій. Вотъ съ какими скромными силами предстояло Забалканскому принудить турокъ къ миру или же принять крайнія мѣры противъ дальнѣйшаго упорства Порты. Къ этому ариѳметическому, такъ сказать, элементу данной минуты нужно присоединить еще и нравственный элементъ, о которомъ въ то время въ петербургскихъ сферахъ, конечно, не могли составить себѣ яснаго представленія. Между тѣмъ, по свидѣтельству очевидца адріанопольскихъ событій, генерала Михайловскаго-Данилевскаго [3]), оказывается, что графъ Дибичъ желалъ чрезмѣрно мира, потому что армія наша таяла какъ ледъ при лучахъ солнца, и отъ не-

---

[1]) Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 28-го августа (9-го сентября) 1829 года изъ Царскаго Села. (Военно-Ученый Архивъ, Отд. 2 № 2895 (б)).

[2]) „Un homme sûr d'esprit et un nom russe". —Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 9-го (21-го) іюня 1829 года изъ Варшавы.

[3]) Генералъ-маіоръ Михайловскій-Данилевскій былъ вызванъ графомъ Дибичемъ въ Адріанополь для исправленія должности дежурнаго генерала, вмѣсто заболѣвшаго генерала Обручева. Въ началѣ кампаніи 1829 года онъ командовалъ бригадой въ 6-й пѣхотной дивизіи и находился въ отрядѣ, блокировавшемъ крѣпость Журжу, подъ главнымъ начальствомъ генералъ-адъютанта Киселева

вѣроятнаго количества больныхъ, ежедневно умножавшихся, возродился какой-то духъ унынія въ войскахъ, въ особенности же среди генераловъ—«уныніе, котораго я подобнаго еще въ нашей арміи не видалъ».

Приведенное нами свидѣтельство Данилевскаго не лишено значенія, если припомнить, что онъ прожилъ въ арміи всѣ тяжелыя минуты, случавшіяся не разъ во время походовъ 1812, 1813, 1814 годовъ. Къ тому же приближался сентябрь мѣсяцъ, а съ нимъ вмѣстѣ дождливое время года, которое, дѣлая дороги окончательно непроходимыми, возбуждало справедливыя опасенія насчетъ успѣшнаго хода дальнѣйшихъ операцій. Вмѣстѣ съ тѣмъ главнокомандующій не терялъ изъ виду, что онъ находился съ горстью людей среди непріятельской земли, имѣя въ тылу Балканы и до 80.000 больныхъ, разбросанныхъ въ разныхъ частяхъ Турціи, изъ которыхъ многіе подверглись чумной заразѣ. Неудивительно, что при подобной обстановкѣ, наши генералы, а во главѣ ихъ даже графъ Толь, мечтали болѣе о мирѣ и скорѣйшемъ возвращеніи въ Россію, чѣмъ о пріобрѣтеніи новыхъ лавръ; у всѣхъ, даже среди ближайшихъ сотрудниковъ главнокомандующаго замѣчались признаки какой-то усталости, апатіи, вызванныхъ болѣзненнымъ состояніемъ и лишеніями, сопряженными съ трудностями похода.

Принимая всѣ затронутыя нами обстоятельства во вниманіе, нельзя удивляться, что появленіе въ Адріанополѣ 16-го (28-го) августа уполномоченныхъ, присланныхъ султаномъ, преисполнило главную квартиру радостными чувствами[1]). Начатые немедленно переговоры подвигались однако не слишкомъ быстро впередъ, послѣ того какъ турки, оправившись отъ перваго испуга, нѣсколько осмотрѣлись. Чтобы сдѣлать ихъ болѣе сговорчивыми, графу Дибичу пришлось прибѣгнуть къ демонстраціямъ и двинуть передовыя силы арміи, по направленію къ Константинополю, и занять пространство отъ Мидіи на Черномъ морѣ до Родосто на Мраморномъ морѣ. Разъѣзды, высылавшіеся изъ Чорлу, доходили до Силивріи, откуда оставалось 60 верстъ до Царьграда; вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣланы были всѣ распоряженія къ выступленію главной квартиры въ Люле-Бургасъ.

Мѣры, принятыя графомъ Дибичемъ, устрашили турокъ и привели къ миру. Вечеромъ 29-го августа (11-го сентября) пріѣхалъ курьеръ изъ Константинополя отъ прусскаго посланника Р. йе (Royer) съ письмомъ къ главнокомандующему отъ французскаго и англійскаго пословъ при оттоманской Портѣ (графа Гильемино и Р. Гордона), въ которомъ они увѣдомляли, что, въ случаѣ движенія русскихъ войскъ къ Царьграду, Порта перестанетъ существовать и что самое ужасное безначаліе,

[1]) Порта прислала двухъ уполномоченныхъ Мегметъ-Садикъ-ефенди великаго дефтердара и Абдулъ-Кадиръ-Бей—Кази-Аскеръ анатолійскій.

уничтоживъ власть ея, подвергнетъ самому пагубному жребію христіанъ и мусульманъ турецкой имперіи.

«Письмо это,—пишетъ Данилевскій,—въ коемъ представители двухъ сильныхъ державъ объявляли торжественно, что Порта проситъ пощады и жребій свой предоставляетъ великодушію побѣдителей, исполнило насъ неописанною радостію. Главнокомандующій столь былъ пораженъ словами, что, въ случаѣ движенія его, существованіе Турціи прекращается, что у него изъ глазъ лились ручьи слезъ». Графъ Толь тоже плакалъ.

Императоръ Николай назвалъ декларацію пословъ: «un certificat de ruine, signé par les ambassadeurs de France et d'Angleterre» [1]).

Заботливое къ намъ участіе европейскихъ дипломатовъ въ Константинополѣ не ограничилось присылкою декларацiи. 30-го августа (11-го сентября) въ Адріанополѣ лично явился прусскій посланникъ Ройе, котораго турецкое правительство упросило, по причинѣ тѣсныхъ связей, существовавшихъ между берлинскимъ и русскимъ дворомъ, ѣхать въ главную квартиру графа Дибича ходатайствовать о скорѣйшемъ заключеніи мира. На рѣшеніе, принятое Портою, повліяли, до нѣкоторой степени, переговоры, начатые прибывшимъ въ Константинополь прусскимъ генераломъ Мюфлингомъ; но съ другой стороны данное ему, какъ выше упомянуто, дипломатическое порученіе крайне облегчалось успѣхами русскаго оружія.

Послѣ нѣкоторыхъ попытокъ со стороны турецкихъ уполномоченныхъ въ Адріанополѣ продолжать оспариваніе предъявленныхъ нами требованій, они наконецъ покорились судьбѣ. 2-го (14-го) сентября 1829 года подписанъ былъ во дворцѣ Эски-Сарай Адріанопольскій мирный договоръ.

Главнѣйшія условія этого столь желаннаго мира заключались въ слѣдующемъ: Дарданеллы и Босфоръ открыты навсегда для торговли всѣхъ народовъ безъ изъятія. Безопасность нашей азіатской границы, до нѣкоторой степени, обезпечена присоединеніемъ къ Имперіи крѣпостей: Анапы, Поти, Ахалцыха, Ацхура и Ахалкалаки.

Прежніе трактаты съ Портою признаны ею во всей силѣ. Постановлена также уплата Турціею военныхъ издержекъ и убытковъ, поне-

---

[1]) Письмо императора Николая графу Дибичу отъ 12-го (24-го) сентября 1829 года.

Въ письмѣ графа Дибича къ вице-канцлеру графу Нессельроде отъ 30-го августа (11-го сентября) 1829 года, главнокомандующій по поводу заявленія пословъ замѣчаетъ, что оно представляетъ собою: „le plus beau monument que la politique européenne puisse élever à la gloire de l'Empereur Nikolas, l'hommage le plus éclatant rendu à sa puissance et à sa magnanimité".

сенныхъ русскими подданными. Права и преимущества Сербіи и княжествъ Молдавіи и Валахіи утверждены, при чемъ Порта обязалась не оставлять за собою на лѣвомъ берегу Дуная ни одного укрѣпленія и не дозволять своимъ мусульманскимъ подданнымъ имѣть тамъ жительство. Греція признана вассальнымъ государствомъ.

Уплата военныхъ издержекъ опредѣлена была въ десять милліоновъ голландскихъ дукатовъ, а вознагражденіе русскимъ подданнымъ и негоціантамъ—въ милліонъ пять сотъ тысячъ дукатовъ.

Въ день заключенія мира, 2-го (14-го) сентября главнокомандующій писалъ графу Чернышеву:

«Адріанопольскій миръ подписанъ сегодня, семнадцать лѣтъ спустя послѣ вступленія французовъ въ Москву и пять мѣсяцевъ спустя послѣ выступленія изъ Яссъ главной квартиры второй арміи. Результатъ его—maximum условій, которыми я долженъ былъ руководствоваться, какъ основаніемъ; вся Европа несомнѣнно усмотритъ въ мирѣ избытокъ великодушія со стороны нашего дорогаго повелителя въ моментъ, когда ничто не могло бы помѣшать его побѣдоноснымъ арміямъ овладѣть Константинополемъ и Босфоромъ и когда Порта при посредствѣ иностранныхъ пословъ созналась, что она перестанетъ существовать, если мы будемъ продолжать наше движеніе.

«Вы узнаете подробности изъ моихъ донесеній императору и Нессельроде, а сегодня мнѣ невозможно писать вамъ болѣе. Въ настоящемъ случаѣ пруссаки дѣйствовали, какъ истинные и вѣрные друзья; вы можете себѣ представить, что это сдѣлало меня очень счастливымъ» [1]).

XV.

Въ то время, когда мирные переговоры въ Адріанополѣ уже приближались къ концу, въ Петербургѣ не могли еще быть увѣренными въ ихъ благополучномъ исходѣ. Нужно было готовиться ко всякимъ случайностямъ. Поэтому императоръ Николай писалъ графу Дибичу 28-го августа (9-го сентября):

«Одобряю во всѣхъ отношеніяхъ принятыя вами мѣры, но настаиваю, чтобы въ томъ случаѣ, если переговоры прервутся, вы направили отрядъ войскъ къ Дарданелламъ, дабы быть увѣреннымъ, что незванные гости не явились тамъ для вмѣшательства и вреда

---

[1]) Изъ письма графа Дибича къ графу Чернышеву отъ 2-го (14-го) сентября 1829 года изъ Адріанополя. (Военно-Ученый Архивъ. Отд. 2 № 4445).

дѣламъ нашимъ..... Наконецъ, если вы у Дарданеллъ, то положительно откажите въ пропускѣ всякому иному флоту, кромѣ нашего. Если же употребятъ силу, вы отвѣтите пушечными выстрѣлами. Но отъ сего да оборонитъ насъ Богъ» [1]).

Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 1-го (13-го) сентября, государь коснулся Константинополя:

«Перейдемъ теперь къ случайностямъ (possibilités), осуществленіе которыхъ молю Бога не допустить! Это увидѣть насъ владыками Константинополя и тѣмъ вызвать, слѣдовательно, исчезновеніе Оттоманской имперіи въ Европѣ. Однако я не хочу оставить васъ безъ нѣкоторыхъ общихъ указаній на случай, если бы дѣйствительно дошло уже до этого. При неуспѣшности переговоровъ, слѣдуетъ вамъ немедленно двинуться къ Константинополю, обезпечивъ себя со стороны Дарданеллъ. Не обращайте вниманія на ваши недостаточныя численныя силы, онѣ болѣе чѣмъ уравновѣшиваются вашимъ моральнымъ превосходствомъ. Овладѣвъ Константинополемъ, вы будете ожидать новыхъ приказаній, до полученія коихъ вы положительно откажетесь войти въ какіе бы то ни было переговоры, какого рода они бы ни были и съ кѣмъ бы то ни было. Тѣмъ болѣе вы не дозволите никакому иностранному флоту войти въ Дарданеллы впредь до приказанія.... Полученныя мною сегодня утромъ съ курьеромъ извѣстія изъ Лондона положительно утверждаютъ, что англійское министерство совершенно поражено успѣхами нашего оружія, до такой степени, что Абердинъ сказалъ нашимъ: ради Бога не обходитесь съ нами по-Дибичевски и пощадите нашу честь.... Словомъ сказать, это полное торжество. Богу благодареніе, а вамъ спасибо; это болѣе чѣмъ всѣ фразы. Но затѣмъ, любезный другъ, теперь болѣе чѣмъ когда-либо, отнесемъ все Богу и да будемъ спокойнѣе, скромнѣе, великодушнѣе и послѣдовательнѣе прежняго; вотъ слава, къ которой я стремлюсь, и да хранитъ меня Господь добиваться иной, я же увѣренъ, что вы меня понимаете..... .... И такъ, если все кончено, возвращайтесь, если же нѣтъ, впередъ» [2]).

Въ виду упоминаемыхъ императоромъ Николаемъ случайностей, къ которымъ, безъ сомнѣнія, нужно было быть готовыми, государь учредилъ особый секретный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ графа Кочубея, изъ князя А. Н. Голицына, графа П. А. Толстаго, графа Нессель-

---

[1]) Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 28-го августа (9-го сентября) 1829 года. (Военно-Ученый Архивъ, Отд. 2 № 2895 (б)).

[2]) Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 1-го (13-го) сентября 1829 года. Елагинъ островъ. (Военно-Ученый Архивъ, Отд. 2 № 2895 (б)).

роде, Д. В. Дашкова и графа Чернышева. Комитету поручено было выяснить положеніе Турціи и обсудить вопросъ о томъ, какое положеніе должна занять Россія, въ случаѣ паденія Оттоманской Порты. Въ первомъ же засѣданіи комитета, состоявшемся 4-го (16-го) сентября 1829 года, графъ Нессельроде прочелъ собранію записку, въ которой проведена была мысль о пользѣ для Россіи сохранить дальнѣйшее существованіе Турціи; по мнѣнію вице-канцлера, всякій другой порядокъ вещей, которымъ была бы замѣнена Турція, не можетъ доставить намъ выгодъ, сопряженныхъ съ сосѣдствомъ слабой державы. Если же паденіе Оттоманской имперіи представляется дѣломъ неизбѣжнымъ, если существованіе турокъ въ Европѣ должно уступить мѣсто новой политической комбинаціи, то графъ Нессельроде полагалъ, что Россія должна пригласить своихъ союзниковъ съ цѣлью совмѣстнаго обсужденія этого важнаго вопроса. Намѣреваться рѣшить его безъ ихъ участія въ то самое время, когда ихъ важнѣйшіе интересы съ нимъ связаны, значило бы, по мнѣнію вице-канцлера, нанести самый чувствительный ударъ ихъ чести и взять на себя слишкомъ большую отвѣтственность.

Комитетъ выслушалъ также записку Д. В. Дашкова, близко знакомаго съ восточными дѣлами. Въ запискѣ его высказывалось убѣжденіе, что политика, поставившая себѣ цѣлью паденіе турецкой имперіи, не соотвѣтствовала бы истиннымъ выгодамъ Россіи. Теперь, утверждалъ Дашковъ, когда границы имперіи простираются отъ Бѣлаго моря до Дуная и Аракса, отъ Камчатки до Вислы, осталось мало пріобрѣтеній, которыя могли бы ей быть полезными.

Въ этомъ же засѣданіи комитета, члены его ознакомились, между прочимъ, и съ письмомъ графа Каподистріи къ императору Николаю отъ 18-го (30-го) марта 1828 года. Бывшій русскій министръ предполагалъ, въ случаѣ переустройства Балканскаго полуострова, обратить Константинополь въ вольный городъ, служащій вмѣстѣ съ тѣмъ центромъ конфедераціи пяти вновь образованныхъ Балканскихъ государствъ, а именно: герцогства или королевства Дакіи (Молдавія и Валахія); королевства Сербіи (Болгарія, Сербія и Боснія); королевства Македоніи; королевства Эпира и наконецъ Эллинскаго государства.

Послѣ всесторонняго обсужденія всѣхъ прочитанныхъ записокъ, комитетъ пришелъ единогласно къ слѣдующему рѣшенію:

1) Выгоды, представляемыя сохраненіемъ Оттоманской имперіи въ Европѣ, превосходятъ сопряженныя съ ея существованіемъ неудобства.

2) Вслѣдствіе сего, паденіе Оттоманской имперіи не соотвѣтствуетъ истиннымъ интересамъ Россіи.

3) Благоразуміе требуетъ предупредить это паденіе, изыскавъ всѣ могущія еще представиться средства для заключенія почетнаго мира.

Во второмъ засѣданіи комитета императоръ Николай лично принялъ на себя предсѣдательство; удостоивъ полнаго одобренія заключенія комитета, государь повелѣлъ сообщить ихъ графу Дибичу для руководства [1]).

Но пока въ Петербургѣ занимались обсужденіемъ вопроса о будущей судьбѣ Оттоманской Порты, графъ Дибичъ успѣлъ уже предупредить на мѣстѣ желаніе комитета, обезпечивъ дальнѣйшее существованіе турецкой имперіи въ Европѣ. 30-го августа (11-го сентября), въ день тезоименитства наслѣдника и за два дня до заключенія Адріанопольскаго мира, главнокомандующій писалъ государю:

«Примите мои поздравленія и самыя искреннія пожеланія по случаю сегодняшняго торжества, въ которомъ свѣтлыя надежды на будущее, которое уже не можетъ быть нашимъ достояніемъ, соединяются въ вѣрныхъ сердцахъ съ настоящимъ счастіемъ и дорогими воспоминаніями. Великій Богъ, видимо благословляя оружіе вашего императорскаго величества, ниспослалъ намъ радость возвѣстить въ такой день увѣренность въ заключеніи славнаго мира. Послѣ всего того, что́ мнѣ писалъ и говорилъ прусскій посолъ, приглашенный Портою для ускоренія заключенія мира и кромѣ того, читая памятный документъ, подписанный сэромъ Р. Гордономъ и графомъ Гильеминo, содержащій въ себѣ заявленіе Порты, подтвержденное г. г. послами, что д в и ж е н і е вашихъ побѣдоносныхъ войскъ на Константинополь положитъ конецъ с у щ е с т в о в а н і ю Оттоманской имперіи,—все это кажется мнѣ не только славнымъ памятникомъ для вашего оружія, государь, но и самою прочною гарантіею для мира, ибо никто не станетъ дѣлать подобныхъ заявленій, если осталась еще надежда на бой. Я полагаю, что слѣдующій фельдъегерь привезетъ вашему императорскому величеству мирный трактатъ» [2]).

12-го (24-го) сентября императоръ Николай отвѣчалъ Забалканскому:

«Я не могу иначе начать мое посланіе, какъ возблагодаривъ Бога, сказать вамъ bravo, bravo, bravo. Мой отвѣтъ—Св. Георгій первой степени, который вамъ посылаю, вы его вполнѣ заслужили. Теперь еще разъ искренно благодарю васъ за вашъ образъ дѣйствій, столь же твердый и искусный, сколь благородный и умѣренный. Положеніе ваше достойно главнокомандующаго русской арміи, стоящей у воротъ Константинополя. Въ военномъ отношеніи оно баснословно и воображеніемъ

---

[1]) Etude historique sur la politique russe dans la question d'orient par F. Martens.—Gand 1877.

[2]) Изъ письма графа Дибича къ императору Николаю, отъ 30-го августа (11-го сентября) 1829 года. (Военно-Ученый Архивъ, Отд. 2 № 2895 (а)).

едва можно себѣ его представить: правый флангъ, опирающійся на флотъ, отправленный изъ Кронштадта, лѣвый на Севастопольскій флотъ; прусскій посланникъ, являющійся въ вашу главную квартиру и приносящій мольбы султана, и свидѣтельство о гибели, подписанное послами французскимъ и англійскимъ! Послѣ этого остается только сказать: Великъ Богъ русскій и спасибо Забалканскому» [1]).

Мирный договоръ привезъ государю въ Царское Село флигель-адъютантъ Чевкинъ [2]). Въ письмѣ къ графу Дибичу этотъ историческій моментъ описанъ слѣдующимъ образомъ:

«Прибывъ въ Царское Село, я прежде всего передалъ графу Чернышеву депеши на его имя, вскорѣ, по счастливой случайности, пришелъ графъ Нессельроде, коему я вручилъ привезенныя ему депеши, а затѣмъ мы всѣ втроемъ пошли къ государю. Его величество принялъ извѣстіе о заключеніи мира съ величайшею радостію; онъ тотчасъ послалъ за императрицею, которая прибѣжала въ сопровожденіи великаго князя наслѣдника, молодыхъ великихъ княженъ и даже маленькаго великаго князя Константина. Тогда произошелъ взаимный обмѣнъ поздравленій, радости и сочувствія. Я не могу найти выраженій, чтобы высказать то глубокое впечатлѣніе, которое я испыталъ въ эту минуту, которое, безъ сомнѣнія, останется въ моей памяти, какъ лучшее воспоминаніе моей жизни. Послѣ этого, государь познакомился съ депешами и договоромъ; все удостоилось полнаго его одобренія; одна статья, казалось, возбудила въ немъ сожалѣніе, это возвращеніе Карса; я осмѣлился высказать нѣкоторыя мысли относительно незначительности выгодъ, представляемыхъ этимъ пріобрѣтеніемъ; его величество соблаговолилъ ихъ выслушать; когда же, нѣсколько дней спустя, графъ Нессельроде, бесѣдуя со мною объ этомъ, просилъ доставить ему о семъ записку, онъ высказалъ предположеніе, что государь не будетъ настаивать на этомъ пріобрѣтеніи, но что, повидимому, пожелаютъ имѣть Батумъ и турецкую Гурію [3]).

22-го сентября (4-го октября) государь, по случаю заключенія мира,

---

[1]) Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу, отъ 12-го (24-го) сентября 1829 года изъ Александріи. (Военно-Ученый Архивъ, Отд. 2 № 2895 (б)). За занятіе Адріанополя графъ Дибичъ награжденъ былъ алмазными знаками ордена Св. Андрея Первозваннаго, а графиня Дибичъ пожалована въ статсъ-дамы. Такія же награды удостоился получить графъ Паскевичъ за занятіе Эрзерума.

[2]) Въ дневникѣ князя А. С. Меншикова 17-го сентября 1829 года записано: „Государь пріѣхалъ въ городъ, по случаю полученнаго извѣстія о мирѣ съ турками, и ѣздилъ со мною поклониться Казанской иконѣ въ соборѣ".

[3]) Изъ письма флигель-адъютанта Чевкина къ графу Дибичу, отъ 22-го сентября (4-го октября) 1829 года. (Военно-Ученый Архивъ, Отд. 1. № 959).

велѣлъ собрать на Царицыномъ лугу войска, расположенныя въ Петербургѣ и его окрестностяхъ [1]). Посреди плаца воздвигли высокій и обширный амвонъ для императорской фамиліи, духовенства и двора. Ступени его были украшены турецкими знаменами, завоеванными въ Европѣ и въ Азіи, а войска расположились вокругъ густыми колоннами. По командѣ государя всѣ головы обнажились, и началось благодарственное молебствіе. Огромныя толпы народа стояли за рядами войскъ и вмѣстѣ съ ними молились. Громъ орудій и многотысячнаго «ура!» возвѣстилъ окончаніе молебствія, какъ бы утверждая, по свидѣтельству очевидца, знаменіемъ силы, прочность мира, силою же завоеваннаго. Потомъ войска прошли церемоніальнымъ маршемъ, а въ заключеніе торжества турецкія знамена отнесены были въ Преображенскій соборъ. Впослѣдствіи, послѣ 1831 года, ограда этого собора украшена была еще другими турецкими трофеями, а именно орудіями, взятыми въ Варнѣ, затѣмъ подаренными въ 1828 году императоромъ Николаемъ полякамъ и отбитыми снова у нихъ гвардіею во время мятежа 1831 года.

Въ день парада императоръ Николай произвелъ графа Дибича Забалканскаго въ фельдмаршалы и написалъ ему слѣдующія милостивыя строки:

«Возблагодаривъ Бога на Марсовомъ полѣ среди войскъ и огромной толпы, я обращаюсь къ вамъ, мой любезный другъ, съ душевною благодарностью за счастливый конецъ, увѣнчавшій вашу блестящую кампанію. Адріанопольскій миръ, самый славный изъ когда-либо заключенныхъ, и вы съумѣли придать ему характеръ, приличный миру, заключенному послѣ такой войны; наша умѣренность зажметъ ротъ всѣмъ нашимъ клеветникамъ, а насъ самихъ миритъ съ нашею совѣстью. Еще разъ повторяю вамъ мою признательность на всю жизнь. Чинъ фельдмаршала, пожалованный вамъ сегодня, принадлежитъ вамъ по праву» [2]).

Сверхъ фельдмаршальскаго званія императоръ Николай пожаловалъ еще графу Дибичу милліонъ рублей. Графъ Толь награжденъ былъ орденомъ Св. Георгія второй степени, Св. Владиміра первой степени, назначенъ шефомъ 20-го Егерскаго полка и получилъ 300.000 рублей. Графу Чернышеву пожаловано было также 300.000 рублей, а генералъ-адъютанту Бенкендорфу аренда на 50 лѣтъ. Генералъ Канкринъ

---

[1]) Манифестъ о заключеніи мира съ Турціею объявленъ былъ 19-го сентября (1-го октября) 1829 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ, императоръ Николай повелѣлъ по объявленному уже манифестомъ отъ 10-го (22-го августа) 1829 года рекрутскому набору вмѣсто трехъ рекрутъ съ пяти сотъ душъ собрать только по два рекрута.

[2]) Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 22-го сентября (4-го октября) 1829 года изъ Петербурга. (Военно-Ученый Архивъ. Отд. 2. № 2895 (б)).

возведенъ былъ въ графское достоинство. Графъ Нессельроде и графъ Воронцовъ награждены были орденомъ Св. Андрея Первозваннаго, а графъ А. Ѳ. Орловъ и генералъ-адъютантъ Киселевъ орденомъ Св. Александра Невскаго.

Графъ Паскевичъ-Эриванскій, подобно графу Дибичу, также награжденъ былъ чиномъ фельдмаршала. 25-го сентября (7-го октября) 1829 года, императоръ Николай, въ собственноручномъ письмѣ, возвѣстилъ «отцу командиру» новое его отличіе, приложивъ эполеты, украшенные фельдмаршальскими жезлами:

«Богъ благословилъ наше дѣло, любезный Иванъ Ѳедоровичъ, и славный миръ положилъ конецъ подвигамъ армій нашихъ, стяжавшихъ новые неувядаемые лавры подъ предводительствомъ вашимъ и товарища вашего въ Европѣ. Воздавъ благодареніе Всевышнему, видимо намъ помогавшему, обращаюсь къ вамъ, мой любезный Иванъ Ѳедоровичъ, примите искренное благодареніе стараго вашего друга, умѣющаго цѣнить ваши заслуги.

«Чинъ фельдмаршала, мною вамъ данный, принадлежитъ вамъ не по пристрастію какому, но по славнымъ дѣламъ, которыя присоединили имя ваше къ именамъ Румянцова и Суворова; съ сердечною радостію пишу вамъ это, ибо слова сіи въ моихъ устахъ вамъ не лесть, а справедливость.

«Но позвольте другу вашему сказать вамъ: ничто столько не украшаетъ величія дѣла, какъ скромность, въ этомъ нахожу я величайшую красу, истинную доблесть великихъ людей. Во всякомъ дѣлѣ, нами исполняемомъ, мы должны искать помощи Божіей; Его рука насъ карастъ, Его рука насъ возноситъ; васъ она поставила на высшую степень славы! Да украситъ васъ и послѣдняя слава, которая истинно будетъ ваша принадлежность: с к р о м н о с т ь! воздайте Богу и оставьте н а м ъ славить васъ и дѣла ваши. Вотъ совѣтъ друга, васъ искренно любящаго и изъ глубины души благодарнаго.

«Надѣюсь, что о сю пору у васъ уже все спокойно, ибо по моему разсчету офицеръ отъ Ивана Ивановича могъ до васъ доѣхать, надѣюсь также, что безъ большаго затрудненія исполнено будетъ очищеніе края, котораго удерживать за собой не призналъ я полезнымъ для Россіи въ строгомъ смыслѣ ея выгодъ.

«Кончивъ такимъ образомъ одно славное дѣло, предстоитъ вамъ другое, въ моихъ глазахъ столь же славное, а въ разсужденіи прямыхъ пользъ, гораздо важнѣйшее,—усмиреніе навсегда горскихъ народовъ или истребленіе непокорныхъ.

«Дѣло сіе не требуетъ немедленнаго приближенія, но рѣшительнаго и зрѣлаго исполненія, когда получу отъ васъ планъ вашъ, которому слѣдуя, надѣетесь исполнить мое ожиданіе. Я для сего предоставляю вамъ

временно всѣ войска, подъ командою вашей нынѣ находящіяся, съ тѣмъ чтобъ ударъ былъ столь же рѣшительный, какъ и внезапенъ. Прочее рѣшить предоставляю вамъ.

«Жена моя вамъ сердечно кланяется. Прощайте, любезный Иванъ Ѳедоровичъ, вѣрьте дружбѣ искренно вамъ доброжелательнаго. Николай.

«Прилагаемые эполеты прошу носить, меня поминая» [1]).

Приведенное здѣсь письмо государя, несмотря на выраженныя въ немъ глубоко-дружескія чувства къ «отцу командиру», отличается тѣмъ не менѣе нравоучительнымъ характеромъ и напоминаетъ собою приведенное уже выше письмо императора Николая отъ 18-го (30-го) марта 1828 года, посланное послѣ заключенія туркманчайскаго договора. Очевидно, что, несмотря на преподанные тогда совѣты, государю снова пришлось умѣрять пылкость нрава графа Паскевича; недовѣріе къ ближайшимъ помощникамъ, подозрительность, раздражительность проявлялась также и во время мало-азіятскихъ кампаній, не въ меньшей степени, чѣмъ во время персидской; многіе достойнѣйшіе генералы нашлись вынужденными искать новаго поприща дѣятельности внѣ кавказскаго корпуса—обстоятельство, сдѣлавшееся конечно извѣстнымъ императору Николаю, также какъ и многое другое. Для отца «командира» все кончилось дружескимъ внушеніемъ и проповѣдью о скромности и прелестяхъ этой добродѣтели!

1-го (13-го) октября императоръ Николай повелѣлъ всѣмъ участникамъ въ кампаніи 1828 и 1829 годовъ носить медаль на лентѣ Св. Георгія, установленную въ этотъ день. Тогда же государь отдалъ приказъ войскамъ второй арміи, отдѣльнаго кавказскаго корпуса и дѣйствовавшимъ эскадрамъ Балтійскаго и Черноморскаго флотовъ:

«Благословеніемъ Всевышняго окончена брань, въ коей вы покрыли себя незабвенною новою славою, и трудами вашими Россія торжествуетъ миръ достославный.

«Въ двухъ странахъ свѣта неумолкно раздавался громъ побѣдъ вашихъ; многочисленный, упорный врагъ сокрушенъ повсюду, и пала предъ вами вѣковая слава неприступныхъ твердынь его, до появленія вашего не знавшихъ побѣдителей. Смѣлою стопою переносились вы чрезъ хребты горъ непроходимыхъ и, поражая врага въ неприступнѣйшихъ его убѣжищахъ, у вратъ Константинополя, принудили его къ торжественному сознанію, что мужеству вашему противустоять онъ не въ силахъ. Столько же отличили вы себя кроткимъ обращеніемъ съ побѣж-

---

[1]) Князь Щербатовъ: „Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ“, т. 3-й, стр. 228. Когда Паскевичъ награжденъ былъ чиномъ фельдмаршала, ему было 47 лѣтъ.

25 123

денными, дружелюбнымъ охраненіемъ мирныхъ жителей въ покоренныхъ областяхъ, постояннымъ соблюденіемъ самаго примѣрнаго воинскаго порядка и подчиненности и строгимъ исполненіемъ всѣхъ вашихъ обязанностей. Вы истинно достойны имени русскихъ воиновъ.

«Въ ознаменованіе толикихъ заслугъ вашихъ престолу и отечеству, повелѣваю: носить всѣмъ, участвовавшимъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противу турокъ въ 1828-мъ и 1829-мъ годахъ, установленную мною особую медаль за турецкую войну, на лентѣ ордена святаго Великомученика и побѣдоносца Георгія.

«Да будетъ знакъ сей памятникомъ вашей славы и моей къ вамъ признательности! да послужитъ онъ залогомъ будущей вѣрной вашей службы!»

Оцѣнка Адріанопольскаго мирнаго договора, со стороны современниковъ, сдѣлана была самая разнообразная.

Графъ Нессельроде писалъ, 13-го (25-го) октября 1829 года, графу Дибичу:

«Иностранныя газеты уже начинаютъ болтать вздоръ по поводу нашего мирнаго договора. Пусть себѣ болтаютъ, всѣмъ вѣдь нельзя угодить, но всѣ люди разумные, разсуждающіе спокойно и безпристрастно, всѣ они не находятъ ничего заслуживающаго возраженія и полагаютъ, что миръ соединяетъ выгоды, требовать которыхъ даютъ право столько побѣдъ,—съ тою умѣренностію, которая столь благороднымъ образомъ характеризуетъ политику императора. Удовольствуемся же, мой дорогой фельдмаршалъ, ихъ одобреніемъ и не будемъ обращать вниманія на остальное. Придерживаясь подобнаго правила, всегда бываешь увѣренъ, что дѣлаешь хорошее дѣло» [1]).

Самая вѣрная оцѣнка Адріанопольскаго мира принадлежитъ авторитетному перу извѣстнаго австрійскаго дипломата Генца, который по поводу договора, заключеннаго 2-го (14-го) сентября, пишетъ:

«Умѣренность—понятіе относительное, но въ случаѣ, сходномъ съ настоящимъ, оно должно одинаково распространяться на побѣдителя, такъ и на побѣжденнаго. Въ сравненіи съ тѣмъ, чего могли требовать русскіе и требовать безнаказанно, они требовали мало. Я не говорю, чтобы у нихъ достало силы разрушить турецкое царство въ Европѣ, не подвергаясь европейскому противодѣйствію. Но они могли потребовать уступки княжествъ и Болгаріи до Балканъ, половины Арменіи и вмѣсто десяти милліоновъ червонцевъ—пятьдесятъ, при чемъ ни Порта не имѣла бы власти, ни кто-либо изъ добрыхъ друзей ея серьезнаго намѣренія этому воспрепятствовать. Конечно,

[1]) Изъ письма графа Нессельроде къ графу Дибичу, отъ 13-го (25-го) октября 1829 года (Военно-Ученый Архивъ, Отд. 2 № 5329).

императоръ неоднократно увѣрялъ, что онъ не хочетъ завоеваній въ этой войнѣ [1]). Но отъ подобныхъ увѣреній легко отречься при содѣйствіи сотни дипломатическихъ тонкостей, и если бы даже голосъ нѣсколькихъ честныхъ людей обозвалъ его вѣроломнымъ, за то несравненно сильнѣйшая часть глубоко испорченнаго общественнаго мнѣнія со всѣхъ сторонъ громко привѣтствовала бы его. Представляется вопросъ, что̀ могло побудить императора не переступать границъ, предписанныхъ имъ его генераламъ и дипломатамъ? Любовь ли къ справедливости, великодушіе, благоразуміе или соображенія, касающіяся отечественныхъ условій, или же другія какія-либо причины?—Одно остается несомнѣннымъ, что онъ могъ бы пойти далѣе, чѣмъ пошелъ въ дѣйствительности, и сторонники его политики имѣютъ поэтому полное право восхвалять его умѣренность» [2]).

Все, сдѣланное въ Адріанополѣ, было дѣйствительно безконечно великодушно, но спрашивается, оцѣнила ли Европа по достоинству умѣренность, проявленную императоромъ Николаемъ при заключеніи договора 2-го (14-го) сентября? На подобный вопросъ можно только отвѣтить отрицательно! Недруги наши были сначала лишь ошеломлены и поражены удивленіемъ и неожиданнымъ исходомъ борьбы нашей съ Портой, а затѣмъ дѣла пошли по-старому, и антагонизмъ западныхъ державъ, по отношенію къ Россіи, продолжалъ свою подпольную работу въ Константинополѣ, успѣшно подтачивая, гдѣ можно, плоды нашихъ недавнихъ побѣдъ.

Баронъ Оттенфельсъ, занимавшій постъ австрійскаго интернунція въ Константинополѣ, называлъ Адріанопольскій договоръ «самымъ жестокимъ, самымъ унизительнымъ изо всѣхъ когда-либо исторгнутыхъ побѣдителемъ у слабаго побѣжденнаго». По его мнѣнію, заключенный нами договоръ содержалъ въ себѣ тотъ смертельный ядъ, который рано или поздно долженъ привести къ распаденію Оттоманской имперіи. Адріанопольскимъ договоромъ Россія будто бы исключила Порту изъ числа независимыхъ державъ; въ немъ Россія найдетъ все, что захочетъ, и если гибель Порты входитъ въ ея разсчеты, то она обезпечила себѣ предлоги и средства къ ея осуществленію.

«L'ami Metternich» съ своей стороны громилъ своимъ перомъ Николая Павловича не менѣе внушительно и писалъ въ 1830 году: «императоръ посредствомъ денежной сдѣлки безъ существенныхъ жертвъ, окруживъ себя ореоломъ великодушія, доказалъ, что умѣетъ простирать далеко искусство пользоваться ложными положеніями».

---

[1]) По вѣрному замѣчанію Поццо-ди-Борго подобное обѣщаніе очень мало цѣнится въ началѣ дѣла, а при завершеніи его бываетъ крайне вреднымъ.

[2]) Prokesch-Osten: Geschichte des Abfalls der Griechen.—Wien 1867. B. 2. p. 384.

Съ русской стороны нападки на Адріанопольскій договоръ выразились главнымъ образомъ въ томъ, что не одобряли возвращенія Портѣ крѣпости Карса и сверхъ того пожалѣли, что трактатомъ не было выговорено присоединеніе Батума къ нашимъ владѣніямъ. Карсъ и Батумъ стоятъ нѣсколько милліоновъ контрибуціи, замѣтилъ императоръ Николай въ письмѣ къ графу Дибичу [1]).

Между тѣмъ главнокомандующій въ особой оправдательной запискѣ оспаривалъ значеніе для насъ Карса и Батума, относительно же послѣдняго пункта находилъ сверхъ того неудобнымъ требовать отъ Турціи уступки города, которому во время кампаніи даже не угрожали наши войска. Послѣдній доводъ поражаетъ своею наивностью, если посмотрѣть 2-ю и 4-ю статьи Адріанопольскаго договора, въ которомъ перечисленъ длинный рядъ сдѣланныхъ нами въ Европѣ и Азіи завоеваній, возвращаемыхъ Оттоманской Портѣ; казалось бы, что въ виду этого списка, требованіе уступки Батума не представляло бы ничего особеннаго, даже оставляя въ сторонѣ возможное уменьшеніе военной контрибуціи.

Графъ Паскевичъ смотрѣлъ на этотъ важный вопросъ территоріальнаго расширенія Россіи въ Закавказьи нѣсколько иначе и въ письмѣ къ графу Нессельроде сообщилъ о степени той важности, съ какою должны быть цѣнимы при заключеніи мира области, покоренныя оружіемъ нашимъ въ Азіатской Турціи. Онъ неоднократно особенно настаивалъ на удержанія нами Карсскаго пашалыка и написалъ вице-канцлеру пророческія слова: «Остается только надѣяться, что намъ не придется раскаяться о сдачѣ Карса и хребта Саганлугскихъ горъ, а уступка немаловажная». Къ сожалѣнію, пророчество Паскевича сбылось съ неотразимою вѣрностію, и намъ пришлось не разъ въ 1855 и 1877 годахъ памятовать объ ошибкѣ, учиненной графомъ Дибичемъ при заключеніи Адріанопольскаго мира.

Въ письмѣ къ вице-канцлеру графъ Дибичъ приводитъ въ свое оправданіе то обстоятельство, что записка Паскевича объ азіатскихъ границахъ, присланная графомъ Нессельроде въ Адріанополь, получена была въ главной квартирѣ два дня спустя, послѣ того какъ турецкимъ уполномоченнымъ врученъ былъ maximum нашихъ требованій!

---

[1]) Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 10-го (22-го) сентября 1829 года изъ Александріи.

XVI.

Напряженная дѣятельность, въ которой императоръ Николай провелъ весь 1829 годъ, дала себя подъ конецъ чувствовать; вечеромъ, 29-го октября (10-го ноября), государь почувствовалъ себя нездоровымъ. Сперва, при общей увѣренности въ крѣпкомъ сложеніи императора Николая, никто даже и во дворцѣ не предполагалъ, что болѣзнь его можетъ вызвать какія-либо опасенія; но на третій день она до такой степени усилилась, что врачи испугались и потребовали консультаціи. Это были: Крейтонъ, Раухъ и Арендтъ. Тогда и при дворѣ и въ городѣ всѣ перетревожились. Входъ въ комнату, гдѣ лежалъ государь, былъ всѣмъ воспрещенъ; толпились въ дворцовыхъ залахъ за извѣстіями о положеніи больнаго; разспрашивали докторовъ, камердинеровъ; опасеніе несчастія увеличивало въ глазахъ всѣхъ его возможность; всѣ трепетали при мысли о потерѣ монарха, столь необходимаго для блага и славы Имперіи. Невольно очевидцы кончины императора Александра Павловича припоминали недавніе еще печальные таганрогскіе дни. «Императрица,—пишетъ Бенкендорфъ,—съ ангельскою своею добротою, выходила по временамъ изъ комнатъ своего супруга, съ заплаканными глазами, сообщать намъ о немъ вѣсти или спросить, нѣтъ ли чего пересказать для развлеченія. Нервическая горячка въ нѣсколько дней совершенно ослабила государя и физически и морально. Врачи были въ большомъ безпокойствѣ и не таили его отъ меня [1]).

«Я видѣлся съ императрицею по нѣскольку разъ въ сутки и не могъ довольно надивиться ея неутомимости въ ухаживаніи за больнымъ, ни днемъ, ни ночью; не могъ также не удивляться точности ея разума и правильности сужденій въ дѣлахъ, съ которыми, въ эту болѣзнь государя, многіе приходили, чтобы узнавать ея о нихъ мнѣніе. Наконецъ, послѣ двѣнадцати томительныхъ дней, проведенныхъ между страхомъ и надеждою, и лучше всего доказавшихъ искреннюю общую привязанность къ государю, врачи объявили, что онъ начинаетъ выздоравливать, но что это выздоровленіе будетъ идти очень медленно, и больному легко можетъ сдѣлаться снова хуже при малѣйшемъ возбужде-

---

[1]) Князь Меншиковъ въ дневникѣ своемъ 7-го ноября 1829 года записалъ: „Государю вчера пускали кровь; рѣшительно горячка воспалительнаго свойства. Не дай Боже потерять его и Россіи оставить регентство".

Князь Меншиковъ пріѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ 24-го августа; но онъ еще не вполнѣ оправился отъ полученныхъ имъ подъ Варною ранъ. Государь разрѣшилъ ему для облегченія не носить шпаги, а кортикъ.

2-го сентября подписанъ былъ указъ о вступленіи князю Меншикову, по выздоровленіи, въ должность начальника морскаго штаба.

ніи, о чемъ мы и были предваряемы неоднократно передъ допускомъ къ нему.

«Первымъ удостоился этой чести князь А. Н. Голицынъ, на условіи не говорить ни слова о дѣлахъ. Вторымъ ввели въ спальню меня, и я былъ глубоко пораженъ найденною въ государѣ перемѣною. Кромѣ того, что онъ страшно исхудалъ, во всѣхъ чертахъ отражались страданія и слабость. Онъ спросилъ меня, что̀ новаго случилось въ его болѣзнь, и удовлетворяя его любопытство, я долженъ былъ однакожъ всемѣрно стараться не проронить ни одного слова, которое дало бы работать его головѣ или имѣло бы видъ какой-нибудь утайки отъ него. Разговоръ, въ такомъ родѣ продолжавшійся болѣе часа, былъ не легокъ, и подобныя бесѣды возобновлялись нѣсколько дней сряду, то утромъ, то вечеромъ, соображаясь съ приговоромъ врачей о большей или меньшей степени его слабости и раздражительности. Наконецъ, онъ сталъ видимо оправляться и, съ возвращеніемъ силъ, все болѣе и болѣе настаивать на поставленіе его въ полную извѣстность о дѣлахъ.

«Однимъ утромъ (15-го [27-го] ноября) былъ призванъ не видавшійся еще съ государемъ графъ П. А. Толстой. Несмотря на всѣ предупрежденія, этотъ гость, на вопросъ государя: нѣтъ ли чего новаго, отвѣчалъ ему въ невинности своей души: «Кажется ничего, ваше величество, развѣ извѣстіе о томъ, что англійскій фрегатъ вошелъ въ Севастопольскую гавань» [1]). Государь тотчасъ весь измѣнился въ лицѣ, началъ трястись отъ досады, бранить дерзость англичанъ, отважившихся вступить въ Черное море, и глупость турокъ, имъ то дозволившихъ, и велѣлъ немедленно позвать къ себѣ графа Нессельроде и князя Меншикова. Нельзя было ослушаться, и оба приглашенные явились, внѣ себя отъ неосторожности Толстаго, которая могла имѣть самыя вредныя послѣдствія для государева здоровья, а вмѣстѣ—и для нашихъ политическихъ сношеній. Государь принялъ ихъ въ страшномъ жару и приказалъ отправить линейный корабль и фрегатъ въ Босфоръ и потребовать объясненія отъ англійскаго кабинета, разославъ курьеровъ, съ депешами о семъ, непремѣнно въ тотъ же день.

«По выходѣ отъ государя, Нессельроде съ Меншиковымъ долго совѣщались о томъ, какимъ образомъ привести въ дѣйствіе такое строгое приказаніе и какіе оно можетъ имѣть результаты, и порѣшили тѣмъ, что невозможно отсрочить, а тѣмъ болѣе не исполнить высочайшей воли.

---

[1]) Это былъ фрегатъ „Blonde“, которому разрѣшено было пройти Дарданеллы, съ орудіями, хотя и маскированными, еще во время кампаніи 1829 г. Турки смотрѣли на него въ ту пору, какъ на предвѣстника англійскаго флота, который освободитъ Черное море отъ русскаго владычества. Осенью капитанъ этого фрегата (какъ увѣряли потомъ) вздумалъ совершить прогулку по Черному морю.

Къ счастію, извѣстіе объ отъѣздѣ обоихъ курьеровъ, съ нетерпѣніемъ ожидаемое государемъ, тотчасъ ослабило усилившуюся въ немъ лихорадку; къ счастію, благодаря умнымъ мѣрамъ графа Орлова, еще находившагося въ Константинополѣ, вступленіе судовъ нашихъ въ Босфоръ не оскорбило турокъ, а лондонскій кабинетъ удовлетворилъ насъ блестящимъ образомъ, сдѣлавъ выговоръ посланнику своему при Оттоманской Портѣ и отрѣшивъ отъ службы капитана несчастнаго фрегата. Такимъ образомъ, въ накладѣ одинъ лишь графъ Толстой, а самое дѣло, въ сущности, очень маловажное, но угрожавшее безконечною вознею съ Константинополемъ и Англіею, окончилось совершенно благополучно».

Вскорѣ здоровье императора Николая совсѣмъ возстановилось, и 10-го (22-го) декабря 1829 года государь могъ уже собственноручно написать графу Дибичу:

«Наконецъ, мой любезный другъ, благодаря Богу, я самъ могу отвѣчать вамъ на ваше письмо, которое получилъ вчера. Я почти совсѣмъ оправился отъ поразившаго меня сильнаго потрясенія, но милосердіе Божіе, на этотъ разъ сохранило меня женѣ и дѣтямъ; чувствую только слабость въ ногахъ, однако я могъ сегодня сѣсть верхомъ и, слѣдовательно, готовъ на службу».

Въ письмѣ къ графу Дибичу, отъ 25-го ноября (7-го декабря) 1829 года, генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ написалъ фельдмаршалу слѣдующія строки насчетъ событія, взволновавшаго тогда собою всю Россію:

«Вы поймете, дорогой и высокочтимый графъ, насколько мы должны были тревожиться здѣсь насчетъ здоровья императора. Зная, насколько разстояніе должно бы еще болѣе усиливать вашу тревогу по этому поводу, я каждый день просилъ Чернышева сообщать вамъ, насколько возможно чаще, извѣстія о ходѣ болѣзни. Теперь, слава Богу, нашъ несравненный государь чувствуетъ себя совершенно хорошо, и отъ болѣзни остались лишь слабость и худоба, служащія сильнѣйшимъ доказательствомъ опасности, которой мы подвергались. Эта мысль владѣла всѣми умами, и отъ нея волосы на головѣ становились дыбомъ. Сознавали весь ужасъ послѣдствій, которыя повлекла бы за собою потеря человѣка, котораго какъ самый злонамѣренный, такъ и самый равнодушный признаютъ необходимымъ, не только для нашего счастія, но и для нашего существованія. Впечатлѣніе, которое извѣстіе объ этой болѣзни произвело въ Москвѣ и провинціи, является прекраснѣйшимъ доказательствомъ привязанности, которую императоръ съумѣлъ внушить. Все было поглощено этимъ великимъ интересомъ; только говорили что объ императорѣ; быть можетъ, это испытаніе было необходимо, чтобы заставить императора понять истинное значеніе заботливости, съ которою онъ долженъ относиться къ своему здоровью, и послужить пово-

домъ къ вознагражденію его за его труды, которое лишь одна любовь можетъ давать государю» [1]).

Послѣ благополучнаго исхода этого тревожнаго эпизода, петербургская общественная жизнь вступила понемногу въ свою обычную колею.

«Я не припомню зимы въ Петербургѣ,—писалъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ графу Дибичу,—которая была бы болѣе наполнена балами, празднествами и удовольствіями. Благодаря вашимъ побѣдамъ и мудрымъ распоряженіямъ, приведшимъ къ нимъ, мы наслаждаемся здѣсь истинною радостію, въ цѣлой Европѣ — внушительнымъ положеніемъ, а внутри—спокойствіемъ и довѣріемъ къ правительству, которыя могутъ привести лишь къ хорошимъ результатамъ. Теперь мы свободны отъ какихъ бы то ни было помѣхъ, сильны болѣе, чѣмъ когда бы то ни было во мнѣніи всѣхъ народовъ; ничто не мѣшаетъ отдаться съ послѣдовательностью улучшеніямъ, новымъ реформамъ, которыхъ требуетъ Россія. Это будетъ прекраснымъ плодомъ четырехъ лѣтъ войны и напряженія, которыми началось царствованіе нашего повелителя. Онъ также не уступитъ передъ трудностями въ дѣлѣ администраціи, какъ не отступилъ передъ трудностями войны; онъ не встрѣтитъ въ этой области дѣятелей столь блестящихъ, столь быстрыхъ въ дѣйствіи, какъ «Забалканскіе» и «Эриванскіе», но разъ эти трудности побѣждены, онъ извлечетъ изъ нихъ славу, столь же блестящую и еще болѣе полезную для своихъ многочисленныхъ подданныхъ» [2]).

Дѣйствительно, все предвѣщало политическое затишье. Европа казалась до нѣкоторой степени успокоенною; всѣ дѣла наши съ Персіею и Портою были окончательно улажены; зависть западныхъ державъ, повидимому, какъ бы умолкла предъ умѣренностью и прямодушіемъ императора Николая; можно было думать, что милостивая судьба предоставляетъ, наконецъ, императору Николаю возможность посвятить себя, согласно своему сердечному влеченію, исключительно дѣламъ по улучшенію внутренняго положенія своей обширной Имперіи. Однако, случилось какъ разъ противное. Наступилъ 1830 годъ и вмѣсто успокоенія принесъ съ собою рядъ такихъ потрясающихъ событій, стеченіе которыхъ, одно вслѣдъ за другимъ, создало истинно смутное время для Европы и Россіи. Въ Парижѣ вспыхнула іюльская революція съ своими отраженіями въ другихъ европейскихъ государствахъ, затѣмъ начался польскій мятежъ и война Имперіи съ королевствомъ, созданнымъ Александромъ I, а въ довершеніе всѣхъ бѣдъ появился

[1]) Изъ письма генералъ-адъютанта Бенкендорфа къ графу Дибичу отъ 25-го ноября (7-го декабря) 1829 года. (Военно-Ученый Архивъ, Отд. 1, № 961).

[2]) Изъ письма генералъ-адъютанта Бенкендорфа къ Дибичу отъ 6-го (18-го) октября 1829 года. (Военно-Ученый Архивъ, Отд. 1, № 961).

неизвѣстный доселѣ зловѣщій гость—холера; она посѣтила Москву, а затѣмъ и Петербургъ, вызывая повсюду народныя волненія, а въ заключеніе кровавый бунтъ въ военныхъ поселеніяхъ. Подъ давленіемъ всѣхъ перечисленныхъ тягостныхъ событій и вызванныхъ имъ тягостныхъ послѣдствій, всѣ «améliorations» и «reviréments nouveaux», о которыхъ возвѣщалъ шефъ жандармовъ, отступили на задній планъ. Неутомимая сила событій толкнула правительство совсѣмъ въ другую сторону; нужно было прежде всего возстановить попранный мятежемъ порядокъ и спасти Имперію отъ угрожавшаго ей отторженія западныхъ ея окраинъ. Первую роль въ разыгравшейся тогда кровавой драмѣ снова пришлось играть тѣмъ «Забалканскимъ» и «Эриванскимъ», на которыхъ ссылался въ своемъ письмѣ Бенкендорфъ.

XVII.

Въ началѣ 1830 года въ Петербургъ прибылъ чрезвычайный посолъ султана Галиль-паша въ сопровожденіи Неджиба-Сулеймана-эфенди. Цѣль турецкаго посольства, во главѣ котораго стоялъ одинъ изъ любимцевъ Махмуда, заключалась въ томъ, чтобы придти къ соглашенію относительно подробностей уплаты вознагражденія за военныя издержки; но вмѣстѣ съ тѣмъ Порта имѣла въ виду и скрытую цѣль: просить государя о смягченіи условій Адріанопольскаго договора. Въ сокращенной инструкціи Рейсъ- ефенди (Pertew), данной Галилю-пашѣ, ему поручалось представить русскому двору о неудобоисполнимости всѣхъ условій заключеннаго мира и ходатайствовать о пересмотрѣ трактата.

Галиль-паша прибылъ въ Одессу еще осенью 1829 года; внезапная болѣзнь государя задержала здѣсь посольство, въ ожиданіи разрѣшенія дальнѣйшаго путешествія.

Между тѣмъ генералъ-адъютантъ графъ А. Ѳ. Орловъ, посланный въ Константинополь послѣ ратификаціи Адріанопольскаго договора, давно уже съ успѣхомъ дѣйствовалъ въ турецкой столицѣ, снискавъ особенное расположеніе къ себѣ султана [1]).—Наконецъ, 25-го января (6-го февраля) 1830 года Галиль-паша въ свою очередь появился въ Петербургѣ и 28-го января (9-го февраля) принятъ былъ императоромъ Николаемъ въ торжественной аудіенціи въ Георгіевской тронной залѣ Зимняго дворца, въ присутствіи всего двора.

Послѣ торжественной аудіенціи государь удостоилъ еще Галиля и Неджиба частной аудіенціи, которая длилась полтора часа. Въ продол-

---

[1]) Военно-Ученый Архивъ. Отд. 2 № 2895 (б).

жительномъ дружескомъ разговорѣ императоръ Николай ознакомилъ ихъ съ своими взглядами на политическое положеніе дѣлъ, созданное на Востокѣ Адріанопольскимъ миромъ. Чтобы подтвердить въ турецкой памяти все сказанное, государь приказалъ Фонтону, служившему ему переводчикомъ, тотчасъ же составить очеркъ этой достопамятной бесѣды и сообщить Галилю-пашѣ.

Составленный тогда: «prècis de l'entretien particulier» заключался въ слѣдующемъ:

«По окончаніи сегодняшней аудіенціи его величество императоръ, соизволивъ удостоить частнымъ разговоромъ оттоманскихъ пословъ, началъ съ того, что выразилъ свое удовольствіе по поводу увѣреній, лично высказанныхъ султаномъ генералъ-адъютанту графу Орлову, о твердомъ намѣреніи своемъ въ точности выполнить обязательства, принятыя по Адріанопольскому договору; что онъ не менѣе остался доволенъ завѣреніями, только-что сдѣланными самими послами именемъ и по порученію султана, но что нѣкоторыя инструкціи, которыя, какъ извѣстно его величеству, были даны имъ Рейсъ-эфенди,—о чемъ этотъ министръ конфиденціально сообщилъ графу Орлову,—ему крайне не понравились, потому что онѣ шли совершенно въ разрѣзъ съ чувствами, проявленными султаномъ; что даже нѣкоторыя мѣста изъ частнаго письма султана, съ которыми его величество только-что ознакомился, повидимому, не вполнѣ отвѣчаютъ этимъ чувствамъ; что тѣмъ не менѣе, будучи убѣжденъ, что когда дѣло происходитъ между государями, и разъ уже протянули другъ другу руки и обязались своимъ словомъ, то это обязательство становится священнымъ и ненарушимымъ, онъ нисколько не колеблется придать полную и безусловную вѣру искренности истинныхъ намѣреній султана, отвѣчающихъ его собственнымъ; что, убѣжденный въ этомъ, онъ поставляетъ себѣ въ удовольствіе объявить все, что могло бы быть пріятно султану, но лишь бы только Адріанопольскій договоръ продолжалъ служить основаніемъ будущихъ отношеній между обоими государствами, и чтобы ни въ какомъ случаѣ не было произведено посягательствъ на неприкосновенность и дѣйствительность этой сдѣлки, но что при этомъ онъ ставитъ одно предварительное и непремѣнное условіе, а именно, что инструкціи Рейсъ-эфенди будутъ признаны недѣйствительными и какъ бы несуществующими, и что о нихъ не будетъ болѣе и рѣчи.

«Оттоманскіе послы поспѣшили возразить, что въ намѣренія султана, ихъ повелителя, отнюдь не входило оказать хоть малѣйшее посягательство на дѣйствительность Адріанопольскаго договора, что этотъ актъ, торжественно признанный и ратифицированный имъ, былъ и долженъ остаться обязательнымъ; что преисполненный довѣрія къ справедливости и умѣренности его императорскаго величества, султанъ далъ имъ спеціальное порученіе къ императору исключительно лишь для того, чтобы во имя

великодушной дружбы исходатайствовать у него нѣкоторыя льготы, нѣкоторыя измѣненія, в н ѣ д о г о в о р а; что, въ виду этого, только сообразуясь съ приказаніями и намѣреніями его императорскаго величества, они могли бы приступить къ изложенію ходатайствъ, которыя имъ предписано представить ему.

«Мнѣ пріятно слышать эти рѣчи,—возразилъ императоръ,—и я не могъ бы слышать чего-либо другаго. Разсматриваемое съ этой точки зрѣнія, порученіе, данное этимъ господамъ, крайне пріятно для меня; я съ особеннымъ удовольствіемъ готовъ дать султану доказательства моей искренней дружбы и моего желанія быть пріятнымъ ему. Я прошу немного терпѣнія, такъ какъ намѣренъ изложить историческій ходъ моего образа дѣйствій съ самаго начала, чтобы доказать, насколько мое отношеніе къ Оттоманской имперіи было неизмѣнно одно и то же. Какъ только началось мое царствованіе, тѣ, которые величаютъ себя друзьями Порты и которые доказали, что они за друзья, выставили меня какъ государя честолюбиваго, какъ подражателя Наполеона, мечтающаго только о побѣдахъ и захватахъ. Дѣло однако въ томъ, что, вступая на престолъ, я взошелъ на него со славнымъ наслѣдствомъ, состоявшимъ изъ благородныхъ и великодушныхъ принциповъ, неизмѣнно руководившихъ политикою покойнаго императора Александра, терпѣніе и кротость котораго,—надо признаться въ этомъ,—были подвергнуты чрезмѣрному испытанію вслѣдствіе дурныхъ поступковъ Порты. Въ моментъ моего воцаренія я былъ слишкомъ исключительно поглощенъ внутренними дѣлами Имперіи, чтобы имѣть возможность посвящать свои заботы интересамъ внѣшней политики. Но, нѣсколько времени спустя, осложненія на Востокѣ привлекли мое исключительное вниманіе. Я желалъ предотвратить несчастія, которыя, какъ я предвидѣлъ, должны были явиться слѣдствіемъ этого, и начались Аккерманскіе переговоры. Результатомъ ихъ явилась конвенція, приличнымъ образомъ рѣшившая всѣ спорные вопросы и подавшая намъ надежду, что миръ и спокойствіе упрочатся. Эта надежда не просуществовала долго. Вскорѣ, вслѣдствіе прискорбнаго заблужденія, Порта сама порвала всѣ узы, связывавшія ее съ Россіей. Слишкомъ пресловутый фирманъ, широко распространенный, открыто указывалъ на насъ, какъ на неумолимыхъ враговъ Оттоманской имперіи. Я былъ вынужденъ прибѣгнуть къ оружію; но, подчиняясь необходимости войны, я въ то же время рѣшилъ испытать всѣ средства, чтобы воспрепятствовать ей сдѣлаться продолжительной. Я лично отправился по ту сторону Дуная во главѣ корпуса, численный составъ котораго самъ-по-себѣ доказывалъ, что онъ не предназначался для завоеванія Турціи. Вступая такимъ образомъ во владѣнія султана, я льстилъ себя мыслью, что найду случай вступить съ нимъ въ непосредственныя сношенія, чтобы выяснить ему положеніе его, убѣдить его

въ моемъ расположеніи и тѣмъ покончить нашу распрю. Въ этихъ-то видахъ я и объяснялся откровенно сначала съ Гассанъ-пашою и Эюбъ-пашою исакчинскими, затѣмъ съ Джаферъ-пашою мачинскимъ, а еще позднѣе, въ Варнѣ съ Наштанъ-пашою и Юсуфъ-пашою. Всѣ эти попытки оказались безплодными. Не позднѣе еще, какъ въ концѣ 1828 года, когда, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, явился поводъ думать, что въ Константинополѣ желаютъ вступить въ переговоры, я не колебался позволить послать туда парламентера, который, по прибытіи, былъ почти позорно отосланъ обратно. Началась кампанія 1829 года, и ея первыя событія позволили мнѣ судить о бѣдствіяхъ, которыя явятся ея слѣдствіемъ для Оттоманской имперіи. Я пожелалъ сдѣлать послѣднее усиліе, чтобы предовратить ихъ. Находясь въ Варшавѣ, я проѣхалъ до Берлина и побудилъ его величество короля прусскаго, моего тестя, послать въ Константинополь генерала Мюффлинга, чтобы попытаться вразумить султана и заставить его оцѣнить мои истинныя намѣренія. Тѣмъ временемъ, наши войска вступили въ Адріанополь, и слѣдствіемъ сего явился миръ.

«Теперь я спрашиваю, съ какой стороны находятся друзья, и съ какой—враги? Кто пытался спасти Порту отъ грозившей ей опасности? Тѣ ли, которые вѣроломными совѣтами, гнусными наущеніями старались поощрять ее къ сопротивленію, или же тѣ, которые миролюбивымъ образомъ дѣйствій и благоразумными увѣщаніями не переставали стремиться къ тому, чтобы предотвратить опасность?

«Такимъ образомъ среди самой войны, я поставилъ себѣ задачею доказать, что я не былъ, какъ пытались меня выставить, неумолимымъ врагомъ Оттоманской имперіи, съ остервенѣніемъ думавшимъ о ея разрушеніи. Повсюду, гдѣ были мои войска, мы никогда не пытались возмущать населеніе противъ султана. Нигдѣ недовольные янычары не могли замѣтить ни поддержки, ни поощренія. Даже христіанъ, нашихъ единовѣрцевъ, мы не переставали убѣждать оставаться спокойными и покорными. Султанъ можетъ быть увѣренъ, что всюду, гдѣ еще мои войска временно остаются, его власть останется неприкосновенной. Пусть же султанъ убѣдиться, что его друзья находятся въ Петербургѣ, а ни гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, и что одинъ изъ этихъ друзей и самый вѣрный это—я. Не нужно, чтобы между нами находился кто-либо: будь то Англія, Австрія, Франція или даже Рейсъ-эфенди. Да сохранитъ насъ Богъ отъ новой войны, но если иностранцы будутъ мѣшаться въ наши дѣла, они въ концѣ-концовъ снова поссорятъ насъ. Итакъ, я не желаю имѣть посредника между султаномъ и мною, и даже ни Рейсъ-эфенди съ своими инструкціями».

«Когда его величество кончилъ свою рѣчь, оттоманскіе послы снова повторили прежнія увѣренія относительно намѣреній султана. Они под-

твердили, что именно въ видахъ воздать блестящую дань чувствамъ императора, всю искренность которыхъ ихъ повелитель признаетъ въ настоящее время, и чтобы высказать высокое довѣріе, которое они внушаютъ ему, султану и было угодно поручить имъ, его посланнымъ, выразить его мысль во всемъ объемѣ. Они прибавили, что имъ не остается ничего другаго, какъ умолять его императорское величество дать полную свободу великодушнымъ порывамъ своей души и что, въ воздаяніе своихъ благодѣяній, онъ соберетъ всеобщія молитвы и благодарность.

«Однимъ словомъ,—продолжалъ императоръ,—я хочу быть другомъ султана и сдѣлаю для него все, что возможно. Онъ предпринялъ важныя реформы и преобразованія въ своемъ государствѣ. Чтобы окончить и упрочить свое твореніе, ему необходимы время и спокойствіе, тогда какъ, въ случаѣ новаго разрыва, если бы, по несчастью, онъ снова произошелъ между нами, все было бы ниспровергнуто и сопровождалось бы для Турціи самыми пагубными послѣдствіями. Пусть же султанъ предохранитъ себя отъ этого несчастья, пусть онъ предохранитъ отъ него меня самого. Онъ можетъ разсчитывать на меня. Я хочу, чтобы Оттоманская имперія была сильна и спокойна. Но нужно также принять во вниманіе, что каждый государь имѣетъ обязанности въ отношеніи своей страны. У меня есть свои обязанности, которыя я долженъ выполнить, и поэтому я не могу отказаться отъ всѣхъ выгодъ, постановленныхъ Адріанопольскимъ трактатомъ послѣ столькихъ потерь и жертвъ».

«Императоръ положилъ конецъ этому свиданію, обратившись къ турецкимъ посланнымъ со словами, пріятными лично для нихъ, и милостиво отпустилъ ихъ, извиняясь за то, что такъ долго задержалъ ихъ».

Вечеромъ того же дня (28-го января) состоялся балъ въ Бѣлой залѣ,—какъ пишетъ графъ Чернышевъ,—«самый многолюдный и самый красивый изъ всѣхъ, которые давались когда-либо; по собственному признанію турокъ, имъ казалось, что они перенесены въ область тысячи и одной ночи» [1]).

Въ 1830 году турецкіе посланные впервые явились въ Петербургѣ не въ традиціонномъ національномъ костюмѣ, но въ формѣ, придуманной султаномъ, имѣя на головѣ феску, вмѣсто азіатской чалмы. Галиль-паша объѣздилъ всѣ общественныя заведенія въ столицѣ, присутствовалъ ежедневно при разводѣ, а также при возвращеніи въ столицу изъ похода различныхъ полковъ гвардіи, посѣщалъ театры, а также собранія частныхъ лицъ. Вообще онъ остался чрезвычайно доволенъ оказаннымъ ему пріемомъ и тронутъ былъ, въ особенности, милостями госу-

---

[1]) Письмо графа Чернышева къ графу Дибичу отъ 1-го (13-го) февраля 1830 года.

даря, который, вручивъ ему богатые дары для султана, надѣлилъ какъ пашу, такъ и свиту его щедрыми подарками.

Послѣ категорическихъ объясненій, сдѣланныхъ императоромъ Николаемъ въ день первой же аудіенціи, турки отказались отъ всякой мысли возможнаго пересмотра Адріанопольскаго договора. Но Галиль-паша получилъ другія доказательства благосклоннаго расположенія государя къ побѣжденной Турціи. 14-го (26-го) апрѣля 1830 года въ Петербургѣ заключена была конвенція, по которой императоръ Николай уменьшилъ военную контрибуцію на два милліона червонцевъ и остальную сумму въ восемь милліоновъ червонцевъ разрѣшилъ выплачивать ежегодными взносами по одному милліону каждый. Сверхъ сего императоръ Николай добровольно отказался отъ выговореннаго въ Адріанополѣ десятилѣтняго права оккупаціи придунайскихъ княжествъ русскими войсками, обѣщая вывести ихъ тотчасъ послѣ уплаты Портою вознагражденія за убытки русскихъ подданныхъ. До окончательной же расплаты контрибуціи, Россія удерживала за собою только одну Силистрійскую крѣпость, съ правомъ пользоваться проложенною черезъ княжества военною дорогою и Дунаемъ [1]). Но этимъ не исчерпалось великодушное отношеніе императора Николая къ своему недавнему врагу: государь обѣщалъ уступить еще одинъ милліонъ червонцевъ, если Порта признаетъ постановленія Лондонской конференціи, то-есть полную независимость Греціи. Объ этомъ сообщено было Галилю-пашѣ особой нотой.

Въ это время распространился слухъ, что будто султанъ Махмудъ, встрѣтивъ въ своихъ преобразованіяхъ противодѣйствіе со стороны высшаго магометанскаго духовенства и всѣхъ сторонниковъ старины, помышлялъ будто-бы о принятіи христіанства и объ объявленіи христіанской вѣры господствующимъ исповѣданіемъ въ имперіи! Какъ все это ни казалось сказочнымъ, но въ то время подобному слуху придавали повидимому вѣру. Во время прощальной аудіенціи Галиля-паши императоръ Николай призналъ возможнымъ затронуть въ разговорѣ этотъ замысловатый вопросъ.

Галиль-паша откланивался императору въ присутствіи директора азіатскаго департамента Родофиникина и старшаго драгомана министерства иностранныхъ дѣлъ Фонтона. Принявъ изъ рукъ его величества письмо къ султану, Галиль-паша спросилъ государя, не имѣетъ ли онъ возложить на него какого-либо словеснаго порученія, которое не можетъ

---

[1]) Во время переговоровъ въ Петербургѣ, была сдѣлала попытка относительно замѣны части денежной контрибуціи новыми территоріальными уступками въ Азіи, но турки благоразумно уклонились отъ подобной сдѣлки; то, что не было додѣлано въ Адріанополѣ, нельзя было дополнить новыми поправками.

быть довѣрено бумагѣ, обязуясь въ точности исполнить полученныя приказанія. Подумавъ немного, императоръ Николай сказалъ:

— Да, есть такія вещи, писать о которыхъ нельзя. Величайшее доказательство дружбы моей къ вашему повелителю было бы именно подобный совѣтъ въ этомъ родѣ, но я сомнѣваюсь въ возможности для васъ передать его.

Галиль-паша поклонился, и государь продолжалъ:

— Если такъ, то будемъ вполнѣ откровенны. Я поручаю вамъ сдѣлать словесное сообщеніе, впрочемъ, условное. Вы передадите его другу моему султану, лишь при удобномъ случаѣ, если вамъ представится возможнымъ повторить мои слова его величеству, не рискуя навлечь на себя неудовольствіе его. Я нахожу, что лучшее средство для монарха утвердить свое государство, престолъ, династію, состоитъ въ томъ, чтобъ исповѣдывать религію великаго большинства своихъ подданныхъ.

Галиль-паша видимо смущенный безмолвствовалъ.

— Можете ли вы передать эти слова султану? — спросилъ его государь.

— Ваше величество,—возразилъ Галиль,—соблаговолите дать мнѣ условное приказаніе. Быть можетъ, когда-нибудь и представится случай повторить дословно моему государю эти слова, которыя запечатлѣются въ моей памяти, какъ самое очевидное доказательство благоволенія вашего величества къ моему отечеству и дружбы къ моему повелителю [1]).

Мы не располагаемъ никакими данными, по которымъ можно было бы судить, дошло ли до султана содержаніе приведеннаго разговора и какимъ образомъ повелитель правовѣрныхъ отнесся къ преподанному совѣту. Но замѣчательно, что въ 1832 году императоръ Николай вторично остановился на этомъ вопросѣ, высказавъ генералу Муравьеву, при отправленіи его на Востокъ, что есть основаніе предполагать въ султанѣ склонность къ принятію, въ случаѣ крайности, христіанской вѣры.

Во время пребыванія при русскомъ дворѣ Галиль-паша встрѣтился съ своимъ константинопольскимъ знакомымъ, прусскимъ генераломъ Мюффлингомъ, который въ исходѣ 1829 года прибылъ въ Россію, сопровождая въ Петербургъ младшаго брата императрицы Александры Ѳеодоровны, принца Альбрехта. Императоръ Николай не разъ бесѣдовалъ съ прусскимъ генераломъ о восточныхъ дѣлахъ; одна изъ такихъ бесѣдъ произвела на него особенно сильное впечатлѣніе. Приведемъ здѣсь относящійся къ ней отрывокъ изъ записокъ генерала Мюффлинга [2]):

---

[1]) L'Empire Ottoman 1839—1877.—L'Angleterre et la Russie dans la question d'Orient, par un ancien diplomate.—Paris 1877. p. p. 52—54.

[2]) Freiherr von Müffling: Aus meinem Leben.—Berlin 1855. p. 335.

«Императоръ сказалъ, что, со времени паденія янычаръ, Оттоманское государство утратило завоевательный характеръ. Онъ хвалилъ характеръ мусульманъ, ихъ любовь къ правдѣ, вѣрность, съ которою они держатъ данныя обѣщанія, и отсюда приходилъ къ заключенію, что онъ не можетъ и желать себѣ лучшихъ сосѣдей, поэтому онъ сдѣлаетъ все, что можетъ, чтобы поддержать ихъ неприкосновенность и, насколько только возможно, предохранить ихъ отъ внутреннихъ распрей и внѣшнихъ нападеній. Если въ Европѣ иногда высказываютъ опасеніе, что будто бы онъ, поддаваясь любви къ войнамъ или ложному честолюбію, способенъ выступить противъ Порты въ качествѣ завоевателя, то это доказываетъ не только полное незнакомство съ направленіемъ его ума, но обусловливаетъ также предположеніе, что онъ мало вдумался и въ свое собственное положеніе и въ положеніе своего государства. Пространство подвластныхъ его скипетру земель, равно какъ ихъ населеніе могутъ съ избыткомъ занять одну человѣческую жизнь; съ его стороны было бы безразсудствомъ стремиться къ завоеваніямъ; отъ Бога преднадчертанный ему путь заключается въ способствованіи благоденствію его подданныхъ, а для этого нужно прежде всего оберечь его отъ легкомысленныхъ войнъ. Подобной цѣли можно достигнуть путемъ вѣрнаго выполненія обязательствъ, принятыхъ по отношенію къ другимъ государствамъ, и послѣдовательнаго воздержанія отъ вмѣшательства въ область чужихъ правъ. Это составляетъ стремленіе его жизни, и онъ молитъ Бога ниспослать ему необходимыя къ тому здоровье и силы».

«Мысли, высказанныя императоромъ»,—продолжаетъ Мюффлингъ,—«привели меня въ трудно поддающееся описанію волненіе. Они были выражены такъ просто и вмѣстѣ съ тѣмъ съ такою теплотою, что не могло явиться и мысли о чемъ-либо искусственномъ или преднамѣренномъ. Благородное сердце, богато одаренная душа, свѣтлый умъ проявились съ правдивостью при важномъ, хотя и самомъ случайномъ поводѣ.—Я тотчасъ же записалъ этотъ навсегда памятный для меня разговоръ, и въ теченіе моего почти пятимѣсячнаго пребыванія въ Петербургѣ, я не нашелъ въ дѣйствіяхъ и поступкахъ императора ничего такого, что̀ не стояло бы въ полнѣйшемъ соотвѣтствіи со словами этого разговора».

Н. Шильдеръ.

Иноземное преданіе объ императорѣ Александрѣ I.

Исторія императора Александра I еще не написана и, по многимъ причинамъ, написана быть не можетъ. Въ настоящее время собранъ уже достаточный матерьялъ, но изданъ онъ въ сыромъ, не обработанномъ видѣ: историческіе документы (манифесты, указы, ордера, письма) не очищены критикой и сообщенія современниковъ (мемуары, записки, воспоминанія, дневники) не провѣрены точно установленными фактами. Самые факты историческіе не изслѣдованы еще въ ихъ причинной связи; даже даты событій общеизвѣстныхъ возбуждаютъ нерѣдко сомнѣнія и утверждаются по случайнымъ взглядамъ. Объ устныхъ же преданіяхъ и говорить нечего, а, вѣдь, и съ ними надо считаться.

Относительно императора Александра I извѣстны два такія преданія: одно, чисто русское—явленіе Ѳедора Кузьмича—принято всецѣло на вѣру и даже введено въ новѣйшіе историческіе разсказы; другое, болѣе иностранное, чѣмъ русское—склонность Александра I къ католичеству—отрицается также всецѣло и также на вѣру, безъ указанія какихъ-либо доводовъ.

На-дняхъ, въ концѣ февраля, иноземное преданіе подробно было изложено о. Пирлингомъ въ довольно распространенномъ парижскомъ журналѣ [1]); оно отнесено авторомъ къ числу «историческихъ загадокъ» и обозначено вопросомъ: «Католикомъ-ли умеръ императоръ Александръ?». Сущность этого преданія изложена г. Пирлингомъ въ слѣдующей формѣ:

«Въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни императоръ Александръ I почувствовалъ вожделѣніе принять католическую вѣру, о чемъ и извѣстилъ

[1]) Le Correspondant, № 922, 25 Février 1901, p. 796: Problèmes historiques. L' Empereur Alexandre I est-il mort catholique? Par P. Pierling.

папу Льва XII, чтобъ условиться съ нимъ относительно надежнѣйшихъ способовъ къ осуществленію этого желанія. Смерть императора пресѣкла эти переговоры. Прежде всего, необходимо заявить, что, насколько извѣстно, ни Александръ I, ни Левъ XII не оставили ни одного письменнаго документа по этому поводу, но оба они, императоръ и папа, сдѣлали сообщенія, дошедшія до насъ различными путями, при извѣстномъ обезпеченіи ихъ достовѣрности. Преданія Турина, Рима, Петербурга взаимно дополняютъ и провѣряютъ другъ друга. Это не анонимныя преданія неизвѣстнаго происхожденія, нѣтъ—они исходятъ отъ свидѣтелей авторитетныхъ, показанія которыхъ не допускаютъ ни малѣйшаго подозрѣнія. Передъ нами, такимъ образомъ, историческое воспоминаніе, тщательно воспринятое современниками и заслуживающее быть сохраненнымъ.

«Со стороны императора Александра I, главнымъ свидѣтелемъ является генералъ-адъютантъ графъ Мишо де-Боретуръ [1]), этотъ савояръ въ русской службѣ, типъ честнаго христолюбиваго воина, этотъ Жозефъ де-Местръ въ каскѣ. Онъ былъ связанъ особыми узами съ императоромъ Александромъ I. Будучи еще простымъ полковникомъ, онъ былъ посланъ фельдмаршаломъ Кутузовымъ, въ 1812 г., къ императору съ извѣщеніемъ объ оставленіи русскими войсками Москвы. Мишо исполнилъ это порученіе какъ офицеръ, одаренный умомъ и сердцемъ. Сообщивъ императору печальную вѣсть, Мишо прибавилъ: «Государь, армія страшится только одного.—Чего?—Она опасается, чтобъ чувство человѣколюбія не понудило ваше величество заключить миръ: армія жаждетъ только упорной войны». Наэлектризованный этимъ рвеніемъ, Александръ произнесъ слѣдующія знаменательныя слова: «Онъ или я, я или онъ, но мы не можемъ царствовать одновременно. Если потребуется, я отступлю въ Сибирь, отпущу бороду, буду питаться картофелемъ наравнѣ съ крестьянами, но просить мира... никогда!—Государь, вы подписали этимъ спасеніе Европы и славу вашего народа».

«Подобный разговоръ не забывается. Мишо остался навсегда въ милости у императора Александра I. Какъ итальянецъ и католикъ, Мишо являлся человѣкомъ какъ-бы предопредѣленнымъ для отправки съ секретною миссіею къ папѣ. И, дѣйствительно, передъ отъѣздомъ въ Таганрогъ, императоръ послалъ его въ Римъ, и Италинскій, русскій министръ тогда въ Римѣ, принялъ обычныя мѣры для полученія генераломъ Мишо аудіенціи у папы Льва XII. Все это внѣ всякаго сомнѣнія. Сохраняемыя въ Ватиканскомъ архивѣ, хотя еще и недоступ-

[1]) Александръ Францовичъ, 1771—1841. Michaud получилъ въ 1814 г. титулъ comte de Beauretour по случаю своего возвращенія (retour) въ Сардинію, которое дѣйствительно было прекраснымъ (beau), такъ какъ онъ привезъ королю Виктору Эммануилу извѣстіе о возстановленіи его правъ.

ныя публикѣ, оффиціальныя бумаги служатъ неложнымъ тому свидѣтельствомъ.

«Въ чемъ же заключалась эта секретная миссія къ папѣ? Канцелярскія бумаги ничего не говорятъ объ этомъ; но самъ Мишо, проѣздомъ чрезъ Туринъ, повѣрилъ свой секретъ одной знатной дамѣ и одному вѣрному другу. Оба эти лица изложили признанія Мишо на бумагѣ.

«Знатная дама, тогда еще молодая дѣвица, была Констанція де-Местръ, позже герцогиня де-Лаваль-Монморанси [1]). Мишо перенесъ на нее то уваженіе, которое питалъ къ ея знаменитому отцу. На чужбинѣ, въ Россіи, солдатъ и дипломатъ завязали тѣсную дружбу, никогда не прекращавшуюся. Подъ гнетомъ сильнаго волненія, причиненнаго смертью Александра I, видя свои мечтанія разсѣявшимися, какъ дымъ, генералъ открылся дочери своего стараго друга и повѣрилъ ей свои обольщенія и печали. Его слова глубоко врѣзались въ память Констанціи, наслѣдницы симпатій отца къ Россіи, и, болѣе 50-ти лѣтъ спустя, герцогиня де-Монморанси, уже на склонѣ лѣтъ, но еще полная умственныхъ силъ, такъ передавала сказанное ей генераломъ Мишо: «Генералъ имѣлъ порученіе принести папѣ свидѣтельство полнаго подчиненія императора его духовной власти. Допущенный къ аудіенціи, генералъ сталъ на колѣни передъ Львомъ XII и именемъ императора Александра I призналъ его главою церкви».

«Кратко и внушительно. По моимъ усиленнымъ просьбамъ, герцогиня дозволила записать эти слова на отдѣльномъ листѣ бумаги, и я свято храню, въ числѣ своихъ бумагъ, замѣтку, писанную, подъ ея диктовку, баронессой де-Риччи [2]) и подписанную собственною рукою герцогини де-Монморанси.

«Съ графомъ Лескарень [3]), будущимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Карла-Альберта, короля сардинскаго, Мишо былъ еще болѣе откровененъ. Оба они были одинаковыхъ политическихъ убѣжденій и были равно ненавидимы партіею новаторовъ. Лескарень долго хранилъ секретъ, довѣренный ему его другомъ, но, въ 1841 году, онъ при-

---

[1]) M-me la duchesse de Laval-Montmorency, née Constance de Maistre, младшая дочь графа Жозефа де-Местра, 1754—1821, бывшаго сардинскимъ посланникомъ въ Петербургѣ съ 1803 по 1817 г.; она родилась по отъѣздѣ отца изъ Сардиніи, росла вдали отъ него, и отецъ писалъ изъ Петербурга прелестныя письма своей „невидѣнной“ дочери.

[2]) M-me la baronne de Ricci, née Fassati; ея мать, la marquise de Fassati, дочь Родольфа де-Местра, внучка упомянутаго выше графа Жозефа де-Местра.

[3]) Comte de L'Escarène, вѣрнѣе l'Escarenne, консерваторъ, преслѣдуемый либералами.

зналъ возможнымъ разрѣшить себя отъ тайны, по крайней мѣрѣ относительно короля, и составилъ для Карла-Альберта небольшую записку, которая была напечатана въ 1876 г. въ журналѣ Civiltà Cattolica. Въ этой запискѣ много любопытныхъ подробностей.

«Императоръ Александръ I мечталъ сперва, казалось, лично отправиться въ Римъ, изъ Вероны, гдѣ онъ присутствовалъ на конгрессѣ [1]), но вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна отклонила его отъ этой поѣздки—она предвидѣла свиданіе съ папой и подозрѣвала католическія тенденціи своего сына. Изъ снисхожденія къ матери, которой онъ всегда выказывалъ крайнее почтеніе, Александръ пожертвовалъ своимъ проектомъ, но позже вознаградилъ себя отправкою въ Римъ генерала Мишо, и устныя инструкціи, данныя ему императоромъ, должны были быть особенно важны, такъ какъ Александръ I закончилъ ихъ слѣдующими словами: «Ну, если нужно, я буду мученикомъ».

«Мишо выполнилъ свою миссію лишь во время второй аудіенціи. Первая была дана итальянцу-католику, вторая — генералъ-адъютанту русскаго императора. На этой-то второй аудіенціи, Мишо, снявъ саблю и преклонивъ колѣни, сообщилъ папѣ Льву XII сущность своей миссіи. Онъ объявилъ ему твердую рѣшимость Александра I отречься лично отъ православія, привести къ единенію съ римскою церковью всѣ народы, подчиненные россійскому владычеству, и, въ заключеніе, просилъ прислать въ Петербургъ богослова, снабженнаго полною мочью. Этотъ римскій посланецъ не долженъ былъ быть духовный сановникъ высокаго ранга, но скорѣе простой священникъ, который былъ бы незамѣтенъ. Онъ пріѣхалъ бы, какъ путешественникъ, остановился бы въ монастырѣ доминиканцевъ и съ нимъ было бы условлено о веденіи этого дѣла. Папа принялъ императорскія предложенія и уже были сдѣланы нѣкоторые шаги въ этомъ направленіи, прерванные, увы! слишкомъ рано.

«Таково преданіе Турина. Оно завѣщано, прежде всего, самимъ генералъ-адъютантомъ Мишо и, затѣмъ, герцогиней де-Лаваль Монморанси и, наконецъ, графомъ де-Лескарень. Можно ли требовать свидѣтелей болѣе вѣрныхъ и болѣе сочувствовавшихъ Александру?

«Вотъ, теперь, преданіе римское, вполнѣ согласное съ преданіемъ туринскимъ, лишь болѣе богатое мѣстными подробностями, и дошедшее къ намъ прямо отъ папы Льва XII, при посредствѣ папы Григорія XVI и его наперсника Гаетано Морони. Прекрасный, достойнѣйшій человѣкъ этотъ папскій слуга Морони! Какъ сейчасъ вижу его, за письмен-

---

[1]) Веронскій конгрессъ засѣдалъ въ 1822 г., съ 8-го октября по 2-е декабря.

нымъ столомъ, окруженнаго томами своего Словаря [1]), на которые онъ такъ любовно поглядываетъ, какъ на дорогихъ ему дѣтей. Въ 1880 г., когда я посѣтилъ его, онъ былъ уже почтеннымъ, убѣленнымъ сѣдинами, старцемъ, съ выразительнымъ, подвижнымъ лицомъ; его движенія были все еще красивы, его краснорѣчіе неисчерпаемо. Морони не могъ сообщить мнѣ ничего новаго объ Александрѣ I; все, что онъ зналъ по этому поводу, онъ напечаталъ въ своемъ Словарѣ, но онъ подтвердилъ мнѣ самымъ категорическимъ образомъ,что разсказъ, помѣщенный имъ въ Словарѣ, онъ самъ слышалъ изъ устъ Григорія XVI и что онъ записалъ этотъ разсказъ въ тотъ же день, какъ услышалъ его. Это чрезвычайно важно, потому что Григорій XVI принималъ непосредственное участіе въ этомъ дѣлѣ.

«Удивительное совпаденіе: папа разсказываетъ объ аудіенціи Мишо почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, что и Лескарень, но вотъ что прибавляетъ онъ новаго. Согласно желанію Александра I, папа Левъ XII рѣшилъ послать въ Петербургъ простаго священника, и выборъ его палъ на о. Мавра Капеллари [2]), аббата камальдульскаго монастыря San Gregorio in Monte Coelio. И этому-то именно аббату Мавру Капеллари суждено было позже возложить на себя папскую тіару, принять имя Григорія XVI и разсказать ученому Морони всю исторію о сношеніи императора Александра I съ папою Львомъ XII! Далекое путешествіе устрашило аббата, самая миссія представлялась ему превосходящею его силы, и онъ умолилъ Льва XII избавить его отъ этого порученія. На его мѣсто былъ избранъ о. Оріоли, позже кардиналъ, и онъ приготовлялся уже къ отъѣзду, когда, вскорѣ затѣмъ, смертью Александра I самая поѣздка была отмѣнена.

«Переходя изъ Турина и Рима въ Петербургъ, мы встрѣчаемъ и здѣсь слѣды того же преданія, даже въ двухъ передачахъ: одна—краткая, но вѣрная, изъ надежнаго источника, другая—болѣе обширная, но менѣе поддающаяся провѣркѣ.

«Краткая передача исходитъ отъ самого императора Александра I. Передъ отъѣздомъ въ Таганрогъ, императоръ далъ секретное повелѣніе о. Сокольскому, настоятелю доминиканцевъ, приготовить помѣщеніе для священника, который вскорѣ прибудетъ изъ Рима. Монастырь св. Екатерины, бывшій домъ іезуитовъ, расположенный въ центрѣ города, на Невскомъ проспектѣ, являлся, конечно, наиболѣе удобнымъ убѣжищемъ для папскаго посланца. Императорское повелѣніе было въ точ-

---

[1]) Dizionario di erudizione storico-ecclesiastica da S. Pietro sino ai giorni nostri.

[2]) Dom Mauro Capellari, abbé du couvent camaldule San Gregorio in Monte Coelio.

ности исполнено, и лишь много лѣтъ спустя настоятель разъяснилъ свои загадочныя дѣйствія по этому поводу. Его преемникъ, о. Юзевичъ [1]) охотно разсказывалъ объ этомъ, и я въ дѣтствѣ самъ слышалъ отъ него этотъ разсказъ.

«Передъ о. Сокольскимъ императоръ Александръ хранилъ самую строгую тайну и имѣлъ серьезныя къ тому причины. Мало-по-малу, неизвѣстно откуда и какъ, но слухи, ходившіе за границей, распространились въ Россіи, хотя и въ немногихъ кружкахъ. Русскія передачи втораго сорта согласуются въ главнѣйшемъ съ заграничными, но представляютъ и нѣкоторые варіанты. По одному изъ нихъ, католическій священникъ появляется даже у одра умирающаго Александра I: этотъ именно католическій священникъ причастилъ умиравшаго императора, а православный священникъ явился лишь послѣ того, когда Александръ I потерялъ уже сознаніе.

«Въ виду противорѣчія свидѣтелей, невозможно уяснить себѣ самое событіе, и эти противорѣчія вызываютъ и оправдываютъ подозрѣнія. Я имѣю въ виду особенно свидѣтельство генерала графа Витта [2]), пережившаго Аустерлицъ и Ваграмъ, командовавшаго Южною арміею. Онъ одинъ изъ первыхъ донесъ о существованіи тайныхъ обществъ въ арміи; онъ былъ по дѣламъ службы въ 1825 г. въ Таганрогѣ и имѣлъ аудіенцію у императора Александра. Совершенно инаго закала, чѣмъ Мишо, чуждый духовно-мистическаго настроенія, онъ живо интересовался религіозными заботами Александра, и хотя лично не присутствовалъ при кончинѣ императора, но онъ сообщалъ своему адъютанту, графу Ксаверію Браницкому [3]), какъ несомнѣнный фактъ, что при кончинѣ Александра присутствовалъ католическій священникъ. За недостаткомъ доказательствъ, вопросъ остается открытымъ.

«Ко всѣмъ этимъ свидѣтельствамъ, неоспоримо цѣннымъ, вполнѣ другъ отъ друга независимымъ и затрогивающимъ Александра I и Льва XII, слѣдуетъ присоединить и свидѣтельство самого Мишо, сообщенное имъ императору Николаю I. Преемникъ императора Александра I долженъ былъ быть посвященъ въ величественный проектъ, который такъ смѣло былъ задуманъ его братомъ и послѣдствія котораго были бы неисчислимы. Мишо признавалъ это священнымъ долгомъ своей совѣсти. По словамъ Лескареня, Мишо написалъ особое посланіе, которое должно было быть отправлено въ Петербургъ, и мнѣ извѣстно,

---

[1]) Josewicz былъ позже сосланъ за предполагаемую переписку его съ Римомъ о культѣ бл. Андрея Поболи; былъ помилованъ въ день коронаціи императора Александра II.

[2]) Иванъ Осиповичъ, 1772—1840, генералъ-отъ-кавалеріи.

[3]) Xavier Korczak-Branicki, Les nationalités slaves, p. 339.

что это посланіе было передано въ руки императора Николая I. Если пугливая осторожность не уничтожила этого посланія, оно должно храниться въ какихъ-нибудь тайникахъ Зимняго дворца. Появленіе его въ печати освѣтитъ вполнѣ всѣ довѣрительныя сообщенія Мишо своимъ друзьямъ».

Таково «иноземное преданіе» въ полномъ его видѣ. Оно очень важно, заслуживаетъ серьезнаго вниманія, и можно только пожалѣть, вмѣстѣ съ о. Пирлингомъ, что наши писатели обходятъ его молчаніемъ. Вопросъ «объ обращеніи императора Александра Павловича въ католичество» обсуждался, и не разъ, даже въ журналахъ; молчаніе можетъ быть объяснено только тѣмъ, что до настоящаго времени никто еще изъ историковъ не посвящалъ своихъ спеціальныхъ трудовъ эпохѣ Александра I, а дилеттантамъ не по силамъ разобраться въ этомъ вопросѣ.

Подобно письменнымъ документамъ и вещественнымъ памятникамъ всякаго рода, преданіе представляется также историческимъ матерьяломъ, съ тою, однако, разницею, что въ преданіи заключена не истина факта, но истина чувствованія, не исторически-вѣрное представленіе, но культурно-правдивое изображеніе извѣстнаго явленія. Конечно, нерѣдко въ преданіи нѣтъ ни точныхъ указаній, ни достовѣрныхъ извѣстій, но это, усложняя задачу историческій критики, ни мало не измѣняетъ ея цѣли—добыть историческій матерьялъ, заключенный въ преданіи. Съ этой точки зрѣнія «иноземное преданіе» представляется чрезвычайно важнымъ, и имъ необходимо воспользуется будущій историкъ императора Александра I.

Тридцать лѣтъ назадъ, когда въ заграничной печати впервые появилось извѣстіе о склонности Александра къ католической вѣрѣ, проявленное имъ, по преданію, незадолго до его кончины, совершенно безвременной, это преданіе было отвергнуто въ русской печати безъ всякихъ доводовъ и обсужденій, оно просто было объявлено «историческимъ подлогомъ», было названо «завѣдомою ложью» [1]).

Приговоръ, конечно, краткій, но ни мало не убѣдительный. Это не отвѣтъ на вопросъ, а уклоненіе отъ самаго вопроса, и ложью здѣсь прикрывается только собственное безсиліе. Нельзя допустить, чтобы генералъ-адъютантъ лгалъ на своего императора, равно какъ немыслимо, чтобы католикъ лгалъ папѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ ложь легко могла быть обнаружена и императоромъ Александромъ I, въ то время здравствовавшимъ, и папою Львомъ XII, имѣвшимъ всѣ средства провѣрить показанія Мишо. Ложь неживуща; ложь стоитъ до

---

[1]) „Русскій Архивъ“, 1877, II, 107, 108.

улики, а показаніе Мишо, подтверждаемое заявленіями двухъ папъ, Льва XII и Григорія XVI, и цѣлымъ рядомъ постороннихъ свидѣтельствъ, не встрѣчаетъ ни съ какой стороны не только улики, даже поправки. Не съ простымъ отрицаніемъ и неприличною бранью должно отнестись къ этому преданію, а съ серьезною критикою и всестороннимъ обсужденіемъ.

Что касается насъ, русскихъ, то, кажется, на нашей обязанности лежитъ, прежде всего, сдѣлать всевозможныя усилія къ отысканію въ нашихъ архивахъ письма Мишо къ императору Николаю I. Вотъ первая и главнѣйшая задача, но задача чисто внѣшняя.

Внутренняя значительно сложнѣе. Въ этомъ отношеніи необходимо, прежде всего, очистить преданіе отъ фантастическихъ наслоеній, которыя только затемняютъ его сущность. При этомъ очищеніи отпадутъ, какъ легендарные вымыслы, и присутствіе католическаго священника или уніата у одра умирающаго Александра, и таинственное приготовленіе помѣщенія для папскаго посланца, и другія черты, приписанныя безъ всякаго умысла, просто по невѣдѣнію, руководимому увлеченіемъ. При этой разработкѣ преданія необходимо будетъ обратить серьезное вниманіе на показаніе Д. Свербеева объ отношеніи императора Александра I къ католичеству въ іюлѣ 1825 года[1]).

Что передалъ, что могъ передать генералъ-адъютантъ Мишо папѣ Льву XII? Только то, что услышалъ изъ устъ императора Александра I Полное неудовлетвореніе религіознаго чувства, мистическое исканіе духовнаго успокоенія давно уже волнуетъ Александра; онъ ищетъ и не находитъ исхода. Мишо, человѣкъ близкій, живущій въ Зимнемъ же дворцѣ, своимъ отъѣздомъ въ Римъ наводитъ Александра на мысль поискать такого успокоенія въ лонѣ римско-католической церкви. Что въ этомъ невѣроятнаго? Почему это непремѣнно должно быть отвергаемо? Необходимо обратить вниманіе и на самый характеръ порученія, даннаго генералъ-адъютанту Мишо: онъ уполномоченъ переговорить съ папой, но переговорить «секретно», и для окончательнаго рѣшенія испросить богослова, но богослова «не высокаго ранга», «чтобы не былъ замѣтнымъ». Въ этомъ вылился весь, какъ живой, императоръ Александръ Павловичъ.

Онъ никогда и ни въ чемъ не выказалъ ни рѣшимости, ни твердости, ни постоянства, ни довѣрія. Это была натура полная дуализма, принимавшая самыя разностороннія вліянія и не усвоивавшая ни одного изъ нихъ, такъ какъ онъ былъ не способенъ ни глубоко проникнуться одною идеею, ни твердо устоять на разъ принятомъ рѣшеніи.

---

[1]) Свербеевъ, Замѣтка объ отношеніи императора Александра Павловича къ католичеству, въ „Русскомъ Архивѣ“ 1870, 1811.

Его слабость, его нерѣшительность въ этомъ отношеніи лучше всего обнаруживается въ томъ, что онъ требуетъ и слушаетъ совѣты людей самыхъ противоположныхъ: англійскаго законовѣда Бентама и русскаго митрополита Платона, людей честныхъ, какъ Карамзинъ, и придворныхъ льстецовъ, какъ Армфельдъ, людей пронырливыхъ, какъ Каподистріа, и безкорыстныхъ, какъ Штейнъ, людей независимыхъ, какъ Тургеневъ, и податливыхъ, какъ Нессельроде. Лордъ Кестльри хорошо понялъ Александра, говоря, что, при старательномъ и постоянномъ уходѣ за нимъ, его можно сдѣлать орудіемъ своихъ цѣлей; что англійскій министръ говорилъ, то привели въ исполненіе австрійскій дипломатъ Меттернихъ по внѣшнимъ дѣламъ и русскій генералъ Аракчеевъ по внутреннимъ.

Такимъ онъ жилъ, такимъ и умеръ. Онъ умеръ, по неопровержимымъ свидѣтельствамъ, не допускающимъ ни малѣйшаго сомнѣнія, какъ членъ православной церкви—это истина факта; быть можетъ, научное изслѣдованіе иноземнаго преданія подтвердитъ, что въ послѣднее время своей жизни онъ имѣлъ склонность къ католичеству—это будетъ истина чувствованія. Вотъ и все.

Но именно поэтому иноземное преданіе представляетъ богатый матеріалъ для разработки вопроса о внутреннемъ складѣ, о духовной натурѣ Александра. Къ чему ни привела бы критика преданія—къ принятію ли или къ отверженію его сущности—она несомнѣнно будетъ полезна для опредѣленія внутренней личности Александра, и онъ перестанетъ быть «сфинксъ неразгаданный до гроба», какимъ его признаютъ люди, не умѣющіе разобраться въ его сложномъ духовномъ организмѣ.

В. Бильбасовъ.

Указъ Св. Синоду о расторженіи перваго брака великаго князя Константина Павловича.

20-го марта 1820 г.

Разсмотрѣвъ поднесенный мнѣ отъ Святѣйшаго Синода докладъ, которымъ полагается, по желанію любезнаго брата моего, цесаревича и великаго князя Константина Павловича, и по представленнымъ причинамъ, бракъ его съ великою княгинею Анною Ѳеодоровною, на основаніе 35-го правила Василія Великаго, расторгнуть, и дозволить ему вступить въ новый, если онъ пожелаетъ, я соизволяю, чтобы сіе положеніе Синода, какъ происшедшее изъ существа дѣла, по точной силѣ церковныхъ узаконеній, приведено было въ надлежащее дѣйствіе.

Объявленіе состоявшагося по сему дѣлу Синодальнаго рѣшенія какъ цесаревичу и великому князю Константину Павловичу, такъ и великой княгинѣ Аннѣ Ѳеодоровнѣ, я пріемлю на себя.

Святѣйшій же Синодъ, вслѣдствіе вышеизложеннаго рѣшенія своего, составитъ новую форму для воспоминанія императорской фамиліи въ установленныхъ церковныхъ молитвословіяхъ.

Ссоры мои съ тремя министрами.

(Изъ переписки П. С. Валуева).

Въ засѣданіи Императорскаго Русскаго Историческаго Общества 1-го марта [1]), Его Императорское Высочество, Великій Князь Владиміръ Александровичъ читалъ извлеченіе изъ переписки П. С. Валуева, принадлежащей Павлу Яковлевичу Дашкову, съ любезнаго разрѣшенія котораго мы и помѣщаемъ ее на страницахъ «Русской Старины».

Подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ заботливою рукою Петра Степановича Валуева, извѣстнаго дѣятеля конца XVIII и начала XIX столѣтій, собрана любопытнѣйшая переписка его съ разными лицами, входившими почему-либо въ столкновенія съ нимъ. Отличительною чертою характера Валуева выдѣлялась его необыкновенная задирчивость, почему и не приходится удивляться обилію окружавшихъ его недоброжелателей. Вигель, въ оставленныхъ имъ запискахъ [2]), рисуетъ Валуева «заискивающимъ и низкопоклонствующимъ»; тогда какъ дошедшій до насъ упомянутый документъ указываетъ совершенно противоположныя качества характера Валуева. Передъ нами доказательства какой-то исключительной любви Валуева порождать ссоры и передряги, и такъ въ продолженіе почти всей его долгой жизни.

П. С. Валуевъ, сынъ Степана Мироновича Валуева, извѣстнаго картографа, родился 29-го іюня 1743 г. Большая часть его службы протекла при дворѣ. Въ 1772 г. онъ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры, въ 1779 г.—въ камергеры, въ 1791 г. произведенъ въ тайные совѣтники, а вскорѣ затѣмъ назначенъ на должность оберъ-церемоніймейстера. Въ этой должности онъ оставался и въ царствованіе

[1]) См. „Правительственный Вѣстникъ“ 1901 г., № 49.

[2]) „Записки Ф. Ф. Вигеля“. Моск. 1892 г., III, 23.

императора Павла, которымъ, «за усердіе и отличія по службѣ», былъ награжденъ въ декабрѣ 1796 г. тысячью душъ крестьянъ и назначеніемъ сенаторомъ, а 9-го сентября 1798 г. произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Императоръ Павелъ не долюбливалъ, однако, задирчивости доставшагося ему отъ царственной его матери оберъ-церемоніймейстера. Въ рукописи имѣется, между прочимъ, характерная записка дѣйствительнаго статскаго совѣтника Обрескова, съ помѣтою, что таковая «писана по точнымъ словамъ императора и читана предъ его величествомъ». Содержаніе ея слѣдующее:

«Валуевъ, по обыкновенному размѣру ума своего, опредѣляетъ государю сдѣлать повѣстку въ разсужденіи панихиды 5-го числа и приказываетъ праздновать восшествіе на престолъ 6-го числа; панихиду же отправлять опредѣляетъ или въ крѣпости, или въ Невскомъ монастырѣ. А какъ въ крѣпость ѣхать нельзя за рѣкою, а въ Невскомъ ни одного изъ тѣхъ тѣлъ, по коимъ пѣть слѣдуетъ панихиду, уже нѣтъ, то и пришло бы пѣть оную во дворцѣ. Императоръ будетъ пѣть панихиду про себя 6-го числа въ церкви того дворца, гдѣ онъ изволитъ быть, независимо отъ Валуева... [1]).

«Императоръ удивляется при томъ, что Валуевъ одинъ изъ всего государства помнитъ, что когда кому дѣлать; знать, всѣ другіе ни о чемъ не пекутся. Его величеству угодно, чтобъ вы прочли сію записку г-ну Валуеву, призвавъ его къ себѣ». Гатчина октября 29-го 1797 г.

Валуевъ недолго затѣмъ оставался оберъ-церемоніймейстеромъ, а 4-го сентября 1800 г. и совсѣмъ былъ уволенъ отъ службы.

Петръ Степановичъ вновь выступилъ на служебномъ поприщѣ уже въ царствованіе императора Александра I-го. Посѣтивъ Москву, послѣ погрома ея французами, Александръ Павловичъ особенно заботливо отнесся къ вопросу о возстановленіи построекъ и украшеніи столицы. Этимъ воспользовался Валуевъ и подалъ мысль учредить родъ строительной коммиссіи подъ именемъ Кремлевской экспедиціи, съ значительнымъ штатомъ служащихъ. Получивъ должность главноначальствующаго экспедиціи, Валуевъ энергично принялся за развитіе ея дѣятельности. Имъ отстроена Оружейная палата, подъ его же руководствомъ исправленъ и передѣланъ Потѣшный дворецъ, Слободской дворецъ и др. Вообще онъ много сдѣлалъ для сохраненія остатковъ старины и болѣе бережнаго съ ними обращенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ принялъ дѣятельное участіе въ изданіи цѣнныхъ археологическихъ сочиненій, изъ которыхъ наиболѣе извѣстны: «Историческое описаніе древняго Россійскаго музея, подъ названіемъ Мастерской и Оружейной палаты, въ Москвѣ обрѣтающагося», 1807 г.; «Историческія свѣдѣнія изъ лѣтописей отече-

[1]) Точки въ подлинникѣ.

ственныхъ и преданій изустныхъ, извлеченныя о селѣ Коломенскомъ», 1809 г. и «Положеніе о новомъ устройствѣ Оружейной палаты», составленное Валуевымъ и напечатанное въ Полномъ собраніи законовъ, подъ № 22054 [1]).

Въ должности главноначальствующаго Кремлевской экспедиціи П. С. Валуевъ оставался до своей кончины, послѣдовавшей 4-го іюня 1814 г.

Сохранились два гравированныхъ портрета Валуева, одинъ 1810 г.—работы А. Трачева, и другой 1811 г.—Е. Скошникова. Второй портретъ поднесенъ Валуеву подчиненными и подъ нимъ имѣется характерная запись въ стихахъ:

„Вѣщатель истины предъ тронами царей,
„Краса отечества, другъ чести, другъ людей:
„Душою и умомъ ты храмъ воздвигъ въ сердцахъ;
„Въ вѣкъ не угаснетъ огнь въ сихъ прочныхъ алтаряхъ“ [2]).

Какъ далеко восходитъ начало особенной способности Валуева къ возбужденію ссоръ, неизвѣстно, и мы впервые застаемъ его на этомъ пути въ 1795 году. Находясь тогда въ должности оберъ-церемоніймейстера, онъ въ теченіе почти цѣлаго года упорно боролся, отстаивая независимость своего управленія, отъ посягательствъ на нее Иностранной коллегіи. Противниковъ въ этой борьбѣ онъ создалъ себѣ въ лицѣ Остермана, Безбородко и Аркадія Маркова. Коллегія претендовала на Валуева за непосредственное имъ, какъ оберъ-церемоніймейстеромъ, помимо Иностранной коллегіи, извѣщеніе иностранныхъ пословъ и резидентовъ о рожденіи великой княжны Анны Павловны и о кончинѣ великой княжны Ольги Павловны. На отписку Валуева коллегія отвѣтила лишеніемъ его жалованія за «двухмѣсячную по высочайшему соизволенію отлучку отъ двора» и сдѣлала это неправильно; Валуевъ немедленно же пожаловался императрицѣ. Отношенія обострились до такой степени, что, какъ видно изъ дальнѣйшей переписки, Валуевъ запретилъ своему дежурному чиновнику принимать какіе-либо пакеты отъ Иностранной коллегіи. Когда по этому поводу разгорѣлось цѣлое дѣло, и чиновникъ Седлеръ былъ вынужденъ рапортомъ донести коллегіи о причинахъ ослушанія имъ ея приказовъ, то Валуевъ самъ составилъ требуемый рапортъ, составилъ его въ крайне рѣзкихъ выраженіяхъ и Седлера заставилъ только его подписать. За-

---

[1]) С. А. Венгеровъ, „Критико-біографическій словарь рус. писателей и ученыхъ“. Спб. 1895 г., т. IV, 57.

[2]) Д. А. Ровинскій, „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“. Спб. 1889 г., стр. 406.

кончилъ Валуевъ рапортъ слѣдующимъ категорическимъ заявленіемъ: «И потому господинъ оберъ-церемоніймейстеръ, хотя и подчиняетъ себя, лично какъ вице-канцлеру, такъ и графу Безбородкѣ, како людямъ, старѣе его чиномъ и яко чиновникамъ, чрезъ коихъ получаетъ онъ высочайшія повелѣнія и всегда имъ готовъ повиноваться, а департаментъ подчинить коллегіи онъ безъ высочайшаго повелѣнія не дерзаетъ, да и нужды въ томъ нѣту, понеже коллегія съ департаментомъ по различію ихъ дѣлъ никакой канцелярской переписки имѣть не долженствуетъ».

Далѣе слѣдуетъ обширная выпись всѣхъ сдѣланныхъ Валуевымъ и, по мнѣнію его, крайне полезныхъ измѣненій въ различныхъ придворныхъ церемоніалахъ. Любопытно одно, помѣщенное въ концѣ выписи, мѣсто, гдѣ, критикуя безпорядочность распоряженія гофмаршальской части, онъ пишетъ, между прочимъ: «не виноватъ оберъ-церемоніймейстеръ и въ томъ, что за фигурными столами, во время ужина, сидятъ безпорядочно и что за столомъ садятся тѣ, коимъ эта честь не принадлежитъ, и что въ концѣ стола офиперы хватаютъ жареное и пирожное по карманамъ на подобіе жареныхъ быковъ, кои выставляются для народа».

Особенно характерна полная взаимныхъ колкостей переписка Валуева съ главнокомандующимъ Москвы графомъ Ѳ. В. Ростопчинымъ. Послѣдній съ давнихъ поръ состоялъ въ сношеніяхъ съ Валуевымъ; имѣется въ перепискѣ письмо къ послѣднему Ростопчина, 21-го февраля 1796 года, при коемъ онъ возвращалъ церемоніймейстерскую трость, не имѣя возможности по болѣзни явиться на выходъ. Послѣдующія событія измѣнили, однако, отношенія Валуева къ Ростопчину; первый, видимо, не могъ примириться съ возвышеніемъ послѣдняго надъ нимъ по должности. Ссора возникнуть не замедлила.

14-го декабря 1812 г., Ростопчинъ отправилъ Валуеву письмо слѣдующаго содержанія:

«Милостивый государь, Петръ Степановичъ. Господинъ Яковлевъ, хозяинъ того дома, въ который ваше высокопревосходительство въѣхать изволили, находится нынѣ здѣсь больной, ожидая жену, также больную и на знатную сумму товаровъ, коихъ ему сложить негдѣ. Въ уваженіе сихъ причинъ, прошу васъ покорнѣйше домъ Яковлева очистить, тѣмъ болѣе, что вашъ собственный домъ цѣлъ. Я увѣренъ заранѣе, что вы удовлетворите справедливой просьбѣ г. Яковлева и уважите требованіе главнокомандующаго, безпокойно живущаго въ своемъ домѣ для доставленія помѣщенія казеннымъ присутственнымъ мѣстамъ. Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть

Вашего высокопревосходительства
покорнѣйшій слуга графъ Ростопчинъ».

Валуевъ отвѣчалъ на другой же день:

«Милостивый государь мой, графъ Ѳедоръ Васильевичъ.

«На вчерашнее отношеніе вашего сіятельства вынужденъ я, къ крайнему моему неудовольствію, при сохраненіи къ званію вашему должнаго уваженія, сказать вамъ мною обдуманныя истины, о которыхъ я, по правиламъ моимъ уклоняться отъ всякихъ ссоръ, никогда бы вамъ не упомянулъ.

«Ваше сіятельство, извѣщая меня о пріѣздѣ сюда ассесора Яковлева больнаго, ожидающаго сюда-жъ больную жену свою, находящуюся въ Ярославлѣ, и на знатную сумму товаровъ, которыхъ ему сложить негдѣ, требуете, чтобъ я, въ уваженіе сихъ причинъ, а болѣе потому, что будто домъ жены моей цѣлъ, переѣхалъ въ свой изъ дома г. Яковлева, мною по отводу вашему занимаемаго,—къ сему присоединяете, что будто вы безпокойно живете въ своемъ домѣ единственно для того, чтобъ помѣстить въ Тверскомъ казенномъ (домѣ) присутственныя мѣста.

«На все сіе имѣю отвѣтствовать слѣдующее: г. Яковлевъ не только не боленъ, но совершенно здоровъ; поелику онъ былъ у меня третьяго дня въ полномъ мундирѣ казацкаго полка, по сіе время несформированнаго, а формирующагося на счетъ графа Мамонова—не въ Московской губерніи, а въ Ярославской. Не вѣроподобно, чтобъ г. Яковлевъ и жена его, буде-бы и подлинно были больные, избрали для своего излѣченія такой городъ, въ которомъ, и въ окрестностяхъ онаго, отъ зловреднаго воздуха каждодневно размножается число больныхъ и умирающихъ. По каковой причинѣ я бы самъ не остался жить въ Москвѣ, если бы не обязывала меня къ тому служба и высочайшій отзывъ государя, что пребываніе мое нужно въ Москвѣ по настоящимъ обстоятельствамъ. Удивляюсь тому, что въ два мѣсяца возвращенія нашего въ Москву не доведено до вашего свѣдѣнія, по званію главнокомандующаго, что домъ жены моей, по общему жребію прочихъ, разграбленъ, все въ немъ переломано и службы, къ нему принадлежащія, преданы огню, и потому не имѣя, гдѣ помѣстить свою канцелярію, моихъ людей, экипажей и лошадей, мнѣ въ оном жить не можно. Сожалѣю также и о томъ, что не доведено до вашего начальническаго свѣдѣнія, что въ домѣ г. Яковлева, за неимѣніемъ амбаровъ и кладовыхъ, негдѣ сложить не только на знатную сумму товаровъ, но даже нужной по хозяйству годовой провизіи. Выраженіе ваше, что, въѣхалъ я въ домъ Яковлева, похожее на то, что будто въѣхалъ я въ оный самовластно, вынуждаетъ меня вамъ напамятовать, что, возвратясь въ Москву первый изъ чиновниковъ моей степени, не имѣя пристанища, просилъ я, черезъ оберъ-полиціймейстера, у васъ квартиры, по примѣру губернатора, полицейскихъ чиновниковъ и множества прочихъ всѣхъ гораздо меня моложе службой и чинами, которымъ отведены не казенные, а обывательскіе дома, весьма обширные

и помѣстительные. Я позволяю себѣ весьма основательно удивляться и тому, что будто вы безпокойно живете въ своемъ домѣ единственно для того, чтобъ помѣстить присутственныя мѣста въ Тверскомъ, со времени пребыванія въ ономъ покойной государыни, ко двору принадлежащемъ. Зная весьма коротко домъ вашъ и Тверской, долгомъ считаю сказать мое мнѣніе. Домъ вашъ несравненно помѣстительнѣе Тверскаго, у котораго тожъ всѣ службы преданы огню. Не скрою отъ вашего сіятельства моего удивленія, что отдали вы Тверской для губернскаго правленія и казенной палаты, когда осталось нѣсколько домовъ въ Москвѣ помѣстительнѣе онаго, которыхъ хозяева по испытанному усердію къ общей пользѣ, видя въ томъ необходимость, охотно бъ отдали безденежно на временное помѣщеніе. Признаюсь, что я, хотя во избѣжаніе всякихъ ссоръ, по настоянію вашему на назначаемое вами помѣщеніе согласился бъ, но мнѣ крайне было того жаль, поелику сей домъ, ко двору принадлежащій, остался только одинъ, который предполагалъ я, помощью незначительныхъ издержекъ, пріуготовить для государя, на случай его прибытія въ Москву. Изложивъ всѣ сіи истины, вами самими, къ крайнему моему прискорбію, вынужденныя, отъ вашего начальническаго разсмотрѣнія зависитъ помѣстить г. Яковлева въ мой домъ, въ которомъ помѣщены мною безденежно мой приходскій священникъ со всѣмъ причтомъ и два мнѣ знакомые купца, у коихъ сгорѣли дома; поелику имъ нѣтъ нужды ни въ службахъ, ни въ конюшняхъ и ни въ сараяхъ. А если г. Яковлевъ и на то не согласится, не уважа того, что, какъ вамъ извѣстно, изъ знакомыхъ вамъ дворянъ коллежскій совѣтникъ Небольсинъ, нашедъ свой домъ безъ согласія его занятымъ губернаторскою канцеляріею, принужденъ былъ жить нѣсколько сутокъ съ канцелярскими служителями въ подвалѣ,—въ такомъ случаѣ соглашусь я охотно оставить домъ Яковлева, кой часъ отведена мнѣ будетъ другая пристойная квартира.

«Имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью

Вашего сіятельства

покорнѣйшій слуга» [1]).

На письмо Валуева графъ Ростопчинъ 16-го декабря отвѣчалъ уже несдержанно и столь же рѣзко:

«Милостивый государь мой, Петръ Степановичъ! Въ знакъ моей благодарности за доведеніе до свѣдѣнія моего истины, имѣю честь сообщить вашему высокопревосходительству слѣдующее:

«Ссоръ между нами никакихъ, кажется, быть не можетъ; ибо между нами другихъ сообщеній не должно быть, какъ тѣхъ, кои произойти могутъ случайно между главнокомандующимъ въ Москвѣ съ начальникомъ

---

[1]) Это письмо и слѣдующее напечатаны въ „Библіографическихъ Запискахъ“ 1861 г. № 1, столб. 19—23.

Кремлевской экспедиціи, при коихъ я соблюду всегда то уваженіе, которое чинъ и лѣта ваши заслуживаютъ. А какъ ваше высокопревосходительство изволили быть въ безпрестанной ссорѣ еще до меня съ 4-мя московскими начальниками, то я и не сокрушаюсь, бывъ подверженъ таковому же жребію, хотя и признанъ вами былъ въ августѣ мѣсяцѣ столпомъ Россіи. Но времена перемѣняются, а вы, подобно девизу (sic) герба графовъ Остермановъ, остаетесь Semper Idem [1]).

«Я совсѣмъ не зналъ, что господинъ Яковлевъ служитъ въ полку графа Мамонова, а знаю, что оный полкъ формируется въ Ярославской губерніи; слѣдственно, и не въ Москвѣ, посему дивлюсь, что вы, бывъ столь строгимъ наблюдателемъ порядка службы, позволяете вашимъ сыновьямъ жить здѣсь по препорученіямъ отъ полку въ Ярославской и Владимірской губерніи.

«Вамъ угодно, чтобъ болѣзней и смертей здѣсь было много; воля ваша; это вашъ вкусъ, и вы ему обязаны знаменитыми успѣхами при погребеніяхъ, за кои вы награждены почетами, чинами и имуществомъ. Однако же, болѣзней здѣсь мало, и число прибывающихъ ежедневно жителей въ Москвѣ доказываетъ, что слухи о моровой язвѣ нашлись ложными, и что поводомъ сему послужили начально навозныя окуренія въ домѣ пребыванія вашего высокопревосходительства и въ запасномъ дворцѣ. Не скрою отъ васъ моего удивленія, что вы, бывъ поражены заразой, рѣшились возвратить всю вашу семью въ Москву и не опасаетесь, въ случаѣ ея погибели, дать въ семъ отчетъ на страшномъ судѣ.

«Насчетъ моего дома скажу, что передѣлка въ оном, начатая нынѣшнимъ лѣтомъ, не бывъ окончена теперь въ обоихъ этажахъ, въ серединѣ нѣтъ половъ, переходы холодные. Превосходное же его пространство передъ Тверскимъ домомъ не есть истина, а дѣйствіе ослабѣвающей памяти вашего высокопревосходительства; а и у меня цѣлый флигель занятъ бѣдными разоренными.

«Чрезмѣрно меня изволите обязать сообщеніемъ именъ тѣхъ людей, кои единственно изъ усердія и не требуя ни чиновъ, ни знаковъ отличія, такъ какъ кондитеръ Дворянскаго собранія, отдадутъ свои дома для помѣщенія въ нихъ присутственныхъ мѣстъ. Отдавъ же нижній этажъ дома главнокомандующаго для помѣщенія губернскаго правленія и казенной палаты, лишая себя спокойнаго житія, я имѣлъ въ виду скорѣйшее открытіе сихъ мѣстъ и сбереженіе казенныхъ денегъ; на что получилъ Высочайшее соизволеніе. Хотя домъ супруги вашей и не великолѣпное зданіе, но я знаю давно, что флигели онаго сгорѣли,

[1]) Въ переводѣ означаетъ: „Всегда то же самое“, но, видимо, графъ Растопчинъ ошибся, такъ какъ въ „Общемъ Гербовникѣ“ 1797 г., ч. II, на гербѣ графовъ Остерманъ помѣщенъ иной девизъ: „Nec sol nec frigora mutant“ („Ни солнце, ни холодъ не мѣняютъ“).

и что́ въ домѣ вашемъ снесено было всякой всячины французами. Что же касается до господина Небольсина, нашедшаго свой домъ занятымъ, то это происшествіе такого же рода, какъ господина Яковлева, хозяина того дома, которому вы изволите дѣлать честь вашимъ вмѣщеніемъ. Вообще я довольно свѣдущъ, и если бы ваше высокопревосходительство знали все, что я знаю, то бы дѣйствительно имѣли право дивиться, а можетъ быть и испугались.

«Рѣчь, повторенная вами: во избѣжаніе всякихъ ссоръ по настоянію вашему (позвольте сказать) не есть обдуманная истина, ибо я одинъ только разъ, и просто, сообщилъ вамъ о назначеніи мною нижняго этажа въ домѣ главнокомандующихъ подъ присутственныя мѣста. И если вы изволите сіе сообщеніе находить достаточнымъ поводомъ къ ссорѣ, то я, дабы смягчить ваше негодованіе, прошу предать забвенію мое требованіе и простить меня, припомня, что я простилъ вамъ помѣщеніе самовластное въ Петровскомъ дворцѣ лошадей полку графа Мамонова, хотя тутъ государемъ императоромъ и назначенъ былъ военный госпиталь.

«Со всѣмъ тѣмъ, несмотря на колкость, насмѣшку и лютость посланія вашего, жалѣю, что вы изволили употребить къ начертанію онаго чужую руку, чѣмъ содержаніе его можетъ сдѣлаться гласнымъ, а радуюсь, что кончилъ отвѣтъ на удивительное ваше письмо, преисполненное удивленіями на мою особу, когда вамъ столь легко дивиться на свою собственную».

Отвѣтилъ ли на это письмо Валуевъ, намъ неизвѣстно; но другіе сохранившіеся документы указываютъ на дальнѣйшую переписку двухъ порвавшихъ уже хорошія отношенія другъ къ другу сановниковъ.

Сохранился «Списокъ съ подлинной цыдулки графа Ростопчина, на пакетѣ которой его рукой написано тайное». Содержаніе цыдулки слѣдующее:

«Къ крайнему моему удивленію, узналъ я, что въ домѣ вашемъ играютъ въ запрещенныя игры, а что сами вы въ числѣ дѣйствующихъ лицъ. Симъ вы забываете повиновеніе къ закону, что вы первый по мнѣ чиновникъ, и клятву, данную вами въ Петербургѣ, въ банкъ не играть. Я надѣюсь, что впредь вы не принудите меня поступить съ вами по всей строгости указа 1801 года. Прошу васъ отвѣта на сіе мнѣ не писать, а принять сіе извѣщеніе снисхожденіемъ къ лѣтамъ и порокамъ вашимъ» [1]).

Оскорбленный Валуевъ не имѣлъ силъ смолчать и тотчасъ же послалъ свою «цыдулку» Ростопчину:

«Вчерашній день получилъ я отъ васъ не отношеніе, и не письмо, а цыдулку, каковыми обсылаютъ только между собою друзья и родные,

[1]) На цыдулкѣ не обозначены ни годъ, ни мѣсяцъ, ни число.

на которую, несмотря на то, что вы невѣдомо почему присвоили себѣ право предписывать мнѣ, чтобъ я на оную не дѣлалъ отвѣта, долгомъ чести считаю отвѣтствовать вамъ таковою же цыдулкою.

«Увидѣвъ на оборотѣ вашей цыдулки слово т а й н о е, я было крѣпко испугался, покуда не вспомнилъ, что тайная уничтожена въ 1762 г. блаженной памяти императоромъ Петромъ III, чего, какъ видно, вы не знали, потомъ зачалъ удивляться: 1-е, тому, что не я, а вы забыли 67-й параграфъ Устава благочинія, въ которомъ объяснено въ какомъ случаѣ нѣтъ вины играть въ запрещенную игру; 2-е тому, что вы невѣдомо почему клеплете на меня какою-то будто данною мною въ Петербургѣ клятвою не играть, которой я никогда и никому не только не давалъ, но и никто отъ меня оной ни въ какое время не требовалъ. Изъ чего слѣдуетъ заключить, что вы принимаете то за быль, что вамъ, какъ кажется, приснилось во снѣ. 3-е, тому, что вы меня стращаете поступить со мною по строгости указа 1801 года: буде вы возмечтали, что вы меня тѣмъ напугаете, смѣло васъ могу увѣрить, что я не пугливъ и васъ никогда не страшусь, понеже я знаю, что если бы я подлинно содѣлался виноватымъ не въ такой бездѣлицѣ, къ которой вы придираетесь, а въ иныхъ чѣмъ-нибудь поважнѣе, въ такомъ случаѣ вы имѣете право донести о томъ государю, а сами собою, безъ Высочайшаго соизволенія, поступить по строгости никакихъ законовъ съ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ вы не можете. 4-е, тому, что вы забыли то, что я и вы, послѣ указа 1801 года, игрывали въ запрещенныя игры неоднократно въ разныхъ бесѣдахъ, на основаніи вышепомянутаго параграфа, безъ всякаго опасенія. Я ни передъ кѣмъ не отопрусь, что я игрывалъ въ запрещенную игру и, можетъ быть, и впредь случится играть, но не для выигрыша имѣнія чужого и проигрышу своего, а только для забавы и то цѣною не разорительною, не въ игрецкихъ домахъ, гдѣ назначаются для игры особенные дни и гдѣ принимаются всякаго рода люди безъ разбора, какъ то сказано въ вышеупомянутомъ параграфѣ, а въ домахъ извѣстныхъ, въ которыхъ, при соблюденіи всѣхъ правилъ того параграфа, не только не играютъ съ людьми безъ разбора, но даже таковыхъ и безъ игры въ домъ свой не принимаютъ. 5-е, тому, что вы называете меня первымъ чиновникомъ послѣ себя, симъ подтверждается необыкновенное ваше высокомѣріе, которое изъявляете вы во всѣхъ вашихъ дѣяніяхъ. Не мѣшаясь въ дѣла, званію главнокомандующаго принадлежащія, такъ какъ мѣшаетесь вы въ дѣла, до васъ не касательныя, я первый чиновникъ въ Москвѣ не послѣ васъ, а первый только послѣ князя Юрія Владиміровича Долгорукова [1]), здѣсь живущаго, понеже старшинство ни въ какихъ чинахъ по сіе время не уничтожено, а уничтожено оное токмо

[1]) Генералъ-отъ-инфантеріи, писатель; род. 2-го ноября 1740 г., умеръ 8-го ноября 1830 г.

по военной части въ большихъ чинахъ и то только при повышеніи ихъ чина въ чинъ. 6-е, тому, что вы запрещаете къ себѣ отвѣчать и предписываете, чтобъ я принялъ ваше извѣщеніе снисхожденіемъ къ моимъ лѣтамъ и порокамъ. Дерзновеніе такое превосходитъ всякое вѣроятіе: понеже такого обиднаго выраженія никто не слыхивалъ въ моемъ чинѣ отъ самого государя, за каковое ваше дерзкое выраженіе я съ вами разочтусь при удобномъ случаѣ. Послѣ таковыхъ грубостей и невѣжествъ немудрено, что безъ всякаго изслѣдованія озабочиваетесь только тѣмъ, что дѣлается у меня, смотря сквозь пальцы на то, что играли и играютъ въ запрещенную игру во время вашего начальства даже въ тѣхъ домахъ, которые вы посѣщаете, вмѣсто того, чтобъ обратить ваше начальническое вниманіе на каждодневные грабежи, смертоубійства и тьму прочихъ безпорядицъ, доселѣ въ Москвѣ небывалыхъ. Изъ сего явствуетъ ощутительно, что ваша ничѣмъ неукротимая ко мнѣ злоба: 1-е, за то, что я осмѣлился во Владимірѣ при тамошнемъ губернаторѣ, при всѣхъ сенаторахъ и прочихъ московскихъ чиновникахъ, тамъ находившихся, вразумлять вашихъ полицейскихъ чиновниковъ, сколь постыдно для нихъ то, что, не оглядываясь, проселочными дорогами бѣжали во Владиміръ, оставя свою пожарную команду безъ начальства; каковое безначаліе подало сей командѣ поводъ разбивать на дорогѣ кабаки и грабить поселянъ и городскихъ обывателей, отчего едва не вышло возмущенія. 2-е, за то, что когда вы по врожденной вашей дерзости сказывали, что будто свѣтлѣйшій князь [1]), который увѣковѣчилъ себя славою въ позднѣйшее потомство, спитъ по 18 часовъ и изъ лѣтъ выжилъ, осмѣливался я отражать вами наносимыя сему герою хулы и поношенія, и наконецъ за то, что, по возвращеніи моемъ, когда дороги въ окрестностяхъ Москвы и улицы усѣяны были вездѣ трупами людей и лошадей, я громогласно говорилъ, что вмѣсто того, чтобы заняться земской и городской полиціи очищеніемъ, обѣ онѣ занимаются грабежемъ, первая поселянъ, а послѣдняя—городскихъ обывателей и магазейновъ, въ числѣ коихъ особеннаго богатства былъ магазейнъ мадамъ Шельме.

«Сказавъ вамъ все, что было на сердцѣ, прошу васъ въ послѣдній разъ оставить меня въ покоѣ, а если я вамъ чѣмъ-нибудь непріятенъ, доносить о томъ государю, передъ которымъ, испытавъ приверженность его къ истинѣ, я всегда готовъ предстать съ моимъ оправданіемъ».

Къ своей «цыдулкѣ» Валуевъ приложитъ выписку 67-й статьи Устава благочинія, которая и является послѣднею страницею документа.

Графъ Ростопчинъ, несомнѣнно, оставилъ Валуева въ покоѣ, вскорѣ, впрочемъ, прекратившаго и свое, полное ссоръ и борьбы, земное существованіе.

Сообщ. **П. Я. Дашковъ.**

[1]) Князь М. И. Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій.

Воспоминанія протоіерея І. І. Базарова.

IV [1]).

Впечатлѣніе, произведенное въ Европѣ кончиною императора Николая I.—Переводъ І. І. Базаровымъ панихиды на нѣмецкій языкъ.—Русскіе плѣнные на островѣ Эксѣ.—Брошюра Хомякова.—Впечатлѣніе, произведенное оставленіемъ Севастополя.—Императрица Александра Ѳеодоровна въ Вильдбадѣ.—Помолвка великаго князя Михаила Николаевича съ великою княгинею Ольгою Ѳеодоровною.—Приглашеніе Базарова быть ея законоучителемъ.—В. П. Титовъ.—Псаломщики при заграничныхъ церквахъ.

1855-й годъ начался печальнымъ событіемъ, повергнувшимъ Россію въ глубокую скорбь и потрясшимъ всю Европу своею неожиданностью. Императора Николая Павловича боялись въ Европѣ, но его больше чѣмъ уважали, предъ нимъ трепетали, его скорѣй пугались. Когда разразилась надъ Европой революція 1848 года, троны всѣхъ государствъ поколебались и не одинъ изъ возсѣдавшихъ на нихъ слетѣлъ съ своего мѣста, а тѣ, которые еще на нихъ усидѣли, должны были трепетать каждую минуту за свое дальнѣйшее существованіе. Въ это-то время величественно возвышалась надъ всѣми мощная фигура императора Николая, на котораго были обращены взоры всѣхъ, однихъ съ упованіемъ, другихъ со страхомъ. Осада Севастополя, продолжавшаяся цѣлые мѣсяцы, держала всѣхъ въ напряженномъ ожиданіи, какъ повернется это единоборство Европы противъ Россіи, и среди этого-то напряженнаго ожиданія всѣхъ раздается неожиданная вѣсть, что императора Николая не стало. Событіе это было такъ неожиданно, что даже великая княгиня Ольга Николаевна, отправившаяся по первой вѣсти объ опасности жизни своего родителя въ Россію, должна была узнать о его кончинѣ, не успѣвъ еще доѣхать до русской границы.

[1]) См. „Русскую Старину“ мартъ 1901 г.

Страхъ и смятеніе всѣхъ насъ въ Стутгартѣ были такъ велики, что мы сначала не знали, вѣрить или не вѣрить этому—казалось—невозможному событію. Но кончина императора была несомнѣнна, и мы начали облачать нашу церковь въ трауръ, готовясь къ торжественной панихидѣ. Замѣчательно, что не только въ Стутгартѣ, гдѣ находилась дочь почившаго императора, но вездѣ, гдѣ только находились русскія церкви за границею, панихиды по усопшемъ государѣ посѣщались толпою иностранцевъ, и не однихъ только оффиціальныхъ лицъ, но простыхъ гражданъ, которые выказывали при этомъ всеобщее уваженіе къ личности с т р а ш н а г о имъ при жизни русскаго царя.

Это побудило меня перевести на нѣмецкій языкъ нашу панихиду, прибавивъ во введеніи къ ней объясненіе главныхъ обрядовъ, совершаемымъ при этомъ. Эта книжка обратила на себя всеобщее вниманіе и раскупалась всѣми, кто имѣлъ случай и возможность присутствовать при нашихъ панихидахъ какъ по этому поводу, такъ и послѣ. Недаромъ писалъ мнѣ В. П. Титовъ изъ Вѣны, гдѣ онъ принималъ участіе въ происходившей тамъ конференціи: «Никогда работа, подобная вашей, не могла появиться въ свѣтъ удачнѣе и болѣе кстати, какъ теперь, когда мы въ виду европейскихъ друзей и недруговъ пролили столько молитвъ за упокой души незабвеннаго императора».

Затѣмъ было объявлено въ мѣстныхъ газетахъ, чтобы всѣ русскіе, находившіеся въ королевствѣ Виртембергскомъ, явились въ русскую церковь въ Стутгартѣ для принесенія торжественной присяги новому императору. Собралось много, особенно русскихъ нѣмцевъ, которые, несмотря на свое протестантское и даже католическое вѣроисповѣданіе, присягали въ нашей церкви, цѣлуя крестъ и слова евангелія. Явились и русскіе евреи, но ихъ отослали для присяги къ мѣстному раввину съ тѣмъ, чтобы они потомъ явились въ русское посольство для подписи присяжныхъ листовъ.

О состояніи нашей великой княгини, къ которой стремились сердца наши изъ Стутгарта, я получилъ извѣстія черезъ секретаря ея, Н. Ѳ. Аделунга, отправившагося вмѣстѣ съ нею въ Петербургъ. Такъ 6-го (18-го) марта онъ писалъ мнѣ оттуда:

«Письмо ваше отъ 20-го февраля (4-го марта) я имѣлъ удовольствіе получить и немедленно сообщилъ его великой княгинѣ Ольгѣ Николаевнѣ. Ея высочество, возвращая мнѣ письмо ваше, выразила, какъ отрадно было ей описаніе печальнаго торжества и выраженіе чувствъ, которыя встрѣчаются въ Стутгартѣ между русскими отголоскомъ той глубокой скорби и тѣхъ усердныхъ молитвъ, которыя наполняютъ всю Россію. Ольга Николаевна повелѣла мнѣ васъ очень благодарить за это письмо. Она не совсѣмъ здорова; но нельзя было и надѣяться на лучшее. Послѣ утомительнаго въ нравственномъ и физическомъ отношеніи вояжа, она

имѣла тяжелое свиданіе съ своими, въ теченіе полутора недѣль присутствовала при двухъ панихидахъ въ день и наконецъ вчера прошла черезъ ужаснѣйшее въ жизни испытаніе: видѣла, какъ предали землѣ смертные останки того, котораго любила и уважала болѣе всего на свѣтѣ съ самаго малолѣтства. Но Богъ милостивъ! Будемъ надѣяться, что она скоро совсѣмъ оправится отъ легкаго недуга и въ молитвѣ и благихъ дѣлахъ, которыя ей такъ свычны, найдетъ утѣшеніе и радость, которыя въ эту тяжелую минуту жизни ее на время покинули!»

Но среди этой всеобщей скорби я имѣлъ вскорѣ утѣшеніе и радость, истекшія для меня отъ щедротъ юнаго монарха по хадатайству великой княгини. 17-го апрѣля я былъ пожалованъ первымъ орденомъ въ моей службѣ св. Анны 2-й степени. Мнѣ особенно было цѣнно и дорого, что эта милость послѣдовала въ день рожденія государя, который во всю свою жизнь не переставалъ осыпать меня своими милостями и удостоивать меня особаго личнаго благоволенія.

Между тѣмъ, севастопольскій погромъ все еще продолжался, и мы за границею принимали живое участіе какъ въ извѣстіяхъ съ театра войны, такъ и въ посильной помощи раненымъ и особенно плѣннымъ нашимъ воинамъ. По этому случаю мнѣ писалъ о. Іосифъ Васильевъ изъ Парижа слѣдующее: «Слухомъ земля полнится, а Парижъ есть металлова пещера, въ которой удивительно ясно отражается эхо. По сему отголоску я узналъ, что около насъ есть благочестивыя души, принимающія христіанское участіе въ несчастіи нашихъ военноплѣнныхъ, находящихся во Франціи, и желающія облегчить ихъ участь. Нѣтъ благовременнѣе и святѣе подобнаго приношенія; св. церковь, молясь о несчастныхъ въ восходящей степени скорбей, поставила плѣненныхъ на послѣднемъ мѣстѣ. Опытно вижу, что въ плѣнѣ соединяются всѣ бѣды: путешествіе, плаваніе, недуги, страданіе души... Я уже имѣлъ утѣшеніе получать имъ помощь отъ добрыхъ соотечественниковъ, коимъ христіанскій примѣръ поданъ отеческою заботливостью государя императора. Благодаря симъ даяніямъ, я раздѣлялъ плѣнникамъ одежду, обувь и другія принадлежности жизни. Военноплѣнные находятся на отдаленномъ островкѣ Атлантическаго океана, Эксѣ. Ихъ положеніе сносно, если взять во вниманіе русскую натуру, богатую терпѣніемъ и христіанскимъ самоотверженіемъ. Я прожилъ на островѣ полтора мѣсяца и очень сожалѣю, что по причинѣ лихорадки не могу быть у нихъ на праздникахъ, но надѣюсь посѣтить ихъ въ предстоящемъ посту». Конечно, на этотъ зовъ откликнулись всѣ безъ изъятія русскіе, находившіеся въ Стутгартѣ. Собранная сумма была отправлена въ Парижъ на имя о. Васильева.

Въ маѣ 1855 года послѣдовало освященіе надгробной церкви надъ прахомъ великой княгини Елизаветы Михаиловны въ Висбаденѣ, ровно черезъ 10 лѣтъ послѣ ея кончины. Въ продолженіе этого времени

гробъ съ тѣломъ ея хранился сперва въ протестантской, а потомъ католической церкви въ Висбаденѣ. Герцогъ Нассаускій тотчасъ же по кончинѣ своей супруги рѣшился построить погребальный храмъ въ русскомъ стилѣ и для этого отправилъ своего архитектора Гофмана въ Россію, чтобы на мѣстѣ изучить архитектуру русскихъ церквей и согласно съ этимъ составить планъ церкви, которую онъ рѣшился поставить на видномъ мѣстѣ, на одной изъ возвышенностей, называемой Нероновой горою, господствующей надъ городомъ и далеко видимой съ Рейна и ближайшихъ окрестностей. Планъ и исполненіе его удались самымъ блистательнымъ образомъ, и теперь каждый русскій, посѣщающій этотъ храмъ, сознается, что въ самой Россіи едва-ли найдется подобный этому, который въ такомъ маломъ размѣрѣ соединялъ бы въ себѣ столько гармоніи, изящества и богатства. Собираясь на освященіе этой церкви, я отправилъ на имя о. Янышева нѣсколько экземпляровъ моего перевода панихиды для раздачи тамошнимъ нѣмцамъ, которые будутъ присутствовать при перенесеніи гроба великой княгини въ новую церковь, и онъ пришелъ въ такой восторгъ отъ этой книжки, что писалъ мнѣ отъ 11-го (23-го) апрѣля о ней слѣдующее. «Искреннѣйше благодарю васъ за вниманіе, которымъ вы почтили меня, выславъ нѣсколько экземпляровъ вашей книжки въ Висбаденъ. Отъ души желалъ бы, чтобы она произвела такое же впечатлѣніе на всякаго читателя, какое она произвела на меня. Я разумѣю собственно ваше введеніе. Короче, проще, въ то же время краснорѣчивѣе и сильнѣе нельзя было сообщить понятіе о нашей панихидѣ. Но что всего пріятнѣе для православнаго читателя и важнѣе для инославнаго, это—чрезвычайно кстати по мѣстамъ брошенныя замѣчанія о духѣ нашей церкви и ея обрядахъ, какъ, напримѣръ, о многократномъ повтореніи однѣхъ и тѣхъ же молитвъ, о времени продолженія заупокойной службы, о дѣйствіи внѣшности на внутреннія чувства. Драматическое изображеніе въ цѣломъ должно необходимо увлекать читателя, не инославнаго только, но и привыкшаго къ этой службѣ православнаго. Право, такого рода сочиненія были бы на расхватъ въ Россіи, гдѣ, по вашему выраженію, весьма много имѣющихъ очи видѣть и невидящихъ. Теперь мнѣ понятнѣе становится ваше намѣреніе со временемъ издать изложеніе обрядовой и догматической стороны всѣхъ таинствъ. Если это удастся сдѣлать такъ же счастливо, какъ удалось съ панихидой, польза будетъ очевидна и несомнѣнна. Если ужъ однажды навсегда намъ неизбѣжны внѣшніе символы, то войти въ духъ ихъ всѣхъ до единаго и изобразить на картинѣ словами вмѣсто красокъ живописнѣе и впечатлительнѣе нельзя, нежели какъ вы сдѣлали это въ отношеніи къ панихидѣ». И дѣйствительно, эта книжка была въ рукахъ у всѣхъ, когда мы по перенесеніи тѣла покойной великой княгини во вновь освященную церковь совершали

панихиду. Самое торжество этого освященія я не берусь описывать, такъ какъ это сдѣлано такъ краснорѣчиво и поэтично покойнымъ княземъ П. А. Вяземскимъ [1]).

Великая княгиня возвратилась уже въ іюнѣ изъ Петербурга, и опять началась наша обычная жизнь въ Стутгартѣ. Въ это время, по желанію ея величества, я перевелъ на нѣмецкій языкъ брошюру Хомякова, появившуюся на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «Quelques mots d'un chrétien orthodoxe aux confessions occidentales». Переводъ мой намѣренно былъ изданъ во Франкфуртѣ, чтобы не подать виду нѣмцамъ, что будущая королева Виртембергская вмѣшивается въ споръ церковный между восточною и западными церквами. Написанная очень смѣло и умно, брошюра Хомякова обратила на себя вниманіе нѣмецкихъ богослововъ и вызвала, по крайней мѣрѣ со стороны протестантовъ, отзывы, въ которыхъ слышалось сознаніе правды, высказанной имъ въ глаза православнымъ не богословомъ.

Между тѣмъ, въ Фридрихсгавенъ прибыла великая княгиня съ супругомъ и остановилась во дворцѣ, обитаемомъ королевою. По случаю приближенія дня рожденія ея высочества (30-го августа), въ Фридрихсгавенѣ готовились празднества съ иллюминаціею и фейерверкомъ на озерѣ, какъ вдругъ 29-го августа пришла роковая вѣсть, что Севастополь оставленъ нами. Казалось бы, что тутъ вовсе не было ничего необычайнаго, но оставленіе Севастополя произвело на всѣхъ, не только русскихъ, но даже и нѣмцевъ, такое впечатлѣніе, какъ будто съ нимъ пала и вся Россія. Правда, что подъ Севастополемъ шелъ поединокъ почти всей Европы съ Россіею, и много держалось пари между нѣмцами за ту или другую сторону, но собственно для насъ, русскихъ, была заинтересована въ этой борьбѣ національная честь, и потому съ оставленіемъ Севастополя мы невольно опустили головы. Намъ, жившимъ въ то время за границею, было обидно даже соболѣзнованіе, которое оказывалось намъ искренно, какъ это было по крайней мѣрѣ въ Германіи. Намъ хотѣлось въ это время всѣмъ спрятаться въ Россіи, чтобы не видать съ одной стороны злорадства, а съ другой сожалѣнія иноземцевъ. Можно себѣ представить состояніе духа и нашей бѣдной великой княгини, которая, какъ наслѣдная принцесса Виртембергская, не имѣла права наложить на себя траура по случаю этого, національнаго и для ея сердцу, горя, и принуждена была быть свидѣтельницею заготовленнаго по случаю дня рожденія ея празднества въ Фридрихсгавенѣ съ фейерверками и иллюминаціею. Мы, немногіе находившіеся при этомъ, русскіе, невольно закрывали глаза на это неприличное для насъ торжество, хотя и были увѣрены, что добрые нѣмцы и особенно виртембергцы, такъ

[1]) См. Полное Собраніе его сочиненій. Т. VII, стр. 5.

искренно сочувствовавшіе намъ, не соединяли съ этимъ никакого политическаго чувства.

Въ 1856 году лѣтомъ должна была прибыть въ Вильдбадъ на лѣченіе императрица Александра Ѳеодоровна, и намъ съ причтомъ назначено было переѣхать туда для службы. По случаю пребыванія императрицы въ Вильдбадѣ, тамъ былъ такой съѣздъ, что нерѣдко пріѣзжавшіе для лѣченія принуждены бывали ночевать въ экипажахъ, пока на другой день не отыскивали себѣ помѣщеніе гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ Вильдбада. Причиною тому была привычка покойной императрицы путешествовать съ огромною свитою, такъ что нерѣдко двѣ и три гостиницы занимались какъ для сопровождавшихъ ее, такъ и для ожидавшихся посѣщеній высочайшихъ особъ, съѣзжавшихся для привѣтствія императрицы и русскихъ, испрашивавшихъ позволеніе представиться ея величеству. Въ этотъ разъ ожидался особенно интересный визитъ: изъ Карлсруэ должна была пріѣхать вдовствующая великая герцогиня съ двумя дочерьми, изъ которыхъ одна впослѣдствіи сдѣлалась нашею великою княгинею, супругою великаго князя Михаила Николаевича. Помню ихъ пріѣздъ и общее любопытство всѣхъ насъ, которая изъ двухъ будетъ суженою великаго князя. На другой же день послѣ ихъ пріѣзда стало извѣстно, что выборъ палъ на младшую изъ нихъ, принцессу Цецилію.

Но какъ нѣмецкимъ принцессамъ, при ихъ выходѣ замужъ за великихъ князей русскихъ, приходилось перемѣнять свое вѣроисповѣданіе, то и здѣсь на первомъ планѣ сталъ этотъ вопросъ. Принцесса Цецилія была еще очень молода—ей едва минуло 16 лѣтъ—и она не была еще конфирмована. Но тѣмъ не менѣе переходъ въ православіе для нея былъ и страшенъ и дикъ по совершенному незнанію православной вѣры и особенно по тѣмъ предразсудкамъ, которые присущи всѣмъ протестантамъ касательно восточной церкви. По счастію, мать принцессы, вдовствующая великая герцогиня Софія, была очень благоразумная женщина и смотрѣла на это дѣло съ высоты христіанскаго взгляда. На другой день послѣ помолвки великаго князя она пригласила меня къ себѣ и изъ первыхъ же словъ узнала отъ меня, что я именно тотъ священникъ, съ которымъ познакомился въ Баденѣ на крестинахъ у Бенкендорфа въ 1850 году покойный мужъ ея, великій герцогъ Леопольдъ, и о которомъ онъ такъ много разсказывалъ ей и потомъ нерѣдко вспоминалъ очень благосклонно. Это обстоятельство насъ сейчасъ же сблизило, и великая герцогиня рада была тутъ же познакомить меня съ принцессою, какъ уже знакомаго имъ человѣка. Такимъ образомъ, первое впечатлѣніе русскаго священника, этого «попъ» на нѣмецкомъ языкѣ, оказалось благопріятнымъ, и молодая принцесса видимо ободрилась. Она была такъ мила, что, несмотря на ея 16 лѣтъ и Königliche

Ноѣеіt, казалась скорѣе скромною дѣвушкою, чѣмъ будущею великою княгинею. На другой же день—это было 2-го (14-го) іюля—мнѣ назначено было первое собесѣдованіе съ нею въ присутствіи императрицы. При этомъ я сдѣлалъ общій обзоръ православнаго ученія и коснулся главныхъ отличій въ ученіи нашей церкви, какъ призываніе святыхъ, почитаніе иконъ и т. п. Бесѣда моя продолжалась около часу, конечно на нѣмецкомъ языкѣ, и была съ моей стороны импровизаціею, которая съ Божіею помощью удалась совершенно, такъ что, когда принцесса удалилась, императрица сказала мнѣ:

— Счастливы нынѣшнія принцессы, что ихъ такъ хорошо приготовляютъ къ переходу въ православіе. А въ наше время намъ только говорили, что это нужно изъ политическихъ разсчетовъ, и даже не спрашивали, понимаемъ ли мы то, что должны были принять при переходѣ въ православіе. Затѣмъ ея величество прибавила: «Я вотъ и до сихъ поръ не знаю, не грѣшу ли я, что многаго въ русской церкви не знаю, а другаго не понимаю».

— Ваше величество! отвѣчалъ я ей,—наша церковь—это богатый домъ, въ которомъ столько же драгоцѣнныхъ и полезныхъ вещей, какъ въ вашемъ дворцѣ. Но если ваше величество не пользуетесь каждой изъ вашихъ вещей, то это еще не значитъ, что онѣ безполезны и поэтому слѣдуетъ ихъ выбросить вонъ. Такъ и въ церкви не всякая вещь, не всякій обрядъ необходимы и обязательны для каждаго, но тѣмъ не менѣе они полезны и благодѣтельны для многихъ. Я могу, напримѣръ, по обстоятельствамъ, никогда не покланяться мощамъ, но это не мѣшаетъ мнѣ признавать ихъ святость и поклоненіе имъ благотворнымъ для прикасающихся къ нимъ съ благоговѣніемъ. При этомъ надо всегда помнить слова Апостола на счетъ поста: «пища не поставляетъ насъ передъ Богомъ, но если мясо соблазняетъ брата моего, то лучше не буду ѣсть мяса никогда!»

Императрица была очень благодарна мнѣ за такое успокоеніе смущавшейся ея совѣсти. Но не такое успокоительное впечатлѣніе произвела моя бесѣда на юное сердце принцессы.

На другой день я узналъ отъ великой герцогини, что ей особенно было непонятно почитаніе святыхъ и преимущественно Богородицы, что ей такъ напомнило католичество.

— Я нашла ее,—разсказывала мнѣ великая герцогиня,—молящеюся на колѣняхъ и въ слезахъ. Это меня очень испугало, но Цецилія успокоила меня, сказавъ: «теперь мнѣ легче, я помолилась и рѣшилась принять все въ новой моей церкви!»

Вспоминая эту борьбу, я впослѣдствіи, когда начались наши уроки съ принцессою, не мало удивлялся, когда она, вслушиваясь въ мои объясненія, сама говорила:

— Какъ же могли протестанты отвергнуть это? какъ могутъ они не почитать Богородицу? какъ не воздаютъ почести святымъ!

Такъ какъ принцесса Цецилія была еще слишкомъ молода, то бракосочетаніе ея съ великимъ княземъ было отложено на цѣлый годъ, и мнѣ поручено было заниматься съ нею въ продолженіе этого времени преподаваніемъ закона Божія, и въ то же время къ ней приставленъ былъ учитель русскаго языка. Начавъ мои занятія съ принцессою осенью этого года, я въ продолженіе цѣлой зимы и до самаго ея отправленія въ Россію въ іюнѣ слѣдующаго года ѣздилъ въ Карлсруэ каждую недѣлю на три дня. Но, приступая къ этому новому для меня дѣлу, я обратился за совѣтомъ къ В. Б. Бажанову и получилъ отъ него въ отвѣтъ слѣдующее письмо отъ 20-іюля 1856 г.:

«Поздравляю васъ,—писалъ онъ мнѣ,—съ прекраснымъ назначеніемъ преподать будущей нашей великой княгинѣ наставленіе въ догматахъ православной церкви, и радуюсь, какъ писалъ о томъ великому князю Михаилу Николаевичу, что это предоставлено вамъ. Не знаю, почему письмо ваше дошло до меня недѣлею позже письма великаго князя, тогда какъ вѣроятно они отправлены были въ одно время. Вамъ угодно имѣть уроки, преподанные мною нынѣшней императрицѣ; охотно перешлю къ вамъ на будущей недѣлѣ все, что сохранилось у меня въ цѣлости, если только невѣста не пріѣдетъ къ намъ съ императрицею въ первыхъ числахъ августа, какъ нѣкоторые думаютъ. Уроки эти — молоко, а не твердая пища, которая отлагалась до будущаго времени. Совѣтую вамъ, согласно желанію вашему, при составленіи уроковъ и вообще при преподаваніи поставлять себя мысленно въ положеніе принцессы и отечески или даже матерински заботиться облегчать для нея переходъ изъ материнскаго вѣроисповѣданія въ православную церковь. Усердіе къ дѣлу и усердная молитва къ Богу несомнѣнно приведутъ къ желаемой цѣли,—чего отъ всей души желаю вамъ».

Годъ моихъ занятій съ принцессою Цециліею составляетъ одно изъ лучшихъ воспоминаній моей пастырской дѣятельности. Кромѣ милостиваго и благосклоннаго принятія въ семьѣ вдовствующей великой герцогини, гдѣ я каждый день долженъ былъ обѣдать по-семейному, самое почти ежедневное общеніе съ моею августѣйшею ученицею доставляло мнѣ большое удовольствіе и вмѣстѣ радость при видѣ, съ какою сначала покорностью, а потомъ и съ живѣйшимъ участіемъ внимала она моимъ наставленіямъ. Преподаваніе мое происходило на нѣмецкомъ языкѣ, и только чтеніе воскресныхъ евангелій и изученіе литургіи было на славянскомъ. При этомъ принцесса, продолжавшая въ то же время изучать русскій языкъ съ учителемъ Я. О. Майхровскимъ, признавалась мнѣ, что ей славянскій языкъ кажется и проще и понятнѣе, чѣмъ русскій литературный. Уроки свои я послѣ напечаталъ на нѣмецкомъ языкѣ въ

брошюрѣ подъ названіемъ: «Die russiche orthodoxe Kirche. Ein Umriss ihrer Entstehung und ihres Lebens». Въ то же время подъ моимъ руководствомъ былъ сдѣланъ для принцессы переводъ исторіи русской церкви Муравьева и напечатанъ въ Карлсруэ.

Но прежде, чѣмъ начать мои зимнія занятія съ принцессою въ Карлсруэ, мнѣ еще пришлось побывать въ Цюрихѣ, куда переѣхала великая княгиня Ольга Николаевна, проводивъ императрицу-мать въ Россію. Ея высочеству угодно было въ день ея рожденія, 30-го августа, имѣть у себя службу, и мы отправились туда со всѣмъ причтомъ, я взялъ съ собою и дѣтей своихъ. Здѣсь я встрѣтилъ и нашего посланника В. П. Титова, который былъ тамъ также вмѣстѣ съ своимъ сыномъ и гувернеромъ. Здѣсь случился анекдотъ на тему извѣстной разсѣянности Владиміра Павловича, которая ему такъ охотно прощалась всѣми, кто зналъ его доброе сердце и прямой честный нравъ. Дѣло въ томъ, что мы съ нимъ въ этотъ день обѣдали у ихъ высочествъ, и за столомъ Титовъ узналъ, что въ Цюрихѣ находился въ это время одинъ ученый виртембергецъ, котораго впрочемъ наслѣдный принцъ, супругъ великой княгини Ольги Николаевны, не очень любилъ, но, чтобы сдѣлать удовольствіе Титову, обѣщалъ его пригласить въ тотъ же день на вечеръ. Титовъ былъ очень обрадованъ и благодаренъ за эту честь, и съ этимъ мы разстались съ ихъ высочествами, собираясь сдѣлать прогулку на гору Ютлибергъ, откуда открывается великолѣпный видъ на горы Berneroberland. Собравъ дѣтей, мы большимъ обществомъ частію на ослахъ, частію пѣшкомъ отправились на эту гору. Видъ оттуда дѣйствительно былъ восхитительный. Хозяинъ находящагося тамъ отеля-ресторана, называя намъ по именамъ всѣ вершины видимыхъ горъ, прибавилъ, что все это надобно видѣть при восходѣ солнца, для чего многіе изъ туристовъ ночуютъ у него, чтобы съ восходомъ солнца встать и любоваться на эту картину. Этого было довольно для любознательнаго Владиміра Павловича, чтобы рѣшиться остаться здѣсь на ночь, и вотъ мы отправили нашихъ дѣтей съ ихъ воспитателями въ городъ, а сами остались на вершинѣ горы. Вечеромъ мнѣ вспомнилось приглашеніе Титова на вечеръ съ знаменитымъ нѣмцемъ, но уже было поздно. Мы сожгли его, по выраженію Владиміра Павловича, въ пользу восходящаго солнца, и на другой день преспокойно возвращались въ нашу гостиницу, какъ на лѣстницѣ встрѣтились лицомъ къ лицу съ великой княгиней Ольгой Николаевной, которая полушутя, полусерьезно встрѣтила насъ словами: «хорошо! а вчера вечеромъ пригласили для васъ вашего интереснаго нѣмца». Титовъ оправдывался, какъ могъ, и въ наказаніе получилъ приглашеніе сейчасъ же сопровождать великую княгиню по городу пѣшкомъ. Титовъ бросился наверхъ, чтобы переодѣться, а я пошелъ съ великою княгинею въ садикъ при гостиницѣ, гдѣ мы стали ходить въ

ожиданіи Владиміра Павловича. Но проходили минуты, а Владиміра Павловича все нѣтъ. Наконецъ, я иду къ нему наверхъ, стучусь въ дверь; нѣтъ отвѣта. Спрашиваю комнатную прислугу, не вышелъ ли онъ куда? Отвѣчаютъ: «онъ только-что потребовалъ себѣ теплой воды и заперся въ комнатѣ». Оказалось, что онъ и тутъ забылъ о приглашеніи великой княгини и преспокойно занялся своимъ утреннимъ туалетомъ.

Но эта искренность въ отношеніи къ мелочамъ жизни, соединенная съ серьезнымъ вниманіемъ къ главнымъ и важнымъ задачамъ, тѣмъ сильнѣе привлекала къ его личности, полной задушевной любви ко всему доброму, истинному и изящному. Поэтому понятно, что когда покойная императрица Марія Александровна стала искать воспитателя-наставника къ наслѣднику престола великому князю Николаю Александровичу, великая княгиня Ольга Николаевна обратила ея вниманіе на В. П. Титова. Многимъ показался этотъ выборъ страннымъ, особенно потому, что собственный сынъ Владиміра Павловича слылъ неудачникомъ по воспитанію. Но такъ судили только тѣ, кто не зналъ близко внутренней жизни семейства Титовыхъ, въ которомъ его собственная личность рѣзко выдѣлялась въ домашней обстановкѣ. Правда, послѣдствія показали, что это высокое призваніе не увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, такъ какъ не прошло и двухъ лѣтъ, какъ Владиміръ Павловичъ долженъ былъ оставить свой постъ и уступить мѣсто при наслѣдникѣ другому.

На смѣну Титова къ намъ поступилъ посланникомъ графъ Бенкендорфъ, женатый на пруссачкѣ, и нашъ посланническій домъ потерялъ на время характеръ русскаго дома. Впрочемъ, это продолжалось не долго. Графъ Бенкендорфъ пробылъ только два года въ Стутгартѣ и умеръ отъ разстройства нервъ въ умопомѣшательствѣ. Хотя онъ скончался въ Парижѣ, но тѣло его перевезли въ Стутгартъ для погребенія въ фамильномъ склепѣ. Замѣчательно, что отецъ его былъ тоже посланникомъ въ Стутгартѣ и, потерявъ здѣсь жену свою, похоронилъ ее въ мѣстечкѣ Геслахѣ, близъ Стутгарта, гдѣ построилъ маленькую капеллу, въ которой хотѣлъ быть погребенъ и самъ подлѣ праха жены своей. Но случилось такъ, что онъ, будучи военнымъ, оставивъ постъ посланника, во время нашей войны съ Персіею вступилъ снова въ ряды нашихъ войскъ и былъ убитъ въ одномъ сраженіи. Вслѣдствіе завѣщанія тѣло его было перевезено изъ Персіи въ Геслахъ, гдѣ и погребено въ устроенной имъ капеллѣ, а лѣтъ черезъ 30 и сынъ его, сдѣлавшійся также посланникомъ въ Стутгартѣ, нашелъ себѣ мѣсто упокоенія въ томъ же фамильномъ склепѣ.

Въ этомъ же 1856 году мнѣ пришла благая мысль на счетъ заграничныхъ псаломщиковъ, которая въ слѣдующемъ затѣмъ году нашла и свое оффиціальное осуществленіе. Когда я поступилъ на службу въ

Стутгартъ въ 1851 году, я нашелъ при здѣшней церкви двоихъ старыхъ псаломщиковъ, не имѣвшихъ никакого образованія и умѣвшихъ только читать и пѣть по-дьячковски. Помню, какъ одинъ изъ нихъ хвастался умѣніемъ такъ читать псалмы, что никто не пойметъ читаемаго. Это было какъ разъ въ зиму 1856 — 1857 г., когда великій князь Михаилъ Николаевичъ пріѣхалъ въ Карлсруэ къ своей невѣстѣ и, по случаю великаго поста, пожелалъ имѣть тамъ службу. Имѣя у себя походную церковь, бывшую посольскую, которая осталась безъ употребленія послѣ того, какъ великая княгиня Ольга Николаевна привезла съ собою собственную церковь, мы установили эту церковь въ одной изъ залъ дворца и начали тамъ службу. Разъ великій князь во время часовъ стоялъ сзади псаломщика и смотрѣлъ въ книгу, по которой тотъ читалъ часы. Вотъ тутъ-то и отличился мой многомудрый псаломщикъ и прочиталъ такъ, что ничего нельзя было понять! И дѣйствительно, что за безобразные были псаломщики-дьячки заграницей! Недаромъ при отправленіи ихъ на должность въ министерствѣ брали съ нихъ подписку, что въ случаѣ ихъ дурнаго поведенія имъ угрожалось возвращеніе въ Россію съ отдачею въ солдаты. Меня возмущало особенно то, что иностранцы смотрѣли на нихъ, какъ на кандидатовъ въ священники, а между тѣмъ ихъ непролазное невѣжество и соотвѣтственное ономy поведеніе бросало самую мрачную тѣнь на наше духовенство, и безъ того не пользовавшееся особеннымъ уваженіемъ иностранцевъ. Поэтому я и рѣшился настоять на томъ, чтобы въ заграничные псаломщики поставлялись люди съ высшимъ богословскимъ образованіемъ. Но въ то время такъ было трудно провести самую простую мѣру, которая, несмотря на свое благоразуміе, отзывалась новизною и нарушала вѣковую рутину. Для этого, заручившись напередъ согласіемъ великой княгини, я написалъ предварительно протопресвитеру Бажанову, прося его узнать взглядъ Синода на предполагаемую мною реформу. Бажановъ отвѣчалъ мнѣ на это, равно какъ и на другія мои мысли, въ письмѣ отъ 2-го ноября 1856 года слѣдующее:

«Приношу вамъ искреннюю благодарность за интересное письмо ваше и прошу васъ сообщать мнѣ, безъ всякаго сомнѣнія, всѣ ваши мысли и замѣтки, относящіяся до нашей церкви. Прошу васъ о томъ, не потому, что я, соглашаясь съ вами въ томъ или другомъ предположеніи, могъ бы привести его въ исполненіе, но я могу ихъ передавать другимъ, а наши мысли черезъ сообщеніе ихъ другимъ и черезъ повтореніе мало-по-малу дѣлаются болѣе или менѣе общими и приближаются къ своему осуществленію. Надѣюсь, что псаломщицкія вакансіи при церквахъ заграничныхъ будутъ замѣщаемы студентами семинаріи. Я полагалъ бы полезнымъ при нѣкоторыхъ церквахъ имѣть и дьяко-

новъ, которые чрезъ нѣсколько лѣтъ могли бы съ достоинствомъ занимать вакансіи священническія при тѣхъ или другихъ церквахъ».

Заручившись такимъ мнѣніемъ одного изъ вліятельнѣйшихъ членовъ нашей іерархіи, я въ слѣдующемъ году въ бытность мою въ Петербургѣ подалъ князю Горчакову слѣдующую записку по этому предмету:

«До сихъ поръ въ псаломщики къ нашимъ церквамъ за границею избирались люди, способные только къ пѣнію и чтенію, при чемъ не обращалось вниманія на ихъ умственное образованіе. Слѣдствіемъ этого бываетъ то, что эти люди, получая хорошее содержаніе (отъ 500 руб. и болѣе) [1]) и не имѣя большихъ занятій по службѣ, предаются большею частію безпорядочной жизни. Не подготовленные образованіемъ, они долго не могутъ познакомиться съ языкомъ и образомъ жизни той страны, въ которой живутъ, и оторванные отъ родныхъ связей предаются скукѣ или отчаянной бездѣятельности, которыя доводятъ ихъ иногда, какъ доказываютъ нѣкоторые примѣры, до сумасшествія. Если же и случается, что нѣкоторые изъ нихъ обживаются на извѣстномъ мѣстѣ, то, отставъ отъ родины, дѣлаются мало-по-малу чуждыми всего отечественнаго, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда женятся на иностранкахъ. Такимъ образомъ, люди эти не приносятъ той пользы, какой бы можно ожидать отъ нихъ, если бы, отправляясь за границу, они имѣли напередъ извѣстную степень образованія. Посему желательно было бы, чтобы наше правительство обратило на это свое вниманіе и воспользовалось бы мѣстами заграничныхъ псаломщиковъ для приготовленія на оныхъ достойныхъ служителей церкви. Для сего слѣдовало бы избирать на эти мѣста достойныхъ изъ студентовъ семинарій. Быть можетъ, не отказались бы принимать эти мѣста и студенты академіи, такъ какъ жалованье заграничнаго псаломщика превышаетъ жалованье учителя семинаріи. Но чтобы молодые люди съ охотою шли на подобныя мѣста, надобно открыть имъ извѣстную будущность, — и, во-1-хъ, назначить срокъ службы за границею не болѣе 5-ти или 7-ми лѣтъ, и ни въ какомъ случаѣ не допускать заживаться тамъ долѣе 10 лѣтъ; во-2-хъ, обѣщать имъ дьяконскія или священническія мѣста въ столицахъ, гдѣ особенно нужны люди и въ духовномъ званіи, ознакомившіеся съ европейскою жизнью; въ 3-хъ, предоставить настоятелямъ заграничныхъ церквей быть руководителями этихъ молодыхъ людей на поприщѣ ихъ образованія въ чужихъ краяхъ и ежегодно требовать объ нихъ отчеты какъ касательно поведенія ихъ, такъ и степени прилежанія къ достиженію назначенной имъ цѣли. Можно вполнѣ надѣяться, что, при такихъ условіяхъ, молодые люди будутъ проходить съ честію возложенное на нихъ званіе псаломщиковъ, что особенно важно за границею, гдѣ нерѣдко на-

[1]) Теперь 1.000 рублей и болѣе.

шихъ церковнослужителей смѣшиваютъ съ самими священниками, считая ихъ капланами или помощниками священника въ совершеніи таинствъ».

Мнѣніе это было принято и утверждено покойнымъ императоромъ Александромъ II и принято въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ въ руководство при замѣщеніи псаломщицкихъ мѣстъ за границею. На первый разъ (это было въ 1861 году) мнѣ удалось привести эту мѣру въ исполненіе при нашей церкви въ Стутгартѣ, гдѣ всѣ старые псаломщики были отставлены на пенсію, и на ихъ мѣсто опредѣлены изъ окончившихъ курсъ С.-Петербургской академіи магистръ богословія Горчаковъ и кандидатъ Розановъ. Чтобы еще болѣе расположить къ поступленію на мѣста заграничныхъ псаломщиковъ, я исходатайствовалъ у духовнаго начальства разрѣшеніе, чтобы эта служба считалась имъ по учебному вѣдомству, и ихъ начали опредѣлять съ сохраненіемъ правъ и преимуществъ ихъ ученыхъ степеней, вслѣдствіе чего они даже носили и носятъ (по крайней мѣрѣ въ Стутгартѣ) свои мундирные фраки подъ стихарями и являются въ этихъ фракахъ въ торжественныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, въ Стутгартѣ при общемъ поздравленіи королевы съ новымъ годомъ или при другихъ случаяхъ. Мѣра эта, столь полезная сама въ себѣ, сначала не нашла сочувствія у всѣхъ настоятелей заграничныхъ церквей. Одинъ только о. Янышевъ въ Висбаденѣ приложилъ ее у себя при первомъ представившемся случаѣ. Но мой примѣръ скоро убѣдилъ всѣхъ въ неоспоримой пользѣ этого нововведенія, и теперь повсюду, за рѣдкими исключеніями, она практикуется за границею. Особенно примѣръ моего перваго псаломщика М. И. Горчакова долженъ былъ наглядно доказать всѣмъ, что на мѣстахъ заграничныхъ псаломщиковъ молодые кандидаты богословія могли не только съ честію проходить свое званіе, но употреблять свое время на дальнѣйшее самообразованіе въ богословской наукѣ. Псаломщикъ М. И. Горчаковъ въ продолженіе 4-хъ лѣтняго пребыванія за границей слушалъ лекціи въ Тюбингенскомъ университетѣ, имѣлъ время побывать и въ другихъ нѣмецкихъ университетахъ и затѣмъ, воротившись въ Россію, сдѣлался докторомъ правъ и профессоромъ университета, а затѣмъ и докторомъ богословія.

V.

Назначеніе о. Янышева профессоромъ С.-Петербургскаго университета. — Пребываніе въ Вильдбадѣ императрицы Александры Ѳеодоровны и императора Александра II съ супругою. — Празднество. — Александровская колонія близъ Потсдама. — Поѣздка въ Петербургъ. — Возвращеніе въ Стутгартъ. — Свиданіе императора Александра II съ Наполеономъ III. — Проектъ объ изданіи духовнаго журнала. — Вопросъ объ измѣненіи календаря. — Князь П. А. Вяземскій.

Въ 1857 году я потерялъ добраго сосѣда и моего преемника по службѣ въ Висбаденѣ, достопочтеннѣйшаго о. Янышева, котораго назначили профессоромъ богословія въ Петербургскій университетъ. Это нововведеніе случилось отчасти по моему указанію, такъ какъ въ моей перепискѣ съ начальствующими лицами я не переставалъ настаивать на необходимости вмѣсто законоучителей при университетахъ, ничѣмъ не отличавшихся отъ законоучителей гимназій, учредить особую каѳедру богословія съ высшимъ курсомъ, не въ смыслѣ догматики, но скорѣе полемики или лучше всеобщаго обозрѣнія какъ христіанскихъ основаній, такъ и православной церкви въ особенности. Для выполненія этой программы лучшаго дѣятеля, чѣмъ о. Янышевъ, трудно было и найти. Съ обширнымъ и просвѣщеннымъ взглядомъ на науку онъ соединялъ въ себѣ добросовѣстность и усердіе въ исполненіи своего долга. Къ сожалѣнію, это усердіе превзошло его физическія силы, и онъ, начавъ блистательно свое дѣло, скоро принужденъ былъ его покинуть, уступивъ свою каѳедру о. Полисадову, бывшему тогда священникомъ въ Берлинѣ, а самъ занять его мѣсто за границею. Въ Висбаденъ же между тѣмъ былъ переведенъ изъ Стокгольма о. Матвѣевскій.

Къ веснѣ 1857 года ожидалось прибытіе въ Карлсруэ великаго князя Михаила Николаевича, а лѣтомъ должна была пріѣхать изъ Ниццы императрица Александра Ѳеодоровна. Между тѣмъ, мои уроки съ принцессою приходили къ концу, и я началъ съ нею приготовленіе къ ея переходу въ православіе и миропомазанію. Такъ какъ принцесса избрала себѣ воспріемницею при присоединеніи великую княгиню Ольгу Николаевну, то она рѣшила перемѣнить свое имя Цецилія на Ольгу, чтобы называться въ Россіи великою княгинею Ольгою Ѳеодоровною, по отцу своему Леопольду-Фридриху.

Никогда маленькое мѣстечко Вильдбадъ не представляло изъ себя такого блистательнаго мѣста съѣзда, какъ въ лѣто 1857 года. По случаю пребыванія тамъ императрицы Александры Ѳеодоровны и съ нею семьи августѣйшей невѣсты великаго князя и нашей великой княгини Ольги Николаевны съѣздъ туда высочайшихъ особъ всѣхъ германскихъ дворовъ, пріѣзжавшихъ на поклоненіе императрицѣ, былъ

такъ великъ, что надо было держать очередь, отпуская однихъ и принимая на мѣсто ихъ другихъ, безъ чего нельзя было найти мѣста для ихъ помѣщенія. Въ іюлѣ же прибыли въ Вильдбадъ изъ Кисингена и государь императоръ Александръ Николаевичъ съ императрицею Маріею Александровною. При этомъ случаѣ пришлось перевидать почти всѣ знаменитости тогдашняго времени, которыя стекались со всѣхъ сторонъ въ Вильдбадъ, чтобы представиться ихъ величествамъ. Между прочимъ я познакомился при этомъ случаѣ съ знаменитымъ маэстро Россини. Онъ очень интересовался нашимъ церковнымъ пѣніемъ, и мы доставили ему удовольствіе послушать нашихъ пѣвчихъ, которыхъ онъ просилъ спѣть ему, кромѣ церковныхъ пьесъ, и нѣкоторыя народныя пѣсни, отъ которыхъ онъ приходилъ въ восторгъ. Пребываніе императорской фамиліи въ Вильдбадѣ подало поводъ ко многимъ увеселеніямъ и празднествамъ. Между прочимъ устроено было одно сельское празднество — fête champêtre на лугу, при чемъ былъ приготовленъ сюрпризъ, состоявшій въ томъ, что изъ маленькихъ русскихъ дѣтей, въ числѣ которыхъ находились и оба мои сына, тогда мальчики 12 и 10 лѣтъ,— группа, представлявшая косарей, возвращавшихся съ покоса съ граблями на плечахъ, тащившихъ за собой телѣжку съ сѣномъ, на которой сидѣла въ вѣнкѣ изъ полевыхъ цвѣтовъ 3-хъ лѣтняя дочь нашего посланника графа Бенкендорфа. При приближеніи царской фамиліи тянувшія эту телѣжку трое дѣтей, князь Голицынъ и двое Карель, пѣли: «вотъ мчится тройка удалая», а когда всѣ остановились передъ этой группой, дѣти хоромъ запѣли «Боже, царя храни». Это такъ понравилось государю, что ему угодно было снять фотографіи съ этой группы, оттискъ которой хранится и у меня въ альбомѣ.

Между тѣмъ приближалось время отъѣзда всей царской фамиліи въ Россію, куда должна была послѣдовать и наречённая невѣста великаго князя. Мнѣ, какъ законоучителю ея, назначено было сопровождать ея высочество, чтобы присутствовать при ея миропомазаніи, а потомъ и бракосочетаніи, и вотъ въ половинѣ іюля мы отправились въ свитѣ императрицы въ путь. По дорогѣ мы остановились на нѣсколько дней въ Потсдамѣ, гдѣ мнѣ отвели квартиру въ одномъ изъ придворныхъ зданій Sans-Sousi. Состоя въ свитѣ императрицы, я со всѣми членами ея приглашаемъ былъ къ высочайшему столу прусскихъ величествъ и при этомъ случаѣ познакомился съ знаменитымъ Гумбольдтомъ, который, тогда уже почтенный маленькій старичекъ, составлялъ обыкновенно необходимую принадлежность всѣхъ собраній при прусскомъ дворѣ.

Во время пребыванія въ Потсдамѣ я ближе познакомился и съ такъ называемою русскою колоніею — Александровской — близъ Потсдама. Видъ этой колоніи на первый взглядъ дѣйствительно напоминаетъ собою русское село. Чистенькіе домики въ русскомъ стилѣ съ

русскою церковью посрединѣ на одну минуту заставляютъ забыться и подумать, что находишься въ Россіи. Но когда тогдашній протоіерей въ Берлинѣ и настоятель этой церкви, Д. В. Соколовъ повелъ меня по домамъ, чтобы показать внутреннюю жизнь колонистовъ, мы очутились среди чистыхъ нѣмцевъ. Не только никто изъ нихъ не понималъ ни слова по-русски, но всѣ почти сдѣлались протестантами. Сначала, по словамъ о. Соколова, нѣкоторые изъ стариковъ въ его время ходили въ нашу церковь, но затѣмъ черезъ женитьбу съ нѣмками, а частію— надо думать — и по нерадѣнію нашихъ берлинскихъ священниковъ мало-по-малу совсѣмъ отстали отъ нашей церкви, которая теперь пустуетъ, за неимѣніемъ прихожанъ.

Наконецъ мы отправились изъ Штетина въ Россію на двухъ пароходахъ, изъ которыхъ на одномъ помѣщалась царская фамилія, а на другомъ свита. Послѣ благопріятнаго плаванія прибыли прямо въ Петергофъ, гдѣ была устроена торжественная встрѣча императрицѣ и нареченной невѣстѣ. Я началъ съ принцессою Цециліею приготовленіе ея къ миропомазанію и бракосочетанію.

Миропомазаніе, обрученіе и обрядъ вѣнчанія были совершены со всею церемоніею въ большой церкви Зимняго дворца. Во всѣхъ этихъ церемоніяхъ я участвовалъ въ качествѣ законоучителя и духовника молодой великой княгини, послѣ чего я былъ осыпанъ наградами. Такъ послѣ миропомазанія я получилъ два брилліантовые креста, одинъ отъ великаго князя и великой княгини, а другой изъ Кабинета его величества, послѣ же бракосочетанія еще два креста, болѣе драгоцѣнные также отъ высоконовобрачныхъ и отъ государя. Передъ тѣмъ же великая герцогиня Баденская, мать великой княгини Ольги Ѳеодоровны, пожаловала мнѣ золотую табакерку, осыпанную брилліантами, съ ея портретомъ, а великій герцогъ наградилъ меня своимъ орденомъ Церингенскаго Льва 2-й степени.

Такъ какъ въ это время я началъ много получать иностранныхъ орденовъ (у меня были и виртембергскіе, и баденскій, и баварскій, и нассаускій, и веймарскій) и всякій разъ надобно было испрашивать высочайшее разрѣшеніе на принятіе жалуемаго ордена, то я обратился къ бывшему тогда оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода графу Толстому. Желая пошутить на этотъ счетъ, онъ замѣтилъ: «Что это? Васъ скоро обвѣсятъ всѣми животными, то Соколъ, то Левъ!» Но онъ могъ бы серьезнѣе пошутить, если бы зналъ, что я получилъ, по случаю обращенія въ православіе протестантской принцессы, орденъ, въ статутѣ котораго сказано, что онъ выдается преимущественно за ревность въ распространеніи протестантскаго вѣроисповѣданія.

Покончивъ свои занятія при дворѣ, я собирался прежде, чѣмъ воротиться на свою должность въ Стутгартъ, проѣхаться по матушкѣ Россіи,

которую, къ стыду своему, я такъ мало зналъ, изъѣздивъ между тѣмъ почти всю Германію вдоль и поперекъ. И вотъ мы сдѣлали съ состоявшимъ тогда при нашемъ посольствѣ въ Стутгартѣ княземъ С. П. Голицынымъ планъ путешествія, вознамѣреваясь спуститься по Волгѣ до Саратова, а потомъ пробраться въ Черниговскую губернію въ имѣніе Голицыныхъ, гдѣ я намѣревался погостить, чтобы познакомиться съ русскою деревенскою жизнью, которой я никогда не видалъ. Родившись въ городѣ Тулѣ, я прожилъ тамъ безвыѣздно до 20-лѣтняго возраста, пока не отправился въ Петербургъ, гдѣ прожилъ 4 года въ стѣнахъ академіи, и почти прямо изъ академіи долженъ былъ отправиться за границу на всю жизнь. Поэтому понятно, какъ меня интересовала и радовала задуманная поѣздка. Но и на этотъ разъ судьба моя снова выбросила меня изъ предѣловъ родной стороны на предназначенную мнѣ чужбину. Въ то время, какъ мы уже готовы были отправиться въ путь, князь Горчаковъ призываетъ насъ обоихъ въ министерство и объявляетъ, чтобы мы немедленно возвращались въ Стутгартъ, такъ какъ тамъ на-дняхъ должно состояться свиданіе императора Наполеона III съ нашимъ государемъ, и поэтому всѣ служащіе въ Стутгартѣ должны находиться на своихъ мѣстахъ. Такимъ образомъ пришлось разстаться и съ задуманнымъ проектомъ, и съ родиною, и спѣшить за границу. Князя Голицына отправили даже курьеромъ въ Стутгартъ, а я взялъ направленіе на Москву, чтобы оттуда ѣхать въ почтовой каретѣ на Варшаву, гдѣ уже начиналась непрерывная желѣзная дорога до самаго Стутгарта. Просидѣвъ цѣлыхъ 8 дней въ почтовой каретѣ и не останавливаясь почти совсѣмъ въ Варшавѣ, я радъ былъ попасть въ удобный вагонъ желѣзной дороги, гдѣ я расположился почти какъ дома, разсчитывая на третій день прибыть въ Стутгартъ, какъ разъ наканунѣ прибытія туда государя. Но утомленный долгою дорогою, я около Франкфурта такъ крѣпко заснулъ, что прослушалъ, что здѣсь надобно было пересѣсть на другой поѣздъ, и когда вошелъ кондукторъ и разбудилъ меня, спрашивая у меня билетъ, оказалось, что меня везутъ въ Кассель, совсѣмъ въ противоположную сторону моему надлежащему направленію. Конецъ этой ошибки былъ тотъ, что меня высадили на ближайшей станціи, заставивъ предварительно заплатить за сдѣланный мною ненужный путь, и я, пропустивъ всѣ скорые поѣзда, долженъ былъ тащиться медленно назадъ, черезъ что̀ и опоздалъ прибытіемъ въ Стутгартъ почти на цѣлыя сутки. Выходя изъ вокзала, который находится въ Стутгартѣ среди самаго города, я какъ разъ попалъ на глаза государя, проѣзжавшаго въ это время мимо, который меня сейчасъ узналъ и милостиво поклонился. Между тѣмъ во дворцѣ уже начали безпокоиться моимъ неявленіемъ во̀-время къ своему мѣсту, и первую вѣсть о моемъ возвращеніи привезъ туда самъ государь.

Дни свиданія Наполеона съ нашимъ государемъ, отъ 12-го (24) до 16-го (28) сентября 1857 года, составляютъ блистательную эпоху въ хроникѣ Стутгарта. Кромѣ высокополитическаго значенія встрѣчи двухъ могущественныхъ государей тогдашняго времени, вскорѣ послѣ Севастопольской войны,—свиданія, устроеннаго мудрою и ловкою политикою нашего знаменитаго канцлера, самый внѣшній блескъ, озарившій вдругъ обыкновенно скромную столицу Виртемберга, поражалъ своимъ великолѣпіемъ. Не говоря уже о свитѣ собравшихся на это свиданіе коронованныхъ особъ, блестѣвшей не одними только мундирами, но и репутаціями государственныхъ заслугъ, одно количество величествъ, собравшихся съ разныхъ сторонъ, поражало своею необычайностью. Такъ хроникеры Стутгарта отмѣтили, что при парадномъ спектаклѣ въ ихъ театрѣ, кромѣ двухъ императоровъ и ихъ короля, находились три королевы: Виртембергская, Голландская и Греческая, и одна императрица, Марія Александровна, не считая великихъ княгинь и принцессъ.

Разсказываютъ, что Наполеонъ, явившись на балъ, устроенный въ честь его на Вильгельмѣ, загородномъ дворцѣ короля Виртембергскаго, въ кругъ этого блестящаго общества, такъ смутился, что не могъ двинуться съ мѣста, пока нашъ государь не подошелъ къ нему и, взявъ его подъ руку, подвелъ къ императрицѣ. Передъ прибытіемъ Наполеона въ Стутгартъ, никто не зналъ, пріѣдетъ ли онъ одинъ или привезетъ съ собой и свою супругу Евгенію? Поэтому наша императрица оставалась пока въ Дармштадтѣ, не намѣреваясь пріѣзжать въ Стутгартъ, если бы съ Наполеономъ пріѣхала туда и его графиня Монтехо, носившая теперь титулъ императрицы. Но съ прирожденною ему хитростью и притворствомъ, Наполеонъ, во все время пребыванія своего въ Стутгартѣ, показалъ въ себѣ столько скромности и смиренія, что всѣхъ невольно поражалъ этимъ. Такъ въ присутствіи нашего государя онъ не хотѣлъ садиться, пока его не приглашали къ тому. Передъ нашей императрицей и великой княгиней Ольгой Николаевной онъ положительно конфузился. Впрочемъ, и не мудрено. Назвавъ самъ себя parvenu, онъ очутился въ первый разъ въ жизни лицомъ къ лицу передъ величіемъ настоящихъ величествъ.

Тихая и спокойная зима 1857—58 года располагала къ занятіямъ, а начавшееся въ то время общее броженіе умовъ въ Россіи наводило на думы и раздумье. Въ то время я рвался на дѣятельность, которая мнѣ не давалась. Судьба неумолимо держала меня въ уютномъ кабинетѣ моей квартиры, въ Стутгартѣ. И еще разъ мнѣ представлялась возможность переселиться въ Россію: великая княгиня Ольга Ѳеодоровна очень желала удержать меня духовникомъ при себѣ. Но къ этому желательному для меня самого перемѣщенію я отнесся на этотъ разъ пассивно, предоставивъ рѣшеніе этого вопроса высшей волѣ. Помня за-

вѣщаніе покойнаго государя Николая Павловича: «берегите мою Оленьку», я не осмѣливался больше по своей волѣ оставлять свой постъ, и потому, когда великая княгиня Ольга Николаевна выспрашивала у меня по этому поводу о моихъ собственныхъ видахъ на службу при ней или въ Россіи, я могъ только отвѣтить съ полнымъ сознаніемъ, что мнѣ при ней слишкомъ хорошо и слишкомъ удобно, и что я вздыхаю только о томъ, что мнѣ не удается понести хоть малую часть бремени современной борьбы, которая объяла теперь всѣхъ и каждаго въ Россіи. На это мнѣ отвѣтили, что я и на своемъ мѣстѣ могу принимать дѣятельное участіе въ общемъ дѣлѣ и даже съ большею пользою, перенося отсюда на родную почву добытые историческою опытностью результаты культуры и цивилизаціи.

— Пишите ваши мысли, сообщайте ваши взгляды, и вы будете тѣмъ участвовать въ общемъ дѣлѣ!—сказала она.

И я послушался этого добраго совѣта, принявшись работать и писать. Такъ, въ самомъ началѣ зимы, я отправилъ на имя оберъ-прокурора Синода графа Толстаго, вмѣстѣ съ запиской о церковномъ совѣщаніи евангелической церкви, бывшемъ въ Стутгартѣ, проектъ новаго церковнаго журнала на основаніяхъ, дотолѣ бывшихъ неизвѣстными въ нашей богословско-церковной журналистикѣ. На это графъ Толстой мнѣ отвѣчалъ: «Письмо ваше, полученное мною вмѣстѣ съ запиской, въ которой вы предлагаете изданіе духовнаго журнала, очень любопытно и пришло ко времени: у насъ теперь много работаютъ надъ изданіемъ духовныхъ журналовъ; съ нынѣшняго года предположены различныя улучшенія во всѣхъ журналахъ, издаваемыхъ при нашихъ духовныхъ академіяхъ. Къ сожалѣнію, ваше письмо съ запискою о предполагаемомъ вами изданіи духовнаго журнала затерялось у его высокопреосвященства, какъ онъ объясняетъ въ своемъ письмѣ. Если у васъ сохранились черновыя, то прошу васъ переписать и прислать ко мнѣ; въ противномъ случаѣ, примите на себя трудъ вновь изложить свои мысли, онѣ могутъ послужить въ пользу при будущихъ соображеніяхъ о журналахъ, если бы даже оказалось невозможнымъ вполнѣ привести ваше предположеніе въ дѣйство».

Покойный митрополитъ Григорій имѣлъ, кажется, привычку затеривать представляемыя ему рукописи, а я съ своей стороны имѣлъ непохвальную привычку, еще со скамьи академической, писать свои сочиненія прямо набѣло, и потому, когда уже послѣ смерти митрополита Григорія у меня спрашивали черезъ консисторію, не сохранилась ли у меня черновая записка, поданная также митрополиту, о религіозномъ движеніи на Западѣ въ связи съ политическими событіями послѣднихъ годовъ, я долженъ былъ отвѣтить, что статья эта была писана мною подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ происходившихъ предъ моими глазами

событій и что поэтому снова написать такую же статью надобно было бы пережить вновь давнопрошедшее.

Такъ какъ въ это горячее время у насъ стали подымать вопросы обо всемъ, то коснулись и замѣны нашего стараго календаря новымъ. Я и здѣсь не утерпѣлъ, чтобы не высказаться по этому вопросу, и послалъ свою замѣтку, которая была напечатана въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (1858 г. № 42), за которую я удостоился отъ Герцена особой клички въ его «Колоколѣ». «Вотъ и еще выползаетъ изъ щели Божья коровка на защиту отжившаго старья», писалъ онъ, не называя, впрочемъ, меня по имени, тѣмъ болѣе, что оно и не было подписано подъ моей замѣткой. Но эффектъ ея былъ тотъ, что когда государю былъ представленъ уже готовый проектъ объ измѣненіи календаря, онъ отвѣчалъ на него почти тѣми же словами, какъ было сказано въ моей замѣткѣ. Впрочемъ, эта замѣтка моя на счетъ календаря не была простою журнальною статьею. Напротивъ, она была переслана мною, вмѣстѣ съ другими статьями, князю П. А. Вяземскому, бывшему тогда товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, и по его распоряженію была отослана въ «С.-Петербургскія Вѣдомости» для напечатанія какъ оффиціозное сообщеніе, положившее конецъ толкамъ объ измѣненіи у насъ календаря.

У меня сохранилось писанное мнѣ по этому поводу письмо князя Вяземскаго. Такъ какъ оно живо рисуетъ какъ характеръ князя, такъ и тогдашнее время, то я считаю долгомъ привести его здѣсь, тѣмъ болѣе, что безъ того оно не вошло бы ни въ какой сборникъ его сочиненій. Вотъ это письмо все отъ начала до конца.

С.-Петербургъ, 12 марта 1858 г.

«Передъ другимъ, передъ всякимъ свѣтскимъ начальствомъ и неначальствомъ, передъ всякимъ свѣтскимъ авторитетомъ, я легко могъ бы разными уловками, оговорками и даже уважительными причинами, говоря канцелярскимъ языкомъ, оправдывать себя въ долгомъ молчаніи. Но передъ вами, достопочтеннѣйшимъ іереемъ, я оправдываться не могу и не хочу. Вамъ, духовному отцу, съ чистосердечіемъ и раскаяніемъ исповѣдую вину мою и прошу у васъ прощенія. Такъ приношу повинную голову, или, правильнѣе, повинную руку, потому что голова и сердце передъ вами невиноваты. Впрочемъ, и это не уловка, а истина: если я непростительнымъ образомъ на письмо ваше не отвѣчалъ, то по крайней мѣрѣ усердно и въ точности приводилъ въ дѣйствіе его содержаніе. Прекрасная статья ваша о губернскихъ вѣдомостяхъ была мною тогда же передана по принадлежности въ министерство внутреннихъ дѣлъ, которое ими распоряжается, и вотъ отзывъ о вашей статьѣ товарища министра Левшина: «превосходная статья объ учебной дѣятельности въ Баденскомъ герцогствѣ отдана въ журналъ

нашъ и скоро явится въ печати». Отдѣльные оттиски будутъ вамъ доставлены. Вы видите, дѣла ваши въ порядкѣ,—одинъ я безпорядоченъ. Но и то сказать, вы знаете петербургское житье,—въ немъ нашъ недосугъ, вѣчное толченье въ пустой ступѣ, а прибавьте къ тому дѣла цензурныя, за которыя надо ратовать на всѣ стороны, противъ друзей и недруговъ, противъ излишняго ума и излишней глупости, и вы войдете въ мое положеніе и, надѣюсь, не осудите меня, безусловно. Богъ дастъ, надѣюсь въ скоромъ времени воспользоваться нужнымъ мнѣ отдыхомъ. Убоявшись бездны премудрости, хочется мнѣ выдти на свѣжій воздухъ. Вы, кажется, знаете, что я никогда не обольщаюсь мечтаніями о пользѣ, которую могу принести. Во-первыхъ, подобнаго рода обольщенія не въ моей природѣ и не въ моемъ характерѣ. Во-вторыхъ, я слишкомъ зорко предвидѣлъ обстоятельства и противоположныя условія, которыя въ дѣлѣ просвѣщенія могутъ обезсилить и самую богатырскую силу. А я себя богатыремъ вовсе не признаю. Можетъ быть ея императорское высочество Ольга Николаевна вспомнить письмо, которое я писалъ Титову при вступленіи на новое мое служебное поприще. При выступленіи въ походъ я уже зналъ, что буду разбитъ. Еще до Москвы уже подиралъ меня березинскій морозъ. Все это для васъ загадки и таинственное словоизлитіе, какъ говаривалъ, кажется, Шишковъ. Но дайте срокъ, и все будетъ ясно. На первый случай скажу вамъ, что надѣюсь совершить нынѣшнимъ лѣтомъ необходимое для меня лѣченіе въ Карлсбадѣ, а послѣ, можетъ быть, гдѣ-нибудь и съ вами встрѣтимся. На то и желѣзная дорога, чтобы горы сглаживались, а добрые люди встрѣчались. Сдѣлайте одолженіе, передайте мое нѣжнѣйшее почтеніе Аннѣ Алексѣевнѣ (Окуловой) и попросите ее повергнуть меня къ ногамъ ея императорскаго высочества. Воля ея и ваша, а у меня перо не повернется написать къ стопамъ. Это слишкомъ полновѣсно и неуклюже для дамскихъ ножекъ. А иные, чего добраго, еще пишутъ августѣйшія стопы. Какъ лестно должно быть для дамы имѣть густѣйшія стопы. Покорнѣйше прошу простить мнѣ это нѣсколько романтическое отступленіе, которое, впрочемъ, по адресу Анны Алексѣевны. Потрудитесь передать мое почтеніе Н. Ѳ. Аделунгу (секретарю великой княгини) и сказать ему, что всѣ порученія его были мною въ точности переданы министру. Поручая себя дальнѣйшему благорасположенію и молитвамъ вашимъ, имѣю честь быть съ отличнымъ почтеніемъ къ вашему высокопреподобію душевно и постоянно преданный К. Вяземскій».

Князь Петръ Андреевичъ исполнилъ свое обѣщаніе и въ теченіе лѣта посѣтилъ меня на Ротенбергѣ. Тамъ, гуляя съ нимъ вокругъ нашей церкви, откуда на всѣ стороны открывается чудесный разнообразный видъ, я вздумалъ затронуть его поэтическую жилку.

— Вотъ, князь,—говорилъ я ему,—что мнѣ разъ приснилось во снѣ. Читалъ я на ночь евангеліе о чудѣ усмиренія волнъ на морѣ Іисусомъ Христомъ и заснулъ на послѣднихъ словахъ: «Что вы такъ боязливы? какъ у васъ мало вѣры?» (Марка IV, 40). Метрическая сканція этого текста такъ и врѣзалась въ мое воображеніе, что я, кажется, всю ночь повторялъ его во снѣ, пока, наконецъ, къ утру не выработалась у меня въ воображеніи цѣлая поэма на эту тему. Я такъ живо и такими чудными стихами въ размѣрѣ текста проходилъ сначала всю жизнь человѣка, а потомъ всю міровую исторію, оканчивая каждый отдѣлъ тѣмъ же рефренемъ: что вы такъ боязливы? какъ у васъ мало вѣры?, что даже, проснувшись, ясно представлялъ себѣ эту чудную поэму. Я даже вскочилъ съ постели, намѣреваясь записать все это на бумагѣ; но съ первымъ движеніемъ головы все исчезло, какъ сонъ, и я не въ состояніи былъ припомнить ни одного слова изъ тѣхъ чудныхъ стиховъ, въ которыхъ такъ легко изливалась моя чудная поэма. Вотъ, князь, вамъ канва, на которой вы могли бы съ вашимъ поэтическимъ талантомъ воспроизвести чудное твореніе!

Вяземскій, по обыкновенію своему, мычалъ, слушая мой одушевленный разсказъ, потомъ, подумавъ, сказалъ: «боюсь, что это будетъ мнѣ не подъ силу». Тѣмъ не менѣе, я долго ждалъ и съ нетерпѣніемъ слѣдилъ за каждымъ его новымъ твореніемъ, надѣясь, не отзовется ли душа его на эту богатую тему для поэтическаго творчества. Но ожиданіе было напрасно. Вскорѣ послѣ этого князя Вяземскаго постигъ недугъ, который съ временными перерывами преслѣдовалъ его по самой смерти. При этомъ замѣчательно то, что каждое пробужденіе его духа отъ омраченія выражалось какимъ-нибудь новымъ произведеніемъ его поэтическаго генія. Такъ, находясь разъ въ Дрезденѣ въ самомъ печальномъ состояніи душевнаго разстройства, онъ вдругъ присылаетъ въ Стутгартъ на имя великой княгини Ольги Николаевны безъименное стихотвореніе: «Масляница на чужой сторонѣ». Никто не могъ подумать, что эта веселая шутка могла выйти изъ-подъ пера князя Вяземскаго, о которомъ всѣ знали, что онъ находится у доктора для душевнобольныхъ, пока одинъ стихъ въ этой шуткѣ: «пряникъ мой однофамилецъ» не навелъ на мысль, что пряники у насъ извѣстны подъ именемъ вяземскихъ, и что авторомъ этого стихотворенія не могъ быть никто другой, какъ только князь П. А. Вяземскій. По справкамъ оказалось, что это дѣйствительно было такъ, и что съ этой минуты больной опять выздоровѣлъ. Но затѣмъ проходили мѣсяцы и даже годы, и бѣдный поэтъ снова впадалъ въ свое мрачное состояніе.

Мнѣ пришлось два раза видѣть князя въ этомъ болѣзненномъ состояніи. Разъ это было въ Стутгартѣ, гдѣ онъ провелъ съ своею супругою часть зимы. Прихожу я въ гостиницу, гдѣ они остановились, и

нахожу къ немалому моему изумленію княгиню сидящею въ корридорѣ на скамеечкѣ, у дверей занимаемой имъ квартиры.

— Что съ вами, княгиня?—спрашиваю я.

— Да вотъ выгналъ изъ комнаты,—отвѣчаетъ она совершенно спокойнымъ тономъ.

Странное дѣло! Во время своего мрачнаго настроенія князь выбиралъ жертвою своей раздражительности одну только свою супругу, тогда какъ со всѣми другими онъ бывалъ ласковъ, даже слугу своего не обижалъ ни однимъ словомъ. Поводомъ же къ нападкамъ на княгиню всегда была ревность. Княгиня была старше его двумя годами и, бывши уже почти 90-лѣтнею старухою, подвергалась еще подозрѣніямъ больнаго мужа въ супружеской невѣрности. Но зато съ какимъ истинно-христіанскимъ терпѣніемъ, съ какою любовію переносила она эти болѣзненные припадки своего мужа. Я былъ свидѣтелемъ этого, когда, спустя нѣсколько лѣтъ, я долженъ былъ по особому желанію великой княгини Ольги Николаевны посѣтить опять заболѣвшаго князя въ Боннѣ. Въ этотъ разъ онъ находился въ самомъ мрачномъ настроеніи, и докторъ, въ заведеніи котораго онъ находился на излѣченіи, отдѣлилъ его отъ сообщенія со всѣми, почему и меня не допустили къ нему. Мы съ княгинею могли только смотрѣть незамѣченными изъ окна заведенія, какъ онъ прогуливался по саду, разговаривая самъ съ собою. Когда его ввели опять въ свою комнату и заперли тамъ на ключъ, княгиня взяла стулъ и сѣла въ корридорѣ у двери этой комнаты, приложивъ ухо къ скважинѣ. И такъ просиживала она цѣлые часы, подслушивая, что онъ говорилъ съ собою.

Старушка княгиня Вяземская пережила нѣсколькими годами своего мужа, и уже 96 лѣтъ она была свѣжа и памятью, и умомъ. Я видѣлся съ нею весною 1886 года въ Баденъ-Баденѣ за нѣсколько мѣсяцевъ до ея кончины. Сознавая вполнѣ свое старчество, она охотно говорила о предстоящей ей кончинѣ безъ страха и волненія. И въ этотъ разъ она начала говорить со мною объ этомъ.

— Смерти я не боюсь,—говорила она,—и готова къ ней. Одно только меня смущаетъ, что въ такую долгую жизнь я такъ мало сдѣлала добра. Вотъ сестра моя, княгиня Четвертинская, тоже прожившая больше 90 лѣтъ, умерла съ сознаніемъ, что она много на своемъ вѣку сдѣлала добра людямъ!

Тогда я напомнилъ ей, какой крестъ несла она при жизни своего мужа, и какъ ея самоотверженная преданность своему долгу стоила многихъ добрыхъ дѣлъ, оказываемыхъ постороннимъ за неимѣніемъ собственныхъ трудныхъ обязанностей жизни. Старушка приняла это замѣчаніе со свойственной ей скромностью, не выказавъ, кажется, и передъ собою великости этого жизненнаго подвига.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письмо И. С. Тургенева—къ К. Д. Кавелину объ Обществѣ распространенія грамотности.

Парижъ, 10-го сентября 1860 г.

Милостивый Государь Константинъ Дмитріевичъ!

Изъ прилагаемаго при семъ проэкта программы «Общества для распространенія грамотности и первоначальнаго образованія» [1])—вы усмотрите цѣль моего письма къ вамъ.—Эта программа составлена при участіи и съ согласія нѣсколькихъ русскихъ, случайно съѣхавшихся въ одномъ заграничномъ городѣ, и представляетъ только первоначальныя черты будущаго устройства общества. Надѣюсь, что вы одобрите мысль, которая лежитъ ей въ основаніи, и захотите посвятить ей и собственныя размышленія и бесѣды съ друзьями. Я бы почелъ себя счастливымъ, если бы ко времени моего возвращенія въ Россію (весною 1861 года) предполагаемая мысль получила обработку, достаточную для приведенія её въ исполненіе. Обращаясь къ вамъ, я не нуждаюсь въ громкихъ словахъ; я и безъ того увѣренъ, что вы охотно согласитесь принять участіе въ дѣлѣ подобной важности, или, по крайней мѣрѣ, выразить свое воззрѣніе на него. Я увѣренъ также, что вы не откажетесь распространять списки прилагаемой программы. Предпріятіе наше касается всей Россіи; намъ нужно знать по возможности мнѣніе всей Россіи о немъ; съ искренней благодарностью получилъ бы я всякое возраженіе или замѣчаніе. Мой адресъ: Paris poste restante.

Остаюсь съ полнымъ и сердечнымъ уваженіемъ преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

Сообщилъ **Ив. Кубасовъ.**

---

[1]) Общества этого Тургеневу организовать, насколько намъ извѣстно, не пришлось; но идея его до нѣкоторой степени была осуществлена (помимо его) Вольнымъ Экономическимъ обществомъ и—можно сказать—въ то же время. Въ апрѣлѣ слѣдующаго же—1861 г.—было первое засѣданіе извѣстнаго „Комитета Грамотности", первымъ предсѣдателемъ коего былъ С. С. Лашкаревъ, подавшій мысль объ учрежденіи названнаго комитета при Вольномъ Экономическомъ обществѣ. Задачи этого комитета совпадали съ идеей Тургенева, и, быть можетъ, возникновеніе его и заставило нашего маститаго писателя отказаться отъ мысли объ организованіи особаго общества. И. С. Тургеневъ былъ членомъ этого комитета, но неоднимъ изъ первыхъ. Онъ былъ „предложенъ въ члены" въ засѣданіи 12-го октября 1861 года (въ томъ же засѣданіи былъ предложенъ въ члены и графъ Л. Н. Толстой), см. „Экономическія записки" 1861 г. № 46, стр. 363. Съ такимъ же письмомъ, но нѣсколько позже, И. С. обратился къ А. А. Краевскому и А. Д. Галахову (См. „Полное собраніе сочин. И. С. Тургенева" С.-Петербургъ 1898 г., т. XII, стр. 354; тамъ же и „Проэктъ программы", о которой въ этомъ письмѣ говорится).

ПО ПОВОДУ
„Разсказа объ отношеніяхъ Пушкина къ Дантесу".

Когда дамы, «пріятныя во всѣхъ отношеніяхъ» и дамы «просто пріятныя» раздираютъ репутацію какого-нибудь губернскаго «прелестника» и сплетаютъ объ немъ банально-романтическія исторіи, совсѣмъ не подходящія къ его характеру, эти «исторіи» возбуждаютъ только смѣхъ и, пожалуй, досаду. Но когда подобныя же «исторіи», разсказываемыя будто бы достовѣрными свидѣтелями, чернятъ память великаго народнаго поэта, чувство, ими вызываемое, несравненно глубже и острѣе.

Въ февральской книжкѣ «Русской Старины» напечатанъ разсказъ младшаго современника Пушкина кн. А. В. Трубецкого объ отношеніяхъ Пушкина къ Дантесу, представляющій въ совершенно новомъ свѣтѣ не только эти отношенія, но и свѣтскіе нравы того времени.

Оказывается, что Наталья Николаевна Пушкина тайно отъ мужа обнималась и цѣловалась съ Дантесомъ и часто посылала къ нему свою горничную Лизу съ billets doux, въ которыхъ обращалась къ молодому кавалергарду на tu.

Но кн. Трубецкой и не думаетъ за это обвинять Наталью Николаевну, такъ какъ въ ихъ время все это было «въ обычаѣ» все, это были «вещи обыденныя» [1])!!

Но несмотря на всю «обыденность» подобныхъ секретныхъ поцѣлуевъ, Пушкинъ по своему «невыносимому характеру» былъ, повидимому, обезпокоенъ этимъ и рѣшился уличить свою жену. Для этого онъ, заставъ разъ (лѣтомъ, «среди бѣлаго дня»!) жену съ Дантесомъ,

[1]) Стр. 258.

не сказавъ имъ ни слова, прошелъ къ себѣ въ кабинетъ, «намазалъ сажей свои толстыя губы и, войдя вторично въ гостиную, поцѣловалъ жену, поздоровался съ Дантесомъ и ушелъ, говоря, что пора обѣдать. Наталья Николаевна, прощаясь съ своимъ гостемъ, по обыкновенію, поцѣловалась съ нимъ, и сажа съ ея губъ перешла на губы Дантеса. Провожая его въ переднюю, Пушкинъ увидѣлъ слѣды этой сажи, язвительно улыбнулся и сдѣлалъ женѣ сцену. Застигнутая врасплохъ, Наталья Николаевна солгала мужу, будто Дантесъ просилъ у нея руки ея сестры Кати. Дантесъ, чтобы прикрыть ея выдумку, женился на Е. Н. Гончаровой, послѣ чего Пушкинъ «уже не выражался о немъ (Дантесѣ) иначе, какъ въ самыхъ дружескихъ терминахъ» (260).

Изъ-за чего же дуэль?

А вотъ изъ-за чего: Пушкинъ былъ «до безумія» влюбленъ въ сестру своей жены Александру, «очень некрасивую, но весьма умную дѣвушку», которая еще до его женитьбы на Натальѣ Николаевнѣ «знала наизусть всѣ (!) стихотворенія своего будущаго beau frère». Новобрачные Дантесы задумали отправиться за границу, и съ ними собралась ѣхать Александра Николаевна. Пушкинъ изъ-за нея «рѣшилъ во что бы ни стало воспрепятствовать ихъ отъѣзду», сталъ придираться къ Дантесу и, получивъ извѣстный шутливый дипломъ на рогоносца, воспользовался имъ, какъ хорошимъ предлогомъ, чтобы вызвать Дантеса.

Помимо этихъ «разоблаченій», весь разсказъ кн. Трубецкого переполненъ неточностями и ошибками. Вотъ главнѣйшія:

По его словамъ, ухаживанье Дантеса за Натальею Николаевною началось лѣтомъ 1834 г., когда Пушкины жили на Черной рѣчкѣ. На Черной рѣчкѣ Пушкины жили лѣтомъ 1833 г., когда о Дантесѣ еще не было и слуху, а лѣто 1834 г., когда Дантесъ дѣйствительно уже былъ офицеромъ, Наталья Николаевна провела далеко отъ Петербурга, въ Калужской губ. (уѣхала 15-го апрѣля, вернулась только въ октябрѣ).

Если принять 1834 годъ за простой недосмотръ и читать вмѣсто него 1836 г., къ которому и самъ разсказчикъ пріурочиваетъ на слѣдующей страницѣ «исторію» съ «обличительнымъ» поцѣлуемъ и подневольнымъ предложеніемъ Дантеса, дѣло будетъ нѣсколько вѣроподобнѣе; но пушкинской горничной Лизѣ придется летать съ быстротою птицы изъ Новой Деревни, гдѣ стояли кавалергарды, на Каменный Островъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ въ это лѣто жили Пушкины; да и Дантесу не легко, досидѣвъ до обѣда у Пушкиныхъ, вернуться въ Новую Деревню, переодѣться и поспѣть къ обѣду своего дяди (sic).

По словамъ князя Трубецкого, бракъ Дантеса съ Екатериной Николаевной Гончаровой состоялся «вскорѣ» послѣ исторіи съ поцѣлуемъ

(стр. 260), и въ октябрѣ или ноябрѣ молодые собирались ѣхать за границу. На самомъ дѣлѣ Дантесъ вѣнчался 10-го января 1837 г. [1]).

По словамъ князя Трубецкого, Пушкинъ получилъ извѣстный пасквиль (4-го ноября) «въ числѣ многихъ». На самомъ дѣлѣ онъ одинъ получилъ 3 экземпляра этого пасквиля, и нѣкоторые его знакомые получили такой же пасквиль, но именно на Пушкина и для передачи ему [2]).

Нужно ли приводить свидѣтельства въ доказательство того, что Пушкинъ и послѣ женитьбы Дантеса отзывался о немъ въ такихъ «терминахъ», которые вовсе не указываютъ на его дружескія чувства?! Это фактъ слишкомъ извѣстный.

Имѣютъ ли какую-нибудь степень вѣроятности «разоблаченія» князя Трубецкого? По моему глубокому убѣжденію,—ни малѣйшей.

Исторія съ обличительнымъ поцѣлуемъ есть «бродячая повѣсть», очень почтенная по своей древности, встрѣчающаяся въ огромномъ количествѣ пріуроченій у разныхъ народовъ, а сюда попавшая изъ какого-нибудь французскаго сборника contes pour rire. Нѣсколько лѣтъ назадъ она фигурировала въ анекдотической біографіи Пушкина при потушенной свѣчѣ, а нынѣ весьма неудачно измѣнила свою обстановку.

Любопытно бы знать, какъ самъ разсказчикъ объяснялъ себѣ, что Дантесъ среди бѣлаго дня не замѣтилъ на нѣжныхъ губкахъ красавицы сажи, которую усмотрѣлъ на его губахъ Пушкинъ?

Какъ объяснить психологически, что молодой человѣкъ, посѣщающій домъ ради одной женщины, моментально соглашается жениться на ея сестрѣ и заявляетъ пріятелю, что онъ дѣлаетъ это съ радостью, такъ какъ она ему нравится? [3]) Или это слѣдуетъ отнести къ странностямъ того общества, когда безусловно порядочныя женщины позволяютъ себѣ обниматься и цѣловаться съ кавалергардами и переписываются съ ними на ты?

Что касается до безумной страсти Пушкина къ Александрѣ Николаевнѣ Гончаровой, въ удостовѣреніе которой кн. Трубецкой ссылается на г-жу Полетику, не такъ давно умершую въ Орлѣ [4]), это чистая сказка (вродѣ похищенія губернаторской дочери Чичиковымъ). Обвиняйте Пушкина, въ чемъ хотите, но не въ лицемѣріи и скрытности; такимъ обвиненіемъ обвинитель только себя пристыдитъ, а памяти поэта вреда не принесетъ ни малѣйшаго. Имя Александры Николаевны Гончаровой встрѣчается въ напечатанныхъ письмахъ Пушкина пять разъ и всегда рядомъ съ именемъ Екатерины Николаевны. Можетъ быть, сестры Натальи Николаевны обладали великими достоин-

---

[1]) См. „Русск. Старину“ 1880, № 10, стр. 458.

[2]) См. его письмо къ графу Бенкендорфу, изд. фонда VII, 415.

[3]) Стр. 260.

[4]) Стр. 260—261.

ствами, и внѣшними и внутренними; но Пушкинъ, горячо любившій свою жену, не замѣчалъ ихъ и даже, повидимому, плохо отличалъ ихъ одну отъ другой.

Вотъ что онъ говоритъ въ письмѣ къ женѣ отъ 21-го іюня 1834 г.: «Ты пишешь мнѣ, что думаешь выдать Катерину Николаевну за Хлюстина, а Александру Николаевну за Убри; ничему не бывать: оба влюбятся въ тебя; ты мѣшаешь сестрамъ, потому что надобно быть твоимъ мужемъ, чтобы ухаживать за другими въ твоемъ присутствіи». Когда барышни поселились въ Петербургѣ вмѣстѣ съ Пушкиными, поэтъ посылаетъ черезъ жену теткамъ Азѣ и Кòко сердечные поклоны, добродушно шутитъ надъ ихъ стремленіемъ выдти за мужъ, но опять таки не отдѣляетъ ихъ одну отъ другой, а близкимъ людямъ иногда жалуется на необходимость жить выше средствъ изъ-за барышенъ Гончаровыхъ. Надо обладать дьявольскимъ лицемѣріемъ, чтобы такъ искусно скрывать свою безумную страсть!

Князь Трубецкой увѣряетъ, что Александра Николаевна Гончарова была очень некрасивая, но чрезвычайно умная дѣвушка, знавшая наизусть всѣ стихотворенія Пушкина еще въ домѣ матери. Нижеподписавшійся не имѣетъ, къ сожалѣнію, никакихъ документальныхъ свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ Александры Николаевны [1]); но характеръ и образъ мыслей ея матери, Натальи Ивановны, слишкомъ хорошо извѣстны для того, чтобы считать возможнымъ такое старательное изученіе стиховъ Пушкина одною изъ дочерей ея.

Князь Трубецкой не поясняетъ, что же заставило Александру Николаевну рѣшиться уѣхать отъ Пушкиныхъ съ Дантесами за границу? Произошло ли между ней и Пушкинымъ охлажденіе? Но тогда зачѣмъ же кровавая развязка?! Опасалась ли она собственнаго чувства и африканскихъ страстей поэта? Но тогда какъ объяснить, что, умирая изъ-за любимой дѣвушки, Пушкинъ ни разу не вспомнилъ о ней въ цѣлыя двое сутокъ страданій—мы знаемъ все, что онъ говорилъ и дѣлалъ отъ нѣсколькихъ очевидцевъ,—а, напротивъ, призывалъ къ себѣ нелюбимую жену и выказывалъ самую трогательную заботливость о ней и о дѣтяхъ? Небывалый и совершенно невозможный случай самообладанія и скрытности!

Откуда же сказка, и почему она такъ долго таилась подъ спудомъ? Не знаемъ; но позволимъ себѣ высказать съ большимъ вопросительнымъ знакомъ одно предположеніе скромнаго профессіональнаго характера.

Всѣмъ памятно, какой переполохъ 40 лѣтъ назадъ произвело разоблаченіе талантливаго, но слишкомъ легковѣрнаго автора «Хижины

[1]) Отъ сына одного очень почтеннаго московскаго старожила я слышалъ, что Александра Николаевна одно время была извѣстна въ обществѣ подъ названіемъ б л ѣ д н а г о а н г е л а (что опровергаетъ слова князя Трубецкого объ ея некрасивости) и вышла замужъ за очень важнаго генерала.

дяди Тома» относительно развода Байрона; г-жа Бичеръ-Стоу, со словъ полупомѣшанной лэди Байронъ, повѣдала міру, что великій поэтъ былъ въ интимныхъ отношеніяхъ со своей единокровной сестрой! Извѣстно и то, что въ концѣ концовъ разоблаченіе было отринуто, какъ неумышленная клевета, но оно сдѣлало свое дѣло: оставило слѣдъ въ умахъ легковѣрныхъ собирателей скандаловъ и анекдотовъ.

Пушкина постоянно приравнивали къ Байрону, и «анекдоты» (не въ смыслѣ неизданнаго, а въ смыслѣ того, что не слѣдовало бы издавать) объ одномъ переносили на другого. Отношенія Пушкина съ родной его сестрой были слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстны; но были сестры у его жены; одна изъ нихъ Екатерина уже имѣетъ роль въ этой темной трагедіи, а другая что же дѣлала? Нельзя ли привлечь ее на амплуа «губернаторской дочки»? И вотъ создается сконапель-истоаръ.

Бѣдный поэтъ! И до сихъ поръ свѣтскія сплетни не перестаютъ позорить его честное имя!

А. Кирпичниковъ.

Письмо князя Алексѣя Горчакова—къ генералу-отъ-инфантеріи С. К. Вязмитинову о встрѣчѣ С.-Петербургскаго ополченія.

1-го іюня 1814 г. № 3204.

По случаю возвращенія здѣшняго ополченія въ С.-Петербургъ, которое прибудетъ въ Стрѣльну 10-го, а сюда 11-го или 12-го сего іюня (о чемъ я буду имѣть честь особенно увѣдомить ваше высокопревосходительство), долгомъ поставляю сообщить вамъ, милостивый государь, что я полагаю встрѣтить оное съ тою же почестію, съ каковою благоугодно было государю императору отправить сіе ополченіе въ 1812 году противу враговъ Россіи. Таковую встрѣчу сдѣлаю у Нарвской заставы и провожу ополченіе до Исакіевской площади, на которой всемилостивѣйшій государь соблаговолилъ вручить то знамя, съ коимъ оно столь храбро защищало наше отечество. По прибытіи на Исакіевскую площадь, я полагаю весьма приличнымъ встрѣчену быть—духовенствомъ и принести Богу благодареніе за вся благая, изліянная на любезное наше отечество, и за блистательные успѣхи побѣдоноснаго россійскаго воинства, въ коихъ и сіи возвращающіеся со славою воины столь отлично соучаствовали; о чемъ для учиненія зависящаго распоряженія со стороны духовенства, отнесся я вмѣстѣ съ симъ къ г. тайному совѣтнику князю Голицыну.

Что же принадлежитъ до знамя, дарованнаго С.-Петербургскому ополченію, то оно будетъ храниться въ здѣшнемъ арсеналѣ въ особо приготовленномъ для того мѣстѣ и съ приличною надписью.

Ожидая на сіе мое предположеніе мнѣнія вашего, милостивый государь, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію.

Россія и папскій престолъ [1].

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Конецъ династіи.

I.

Наслѣдіе Іоанна IV.—Плодовитая династія.—„Большое гнѣздо“.—Василій III, мучимый желаніемъ сдѣлаться отцомъ.—Поэтическія его жалобы.—Разводъ и анти-канонический бракъ.—Рожденіе Іоанна IV.—Семейные подвиги Іоанна Грознаго.—Заключеніе князя Андрея въ темницу.—Князь Владиміръ во время взятія Казани.—Серьезная болѣзнь Іоанна IV.—Подозрѣніе, павшее на Владиміра.—Враждебныя мѣры.—Торжественный пріемъ Владиміра въ Костромѣ.—Отравленіе Владиміра и его семейства.—Кончина Іоанна IV.

Тяжело было наслѣдіе Іоанна Грознаго; слабымъ рукамъ Ѳеодора было не снести его. Юный царь не имѣлъ мрачнаго характера своего отца. Онъ скорѣе могъ стушевываться, нежели проявлять суровый и утонченный деспотизмъ. Даже Борисъ Годуновъ, честолюбивый выскочка, то грубый, то надменный, не могъ въ концѣ концовъ справиться съ тогдашнимъ положеніемъ. Россія, жестоко обманутая, видѣвшая со всѣхъ сторонъ измѣну, разоренная и ограбленная, преданная иностранцамъ, потрясенная внутренними смутами, избѣжала окончательной гибели только благодаря пробудившейся въ ней внезапно мстительной народной совѣсти.

[1]) Le P. Pierling, S. J. La Russie et le Saint Siège. Etudes diplomatiques. III. Paris. Librairie Plon. 1901 г. П. Пирлингъ, какъ историкъ, знакомъ читателямъ „Русской Старины“ по статьямъ его, неоднократно помѣщаемымъ въ

Начало этихъ бѣдствій и тайныя причины, ихъ вызвавшія, кроются въ той роковой эпохѣ, когда свирѣпствовала опричина и даже въ болѣе отдаленныхъ временахъ. Великій князь московскій давно уже походилъ на византійскаго базилевса [1]), потомки удѣльныхъ князей занимали мѣста его слугъ, дворянство, обязанное своимъ положеніемъ случаю, соперничало съ боярами княжескаго происхожденія. Такое уравненіе сословій отразилось на вотчинномъ землевладѣніи, когда новымъ представителямъ власти были пожалованы помѣстья и они обогатились на счетъ прежнихъ поземельныхъ собственниковъ. Іоаннъ IV возвелъ въ политическую систему лишать мѣстъ тѣхъ, кто внушалъ ему подозрѣніе, и отдавать ихъ помѣстья людямъ, обязаннымъ платить ленную подать. Отъ этого страдало все населеніе, какъ знатные бояре, такъ и мелкопомѣстные люди, за исключеніемъ небольшаго числа счастливцевъ. Въ то время какъ были потрясены такимъ образомъ всѣ права и интересы, вызвана ожесточенная борьба, соперничество и месть, въ странѣ медленно, но вѣрно подготовлялся огромный переворотъ. Онъ разразился въ то время, когда раса гигантовъ, создавшихъ величіе московскаго государства, зачахла и вымерла.

Плодовитая династія Рюрика, казалось, должна была пережить вѣка: ей было тѣсно въ первоначальныхъ границахъ Россіи. Великій князь Владиміръ, желая дать удѣлъ каждому изъ своихъ сыновей, не задумался раздробить свои владѣнія. Едва лишь прежнее единство было до нѣкоторой степени возстановлено Ярославомъ Мудрымъ, какъ русская земля была снова раздѣлена между наслѣдниками, стремившимися упрочить свою самостоятельность.

Такого рода княжеская анархія продолжалась до конца пятнадцатаго вѣка. Россія, свободная и независимая или порабощенная татарскимъ игомъ, одинаково раздроблялась послѣ смерти каждаго князя, и эти отдѣльныя части государства соединялись иногда, смотря по обстоятельствамъ, въ одно цѣлое, но затѣмъ снова распадались. При этихъ условіяхъ, разумѣется, были неизбѣжны семейныя распри, враждебные набѣги, вооруженныя столкновенія, вызванныя жаждою мести, и внутреннія междоусобія. Честолюбивые князья и ослушники погибали во время этой борьбы, а за нихъ начинали мстить болѣе или менѣе дальніе ихъ родственники и наслѣдники. Воинственный и предпріимчивый духъ той эпохи не могъ бы примириться съ теоріей Мальтуса, ибо хотя періодическій раздѣлъ земли имѣлъ свои неудобства, но большое число

нашемъ журналѣ. Отличаясь точностью изслѣдованія и необыкновенною живостью разсказа, онъ издалъ нынѣ, подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, свое въ высшей степени интересное изслѣдованіе о Димитріѣ Самозванцѣ, которое мы и предлагаемъ вниманію читателей. Ред.

[1]) Царя.

лицъ, участвовавшихъ въ этомъ раздѣлѣ, благопріятствовало, въ свою очередь, расширенію границъ государства, и единство династіи усиливало единство рода въ государствѣ, которое только-что созидалось и было въ высшей степени склонно къ колонизаціи. За то русскіе князья ревниво оберегали свое потомство, и прозвище «Большое гнѣздо», данное одному изъ нихъ, не пугало ихъ.

Тѣмъ не менѣе, въ первой половинѣ шестнадцатаго вѣка, жизнеспособность московскихъ князей, повидимому, изсякла. Въ то время на великокняжескомъ престолѣ возсѣдалъ Василій III. Текшая въ его жилахъ кровь византійскихъ императоровъ (онъ былъ сыномъ Софіи Палеологъ), смѣшанная съ русской кровью Сабуровой, не оправдала самыхъ скромныхъ ожиданій: по прошествіи двадцати лѣтъ брачной жизни, у него еще не было дѣтей. Передать власть братьямъ, которыхъ онъ считалъ неспособными царствовать и которыми, дѣйствительно, не имѣлъ причинъ быть довольнымъ, не входило въ намѣренія Василія. Требованія политики и чувства говорили ему, что только сынъ могъ быть достоинъ наслѣдовать его власть. Поэтому онъ страстно желалъ сдѣлаться отцомъ, его неотступно преслѣдовала эта мысль, и онъ озаботился принять къ тому соотвѣтственныя мѣры. Прежде всего было начато оффиціальное слѣдствіе по поводу неплодія бѣдной княгини: оно не привело ни къ чему и доставило только случай убѣдиться въ безсиліи лѣкарственныхъ снадобій и наговоровъ, которые почитались въ Москвѣ всеисцѣляющимъ средствомъ отъ всѣхъ недуговъ [1]). Не трудно было предвидѣть суровую развязку. Лѣтописцы, въ позднѣйшихъ разсказахъ объ этомъ событіи, напрасно старались придать ему нѣкоторый поэтическій оттѣнокъ. Великій князь, говорили они, выражалъ свое горе въ образныхъ жалобахъ и бросалъ завистливые взгляды на птицъ, сидѣвшихъ въ гнѣздахъ и на рыбъ, плававшихъ въ глубинѣ воды.

— Я слышу,—будто бы говорилъ онъ,—вокругъ меня трепетаніе жизни; все волнуется, трепещетъ и цвѣтетъ. Почему же я одинъ лишенъ отеческихъ радостей?

Коварный вопросъ, на который царедворцы, не особенно заботившіеся о сохраненіи супружеской вѣрности, отвѣчали, будто бы, слѣдующимъ поучительнымъ нравоученіемъ:

— Безплодное растеніе должно быть вырвано съ корнемъ и замѣнено другимъ, приносящимъ цвѣты и плоды.

Не трудно было понять смыслъ этого изреченія и, если съ одной стороны этотъ урокъ дѣйствительно былъ данъ, то съ другой онъ былъ прекрасно понятъ [2]). Остальное извѣстно: разводъ съ Саломоніей Са-

[1]) Истор. акты, т. I, стр. 192, № 130.

[2]) Полн. Собр. т. IV, стр. 295. Жалобы, приписываемыя Василію, встрѣчаются въ апокрифическихъ сочиненіяхъ.

буровой, ея насильственное заточеніе въ монастырь и бракъ Василія съ княжною Еленою Глинскою, заключенный противно правиламъ православной церкви. На этотъ разъ страстное желаніе князя-двоеженца исполнилось; въ 1530 г. у него родился сынъ Іоаннъ IV [1]).

Правда, вновь родившійся «порфирородный» младенецъ, помимо всякихъ юридическихъ фикцій, не могъ считаться ни законнымъ наслѣдникомъ престола, ни истиннымъ потомкомъ Рюрика. Незаконнорожденный ребенокъ, появившійся на свѣтъ при жизни первой жены, онъ былъ вдвойнѣ заклейменъ во мнѣніи народа. Поэтому это вопіющее нарушеніе закона постарались загладить, насколько возможно освятивъ его одобреніемъ духовной власти и благословеніемъ церкви: къ великому соблазну неподкупныхъ Вассіана и Максима Грека, митрополитъ Даніилъ, уступая настойчивымъ требованіямъ великаго князя, одобрилъ разводъ и торжественно благословилъ святотатственный бракъ. Этого было достаточно въ глазахъ толпы, вообще довольно снисходительной. Сами бояре, болѣе или менѣе ослѣпленные, преклонились передъ совершившимся фактомъ. Такимъ образомъ незаконнорожденный сынъ Василія пользовался почестями и правами, присвоенными законнымъ княжескимъ сыновьямъ, которыя никто впрочемъ у него не оспаривалъ, и династія считалась не прекратившейся.

Исторія Іоанна IV и его отношеній къ Риму извѣстна. Памятны разорительныя войны, которыя онъ велъ съ королемъ польскимъ, Стефаномъ Баторіемъ, предложенія, сдѣланныя имъ Григорію XIII, которыя привели къ посредничеству папы между воюющими сторонами и къ богословскому спору съ Антоніемъ Поссевиномъ [2]). Грозный царь представляется тутъ съ совершенно новой стороны: онъ сталъ палачемъ своихъ ближайшихъ родственниковъ; его кровожадныя наклонности ускорили гибель его рода; мы коснемся здѣсь его семейныхъ подвиговъ.

Терзаемый опасеніемъ, что скипетръ выскользнетъ изъ его рукъ, онъ считалъ себя окруженнымъ соперниками и предателями. Во время печальной памяти опричины, его подозрительность и недовѣрчивость еще болѣе возросли и побуждали его прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ. Болѣе всего ему внушалъ подозрѣній его двоюродный братъ Владиміръ, сынъ Андрея Ивановича. Послѣ долгихъ колебаній, Іоаннъ направилъ первый ударъ противъ него.

Во время регентства Елены, матери Іоанна IV, князь Андрей былъ съ нею постоянно не въ ладахъ. Его подозрѣвали въ честолюбивыхъ намѣреніяхъ, и ему пришлось поплатиться за это темницею и кандалами.

---

[1]) Полн. Собр. т. I, стр. 314. Второй сынъ Василія былъ идіотъ. Онъ не игралъ никакой роли въ исторіи, и мы о немъ не будемъ болѣе упоминать.

[2]) Полн. Собр., т. II, кн. I.

Его сынъ Владиміръ раздѣлялъ съ нимъ заточеніе, продолжавшееся впрочемъ всего нѣсколько мѣсяцевъ. Высшее духовенство и бояре ходатайствовали за узниковъ, и они были освобождены къ Рождеству 1541 г. Всѣ эти прискорбныя событія были преданы забвенію, и Владиміръ наслѣдовалъ со временемъ отцу, получивъ Старицкій удѣлъ, и принималъ участіе въ завоеваніи Казани.

Это татарское царство, расположенное на берегахъ Волги и Камы, мѣшало расширенію московскаго княжества и преграждало московитамъ путь въ Азію. Кремль поклялся погубить этотъ центръ мусульманства и сдержалъ слово въ 1552 году. Воодушевленные ненавистью и отчаяніемъ, татары защищались до послѣдней капли крови; городъ былъ взятъ приступомъ послѣ продолжительной осады и страшной рѣзни. Побѣда надъ ненавистными бусурманами произвела огромное впечатлѣніе въ странѣ; народъ восторгался ею и разукрасилъ ее фантастическими подробностями. Однимъ изъ героевъ этой осады былъ князь Владиміръ; его имя прославлялось войскомъ, его достоинства заслужили ему любовь народа. Этого было достаточно, чтобы возбудить опасенія крайне подозрительнаго Іоанна, тѣмъ болѣе, что на слѣдующій годъ герой выступилъ въ качествѣ соискателя престола.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ этого славнаго похода, царя Іоанна постигъ одинъ изъ тѣхъ тяжкихъ недуговъ, которые вселяли въ окружающихъ страхъ и приводили въ недоумѣніе и замѣшательство врачебную науку шестнадцатаго вѣка. Недугъ называли, довольно произвольно, огневой болѣзнію. Быть можетъ, это былъ родъ злокачественной лихорадки, которая, поразивъ сильный организмъ, проявлялась какъ самая жестокая болѣзнь. Какъ бы то ни было, Іоаннъ былъ при смерти. Тревожные симптомы предвѣщали скорую кончину, и у его изголовья появились соискатели его власти, не обращавшіе вниманія на его страданія и не могшіе дождаться, чтобы вѣнецъ спалъ съ его главы.

Положеніе было затруднительное. У царя не было сына въ такомъ возрастѣ, чтобы онъ могъ бы тотчасъ вступить на престолъ; наслѣдникъ престола былъ младенецъ, не вышедшій еще изъ колыбели [1]). И умирающій царь никому другому, какъ ему, не хотѣлъ оставить престолъ. Но возможность вступленія на престолъ несовершеннолѣтняго царя должна была преисполнить ужасомъ всѣхъ тѣхъ, которые помнили еще управленіе Елены Глинской, были свидѣтелями злоупотребленія властью и дорожили своимъ собственнымъ достоинствомъ. Матерью малолѣтняго

---

[1]) Этотъ ребенокъ, названный Димитріемъ, утонулъ въ томъ же году въ Бѣломъ озерѣ. Его имя было дано другому сыну Іоанну, о которомъ мы будемъ говорить далѣе.

наслѣдника престола была Анастасія Романова, ей надлежало управлять государствомъ, во время малолѣтства сына; не трудно было предвидѣть, какую выдающуюся роль играла бы ея родня.

Романовы, надобно замѣтить, были знатнаго происхожденія, имѣли блестящія родственныя связи, были умны и дѣятельны; они занимали высшія должности, но не принадлежали къ цвѣту стариннаго дворянства; они были скорѣе представителями тѣхъ лицъ, которыя попали въ аристократію благодаря случаю и своимъ личнымъ заслугамъ. Гордые потомки Рюрика не хотѣли преклониться передъ потомками Кошки и Кобылы, опасаясь снова подпасть олигархіи бояръ. Они опирались въ данномъ случаѣ на древнее обычное право, которое отдавало преимущество дядямъ передъ племянниками и предоставляла право наслѣдства не ближайшему потомку, но старшему въ родѣ по боковой и восходящей линіи. Князь Владиміръ могъ воспользоваться этими юридическими правами и становился такимъ образомъ въ силу событій естественнымъ главою оппозиціи.

Завязавшаяся немедленно борьба достигла высшаго напряженія, когда царь потребовалъ, чтобы была принесена присяга его сыну. Дѣло приняло не шуточный оборотъ, и если нѣкоторые покорились безропотно, за то нашлись и такіе, которые отказались отъ присяги, не скрывая даже причины своего отказа. Безупречная репутація Анастасіи не давала повода къ подозрѣніямъ, но, говорили ослушники, мы не желаемъ подчиняться Романовымъ; къ тому же пусть лучше государствомъ управляетъ взрослый человѣкъ, нежели ребенокъ. Поступки Владиміра подкрѣпляли эти слова; онъ не оставался бездѣятельнымъ, а, напротивъ, совѣщался со своей матерью, окружилъ себя приверженцами и, какъ говорятъ, не жалѣлъ денегъ.

Кризисъ продолжался два томительныхъ дня. Приходя въ себя, умирающій царь имѣлъ только силы заклинать преданныхъ ему бояръ, чтобы они наблюдали за его сыномъ, и сохранили ему престолъ, хотя бы имъ пришлось поплатиться за это ссылкою. Что касается упорствующихъ, то, не имѣя возможности заставить ихъ повиноваться, онъ грозилъ имъ судомъ Божіимъ; впрочемъ, можно предполагать, что около постели умирающаго происходили какіе-то переговоры, тайну которыхъ мы не можемъ проникнуть, такъ какъ самые упорные уступили наконецъ и цѣловали крестъ сыну Іоанна. Самъ Владиміръ не могъ противиться общему рѣшенію. Лично заинтересованный въ этомъ дѣлѣ, онъ прибѣгнулъ сначала къ нѣкоторымъ уловкамъ, но затѣмъ, добровольно или уступая силѣ, подписалъ тяжелое для него обязательство.

Дѣло было въ такомъ положеніи, когда умирающій почувствовалъ себя внезапно лучше. Реакція произошла столь же быстро, какъ силенъ былъ недугъ. Тѣ, кои разсчитывали на смерть царя, очутились лицомъ

къ лицу съ безпощаднымъ мстителемъ. Смутный призракъ сына, лишеннаго престола, и партіи бояръ, жаждавшихъ его погибели, навсегда запечатлѣлся въ глазахъ Іоанна, и онъ счелъ нужнымъ окружить себя мѣрами предосторожности.

Вначалѣ онъ потребовалъ отъ Владиміра въ видѣ удовлетворенія за прошлое только вѣрноподданнической грамоты, надлежащимъ образомъ подписанной съ приложеніемъ къ ней печати. При рожденіи втораго сына, въ 1554 г., онъ удвоилъ бдительность; внушавшій ему подозрѣніе, двоюродный братъ долженъ былъ обязаться подпискою не выѣзжать изъ Москвы, ограничить число своихъ слугъ, выдавать измѣнниковъ, хотя бы то оказалась его родная мать Ефросинія [1]).

Нѣсколько лѣтъ спустя, одинъ ничтожный случай, по всѣмъ признакамъ походившій на предумышленное предпріятіе, вызвалъ новыя строгости. Владиміръ заключилъ въ тюрьму одного изъ своихъ слугъ. Послѣдній смѣло обратился къ царю, прося у него защиты и обѣщая открыть беззаконные поступки своего господина. Въ Москвѣ, подобные доносы были обычнымъ дѣломъ, и Іоаннъ былъ мастеръ обставлять ихъ какъ слѣдуетъ. При помощи усиленныхъ слѣдствій и розысковъ открыли то, что хотѣли во что бы то ни стало найти; Владиміръ былъ обвиненъ. Царь созвалъ высшее духовенство, изложилъ ему свои жалобы противъ двоюроднаго брата, сердился, грозилъ, но все-таки умилостивился и рѣшилъ не прибѣгать къ суровымъ мѣрамъ. Но онъ окружилъ обвиняемаго новыми слугами, или, лучше сказать, шпіонами, которые должны были слѣдовать за нимъ по пятамъ; промѣнялъ его наслѣдственные удѣлы на другіе и заточилъ его въ стѣнахъ Кремля, давъ себѣ слово зорко слѣдить за нимъ. Это происходило въ 1563 году; роковая развязка была отложена на шесть лѣтъ.

Грозная опричина свирѣпствовала въ то время со всей силою, Москва была объята ужасомъ, кровь невинныхъ жертвъ текла ручьями, и знатнѣйшіе граждане подверглись наибольшей опасности. Безчувственный и неумолимый, царь не отступалъ передъ самыми гнусными убійствами, которыя служили цѣлямъ его политики и удовлетворяли его дикіе инстинкты. Князь Владиміръ былъ слишкомъ на виду, слишкомъ близокъ къ престолу и слишкомъ достоинъ уваженія, и поэтому на него былъ направленъ ударъ. Восторженный пріемъ, оказанный ему въ Костромѣ, ускорилъ его паденіе. На границѣ появились татары. Владиміръ собирался стать во главѣ войска и отразить татаръ; жители Костромы встрѣтили съ восторгомъ того, кто хотѣлъ освободить ихъ отъ этого бича. Царь тотчасъ воспользовался этимъ ничтожнымъ предлогомъ. Именитые граждане Костромы были вызваны въ Москву, не для того,

[1]). Собр. гос. грам., т. 1, стр. 460 и сл. № 167—169.

чтобы быть преданными суду, а для того, чтобы быть казненными. Что касается Владиміра, то онъ получилъ милостивое приглашеніе отправиться со всей семьею въ Слободу, въ мрачный дворецъ, гдѣ происходили оргіи и рѣзня: это была западня.

Съ этого момента къ исторіи примѣшивается легенда. Одни утверждаютъ, будто Владиміръ упредилъ царя и снабдилъ его повара ядомъ и деньгами; другіе видятъ въ этомъ коварную хитрость Іоанна, сдѣланную съ цѣлью обвинить своего двоюроднаго брата и имѣть предлогъ мстить ему. Вслѣдствіе этого Владиміру, его женѣ и двумъ сыновьямъ былъ поднесенъ по очереди отравленный напитокъ. Какъ бы то ни было, не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ четыре жертвы погибли насильственной смертью. Были пощажены только двѣ маленькія дочки несчастнаго князя.

Кровь ошьяняла царя. На другой день послѣ этого убійства, жертвою его мстительной злобы сдѣлалась мать Владиміра. Ефросинія дѣйствовала нѣкогда заодно съ сыномъ и раздѣляла съ нимъ превратности судьбы, но она давно уже оставила свѣтъ и жила въ монастырѣ. Монастырскія стѣны не укрыли ее отъ подозрѣнія и не избавили отъ тяжкой смерти; не разбирая, была ли она виновна или нѣтъ, Іоаннъ приказалъ бросить ее въ воду. Шексна поглотила трупъ княгини, единственнымъ преступленіемъ которой было то, что она произвела на свѣтъ опальнаго.

Такимъ образомъ, въ нѣсколько дней трагически покончила свое существованіе побочная линія древняго Рюрикова рода. Тотъ, кто съ такимъ ожесточеніемъ старался уничтожить ее, былъ также потомкомъ этого рода. Какое роковое стеченіе обстоятельствъ побуждало его къ этому насилію? Былъ ли онъ жертвою своей собственной прихоти? или же онъ вооружался противъ своихъ родичей, повинуясь только неумолимому разсчету? Царь Іоаннъ всегда увлекался династической идеей, онъ хвастался знатностью своего рода и совершенно серьезно считалъ въ числѣ своихъ предковъ императора Августа; ничто не могло сравняться съ его высокомѣрнымъ презрѣніемъ къ такимъ выскочкамъ, какимъ былъ Стефанъ Баторій. Но корону, полученную имъ отъ Бога, а не отъ людей, какъ вещь священную, онъ хотѣлъ передать ни кому другому, какъ своимъ прямымъ потомкамъ. Всякій иной соискатель, хотя бы родственный ему по праву, былъ въ его глазахъ самозванцемъ, и онъ не задумываясь готовъ былъ принести его въ жертву своей въ высокой степени эгоистической политикѣ.

Обуреваемый дикими страстями, этотъ человѣкъ, такъ много заботившійся о будущемъ, страстно любившій власть, такъ плохо владѣлъ иногда собою и предавался такому безумному гнѣву, что совершенно забывалъ при этомъ и свою гордость и свое знатное происхожденіе. Въ

1581 г. въ припадкѣ бѣшенства онъ поднялъ преступную руку на сына, ударилъ его своимъ посохомъ, и юный царевичъ палъ мертвый къ его ногамъ. Какъ извѣстно, въ это время прибылъ въ Москву Поссевинъ, гдѣ онъ и слышалъ подробный разсказъ объ этомъ печальномъ событіи [1]). По уму и лѣтамъ только старшій сынъ Іоанна могъ наслѣдовать отцу. Послѣ его смерти у Іоанна Грознаго осталось всего два сына, изъ коихъ одинъ былъ слабоумный, а второй несовершеннолѣтній. По праву старшинства, на престолъ вступилъ слабоумный.

II.

Призрачный царь.—Министръ слабаго царя.—Тайны Кремля.—Мстиславскій, первая жертва.—Заговоръ Шуйскихъ.—Проектъ развода.—Слѣдствіе и государственная измѣна.—Опала и ссылка Шуйскихъ.—Предосторожность, принятая Годуновымъ.—Марія Владиміровна.—Смерть Димитрія и царя Ѳеодора.—Предчувствія.—Флетчеръ и Дона.—Борисъ Годуновъ, его титулы и богатство.—Онъ достигаетъ власти.—Молитва, по его приказанію сочиненная.—Семейство Романовыхъ.—Ихъ опала.—Пристрастный процессъ.—Ссылка Романовыхъ.—Родоначальникъ династіи

Слабоумный юноша, вершавшій судьбы московскаго государства, былъ лишь призракомъ царя. Онъ только носилъ это имя, а настоящая власть была въ рукахъ его зятя, Бориса Годунова. Этотъ бывшій опричникъ, едва умѣвшій читать и писать, обладалъ способностями государственнаго человѣка и изворотливостью татарина. Первый министръ новаго царя, тяготившагося малѣйшимъ трудомъ, Годуновъ старательно оберегалъ престолъ и при кончинѣ Ѳеодора ему стоило только протянуть руку, чтобы надѣть на свою голову корону, какъ бы предназначенную именно для него. Странная судьба! Этотъ выскочка, такъ страстно желавшій упрочить престолъ за своимъ сыномъ, только подготовилъ почву для соперника! Къ этому привели мало по малу интриги и борьба, о которыхъ намъ придется здѣсь говорить.

Кремль шестнадцатаго вѣка не открылъ потомству тайну волновавшихъ его мрачныхъ событій. Слѣды крови свидѣтельствуютъ о томъ, какъ жестоки были происходившіе въ немъ раздоры; но подробности этихъ событій нерѣдко ускользаютъ отъ нашихъ взоровъ. Для того, чтобы удержаться на высотѣ своего величія, Годуновъ роковымъ образомъ былъ вынужденъ слѣдовать политикѣ Грознаго царя, конечно не подражая порывамъ его дикой жестокости и безчеловѣчія. Флетчеръ, агентъ королевы Елисаветы, замѣтилъ весьма основательно, что Іоаннъ IV

[1]) Собр. гос. грам. т. II, стр. 160.

особенно ожесточался противъ «представителей дворянства», потомковъ удѣльныхъ князей [1]). Въ ихъ семьяхъ жили традиціи прежней свободы, и они имѣли извѣстныя права на престолъ. По мнѣнію Іоанна, ихъ униженіе или даже ихъ истребленіе упрочивало самодержавіе, становя царя выше всѣхъ остальныхъ. Для достиженія этой цѣли онъ пожертвовалъ своимъ двоюроднымъ братомъ, княземъ Владиміромъ. Борисъ Годуновъ сливался въ едино съ личностью молодаго царя; ему чуялись враги во всѣхъ знатныхъ боярахъ, которые такъ гордились своимъ происхожденіемъ, своими правами и пережили всѣ бывшія бури. Впрочемъ, борьба приняла нѣсколько иной характеръ, такъ какъ никто не былъ озлобленъ противъ Ѳедора; ненависть и злоба обрушивались противъ того, кто царствовалъ на его мѣстѣ: Годунову приходилось отстаивать свою власть, и онъ былъ всегда готовъ преслѣдовать своихъ противниковъ.

Одною изъ первыхъ жертвъ новаго порядка вещей былъ престарѣлый князь Иванъ Мстиславскій. Славный своимъ происхожденіемъ, онъ занималъ высокія должности, и самъ Іоаннъ IV постоянно оказывалъ ему уваженіе. Его опала была только предвѣстницей новыхъ бѣдъ. Гораздо важнѣе было другое дѣло, имѣвшее громкую огласку и въ которомъ были замѣшаны князья Шуйскіе.

Борьба завязалась на почвѣ интригъ и козней. Помимо личныхъ достоинствъ, Борисъ Годуновъ былъ въ значительной степени обязанъ своимъ вліяніемъ своей сестрѣ Иринѣ, супругѣ Ѳеодора. Имѣла ли она значеніе при дворѣ или нѣтъ, для насъ не важно; но царь питалъ къ ней нѣжную привязанность, и Борисъ умѣлъ пользоваться этой любовью. Тихое счастье царственной четы омрачалось только отсутствіемъ потомства. Впрочемъ, надежда не покидала ихъ, они вооружились терпѣніемъ; но въ то время, какъ королева Елисавета посылала имъ изъ Лондона врачей и бабокъ [2]), враги Бориса мечтали о разводѣ, о новомъ бракѣ для Ѳеодора и о заточеніи Ирины въ монастырь. Планъ былъ составленъ такого рода: они хотѣли взбунтовать чернь и всенародно «бить челомъ», подать царю челобитную и умолять его пожертвовать домашнимъ счастіемъ для блага народа. Его дѣдъ, Василій, развелся же со своей первой женою и вступилъ въ новый бракъ, почему же Ѳеодору было не послѣдовать его примѣру? Будущности страны грозила опасность. Затаенная мысль этихъ сторонниковъ развода была ясна: опала Ирины повлекла бы за собой паденіе Бориса, и однимъ ударомъ была бы спасена династія и низверженъ всѣмъ мѣшавшій и внушавшій подозрѣніе выскочка [3]).

---

[1]) Бондъ (Bond), стр. 34 и сл.

[2]) Толстой Юрій, стр. 284, № 59.

[3]) Русск. Лѣт., т. VIII, стр. 8, 9.—Поповъ. Изборникъ, стр. 187.—Плато-

Самыми дѣятельными участниками этого заговора были, повидимому, князья Шуйскіе. Бывшіе Суздальскіе удѣльные князья, они были одного происхожденія съ царствовавшей династіей и затмевали Годунова знатностью своего рода. Права ихъ семейства на престолъ были извѣстны даже внѣ предѣловъ Россіи; о нихъ заявилъ впослѣдствіи всенародно канцлеръ польскаго королевства.

— За неимѣніемъ прямаго потомства,—сказалъ Замойскій на сеймѣ 1605 г.,—Шуйскіе имѣютъ болѣе всѣхъ правъ на московскій престолъ.

Помимо знатности рода ихъ права усугублялись заслугами, оказанными Россіи, огромнымъ богатствомъ и обширными вотчинами, коими они владѣли. Весьма естественно, они имѣли обширныя связи; у нихъ были близкіе люди во всѣхъ слояхъ населенія, начиная съ высшихъ и кончая самыми низшими. Поэтому они не одни злоумышляли противъ Бориса. Почти все населеніе Москвы, духовенство, бояре, купцы, простые горожане имѣли своихъ представителей въ рядахъ его противниковъ. Заговоръ назрѣвалъ медленно, число лицъ, принимавшихъ въ немъ участіе постоянно увеличивалось, но вспыхнувшій мятежъ, окончился полною неудачею. Заговорщики были обвинены въ «государственной измѣнѣ» и хотя это слово не имѣло въ то время того значенія, какое ему придаютъ въ настоящее время, но начатое слѣдствіе велось съ чрезвычайной строгостью.

Вся тяжесть обвиненія пала на Шуйскихъ. Ихъ преслѣдовли и выслѣживали вмѣстѣ съ ихъ родственниками, слугами и друзьями. Уголовные законы въ ту эпоху были жестоки, слѣдствіе велось произвольно, но судъ указалъ соціальную іерархію: пытка и кандалы не касались бояръ, а примѣнялись только къ подсудимымъ болѣе низкаго происхожденія. Но за то судопроизводство, допросы, показанія, кто бы ихъ ни давалъ, были покрыты непроницаемой тайною; Кремлевскія темницы соперничали безмолвіемъ съ подземными темницами Венеціи. Осужденіе обвиненныхъ произвело тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе. Шуйскіе были арестованы; даже псковскій герой, счастливый соперникъ Баторія, непобѣдимый князь Иванъ Петровичъ долженъ былъ отправиться въ ссылку; князь Андрей Ивановичъ раздѣлилъ его печальную участь. Достовѣрны или нѣтъ свѣдѣнія, сообщаемыя лѣтописцами, но они утверждаютъ, что, тотчасъ по прибытіи къ мѣсту назначенія, они были оба умерщвлены. Прочіе члены ихъ семьи, нѣкоторые бояре, считавшіеся ихъ соумышленниками, также были изгнаны изъ Москвы и лишились своихъ помѣстій. Не былъ пощаженъ даже митрополитъ Денисъ. Болѣе

новъ, очерки, стр. 200. Одинъ пунктъ лѣтописи остается невыясненнымъ. Заговоръ противъ Бориса существовалъ несомнѣнно, но неизвѣстно, былъ ли онъ вызванъ разводомъ.

искусившійся въ грамматикѣ, нежели въ политикѣ, онъ былъ сосланъ въ одинъ изъ монастырей Новгородской губерніи. Самыя суровыя наказанія по обыкновенію выпали на долю наименѣе виновныхъ лицъ болѣе низкаго происхожденія: имъ приходилось искупить свою вину за то, что они были обдѣлены судьбою. Шести или семи горожанамъ были отрублены головы, и многіе были заключены въ тюрьму. Партія Шуйскихъ была разсѣяна и сломлена, ей трудно было бы вновь сплотиться. Эта жестокая расправа заставила Годунова опасаться, чтобы она не омрачила славы Ѳеодора; народъ могъ подумать, что на московскомъ престолѣ возсѣлъ второй Іоаннъ Грозный. Чтобы загладить это впечатлѣніе, онъ постарался искусно настроить посланниковъ, отъѣзжавшихъ въ Польшу: научилъ ихъ превозносить царя, его милосердіе и очернить Шуйскихъ, виновныхъ въ томъ, что они составили заговоръ вмѣстѣ съ «мужиками». Ссылка и казни были наказаніями вполнѣ заслуженными.

Это происходило въ 1587 г. Борьба, которую Годуновъ велъ со своими противниками, не мѣшала ему бросать тревожный взоръ вдаль. Въ Рижской крѣпости жила въ безвѣстности молодая вдова, никого не тревожа и не внушая никому опасеній. Она была связана узами крови съ домомъ Рюрика; честолюбцы могли воспользоваться ея именемъ, и этого было достаточно, чтобы обратить на нее вниманіе Бориса [1]). Эта затворница была одна изъ сиротъ князя Владиміра, столь безжалостно убитаго въ Слободѣ. Странная игра случая привела ее на берега Двины; Іоаннъ IV неожиданно вспомнилъ о ней и провозгласилъ ее королевой призрачнаго Ливонскаго королевства, созданнаго оффиціально якобы для Магнуса, а въ сущности для пользы русскихъ. Въ видѣ гарантій будущему корольку было поставлено условіемъ вступить въ бракъ съ одной изъ московскихъ княженъ, и ему была предложена въ супруги Марія, дочь Владиміра. Хотя княжнѣ едва минуло тринадцать лѣтъ, но это не могло помѣшать браку: по Стоглаву для вступленія въ бракъ достаточно было имѣть двѣнадцать лѣтъ. Такъ какъ датскій герцогъ былъ протестантъ, то богобоязненный Іоаннъ, во избѣжаніе соблазна, придумалъ своеобразный способъ бракосочетанія: православный священникъ служилъ у престола, а лютеранскій пасторъ у дверей церкви; бракосочетаніе совершилось, но алтарь не былъ открытъ для еретиковъ.

Начиная съ этого дня, Марія вынесла рядъ испытаній. Приданое доставило ей первое разочарованіе. Вмѣсто денегъ царь послалъ ей одни наряды и тряпки. Что касается Магнуса, то онъ никогда и нигдѣ не царствовалъ. Не признанный одними, не встрѣтивъ поддержки со

[1]) Цвѣтаевъ, Марія Владиміровна.—Середонинъ, стр. 104. Бондъ, стр. 210 и сл.

стороны другихъ, преслѣдуемый всѣмъ и каждымъ, онъ потерялъ все свое состояніе и умеръ съ горя въ 1583 г., когда Ливонія, разоренная и опустошаемая всѣми, досталась наконецъ во владѣніе полякамъ. Стефанъ Баторій ассигновалъ вдовѣ Магнуса скромную пожизненную пенсію, которая спасла ее отъ нищеты.

При этихъ условіяхъ не трудно было представить ей возвращеніе въ Россію въ радужныхъ краскахъ. Великобританскій агентъ Горсей, пользовавшійся большимъ благоволеніемъ въ Кремлѣ, похваляется тѣмъ, что онъ уладилъ это дѣло, и придаетъ ему романическую окраску. Исполняя это порученіе по просьбѣ Годунова, онъ бесѣдовалъ откровенно съ Маріей, заставилъ ее пролить слезы и раздавалъ пригоршнями золото. Побѣгъ былъ такъ хорошо обставленъ, что всякое преслѣдованіе оказалось безполезно.

Мы не встрѣчаемъ этихъ романическихъ подробностей въ оффиціальномъ документѣ, написанномъ строго и просто, какъ сама истина. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1586 г., говорится въ этомъ документѣ, царь Ѳеодоръ увѣдомилъ кардинала Радзивилла, исправлявшаго должность ливонскаго губернатора, что принцесса Марія желаетъ возвратиться на родину и, благодаря ходатайству за нее царя, она безпрепятственно возвратилась въ Москву. Предварительно, между заинтересованными въ этомъ дѣлѣ сторонами происходили тайные переговоры. За дочерью князя Владиміра хотѣли учредить бдительный надзоръ, ей были сдѣланы весьма соблазнительныя предложенія, на которыя она положилась. Но эти обманчивыя надежды вскорѣ разсѣялись: она только перемѣнила тюрьму и провела печально остатокъ своей жизни въ монастырѣ. Въ 1587 г. она лишилась единственной дочери и своего послѣдняго утѣшенія.

Въ послѣдующіе годы Москва была свидѣтельницей, какъ погибали одна за другой знатныя жертвы: ряды царствующаго дома рѣдѣли. Смерть дѣлала свое дѣло, она поражала въ извѣстный часъ, по выбору, окруженная непроницаемой тайною. Такъ, въ 1591 г., послѣдній потомокъ Рюрика, Димитрій, младшій братъ Ѳеодора, скончался или, прячась отъ руки убійцъ, исчезъ изъ Углича. Это событіе темное, но оно имѣло столь важное значеніе въ нашей исторіи, что намъ придется еще къ нему возвратиться.

1591

Въ 1594 г. судьба ниспослала Кремлю тяжкій трауръ. Вопреки всѣмъ предсказаніямъ пессимистовъ, Ирина, послѣ нѣсколькихъ выкидышей, произвела на свѣтъ дочь, получившую въ св. крещеніи имя Ѳеодосіи. Этотъ «даръ Божій» долженъ былъ причинить ей болѣе горя, нежели радости, такъ какъ слабое созданіе радовало родителей не долго и вскорѣ перешло изъ колыбели въ могилу. Наконецъ, самъ Ѳеодоръ, слабое здоровье котораго предвѣщало преждевременную кончину, окончилъ въ 1598 г. свое земное существованіе. Съ нимъ угасъ великій родъ Рюри-

1598

ка; московскій престолъ сдѣлался вакантнымъ; въ исторіи наступала новая эра.

Въ это время въ народѣ носилось смутное предчувствіе надвигавшагося бѣдствія. Начетчики не предвѣщали ничего хорошаго въ будущемъ и увѣщевали народъ возносить горячія молитвы къ Богу. Что касается людей наблюдательныхъ, то они давно уже предвидѣли возможность прекращенія династіи и не заблуждались на счетъ той роли, которую съиграетъ въ этомъ случаѣ Годуновъ [1]).

Нѣсколькихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ Москвѣ въ 1588 и 1589 г., было достаточно для Флетчера, чтобы вполнѣ уяснить себѣ всю опасность тогдашняго положенія. «Повидимому,—говорилъ онъ еще при жизни Ѳеодора и Димитрія,—нынѣ царствующая династія вскорѣ угаснетъ». Смуты и раздоры, господствовавшіе въ странѣ и причину которыхъ онъ видѣлъ въ тиранніи Іоанна IV, заставляли его предполагать, что эти бѣдствія должны были разрѣшиться катастрофой, и онъ предсказывалъ въ будущемъ съ увѣренностью ясновидящаго «пламя междоусобной войны». Бургграфъ Дона (Dohna), тонкій дипломатъ, бывшій въ Москвѣ представителемъ Рудольфа II, повторялъ настойчиво въ своихъ донесеніяхъ, что Годуновъ управляетъ Россіей безконтрольно и добивается короны. Поэтому въ Вѣнѣ были убѣждены, что этотъ всемогущій бояринъ съумѣетъ при случаѣ захватить власть въ свои руки, или предоставить ее своему сыну, и въ виду этого ему заранѣе обѣщали дружескую поддержку и предлагали заключить союзъ противъ турокъ.

Надобно сказать, что обстоятельства замѣчательно благопріятствовали царскому зятю. Все то, что онъ дѣлалъ для того, чтобы занимать среди бояръ первое мѣсто, и каждый его поступокъ былъ лишнимъ шагомъ къ престолу, который онъ могъ занять въ тотъ моментъ, когда онъ сдѣлался бы вакантнымъ. Борисъ съумѣлъ окружить себя извѣстнымъ обаяніемъ и возвыситься мало-по-малу на такую высоту, которая была совершенно недостижима для другихъ. Онъ стоялъ несравненно выше всѣхъ прочихъ бояръ, хотя бы только въ силу пышныхъ титуловъ, какіе онъ носилъ. Бывшій опричникъ называлъ себя ближнимъ бояриномъ, слугою царя, воеводою, намѣстникомъ Казанскимъ и Астраханскимъ, наконецъ правителемъ и всегда заботился о томъ, чтобы этимъ титуламъ придавали ихъ истинную цѣну и значеніе. Его положеніе въ Кремлѣ было вполнѣ исключительное: всѣ дѣла проходили черезъ его руки, и отъ него зависѣла раздача всѣхъ милостей. Онъ былъ, по словамъ Флетчера, «истиннымъ царемъ».

[1]) Бондъ, стр. 22, 34, 37.—Вѣна, Государственный Архивъ, Geheime Instruction (безъ точной даты); 1597, 1598, Донесенія Дона.—Платоновъ, Очерки, стр. 122, 205.

Онъ одинъ пользовался неслыханнымъ до тѣхъ поръ правомъ вести непосредственно переписку съ иностранными державами, съ крымскимъ ханомъ, съ императоромъ австрійскимъ и со всѣми прочими монархами, и какъ бы желая подчеркнуть тѣ особыя права, какими онъ пользовался, онъ окружилъ себя пышнымъ, почти царскимъ этикетомъ, держалъ на почтительномъ разстояніи своихъ бывшихъ сотоварищей и присвоивалъ себѣ всевозможныя отличія. Являясь къ нему, посланники легко могли задать себѣ вопросъ, не попали ли они на аудіенцію къ царю: они видѣли у него ту же вереницу бояръ, тотъ же этикетъ, ту же роскошь, тотъ же церемоніалъ. Рѣчи, которыя держалъ Борисъ, довершали иллюзію; онъ дѣлалъ видъ, что можетъ вести переговоры съ монархами, какъ равный съ равными, и ему было лестно, что его слушаютъ. Его состояніе возрастало соразмѣрно съ тѣмъ, какъ увеличивалась его власть; онъ былъ самый богатый изъ бояръ и владѣлъ огромными помѣстьями. Борисъ имѣлъ всѣ данныя, чтобы быть царемъ, надобно было только, чтобы его избралъ народъ. Онъ съумѣлъ добиться этого избранія, и восторженные крики сторонниковъ Годунова заглушили робкій голосъ его противниковъ.

Едва Борисъ Годуновъ достигъ престола, онъ, какъ истый ученикъ Іоанна IV, позаботился прежде всего о томъ, чтобы увеличить блескъ своей короны божественнымъ сіяніемъ. По его мнѣнію царь, подобно византійскимъ императорамъ, долженъ быть окруженъ сверхъестественнымъ блескомъ, и могущество его должно исходить отъ Бога. Чтобы придать себѣ этотъ ореолъ святости, онъ повелѣлъ сочинить молитву Пресвятой Троицѣ, которую народъ долженъ былъ читать «на трапезахъ и вечерахъ за чашами», за царя Бориса Ѳедоровича «всея Россіи самодержца», Божьяго слузѣ великаго и благочестиваго и Богомъ избраннаго и Богомъ почтеннаго и превознесеннаго и Богомъ снабдимаго и на царскій престолъ возведеннаго и святымъ елеемъ помазаннаго и за его супругу, царицу Марію, за сына Ѳедора, за дочь Ксенію и за всѣхъ членовъ его дома», чтобы они,—говорилось между прочимъ въ молитвѣ,—«на многія лѣта здравы были и счастны и недругамъ своимъ страшны; чтобы всѣ великіе государи христіанскіе и басурманскіе приносили достойную честь его царскому величеству по его царскому великому чину и достоянію, чтобъ его царская рука высилася и имя его славилося отъ моря и до моря, и отъ рѣкъ до конецъ вселенныя надо всѣми недруги его къ чести и повышенію его царскаго величества имени, а къ преславнымъ его царствамъ къ прибавленію и расширенію, къ вѣчной славѣ и похвалѣ; чтобъ всѣ подъ небеснымъ свѣтомъ великіе государи христіанскіе и басурманскіе его царскаго величества послушны были съ рабскимъ послуженіемъ, по его царской волѣ и повелѣнію, и отъ посѣченія бы меча его, отъ храбраго подвига, всѣ

страны басурманскія его царскаго величества имени трепетали съ боязнію и съ великимъ страхомъ и сѣтованіемъ».

«И просимъ у Господа Бога на насъ бы на рабѣхъ его отъ пучины премудраго своего разума и обычая мудраго и милостивнаго нрава неоскудныя рѣки милосердія изливалися выше прежняго! А наипаче святая бы непорочная христіанская вѣра сіяла на вселеннѣй превыше всѣхъ, яже подъ небесемъ пресвѣтлое солнце, тако же честь и слава его царскаго величества высилася превыше всѣхъ великихъ государствъ на вѣки вѣкомъ» [1]).

Эти дифирамбы поражали умы, но не выражали, разумѣется, ничего особеннаго. Царствованіе Бориса было омрачено весьма странными событіями, которыя возбуждали его недовѣріе и доводили его до жестокости. Онъ чувствовалъ, что власть ускользала изъ его рукъ; неуловимые враги работали надъ его погибелью; не имѣя возможности добраться до нихъ, онъ поражалъ предполагаемыхъ ихъ сообщниковъ. При этомъ не были пощажены даже его лучшіе друзья. Болѣе всего надѣлала шума опала Романовыхъ, которые изъ друзей Бориса сдѣлались въ одинъ день его непримиримыми врагами.

Въ современныхъ лѣтописяхъ сохранился разсказъ объ ихъ неожиданной опалѣ [2]). Ихъ погибель была втайнѣ рѣшена заранѣе; надобно было только найти для этого подходящій предлогъ. Въ подобныхъ случаяхъ прибѣгали обыкновенно къ содѣйствію слугъ, которые становились доносчиками на своихъ господъ. Эта тактика не вполнѣ удалась относительно Романовыхъ. Окружающіе были такъ преданы имъ, что даже пытка не заставила ихъ дать какія-нибудь показанія, которыя могли бы погубить ихъ. Удачнѣе подѣйствовалъ подкупъ: одинъ измѣнникъ предложилъ свои услуги. Дѣло, ему порученное, было не трудное: ему велѣно было только пронести въ подвалы дома Романовыхъ мѣшокъ и затѣмъ сдѣлать доносъ. Этого оказалось вполнѣ достаточно: оффиціальный міръ былъ чрезвычайно взволнованъ; когда означенный мѣшокъ былъ взятъ изъ подвала и содержимое его высыпано на столъ, то въ немъ оказались, разумѣется, «подозрительные» коренья; таинственныя снадобья, которыя Романовы прятали отъ всѣхъ, навлекали на нихъ самыя тяжкіе подозрѣнія.

Сквозь эти вздорные разсказы, къ которымъ въ то время относились вполнѣ серьезно, сама собою проглядываетъ правда. Процессъ, вчиненный въ 1601 г. противъ Романовыхъ и ихъ приверженцевъ, былъ, какъ сказали бы нынѣ, пристрастнымъ. Противъ нихъ не могло быть

---

[1]) Поповъ. Изборникъ, стр. 216.

[2]) Русск. лѣт., т. VIII, стр. 41.—Акты Истор., т. II, стр. 34, № 38; стр. 64, № 54. Платоновъ., Очерки, стр. 243 и сл.

предъявлено никакихъ серьезныхъ уликъ, ихъ не могли обвинить ни въ какомъ преступленіи. Злоба Годунова противъ нихъ была чисто личная: Романовы, по своему положенію и связямъ, могли мечтать о престолѣ. Ихъ тайная оппозиція царю возбуждала недовѣріе, и ходившіе въ то время тревожные слухи о появленіи новаго претендента заставляли опасаться новаго заговора.

Исходъ процесса, разумѣется, былъ роковымъ для заподозрѣнныхъ. Они были приговорены къ ссылкѣ, и ихъ имущество было конфисковано. Во главѣ списка лицъ, которыя были осуждены къ изгнанію, стояло имя боярина Ѳедора Романова, будущаго патріарха Филарета. Онъ и его жена должны были постричься и были заточены въ монастырь. Ихъ шестилѣтній сынъ Михаилъ былъ разлученъ съ родителями и отданъ на воспитаніе родственникамъ, проживавшимъ въ Москвѣ. Этотъ малютка долженъ былъ сдѣлаться со временемъ родоначальникомъ новой династіи. Борисъ Годуновъ, лелѣявшій надежду вознести свое имя, не подозрѣвалъ, что вдали отъ свѣта росъ тотъ, кому было суждено сдѣлаться со временемъ избранникомъ народа и главою царствующаго дома.

Но до этого Россіи пришлось испытать не мало треволненій. Предвѣстникомъ ихъ была драма, разыгравшаяся въ Угличѣ, о которой необходимо сказать нѣсколько подробнѣе.

III.

Драма разыгравшаяся въ Угличѣ въ 1591 г.—Неточныя свѣдѣнія и противорѣчія.—Рожденіе Димитрія и поселеніе его въ Угличѣ.—Кровавая сцена.—Толки и слухи.—Оффиціальное слѣдствіе.—Показаніе Михайлы Нагаго.—Противорѣчивое показаніе Василисы Волоховой.—Несообразности ея показанія. — Множество свидѣтелей. — Отъѣздъ слѣдственныхъ чиновъ.—Василій Шуйскій клятвопреступникъ. — «Дѣло» въ Кремлѣ.—Приговоръ патріарха Іова. —Заточеніе царицы Маріи въ монастырь.—Ссылка Нагихъ.—Страшное наказаніе угличскихъ горожанъ.

Въ отдаленномъ уголкѣ Россіи, въ покояхъ Углицкаго дворца, 15-го мая 1591 г. [1]) покончилъ свою жизнь ребенокъ. Кто былъ этотъ ребенокъ? царевичъ Димитрій, говорятъ одни, сынъ Іоанна IV, братъ Ѳеодора, послѣдній представитель мужескаго пола дома Рюрика. Нѣтъ, возражаютъ другіе, ребенокъ, убитый въ этотъ день, былъ сыномъ

[1]) Начиная отсюда и до конца главы всѣ даты приведены по старому стилю. Въ семнадцатомъ вѣкѣ старый календарь отставалъ отъ григоріанскаго календаря на десять дней.

какого-нибудь князька, попа, кого бы то ни было, ибо Димитрія навѣрно спасли отъ руки убійцы.

Доказано ли по крайней мѣрѣ, что этотъ ребенокъ,—былъ ли то Димитрій или кто-либо другой,—погибъ насильственной смертью? Зарѣзали ли его подкупленные убійцы или онъ самъ нанесъ себѣ смертельный ударъ въ припадкѣ падучей болѣзни? И та и другая версія этого противорѣчиваго разсказа подтверждается очевидцами: каждый изъ нихъ клянется, что онъ говоритъ правду, всѣ противорѣчатъ другъ другу и подтверждаютъ свои слова клятвою.

Чернильная война, вызванная этими странными свидѣтельскими показаніями, продолжается уже триста лѣтъ. Ей предшествовала болѣе короткая, но несравненно болѣе ожесточенная междоусобная война. Русскіе и поляки проливали потоками не чернила, а кровь, нападая на таинственнаго Димитрія, самое существованіе котораго вызывало сомнѣнія, или защищая его. Ставкою этой борьбы былъ престолъ, котораго Димитрій требовалъ какъ своего наслѣдія и который Годуновъ не хотѣлъ отдать мошеннику или искателю приключеній. Кто былъ правъ, кто ошибался? Современники завѣщали исторіи одни гадательныя предположенія и обрывочныя свѣдѣнія, слабо похожія на истину; ихъ голоса, зачастую слишкомъ страстные, заглушаются бряцаніемъ оружія. Первое сомнѣніе зародилось надъ трупомъ ребенка, погибшаго въ Угличѣ. Съ кончиною этого ребенка, каково бы ни было его происхожденіе, 1591 началась злосчастная эпоха, извѣстная въ Россіи подъ именемъ Смутнаго времени. Поэтому на этомъ событіи слѣдуетъ остановиться.

Сущность дѣла заключается въ слѣдующемъ: 19-го октября 1583 г. у Маріи Нагой, седьмой жены Іоанна IV, родился сынъ, названный Димитріемъ. Рожденіе ребенка состоялось при обстоятельствахъ, не предвѣщавшихъ ничего добраго: въ то время только-что окончились разорительныя войны съ Польшей; царь велъ въ Лондонѣ переговоры о новомъ бракѣ съ Маріей Гастингсъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что Марія Нагая была не царской крови. Неожиданная кончина разрушила эти планы. Престолъ, какъ извѣстно, перешелъ къ Ѳеодору. Что касается Димитрія, то онъ получилъ въ удѣлъ три города, изъ коихъ главный назывался Угличемъ. Опекуномъ малолѣтняго царевича былъ назначенъ Богданъ Бѣльскій, одинъ изъ самыхъ довѣренныхъ лицъ покойнаго царя, который велъ отъ его имени переговоры съ Антоніемъ Поссевинымъ.

Съ самаго вступленія на престолъ Ѳеодора, по отношенію къ Димитрію была принята исключительная, необычайная мѣра: онъ былъ отправленъ на жительство въ свой городъ Угличъ. Если этимъ хотѣли ослабить соперничество партій и предупредить дворцовые перевороты, то эта мѣра была принята весьма удачно. Богданъ Бѣльскій

не поѣхалъ со своимъ воспитанникомъ. Онъ остался въ Москвѣ, центрѣ дѣлъ и интригъ, но не съумѣлъ тамъ удержаться. Для того, чтобы его удалить, воспользовались народнымъ волненіемъ. Назначенный намѣстникомъ въ Новгородъ, онъ долженъ былъ отправиться къ мѣсту служенія.

Между тѣмъ, съ пріѣздомъ Димитрія, скромный угличскій дворецъ, давно уже пустовавшій, оживился. Все семейство Нагихъ поселилось по близости отъ города. Вокругъ царевича образовался какъ бы маленькій дворъ; онъ былъ окруженъ женщинами, которыя ему прислуживали, и находился подъ ближайшимъ надзоромъ своей матери; его дяди наблюдали за нимъ издали. Весьма вѣроятно, что Борисъ Годуновъ также не терялъ его изъ вида. Дѣлалось ли это съ цѣлью наблюдать за его безопасностью? или съ цѣлью уловить моментъ, когда лучше всего можно было погубить его? никто до сихъ поръ не выяснилъ этого вопроса; само время не разсѣяло этой таинственной загадки. Въ Москвѣ давно носились зловѣщіе слухи. Въ 1588 и 1589 г. г. говорили о неудавшемся отравленіи; опасались покушенія на жизнь Димитрія со стороны того, кто разсчитывалъ вступить на престолъ въ случаѣ, ежели Ѳеодоръ умретъ бездѣтнымъ [1]). Какъ бы то ни было, въ одинъ прекрасный день, Москва узнала, что въ Угличѣ били въ набатъ, что Димитрій былъ убитъ и толпа растерзала его убійцъ. Слухи, по обыкновенію, были неясны и разнорѣчивы. Говорили, что это былъ несчастный случай, говорили также о преступленіи, о волненіи и мятежѣ.

Это извѣстіе потрясло столицу. Борисъ Годуновъ понялъ, что надобно было какъ можно скорѣе пролить свѣтъ на это дѣло и не допустить, чтобы его могли заподозрѣть въ соучастіи въ немъ. Немедленно была назначена оффиціальная коммиссія, коей было приказано отправиться въ Угличъ для производства слѣдствія. Составъ этой Коммиссіи былъ тщательно подобранъ. Во главѣ ея находился Василій Шуйскій, помилованный незадолго передъ тѣмъ, но обреченный на безбрачіе изъ ненависти къ имени, которое онъ носилъ; это былъ человѣкъ на все способный, безпринципный и неразборчивый на средства, ловкій и въ то же время хитрый, съ вульгарной наружностью, красноватыми глазами, хитрымъ взглядомъ, пронырливый и вѣроломный. Его сотоварищъ Андрей Клешнинъ пользовался при дворѣ особымъ благоволеніемъ.

Онъ былъ женатъ на княжнѣ Волконской, закадычной подругѣ Ирины, у которой не было отъ нея тайнъ; самъ пользовался особымъ довѣріемъ царя и былъ преданнымъ слугою Годунова [2]). Остальные два члена слѣдственной коммиссіи были люди менѣе выдающіеся: дьякъ Вылузгинъ долженъ былъ исполнять только свои обычныя обязанности,

---

[1]) Бондъ, стр. 21. Эти слухи собраны Флетчеромъ.

[2]) Карамзинъ, т. XII, стр. 1 прим. 2; стр. 33, прим. 97.

а митрополитъ Геласій долженъ былъ скрѣпить слѣдствіе авторитетомъ своего духовнаго сана.

19-го мая 1594 г. чины слѣдственной коммиссіи, прибывшіе со всею возможною поспѣшностью въ Угличъ, начали свои засѣданія. Протоколы, написанные на длинныхъ свиткахъ, пожелтѣвшихъ отъ времени, сохранились до сихъ поръ почти въ совершенной цѣлости въ московскихъ архивахъ [1]). Эти замогильные голоса воскрешаютъ передъ нами весь ходъ дѣла. Свидѣтели, дававшіе показанія, были раздѣлены на три группы: первую составляли Нагіе, вторую—очевидцы событія и третью—прочія лица, коихъ сочли нужнымъ допросить.

Изо всѣхъ Нагихъ наилучше освѣдомленной была, разумѣется мать ребенка, царица Марія; но при ея высокомъ санѣ ей было не удобно давать показанія и до поры до времени ее не тревожили, предоставивъ ей оплакивать своего сына. Ея три брата должны были явиться передъ судомъ; изъ нихъ главную роль игралъ Михайло Нагой. Ему были предложены лукавые вопросы; у него хотѣли силою вынудить признаніе, но онъ не дался въ обманъ и смѣло сдѣлалъ свое показаніе.

— Въ субботу, 15-го мая,—сказалъ онъ,—я услыхалъ звукъ набата и, боясь пожара, побѣжалъ во дворецъ. Я увидѣлъ царевича Димитрія зарѣзаннымъ. Его убили Осипъ Волоховъ, Никита Качаловъ, Данило Битяговскій. Чернь, привлеченная набатомъ, бросилась въ дворецъ, растерзала убійцъ и ихъ сообщниковъ. Что касается меня, то это убійство совершено не по моему приказанію; меня оклеветали напрасно.

Это показаніе было чревато послѣдствіями. Царевичъ, восьмилѣтній ребенокъ, не имѣлъ личныхъ враговъ; людямъ могли мѣшать только его наслѣдственныя права. Быть можетъ, честолюбецъ подослалъ наемныхъ убійцъ? это могло навести на страшное подозрѣніе, которое слѣдовало уничтожить въ самомъ его зародышѣ. Поэтому его тотчасъ постарались опровергнуть; надобно было оспаривать показаніе Михайлы. Прежде всего его братья, Григорій и Андрей, поспѣшили опровергнуть слова старшаго брата. Прибѣжавъ одновременно съ нимъ во дворецъ и находившись въ одинаковыхъ съ нимъ условіяхъ, они не видали того, что видѣлъ Михайло, они видѣли даже совершенно иное: слѣдовательно, Михайло долженъ былъ одинъ ручаться за все сказанное имъ. Болѣе того: одинъ изъ соучастниковъ, раскаявшійся въ своемъ поступкѣ, мелкій приказный по имени Русинъ Раковъ, разсказалъ о хитрости, которая была пущена въ ходъ и могла набросить сильную тѣнь на Михайлу. Взбунтовавъ толпу противъ мнимыхъ убійцъ и погубивъ

[1]) Эти протоколы напечатаны въ Собр. гос. грам., т. II, стр. 103—123, № 60. Недавно выяснилось, что они напечатаны не совсѣмъ точно.

людей невинныхъ, онъ будто бы хотѣлъ выдать бывшихъ жертвъ за зачинщиковъ, и самъ онъ, Русинъ Раковъ, по приказанію Михайлы, зарѣзалъ 18-го мая курицу, омочилъ въ ея крови ножи и огнестрѣльныя оружія и положилъ ихъ возлѣ труповъ. Это было сдѣлано съ цѣлью оправдать толпу и того, кто ею руководилъ, и показать, что она растерзала людей, которые были вооружены съ головы до ногъ и пустили въ ходъ свое оружіе. Чтобы хитрость удалась, ее надобно было скрыть отъ лицъ, производившихъ слѣдствіе, и Михайло, по словамъ Ракова, шесть разъ на день заставлялъ его клясться, что онъ будетъ хранить все это въ тайнѣ. И онъ будто бы клялся ему въ этомъ. Нынѣ же онъ рѣшилъ признаться въ своей слабости и загладить свою вину.

Показаніе Михайлы было этимъ поколеблено. Для того, чтобы окончательно опровергнуть его, стоило только противопоставить ему показаніе другаго лица, подкрѣпленное болѣе вѣскими доказательствами. Братья Нагіе нашли къ тому средство: Василисѣ Волоховой было поручено поддержать ихъ разсказъ и передать въ точности всѣ подробности. Изъ всѣхъ женщинъ, окружавшихъ царевича, она, какъ его мамка, безспорно занимала первое мѣсто, стояла выше другихъ. Это была особа не изъ нервныхъ; она жила раньше въ бѣдности и за словомъ въ карманъ не лѣзла. Ея сынъ, котораго считали убійцею Димитрія, былъ растерзанъ во время происшедшей сумятицы; ее самое порядкомъ помяли, но ни горе, ни трауръ, ни волненіе не повліяли на нее удручающимъ образомъ. Она заявила, что все произошло на ея глазахъ, что она все видѣла и слышала, и память ей не измѣняетъ; слова такъ и лились изъ ея устъ. По ея увѣренію, она выказала если не геройскую твердость, то во всякомъ случаѣ невозмутимое хладнокровіе. Начиная издалека, она утверждаетъ, что царевичъ страдалъ падучей. Время отъ время съ нимъ бывали сильные припадки; однажды, во время припадка онъ ранилъ свою мать толстымъ гвоздемъ и искусалъ палецъ дочери Андрея Нагаго. Послѣдніе дни онъ недомогалъ. Ему немного полегчало, и онъ предался своимъ обычнымъ играмъ и занятіямъ. Въ субботу, 15-го мая, царица водила его къ обѣднѣ и затѣмъ послала его погулять на дворцовый дворъ, тутъ и случилось трагическое происшествіе.

По словамъ Волоховой, на дворѣ были только три женщины и нѣсколько дѣтей. Они забавлялись игрой въ тычку, и Димитрій, какъ всѣ игравшіе, держалъ въ рукѣ ножъ, готовясь бросить имъ въ цѣль. Какъ вдругъ съ нимъ сдѣлался припадокъ падучей, онъ упалъ навзничь, проткнулъ себѣ горло ножемъ, заметался, забился и испустилъ духъ. Въ эту минуту прибѣжала царица и увидѣла своего сына плавающимъ въ крови; ея материнское сердце было глубоко потрясено, но, будучи характера болѣе мстительнаго, нежели любящаго, она схватила полѣно и кинулась на мамку, угрожая размозжить ей голову.

Вотъ картина, нарисованная Волоховой: раздраженная мать объявляетъ, что совершено убійство, она громко называетъ имена убійцъ; въ числѣ ихъ названъ сынъ Василисы, Осипъ; Василиса, избитая, обруганная, невозмутимо требуетъ слѣдствія. Тѣмъ временемъ прибѣгаетъ Григорій Нагой. Царица передаетъ ему полѣно, коимъ она чинила расправу, и заставляетъ бить мамку по чресламъ; затѣмъ ее кидаютъ полумертвую въ сторону и начинаютъ бить въ набатъ. На его зловѣщій звонъ сбѣжалась взволнованная и сильно раздраженная толпа, которая ворвалась во дворецъ.

Другая картина: Василису выдали разъяренной толпѣ, ея одежда была изодрана, съ нея неистово содрали кокошникъ и заперли въ комнатѣ. Но мужественная мамка продолжала слѣдить внимательнымъ окомъ за кровавыми событіями этого дня. Она видѣла, какъ пріѣхали во дворецъ, одинъ за другимъ, тѣ, коихъ царица считала убійцами царевича; только одного изъ нихъ приволокли силою. Она слышала, какъ царица и ея братъ Михайло произнесли противъ нихъ смертный приговоръ. Она присутствовала при ихъ поспѣшной казни; она не плакала, не горевала о своемъ сынѣ, но не могла забыть одного несчастнаго, убитаго на площади, который возбудилъ въ ней сожалѣніе. На другой день послѣ этихъ трагическихъ происшествій, она чувствовала себя еще достаточно бодрой, чтобы слѣдить за тѣмъ, когда пытали какую-то несчастную слабоумную, виновную, какъ говорили, въ томъ, что она околдовала царевича.

Василиса, своими показаніями, какъ будто навела слѣдователей на истинный путь и облегчила ихъ заботы. Видѣла ли она дѣйствительно все своими глазами или нѣтъ, это было для нихъ не важно [1]), никто не думалъ провѣрять ея слова. На ихъ безсвязность также не обратили никакого вниманія.

Объ очной ставкѣ съ прочими лицами не было и рѣчи. Василиса опровергла показаніе о произведенномъ убійствѣ и тѣмъ положила конецъ всѣмъ нескромнымъ вопросамъ. Она нашла формулу, къ которой присоединились всѣ прочіе свидѣтели. Въ самомъ дѣлѣ, если бы кто-либо продиктовалъ заранѣе условный отвѣтъ, и его заставили бы затвердить наизусть и повторять на допросѣ, то врядъ-ли показанія свидѣтелей могли бы быть болѣе согласны. Всѣ они неизмѣнно повторяютъ одно и то же: Димитрій лишилъ себя жизни самъ, онъ проткнулъ себѣ горло ножемъ, долго бился въ судорогахъ и испустилъ духъ. Первыми показали это тѣ немногія лица, которыя были очевидцами событія. Въ моментъ

---

[1]) Четверо дѣтей, товарищи Димитрія и свидѣтели его смерти, не называли Василису въ числѣ присутствовавшихъ при этомъ женщинъ. Это совершенно необъяснимо.

катастрофы съ царевичемъ играли дѣти. Ихъ было четверо. Ихъ возрастъ не допускалъ сомнѣнія въ ихъ искренности. Допросивъ ихъ по отдѣльности, не трудно было бы уличить ихъ въ томъ, что они говорятъ неправду, и заставить во всемъ сознаться. Но ихъ предпочли заставить повторить знаменательныя слова хоромъ. Двѣ прислужницы, наблюдавшія за Димитріемъ, повторили то же, и протоколъ допроса главныхъ свидѣтелей былъ составленъ съ невѣроятной быстротой.

Можно было подумать, что этотъ разсказъ такъ понравился лицамъ, производившимъ слѣдствіе, что они боялись, какъ бы кто-нибудь не опровергнулъ его, и хотѣли во что бы то ни стало воспользоваться имъ. Былъ еще цѣлый рой свидѣтелей, которые могли оказать имъ эту услугу. Хотя весьма немногіе изъ нихъ были очевидцами происшествія, но за то многіе слышали о немъ. Слухъ о трагическомъ событіи мигомъ облетѣлъ городъ и распространился въ окрестностяхъ. Свидѣтельскимъ показаніямъ не было конца, оставалось только свести ихъ въ одно цѣлое. Передъ судомъ предстали горожане, крестьяне, приказные всѣхъ званій, попы, архимандриты, игумены, простые священнослужители, изъ коихъ одинъ, прозвищемъ [1]) Огурецъ, былъ разжалованъ въ пономари за то, что онъ слишкомъ рано потерялъ жену. Въ судъ явилась вся дворцовая прислуга, начиная съ боярскихъ дѣтей и кончая поварами, поваренками, пекарями, истопниками, конюхами и кухонными мужиками. Помимо двухъ или трехъ нестройныхъ нотокъ, прозвучавшихъ робко, всѣ, какъ одинъ человѣкъ, повторяли съ увѣренностью и въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ сказанное Василисою.

Допросъ былъ почти оконченъ, когда нѣсколько свидѣтелей внесли въ него новый элементъ. По ихъ словамъ, Михайло Нагой, суровый доносчикъ, объявившій объ убійствѣ царевича и котораго обвиняли самого въ томъ, что по его приказанію многіе были убиты, весь день 15-го мая былъ мертвецки пьянъ. Такимъ образомъ его показаніе теряло всякую силу, и вмѣстѣ съ тѣмъ это обстоятельство снимало съ него всякую отвѣтственность: этого показанія было достаточно, чтобы ниспровергнуть всѣ данныя, добытыя съ такимъ трудомъ слѣдствіемъ. Но чины слѣдственной коммиссіи спѣшили уѣхать и не имѣли ни малѣйшаго желанія взяться снова за трудъ. Они отмѣтили этотъ фактъ въ своихъ протоколахъ, не придавъ ему никакого значенія. Они едва нашли нѣсколько минутъ, чтобы выслушать царицу Марію. Въ самый день ихъ отъѣзда она призвала къ себѣ митрополита Геласія не для того, чтобы жаловаться на кого-нибудь или кого-нибудь обвинить, но для того, чтобы просить о помилованіи «земляныхъ червей», какъ она называла своихъ родныхъ братьевъ.

---

[1]) Въ дѣйствительности это былъ Ѳедотъ Аѳанасьевъ.

На основаніи протоколовъ, написанныхъ въ Угличѣ и увезенныхъ слѣдователями въ Москву, долженъ былъ состояться приговоръ суда. Что же можно сказать объ этомъ «дѣлѣ»?

Считать его безпристрастнымъ, разумѣется, невозможно. Шуйскій и его товарищи видимо весьма мало заботились выяснить истину: они нагромоздили вопіющія противорѣчія и нисколько не старались разобраться въ этомъ хаосѣ. Искусственный способъ веденія слѣдствія показываетъ скорѣе твердое желаніе устранить мысль объ убійствѣ и держаться того мнѣнія, что смерть послѣдовала въ припадкѣ падучей: въ такомъ случаѣ не пришлось бы искать виновныхъ въ цареубійствѣ.

Слѣдствіе, веденное въ Угличѣ, подвергалось неоднократно самой кропотливой критикѣ со стороны историковъ [1]). По правдѣ сказать, этотъ трудъ былъ совершенно напрасенъ, такъ какъ это слѣдствіе не заслуживаетъ никакого довѣрія. Даже въ томъ случаѣ, если бы оно не вызывало никакой критики, есть одно обстоятельство, которое разрушаетъ всю его авторитетность. Начальникъ слѣдственной коммиссіи, Шуйскій, отрекся отъ всего имъ сдѣланнаго. Послѣ самыхъ странныхъ и разнорѣчивыхъ показаній, данныхъ имъ передъ алтаремъ и подъ присягою, онъ заявилъ, что Димитрій былъ невинной жертвою, убитою наемными убійцами, и стяжалъ мученическій вѣнецъ. Мы увидимъ впослѣдствіи, что этотъ клятвопреступникъ первый преклонилъ колѣни передъ мощами «святаго» Димитрія, когда они были торжественно перенесены въ Кремль, въ усыпальницу царей. Это было равносильно заявленію, что все слѣдствіе, веденное имъ, было облыжно.

Никто не предвидѣлъ этого поворота дѣла въ то время, когда уполномоченные прибыли въ Москву 2-го іюня. Ихъ «дѣло» было тотчасъ представлено царю. Царь препроводилъ его патріарху Іову, митрополитамъ и всему собору. Документы, привезенные изъ Углича, были предъявлены въ торжественномъ засѣданіи высшаго духовенства и бояръ. По прочтеніи ихъ, слово принадлежало патріарху; это была креатура Годунова, человѣкъ характера слабаго, неустойчиваго, который впослѣдствіи точно такъ же, какъ и Шуйскій, отказался отъ своихъ словъ. Въ данную минуту онъ высказалъ свое мнѣніе, какъ человѣкъ, который давно уже рѣшилъ, что слѣдуетъ говорить.

По его мнѣнію, въ слѣдствіи не было ни упущеній, ни противорѣчій. Было ясно, какъ день, что Димитрій скончался въ припадкѣ болѣзни и что Михайло Нагой воспользовался случаемъ, чтобы удовлетворить личную месть: поэтому онъ совершилъ гнусное и неслыханное преступленіе. Его два брата и всѣ жители Углича также были виновны. По мнѣнію Іова, не было ни смягчающихъ обстоятельствъ, ни степеней виновности.

---

[1]) См., напр., двѣ статьи Бѣлова.

Всѣ обвиняемые были гнусные убійцы, подлежавшіе карѣ закона и заслуживавшіе самое строгое наказаніе. Патріархъ, какъ видно, былъ заодно съ свидѣтелями. Впрочемъ, такъ какъ это было дѣло мірское, то онъ смиренно полагался на рѣшеніе царя, который властенъ въ жизни и смерти своихъ подданныхъ и дѣйствуетъ по внушенію свыше. Что касается его, патріарха, то онъ не перестанетъ молиться за царя и царицу, за ихъ здравіе, долголѣтіе и за поддержаніе мира. Этими набожными словами глава русской церкви не только развязывалъ заранѣе руки Годунову, но, такъ сказать, обѣщалъ ему рабски подчиниться всѣмъ мѣрамъ, какія ему заблагоразсудится принять.

Царю оставалось только утвердить приговоръ патріарха. Ѳеодоръ, если онъ только интересовался судебной процедурой, предоставилъ правосудію дѣлать свое дѣло. Это значило, въ сущности, предоставить рѣшеніе дѣла Борису Годунову и обречь обвиняемыхъ неумолимой мести. Кара была ужасна, и, по обычаю того времени, наказаніе усугублялось сообразно съ тѣмъ, насколько обвиняемые стояли ниже на соціальной лѣстницѣ. Царица Марія была вынуждена постричься и искупить въ монастырѣ свое мнимое нерадѣніе о ребенкѣ. Ея три брата, вина которыхъ, судя по слѣдствію, была неодинакова, были высланы изъ Москвы и поселены въ разныхъ городахъ. Скромные граждане Углича подверглись самымъ тяжкимъ наказаніямъ; ихъ обвинили огуломъ въ совершенныхъ убійствахъ и наказали немилосердно. Двѣсти человѣкъ были казнены, другимъ былъ отрѣзанъ языкъ; огромное большинство было сослано въ пустынную Сибирь, гдѣ городъ Пелымъ обязанъ имъ своимъ существованіемъ. Даже набатный колоколъ, созвавшій народъ во дворецъ, былъ признанъ виновнымъ за его звонъ: его отправили въ далекій Тобольскъ. Помилованы были только Василиса, къ свидѣтельству которой присоединилось большинство допрошенныхъ свидѣтелей, да родственники тѣхъ лицъ, коихъ упорно продолжали считать жертвами народной ярости.

Такимъ образомъ исчезли слѣды преступленія. Что касается воспоминанія о немъ, то Годуновъ сильно заблуждался, надѣясь потопить его въ слезахъ и крови. Самая строгость, съ какою производилась расправа, запечатлѣла это событіе въ народной памяти и усугубила подозрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, была ли надобность разсѣять населеніе цѣлаго города, строго наказать этотъ городъ и разогнать всѣхъ его жителей для того, чтобы отомстить за нѣсколько убитыхъ людей? Или, быть можетъ, дѣло шло не о наказаніи виновныхъ, а объ устраненіи неудобныхъ свидѣтелей?

Но кровь жертвы вопіяла въ его могилѣ, приближался часъ, когда на людей, пролившихъ ее, посыпались проклятія и месть.

ГЛАВА II.

Таинственное появленіе.

(1601—1604).

I.

Нунцій Клавдій Рангони.—Сношенія нунція съ Сигизмундомъ III.—Характеристика Рангони.—Александръ Рангони.—Любовныя его интриги.—Нунцію отказываютъ въ кардинальской шапкѣ.—Инструкціи, данныя изъ Рима, касательно Москвы.—Аудіенція 1-го ноября 1603 г.—Появленіе Димитрія.—Скептическое примѣчаніе Клемента VIII.—Донесеніе князя Адама Вишневецкаго.—Димитрій въ Кіевѣ, Острогѣ и Гощѣ.—Судьба улыбается ему въ Брашмѣ.—Адамъ Вишневецкій признаетъ его царевичемъ.—Вербованіе казаковъ.—Ловушка, устроенная лифляндцемъ.—Удача, сопутствовавшая Димитрію.

Съ 1599 г. представителемъ папскаго престола при Сигизмундѣ III былъ нунцій Клавдій Рангони. Уроженецъ Модены, аристократъ по происхожденію, онъ управлялъ своей епархіей не болѣе четырехъ лѣтъ, когда, благодаря благоволенію къ нему папы Клемента VIII, передъ нимъ открылась дипломатическая карьера въ Польшѣ. Тутъ все было для него ново: и страна, въ которой ему приходилось жить, и обязанности, которыя ему надлежало исполнять, и люди, съ коими ему суждено было приходить въ соприкосновеніе.

Мѣста нунція въ Краковѣ добивались весьма многіе. Всѣ вопросы, волновавшіе Европу, обсуждались въ столицѣ Польши; тамъ то и дѣло возникалъ вопросъ о войнѣ съ турками, какъ кошмаръ тяготѣвшій въ то время надъ Европою. Поэтому Рангони предстояло тамъ обширное поле дѣятельности. Какъ дипломата, его привлекала въ Краковъ политика, но въ то же время этотъ италіанецъ нашелъ при польскомъ дворѣ какъ бы часть своей родины. Вѣянія эпохи возрожденія коснулись высшаго польскаго общества; Бона Сфорца познакомилъ его съ новыми теченіями мысли, и извѣстнѣйшіе піонеры гуманизма пріѣхали изъ-за Альпъ съ намѣреніемъ поселиться на Вислѣ.

Личныя отношенія папскаго нунція къ Сигизмунду III, конечно, были вполнѣ корректны и даже дружественны. Въ этомъ отпрыскѣ Вазы, въ этомъ двоюродномъ братѣ Густава-Адольфа, удивительно было видѣть черты характера, свойственныя Филиппу II; въ немъ не было только присущей испанцамъ гордости. Быть можетъ, онъ унаслѣдовалъ религіозность отъ матери Екатерины, которая по своимъ душевнымъ качествамъ и набожности была истинной ягеллонкой, гораздо болѣе, чѣмъ по происхожденію. Въ Польшѣ, благодаря покровительству короля, католи-

ческая реакція постепенно возрастала, и нунцій, вмѣшиваясь въ какое-нибудь дѣло, всегда находилъ себѣ союзниковъ въ извѣстной части дворянства и среди католическихъ епископовъ, которые всѣ засѣдали въ сенатѣ. Наконецъ, хотя сарматскій дворъ могъ казаться непривлекательнымъ своимъ сумрачнымъ небомъ и суровыми морозами, но за то на горизонтѣ его блестѣла кардинальская шапка, и всякій нунцій возвращался, обыкновенно, въ Италію не иначе, какъ въ красной мантіи.

Депеши Рангони, хранящіяся въ ватиканскомъ архивѣ и въ собраніи, у князя Доріа Памфили, даютъ вѣрное представленіе о его нравственномъ обликѣ. Пробѣгая страницы этихъ донесеній, выцвѣтшихъ отъ времени и изъ коихъ многія, къ сожалѣнію, смолкнутъ вскорѣ на-вѣки, передъ нами оживаетъ и возстаетъ типъ италіанскаго прелата прежнихъ временъ, вращавшагося въ избранномъ обществѣ и который былъ въ одно и то же время лицомъ духовнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, свѣтскимъ человѣкомъ, хорошо зналъ всѣ правила этикета, былъ вѣжливъ, услужливъ, уравновѣшенъ, и имѣлъ постоянно къ своимъ услугамъ неистощимый запасъ банальныхъ формулъ. Рангони имѣлъ со многими изъ своихъ коллегъ ту общую черту, что онъ отличался особымъ искусствомъ получать обо всемъ обстоятельныя свѣдѣнія, которыя онъ сообщалъ своему повелителю,—умѣніе, особенно высоко цѣнившееся въ то время. Далѣе этого его честолюбіе не шло. Напрасно было бы искать съ его письмахъ новыхъ взглядовъ или смѣлыхъ выводовъ; какъ посланникъ, онъ не отличался смѣлыми или широкими планами и не былъ способенъ высказать какую-нибудь геніальную мысль. Его пространныя и многорѣчивыя донесенія вызываютъ передъ нами скорѣе призракъ человѣка, стремящагося все уладить, пустить въ ходъ разные «combinazione», хотя онъ и не злоупотреблялъ этимъ словомъ, но ему были знакомы всѣ тайны этого искусства.

У короля нунцій Рангони былъ persona grata. Убѣжденный сторонникъ союза съ Австріей и брака съ эрцгерцогиней Констанціей, онъ раздѣлялъ въ этомъ отношеніи взгляды Сигизмунда, поощрялъ его планы и служилъ ему въ Прагѣ посредникомъ и поддержкою [1]). Нѣкоторые современники упрекаютъ нунція въ томъ, что онъ слишкомъ увлекался свѣтомъ и слишкомъ любилъ бывать въ обществѣ. Находили неприличнымъ, чтобы духовное лицо проводило время въ веселыхъ пирушкахъ съ магнатами или слишкомъ усердно ухаживало за красавицами-польками; его достоинство не допускало, по ихъ мнѣнію, подобныхъ слабостей. Въ довершеніе бѣды, съ нимъ былъ неразлученъ его племянникъ, графъ Александръ Рангони, который далеко не отличался строгостью нравовъ. Если Рангони не подавалъ повода къ особенному злословію

[1]) Вѣна, госуд. архивъ, Polonica, 1603, 22 авг., Рангони къ Рудольфу II.

въ Краковѣ, то несомнѣнно, что онъ былъ удаленъ впослѣдствіи изъ Рима за его любовныя интриги [1]). По этимъ причинамъ нунцій пользовался меньшимъ благоволеніемъ въ Ватиканѣ, нежели въ королевскомъ замкѣ, въ Краковѣ, и всякій разъ, какъ Сигизмундъ просилъ о назначеніи его кардиналомъ, Павелъ V притворялся глухимъ. Короля не смущали эти отказы. Онъ то и дѣло возобновлялъ свои домогательства, сдѣлавъ изъ этого вопросъ чести, расхвалилъ своего протежэ, горько жаловался на папу, посылалъ нарочныхъ въ Римъ, писалъ записки противъ «клеветниковъ» Рангони, отказывался утверждать польскихъ кардиналовъ: напрасный трудъ, Павелъ V былъ непоколебимъ. Онъ былъ не прочь, изъ уваженія къ Сигизмунду, дать Рангони какія-нибудь бенефиціи или денежное вознагражденіе, но онъ отказывалъ ему въ чести носить пурпуровую мантію. Не вдаваясь въ объясненія, папа утверждалъ, что, поступая такимъ образомъ, онъ имѣетъ на это серьезныя причины [2]).

Надобно полагать, что, при отъѣздѣ изъ Рима, будущее представлялось Рангони въ болѣе радужныхъ красахъ. Вновь назначенный нунцій ѣхалъ полный энергіи, имѣя въ своемъ портфелѣ инструкціи, помѣченныя 20-мъ февраля 1599 г., въ которыхъ не упустили упомянуть о Москвѣ [3]). Семнадцать лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ Поссевинъ былъ отправленъ въ Москву съ посольствомъ и какъ было заключено перемиріе при Киверовой горѣ; событія шли своимъ чередомъ, но римскій дворъ мало интересовался славянской политикой. Его неизмѣннымъ идеаломъ былъ союзъ Польши съ Москвою и, слѣдовательно, единство вѣры на сѣверѣ Европы. Въ инструкціяхъ, данныхъ Рангони, особенно настаивали на этомъ, весьма существенномъ пунктѣ; во всемъ остальномъ ему была предоставлена полная свобода дѣйствій. Папа зналъ о вступленіи на престолъ Годунова, но ему не былъ извѣстенъ ходъ переговоровъ, происходившихъ между поляками и москвичами, и, въ виду этой неизвѣстности, онъ предпочиталъ положиться во всемъ на своего представителя. Впрочемъ, папа выражалъ желаніе, чтобы его приняли, если время еще не ушло, въ посредники, и чтобы иниціатива принадлежала въ этомъ случаѣ Годунову; это былъ бы прекрасный случай сдѣлать ему пріятное и оказать взаимную услугу. Ведя эти

---

[1]) Ватиканскіе архивы, fonds Боргезе, II, 427, ф. 16.

[2]) По поводу назначенія Рангони кардиналомъ существуетъ множество писемъ и записокъ, разсѣянныхъ въ разныхъ архивахъ: ватиканскіе архивы, Polonica, т. CCXVII, CCXVIII, CCXIX; Pauli V Brevia. т. XIII, ф. 12, 11-го января 1619 г.; fonds Боргезе, I, 237, 238, 632; II, 74, 221, 241, 335, 358; IV, 79, и т. д. Архивъ Бонкомпаніи, E., 38. Вѣна, государств. архивъ, Polonica, 1605, 1620.

[3]) Ватиканскій архивъ, Miscellanea, т. III, Istruttioni, ф. 236.

переговоры, нунцій долженъ былъ предложить соорудить въ Москвѣ католическую церковь, въ которой богослуженіе совершали бы іезуиты. Очевидно, Клементъ VIII хотѣлъ войти въ роль Григорія XIII, и если бы Борисъ Годуновъ оказался сговорчивѣе Іоанна IV, то Рангони заключилъ бы съ нимъ торжественный актъ о посредничествѣ со стороны папы и счастливѣе своихъ предшественниковъ, онъ добился бы того, въ чемъ Поссевинъ встрѣтилъ отказъ: дозволеніе іезуитамъ имѣть постоянное пребываніе въ Москвѣ. Къ сожалѣнію, разсчетъ оказался невѣренъ: во главѣ польскаго войска уже не стоялъ грозный Стефанъ, въ Москвѣ не свирѣпствовала болѣе опричина, положеніе исконныхъ соперниковъ настолько сравнялось, что постороннее вмѣшательство было излишне.

Нунцій имѣлъ возможность въ этомъ вскорѣ убѣдиться. Левъ Сапѣга, литовскій канцлеръ, посланный Сигизмундомъ въ 1600 году въ Москву съ предложеніемъ брачнаго союза, выслушалъ, какъ извѣстно, отказъ, высказанный весьма надменно и мотивированный вопросомъ о вѣроисповѣданіи [1]). Онъ самъ сообщилъ Рангони о своей неудачѣ, не скрывая своей досады и озлобленія. Впрочемъ, двадцатилѣтнее перемиріе, которое ему удалось заключить, вполнѣ согласовалось съ видами папы и съ традиціонной рутиной, какъ вдругъ одно фантастическое событіе поставило римскій дворъ въ самое неожиданное положеніе.

1-го ноября 1603 г. Рангони имѣлъ аудіенцію у короля [2]), который бесѣдовалъ съ нимъ о странныхъ слухахъ, ходившихъ въ странѣ. Въ Польшѣ появился, какъ говорили, загадочный человѣкъ, пріѣхавшій изъ Москвы: онъ называлъ себя Дмитріемъ, сыномъ царя Іоанна IV. Многіе москвитяне уже признали его таковымъ и пріѣхали вслѣдъ за нимъ. Онъ находился на Волыни у князя Адама Вишневецкаго и мечталъ о томъ, чтобы вернуть престолъ при помощи казаковъ и татаръ. Король считалъ это предпріятіе безумной отвагою и находилъ, что нельзя полагаться на наемныя войска, которыя думаютъ больше о добычѣ, нежели о своей чести. Что касалось человѣка, замышлявшаго столь смѣлые планы, то королю хотѣлось узнать о немъ поближе. Съ этой цѣлью князю Вишневецкому было приказано привезти его въ Краковъ и представить королю обо всемъ докладъ.

Вице-канцлеръ Петръ Тылицкій, коснувшись того же вопроса, сообщилъ Нунцію кое-какія подробности, и Рангони поспѣшилъ подѣлиться со своимъ дворомъ этими необычайными слухами. Къ нимъ отнеслись въ Ватиканѣ съ нѣкоторой недовѣрчивостью, и Клементъ VIII приписалъ на поляхъ депеши Рангони собственноручно нижеслѣдующее скеп-

[1]) См. ватиканскій архивъ, Miscellanea, т. II, стр. 376.

[2]) Ватиканскій архивъ, рукописи Боргезе, III, 90, a.—Rome et Démétrius, стр. 175.

тическое примѣчаніе: «Sarà un altro Rè di Porto dallo resuscitato» [1]). Это былъ намекъ на лже-Себастіановъ, появлявшихся въ Португаліи послѣ смерти настоящаго дона Себастіана въ Алказаръ-Кюиверѣ.

Нунцій озаботился достать докладъ Вишневецкаго, перевести его на латинскій языкъ и препроводить въ Римъ [2]). Это документъ высокой важности: онъ содержитъ исторію Димитрія, разсказанную имъ самимъ. Рангони утверждаетъ, что князь только изложилъ на бумагѣ все, разсказанное ему Димитріемъ, но что сущность разсказа принадлежитъ всецѣло самому герою. Димитрій переживалъ въ это время самый критическій моментъ своей жизни. Все его будущее зависѣло отъ того, что онъ скажетъ о себѣ и насколько ему удастся доказать подлинность своего происхожденія. Поэтому можно предполагать, что онъ сказалъ все, что находилъ нужнымъ, и сжегъ свои корабли. Въ донесеніи говорится особенно подробно о трагическомъ событіи въ Угличѣ и разоблачается тайна происходившихъ интригъ и козней. Это донесеніе во всемъ противорѣчитъ оффиціальному слѣдствію, произведенному Шуйскимъ. Главный виновникъ злодѣянія названъ тутъ по имени,—это Борисъ Годуновъ. Человѣкъ съ желѣзной волею и страшной энергіей, онъ мечталъ о престолѣ съ самой кончины Іоанна IV и всѣмъ пожертвовалъ для удовлетворенія своего безумнаго честолюбія. Ѳедоръ ни въ чемъ не оказывалъ ему противодѣйствія: если бы онъ сдѣлалъ къ тому малѣйшую попытку, его живо заточили бы въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь, и его совѣтникамъ также было бы не сдобровать. Но существовалъ еще царевичъ Димитрій. Для того, чтобы вѣрнѣе достигнуть престола, надобно было устранить законнаго наслѣдника, который могъ со временемъ предъявить свои права. Для этого не было инаго средства, какъ преступленіе. Борисъ не отступалъ передъ гнуснымъ, заранѣе обдуманнымъ и хладнокровно подготовленнымъ злодѣяніемъ. Ребенокъ былъ окруженъ преданными слугами: они погибли отъ медленной отравы и были замѣнены измѣнниками, которымъ было приказано отравить самого Димитрія. Но при этомъ упустили изъ вида личность воспитателя царевича: это былъ человѣкъ дѣятельный, умный, который зорко за всѣмъ слѣдилъ, и злодѣйскій планъ не могъ быть приведенъ въ исполненіе. По неволѣ пришлось прибѣгнуть къ болѣе насильственнымъ мѣрамъ.

---

[1]) Примѣчаніе Клемента VIII напечатано въ вышеупомянутомъ III томѣ, 90, a, рукописей Боргезе, хранящихся въ ватиканскомъ архивѣ.

[2]) Переводъ этого документа, сдѣланный весьма невѣрно Рангони, хранится въ ватиканскомъ архивѣ, рукоп. Боргезе, III, 90, a. Онъ былъ посланъ въ Римъ при письмѣ отъ 8-го ноября 1603 г. Болѣе точный его текстъ напечатанъ Новаковскимъ, Zrodla, т. II, стр. 65—70. Этотъ разсказъ Димитрія легъ въ основу всѣхъ остальныхъ версій, въ томъ числѣ и разсказа Товіанскаго, о спасеніи Димитрія въ Угличѣ (Kagnowicki, т. II, стр. 63—70). Поэтому онѣ имѣютъ значеніе только какъ разсказъ Димитрія о своей судьбѣ.

Были наняты убійцы, которые, при наступленіи ночи, должны были проникнуть во дворецъ, застать царевича въ постели и убить его. Заботливый воспитатель предвидѣлъ возможность и этого покушенія и, будучи всей душою преданъ ребенку, онъ принялъ, по правдѣ сказать, довольно жестокія мѣры предосторожности. Димитрія укладывали спать въ другое мѣсто, а на его постель былъ положенъ одинъ изъ его «двоюродныхъ братьевъ», приблизительно однихъ лѣтъ съ нимъ. Подкупленные убійцы явились въ назначенное время и, ничего не подозрѣвая, убили несчастнаго брата царевича, воображая, что они убиваютъ его. Вѣсть о совершенномъ убійствѣ разнеслась съ быстротою молніи. Въ спальню царевича прибѣжала мать Димитрія и стала сжимать трупъ въ своихъ объятіяхъ; ея разумъ помутился отъ горя, и она горько оплакивала сына, считая его убитымъ. Толпа раздѣляла ея заблужденіе; разгнѣванная и разъяренная, она хотѣла насытить свое мщеніе кровью и избила до тридцати младенцевъ. Такимъ образомъ исчезновеніе двоюроднаго брата царевича прошло незамѣченнымъ и не возбудило подозрѣнія.

Борисъ Годуновъ, обманутый точно такъ же, какъ другіе, былъ озабоченъ однимъ: желаніемъ скрыть убійство и распустить какой-нибудь слухъ, которому народъ могъ бы повѣрить. Припадокъ падучей болѣзни могъ все объяснить, ему и была приписана смерть Димитрія, и многіе граждане г. Углича, за свое чрезмѣрное усердіе, были приговорены къ смертной казни. Между тѣмъ, царевичъ жилъ со своимъ воспитателемъ въ полной безопасности, не терпя никакихъ притѣсненій. Когда человѣкъ, такъ случайно спасшій ему жизнь, почувствовалъ приближеніе своей кончины, то онъ поручилъ своего воспитанника «надежному человѣку», который былъ имъ посвященъ въ тайну и охотно взялъ на себя обязанность ментора. «Надежный человѣкъ» также исчезъ со временемъ, оставивъ Димитрію въ наслѣдіе совѣтъ—спрятаться въ монастырѣ. И этотъ потомокъ Рюрика, облачившись въ монашескую рясу, исходилъ вдоль и поперекъ все московское государство, стучась въ ворота всѣхъ монастырей и питаясь подаяніемъ. Несчастіе отняло у него все, но онъ сохранилъ свою величественную осанку. Однажды, какой-то монахъ призналъ его за царскаго сына только по его манерамъ—ex incessu moribusque heroicis. Это открытіе было для Димитрія роковымъ. Съ этой минуты пребываніе въ Россіи становилось для него опаснымъ. Надобно было скрыться съ глазъ Бориса Годунова. Димитрій отправился въ Польшу, строго соблюдалъ инкогнито въ Острогѣ и Гощѣ, и открылъ свое происхожденіе князю Адаму Вишневецкому, въ Брашмѣ.

Какое впечатлѣніе долженъ былъ произвести на короля этотъ странный докладъ? Въ первый моментъ онъ могъ ему повѣрить; весьма возможно, что король былъ даже введенъ имъ въ заблужденіе, но, конечно, имъ должно было вскорѣ овладѣть сомнѣніе. Къ тому же съ самаго начала было

ясно, что Димитрій старался скрыть свое прошлое вмѣсто того, чтобы сообщить о себѣ какія-либо вѣрныя свѣдѣнія. И это такъ удалось ему, что даже по прошествіи трехсотъ лѣтъ его жизнь подстрекаетъ любопытство ученыхъ, которые все еще не могутъ разобраться въ истинѣ. Онъ не сообщаетъ изъ своего прошлаго ни именъ, ни фактовъ; его жизнь до появленія въ Польшѣ не оставила по себѣ никакихъ слѣдовъ.

Исторія можетъ прослѣдить ее, и то съ трудомъ, лишь со времени его пребыванія въ Кіевѣ, гдѣ онъ появился, по всей вѣроятности, около 1601 г., облекшись въ грубую рясу базиліанскаго монаха. Затерявшись, какъ многіе другіе монахи, въ толпѣ, онъ поклонился кіевскимъ святынямъ и затѣмъ отправился къ кіевскому намѣстнику, князю Константину Острожскому [1]). Этотъ почтенный старецъ не оправдалъ ожиданій, которыя возлагали на него его православные приверженцы [2]). Несмотря на свой преклонный возрастъ, онъ все еще не могъ помириться съ Брестской уніей и по-прежнему боролся съ нею. Въ его Острожскомъ замкѣ находили убѣжище всѣ противники римско-католической церкви, кальвинисты, раскольники и аріане. Православный чернецъ еще скорѣе могъ разсчитывать на щедрое гостепріимство со стороны владѣльца замка. Димитрій навѣрно воспользовался этимъ гостепріимствомъ, но онъ этого не говоритъ, а разсказываетъ, что прожилъ въ Острогѣ никѣмъ не замѣченнымъ. Князь Константинъ Острожскій, со своей стороны, старательно отрицаетъ, что онъ имѣлъ какія-либо сношенія съ чернецомъ. Спрошенный королемъ, онъ заявляетъ, что ему объ немъ ничего не извѣстно; онъ не знаетъ, проживалъ ли Димитрій въ его владѣніяхъ или въ монастыряхъ, кои находились подъ его вѣдѣніемъ; онъ такъ мало знаетъ о Димитріи, что не рѣшается даже высказать никакихъ предположеній. Письмо князя помѣчено 3-мъ марта 1604 г. Наканунѣ этого числа, его сынъ, Янушъ, былъ менѣе сдержанъ, или болѣе откровененъ съ королемъ. «Я знаю Димитрія нѣсколько лѣтъ,—писалъ каштелянъ г. Кракова,—онъ жилъ довольно долгое время въ Дерманскомъ монастырѣ моего отца и оставилъ его, присоединившись къ анабаптистамъ; съ тѣхъ поръ я потерялъ его изъ вида». Слухи, носившіеся въ Краковѣ, были еще опредѣленнѣе; нунцій Рангони тщательно собиралъ ихъ. Разсказывали по секрету, будто Димитрій открылся кіевскому намѣстнику и даже просилъ его поддержки. Престарѣлый князь будто бы грубо отказалъ ему въ этомъ, и одинъ изъ его гайдуковъ будто бы даже поколотилъ навязчиваго просителя и выпроводилъ его изъ замка [3]). Но Димитрій не потерялъ бодрость духа; пришлось

---

[1]) Велевицкій, т. II, стр. 49.—Извѣтъ, кол. 21.

[2]) См. т. II, стр. 221—227.

[3]) Москва, архивъ министерства юстиціи, Лит. Метр., нов. кн., 55,

ли ему дѣйствительно вынести эту непріятность или нѣтъ, какъ бы то ни было, онъ вскорѣ перекочевалъ изъ Острога въ Гощу.

Этотъ городъ былъ центромъ, куда стекались аріане; ихъ училища въ Гощѣ пользовались громкой извѣстностью. Сектантъ, Гавріилъ Гойскій, кіевскій каштелянъ и маршалъ маленькаго Острожскаго двора, былъ въ Гощѣ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ преподавателей.

Что же влекло въ Гощу Димитрія и чѣмъ онъ былъ намѣренъ тамъ заняться? Преподавать русскій языкъ, говорятъ одни; изучать науки, утверждаютъ другіе, и пожалуй они правы, такъ какъ свѣдущіе люди признаютъ, что всѣ знанія, пріобрѣтенныя Димитріемъ, носятъ отпечатокъ аріанскаго ученія. Но Поссевинъ, скрывающійся подъ именемъ Бареццо-Барецци и получившій свѣдѣнія отъ польскихъ іезуитовъ, говоритъ, будто Димитрій занималъ въ Гощѣ весьма скромную должность, а именно служилъ просто-на-просто на кухнѣ у Гойскаго [1]). Какое бы изъ этихъ разнорѣчивыхъ свѣдѣній ни было вѣрно, но ни поваренокъ, ни школьный учитель, ни студентъ не убили въ Димитріи претендента на престолъ: онъ выжидалъ только благопріятный моментъ для того, чтобы выступить окончательно въ этой роли.

До тѣхъ поръ Димитрій дѣйствовалъ въ пустую. Въ 1603 г. судьба улыбнулась ему въ Брашмѣ, у князя Адама Вишневецкаго. Этотъ знатный кондотьери только и мечталъ о подвигахъ на полѣ брани. Русскій по происхожденію, но подданный короля польскаго, бывшій воспитанникъ виленскихъ іезуитовъ, ревностный сынъ православной церкви и человѣкъ по-своему набожный, онъ былъ чрезвычайно озлобленъ противъ москвитянъ. Ихъ разъединяло соперничество и кровь. Его обширныя помѣстья лежали на обоихъ берегахъ Днѣпра, простираясь до самой границы.

Въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ владѣнія Вишневецкаго соприкасались съ русскою землею, нерѣдко возникали пограничные споры, которые, не доходя до суда, рѣшались часто съ оружіемъ въ рукахъ. Въ 1603 г. русскіе были озлоблены противъ Вишневецкаго за то, что онъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ, правильно или нѣтъ, сказать трудно, два большія мѣстечка. Русскіе совершили набѣгъ на эти спорныя земли и овладѣли ими. Съ той и съ другой стороны, были раненые и убитые. Князь Острожскій, которому въ качествѣ кіевскаго намѣстника было поручено произвести слѣдствіе, представилъ королю донесеніе, въ которомъ онъ доказывалъ необходимость строго наказать виновныхъ

ф. 40.—Краковъ, музей Чарторыйскихъ, 320, ф. 155.—Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, III, 90, в, стр. 87.

[1]) Zabczyc, мартъ.—Извѣтъ, кол. 21.—Бареццо-Барецци, стр. 6.

и вознаградить Вишневецкихъ за понесенные ими убытки. Дѣло тянулось долго, и князь Адамъ не отступалъ отъ своихъ требованій [1]).

Этому-то воинственному магнату, раздраженному побѣдою его противниковъ, коего имущественные интересы были затронуты и попраны, Димитрій открылся первому, и это признаніе положило начало его исполненной приключеній карьерѣ. Личность Вишневецкаго была избрана удачно; настала пора дѣйствовать, но надобно было найти доступъ къ вельможѣ. Какимъ образомъ проникъ къ нему бѣдный монахъ? Что сдѣлалъ онъ для того, чтобы Вишневецкій принялъ его и повѣрилъ его словамъ? Историки теряются по этому поводу въ догадкахъ. Одни изъ нихъ разсказываютъ, будто бы Вишневецкій побилъ его и онъ съ истинно царскимъ величіемъ выразилъ ему по этому поводу свое негодованіе и тѣмъ обнаружилъ себя; другіе говорятъ, что, будучи при смерти, онъ открылъ свою тайну духовнику, который не умолчалъ о ней; иные говорятъ, что ему послужила на пользу романическая страсть [2]). Всѣ эти анекдоты создали Димитрію подходящую обстановку. По правдѣ сказать, они основаны на самыхъ ничтожныхъ данныхъ: князь Адамъ не упоминаетъ о нихъ въ своемъ донесеніи, и по поводу этого обстоятельства не былъ допрошенъ никто изъ очевидцевъ и не высказалась никакая компетентная власть. Несомнѣнно лишь одно: Вишневецкій первый торжественно призналъ Димитрія царевичемъ, онъ руководилъ его первыми шагами и былъ крестнымъ отцомъ претендента. Между ними вѣроятно произошло что-либо таинственное. Быть можетъ, на князя произвели особенное впечатлѣніе показанія московскихъ жителей, которые уже стекались въ то время къ Димитрію. Желаніе отомстить и надежда получить выгоду могли сдѣлать неразборчивымъ такого корыстолюбиваго и воинственнаго человѣка, какимъ былъ Вишневецкій.

Превращеніе Димитрія было внезапное и полное. Еще наканунѣ онъ былъ бѣденъ и безвѣстенъ, а тутъ разомъ сдѣлался великой особою. Онъ бросилъ монашескую жизнь, если предположить, что онъ велъ ее до тѣхъ поръ, и рѣшительно принялъ тонъ и манеры претендента на могущественный престолъ. Его поддерживалъ сильный покровитель. Оставалось только немедленно взяться за дѣло, организовать войско, навербовать казаковъ и привести въ исполненіе планъ, который король такъ сильно раскритиковалъ. Дѣйствительно на Донъ и Днѣпръ

---

[1]) Москва, архивъ министерства юстиціи. Лит. метр. нов. кн., 55 ф. 8.—С.-Петербургъ, Публичн. библ., Polskaïa, ф. IV, 119, ф. 99.—Мѣстечки эти назывались Прилуки и Свецино.

[2]) Въ Zaòczyc'ѣ (мартъ) читаемъ, что священникъ былъ только посредникомъ между княземъ и Димитріемъ. Этотъ разсказъ легъ въ основу послѣдующихъ легендъ.

были немедленно посланы эмиссары, коимъ было приказано вербовать охотниковъ. Пронесся слухъ, дошедшій до короля, будто Димитрій самъ отправился къ этой вольницѣ, всегда готовой взяться за оружіе. Подробности переговоровъ Димитрія съ казаками, происходившихъ на словахъ подъ открытымъ небомъ, съ грубостью, въ которой выражалась надменность, останутся для насъ на вѣки тайною. Исторія казачества писалась ихъ саблями, и ея слѣды можно найти не въ книгахъ, а на поляхъ битвъ. Посадить претендента на престолъ было самымъ подходящимъ для нихъ дѣломъ. Они то и дѣло были заняты этимъ въ Молдавіи и Валахіи. Имъ не было дѣла до того, были ли права претендента истинны или ложны, лишь бы предпріятіе сулило имъ выгоды. А Московія съ ея необозримыми равнинами и сказочнымъ богатствомъ была добычею гораздо болѣе соблазнительною, нежели бѣдныя придунайскія княжества. Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что въ это именно время начались сношенія Димитрія съ казаками и быть можетъ даже съ татарами и что по крайней мѣрѣ съ первыми изъ нихъ имъ были заключены извѣстныя условія и сдѣлки. Волненіе на Украйнѣ приняло даже столь тревожные размѣры, что король былъ вынужденъ вмѣшаться. 12-го декабря 1603 г. были изданы строжайшіе приказы, воспрещавшіе казакамъ формировать банды, а мѣстнымъ жителямъ продавать имъ оружіе и боевые запасы. Казаки, по обыкновенію, не обратили на эти платоническія запрещенія ни малѣйшаго вниманія [1]).

Нѣсколько времени спустя случился одинъ фактъ, который могъ поощрить Вишневецкаго не уклоняться съ того пути, на который онъ вступилъ. Не взирая на представленное имъ, благопріятное для Димитрія, донесеніе, король счелъ нужнымъ обстоятельно изслѣдовать этотъ вопросъ. Это было поручено королемъ Льву Сапѣгѣ. У него жилъ одинъ лифляндецъ, прекрасно знавшій Димитрія, такъ какъ онъ состоялъ при его особѣ въ Москвѣ. Этого человѣка послали въ январѣ мѣсяцѣ 1604 г. къ Вишневецкому, и претенденту была устроена ловушка. Лифляндецъ выдалъ себя за постороннее лицо и не выказалъ ни малѣйшаго удивленія при видѣ Димитрія, но послѣдній не дался въ обманъ. Онъ узналъ своего бывшаго слугу и съ увѣренностью назвалъ его по имени. Лифляндецъ, въ свою очередь, оставивъ роль шпіона, удостовѣрилъ, что Димитрій былъ истинный сынъ Іоаннъ IV. Онъ видѣлъ его слишкомъ часто, чтобы ошибаться. Онъ указалъ даже на нѣкоторые физическіе признаки ихъ сходства: бородавку на носу и неоди-

---

[1]) Listy Zolkiewskiego, письма Жолкѣевскаго, стр. 127, № 95. Краковъ, музей Чарторыйскихъ, 320, ф. 129. Гришбергъ, стр. 26, 27.

накую дливу рукъ. Это обстоятельство было признано весьма важнымъ и доведено до свѣдѣнія нунція [1]).

Такимъ образомъ для Димитрія удача слѣдовала за удачей. Вскорѣ ему уже стало тѣсно въ замкѣ Брашмы. Онъ началъ развивать свои планы въ иномъ мѣстѣ. Мѣсто дѣйствія переносится теперь въ Самборъ, въ домъ Мнишекъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Ватиканскій архивъ. Рукоп. Боргезе, III, 90, в. ф. 13, 16.—Rome et Démétrius, стр. 176. Этотъ лифляндецъ, повидимому, былъ то же, что Піотровскій, о которомъ упоминаютъ поляки, и Петруша—русскихъ. Рангони не называетъ его по имени.

Бердичевъ въ сороковыхъ годахъ.

Въ 1843 году именитые домохозяева Бердичева возбудили ходатайство объ обращеніи сего мѣстечка въ городъ, съ учрежденіемъ въ ономъ городской думы и магистрата.

Просители утверждали, что Правительствующій Сенатъ еще въ 1801 году признавалъ Бердичевъ коммерческимъ въ Европѣ мѣстомъ (указъ 8-го августа).

Ко времени составленія записки, въ мѣстечкѣ числилось: мѣщанъ свыше 10.000 рев. душъ, однодворцевъ 617; дворянъ, гражданъ и разночинцевъ болѣе 2.000; капиталовъ первой гильдіи — 10, второй — 11, третей—503; ярмарокъ—5.

Въ прошеніи, между прочимъ, изображено:

«Въ число естественныхъ богатствъ — полагается природный умъ жителей. Онъ великими своими успѣхами принесетъ пользу государству и честнымъ людямъ немалую».

Кіевскій военный подольскій и волынскій генералъ-губернаторъ, сознавая необходимость отторженія Бердичева отъ Житоміра, присутственныя мѣста котораго наводнялись агентами бердичевскихъ дѣльцовъ и промышленниковъ, въ декабрѣ того же года вошелъ въ установленномъ порядкѣ съ представленіемъ о причисленіи Бердичева къ Махновскому уѣзду Кіевской губерніи [1]).

При этомъ генералъ Бибиковъ слѣдующими чертами обрисовалъ прежній и современный ему Бердичевъ:

---

[1]) Вопросъ о перечисленіи мѣстечка изъ одной губерніи въ другую возбуждался еще въ 1805 году его владѣльцемъ, княземъ Радзивилломъ, который указывалъ на крайнее неудобство, испытываемое обывателями отъ отдаленности уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ (Житоміръ въ 45 верстахъ, въ то время какъ въ 20 верстахъ стоитъ Махновка, уѣздный городъ Кіевской губерніи).

Несмотря на поддержку, оказанную кіевскимъ губернаторомъ Панкратьевымъ, проекту тогда не суждено было осуществиться, такъ какъ волынское начальство энергично тому воспротивилось.

«Бердичевъ въ прежнее время былъ средоточіемъ контрабаднаго промысла въ томъ обширномъ, въ правильныя формы приведенномъ видѣ, въ которомъ едва-ли встрѣчался гдѣ и когда-либо. Тогда обращались въ Бердичевѣ милліонные капиталы, похищенные утайкою казенныхъ пошлинъ, и совершались всѣ роды преступленій безнаказанно и безгласно.

«Бердичевъ кормилъ и обогащалъ житомірскихъ чиновниковъ, раздавая имъ постоянно, однажды навсегда опредѣленныя, жалованья, присвоенныя каждому лицу и мѣсту.

«За то въ Бердичевѣ дѣлали все, что хотѣли. Бердичевъ былъ могуществомъ, спасавшимъ отъ суда и закона всякое преступленіе.

«Огромныя ярмарки соединяли въ немъ, по нѣсколько разъ въ годъ, едва-ли не бо́льшую часть поляковъ Галиціи, Познани, царства Польскаго и западныхъ губерній. Они ѣхали туда какъ по долгу. Бердичевъ, въ то время, представлялъ имъ своими безпорядками и потворствомъ властей подобіе самыхъ буйныхъ, безпорядочныхъ польскихъ сеймовъ, — возможность дѣлать все, предаваться всѣмъ порокамъ и преступленіямъ, безъ всякой осторожности. Огромная карточная игра, тамъ происходившая, служила также цѣлью пріѣзда. Поляки проигрывались и утѣшали себя мечтами въ какомъ-нибудь тайномъ политическомъ обществѣ.

«Бердичевъ не разъ былъ и мѣстомъ съѣзда политическихъ заговорщиковъ, и отъ него-то преступныя правила и мысли развозились во всѣ концы бывшей польской республики.

«Въ настоящее время, говоря языкомъ контрабандистовъ и польскихъ патріотовъ, — Бердичевъ упалъ.

«Онъ и въ самомъ дѣлѣ упалъ, ибо главныя причины его нѣкогда блистательнаго положенія — свободный пропускъ контрабанды и фальшивое клейменіе товаровъ—прекратились. Отъ преступленій примѣрно важныхъ и государственныхъ—онъ низошелъ, такъ сказать, до преступленій мелкихъ, по сравненію съ прежними, но весьма важныхъ еще, при томъ порядкѣ и направленіи, которые государю императору угодно было высочайшее повелѣть ввести въ здѣшній край.

«Еще недавно сообщники Конарскаго назначали свои съѣзды въ Бердичевѣ. Общество Балагуловъ [1]) тамъ составлялось и цвѣло жизнію разврата и своеволія. Едва прокрадывался изъ-за границы какой-либо изгнанникъ — немедленно направлялся въ Бердичевъ, съ увѣренностію найти тамъ покровителей и мѣсто дѣйствія, и находилъ то и другое. Бывшая «агенція» польскаго банка, владѣя почти всѣми капиталами

[1]) Балагулы — сторонники демократическаго движенія (балагульщины) въ польскомъ обществѣ Ю.-З. края; циническій протестъ противъ аристократизма и французоманіи.

края, привлекала туда многихъ. Не проходитъ и нынѣ ни одной ярмарки безъ малаго либо особаго происшествія: то прибьютъ полицеймейстера, кого-нибудь обыграютъ, или сдѣлаютъ какое-нибудь буйство.

«Жиды, составляющіе почти исключительно населеніе Бердичева, избрали его центромъ: какъ въ прежнее время главной преступной своей дѣятельности, такъ, нынѣ — многочисленныхъ козней и преступленій. Тамъ недавно совершались убійства и грабежи, коихъ послѣдствія, или не открывались, или обнаруживались чрезвычайно трудно. Тамъ совершались убійства тайной мести жидовской; туда являлись раввины, у которыхъ выпрягали лошадей и возили по мѣстечку съ фанатическимъ изступленіемъ. Туда присылались возмутительныя воззванія изъ-за границы къ еврейскому народу. Тамъ существуютъ цѣлыя общества лжедоносчиковъ, которые торгуютъ, и весьма прибыльно, этимъ ремесломъ. Тамъ выдаютъ фальшивые паспорты, скрываются бѣглые и дезертиры и, наконецъ, тамъ гнѣздилище того факторства по дѣламъ, производящимся въ Житомірѣ, которое обвиваетъ цѣпью своихъ происковъ житомірскія присутственныя мѣста, такъ, что едва что-либо подпишется въ Житомірѣ, — черезъ два или три часа оно дѣлается извѣстнымъ въ Бердичевѣ. Копіи настоящія и ложныя съ указовъ и резолюціей летятъ въ Бердичевъ, какъ на торгъ — тамъ продаются и покупаются. Обманамъ, плутнямъ и посягательствамъ на всѣ виды преступленій нѣтъ конца.

«Уголовныхъ и всякаго рода дѣлъ и слѣдствій въ Бердичевѣ всегда столько, что почти постоянно живутъ для нихъ въ Бердичевѣ губернскіе чиновники.

«Нѣтъ никакой возможности разорвать неблаговидныя связи Житомира съ Бердичевомъ; между тѣмъ, происходящее отъ того неимовѣрное накопленіе дѣлъ въ житомірскихъ присутственныхъ мѣстахъ, и дѣлъ столь запутанныхъ, столь странныхъ, и по преступленіямъ долга и совѣсти отважныхъ, что нѣтъ никакихъ средствъ положить имъ предѣлъ обыкновенными способами».

Представленная записка не оставлена была безъ вниманія. 21-го февраля 1844 г. высочайше повелѣно: мѣстечко Бердичевъ Житомірскаго уѣзда «прирѣзать къ Махновскому уѣзду Кіевской губерніи подъ непосредственный и ближайшій надзоръ» генералъ-губернатора.

Границею между губерніями указано быть линіи: Маркушки, Пятигорка, Жидовецкая корчма, Жидовцы, Скригліовка, Гришковцы, Чехи и Бровецкая корчма.

Сообщилъ А. Мёрдеръ.

Собственноруч. письмо И. И. Дмитріева—гр. Н. П. Румянцову.

9-го октября 1814 г. Москва.

Новое благодѣяніе и новую дань благодарности приношу отъ глубины сердца вашему сіятельству. Ежели кто изъ друзей моихъ авторовъ захочетъ въ сочиненіяхъ своихъ оставить слѣды бытія моего для потомства, то заповѣдаю ему не умолчать и о томъ, что бывшій поэтъ и министръ, возвратясь на родное свое пепелище, обязанъ былъ въ старости лѣтъ своихъ первымъ пристанищемъ и первымъ успокоеніемъ единственно вашему гостепріимству.

Надѣюсь, однакожъ, что и мой домикъ скоро поспѣетъ.—Уже я въ мысляхъ располагаю, гдѣ въ кабинетѣ моемъ поставить почтенные бюсты побѣдителя при Кагулѣ [1]) и фридрихсгамскаго миротворца [2]).—Это будутъ почетныя мѣста въ моемъ жилищѣ.

Между тѣмъ снова поручая себя лестному для меня вашему благорасположенію, съ отличнымъ почитаніемъ и преданностію имѣю честь быть.

---

[1]) Графа Петра Александровича Румянцева.

[2]) Графа Николая Петровича Румянцева.

Десять неизданныхъ писемъ В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу.

Петръ Николаевичъ Тургеневъ любезно сообщилъ редакціи «Русской Старины» свои фамильныя бумаги и въ числѣ ихъ оказалось двадцать собственноручныхъ писемъ В. А. Жуковскаго къ его дядѣ Александру Ивановичу. — Десять изъ нихъ были уже изданы въ «Русскомъ Архивѣ» за 1867 годъ [1]); оттуда они были перепечатаны въ помѣщенныхъ въ приложеніи къ тому же журналу за 1895 годъ «Письмахъ В. А. Жуковскаго къ Александру Ивановичу Тургеневу», изданныхъ по подлинникамъ, хранящимся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, съ примѣчаніями И. А. Бычкова [2]). Поэтому печатать ихъ еще разъ было бы излишне [3]).

---

[1]) Равно какъ и приложенный къ письму № LXXXII (по „Письмамъ Жуковскаго къ Тургеневу“) проектъ письма Жуковскаго къ императору Александру I (см. тамъ же, стр. 162—163) и письмо Жуковскаго къ С. П. Жихареву (см. тамъ же, стр. 167—168), присланное при письмѣ къ Тургеневу отъ 31-го октября 1816 года (№ LXXXIV).

[2]) См. въ „Письмахъ Жуковскаго къ Тургеневу“ №№ XXX, LXXXII, LXXXIII, LXXXIV, LXXXVI, LXXXVII, LXXXVIII, XC, XCII и XCIII.

[3]) Слѣдуетъ только отмѣтить нѣсколько невѣрно прочтенныхъ мѣстъ и небольшихъ пропусковъ въ текстѣ этихъ писемъ, напечатанномъ въ „Русскомъ Архивѣ“; понятно, что тѣ же невѣрныя чтенія и пропуски повторены и въ перепечаткѣ этихъ писемъ въ „Письмахъ Жуковскаго къ Тургеневу“; на страницы этого изданія и дѣлаются далѣе ссылки.

Такъ, въ письмѣ XXX-мъ напечатано (стр. 74): „и отложи свою обыкновенную, досадную безпечность, которая одна мѣшаетъ л и ш ь (въ подлинникѣ: мѣшаетъ м н ѣ) въ полнотѣ восхищаться тобою“. На стр. 75-й: она возвышаетъ душу, расширяетъ п о н я т і е (въ подлинникѣ: расширяетъ п о н я т і я). На стр. 77-й: двое могутъ имѣть одну общую непоколебимую твердость, которой каждый изъ нихъ одинъ, можетъ быть, имѣть не способенъ

Остальныя же десять писемъ Жуковскаго, сообщенныя П. Н. Тургеневымъ, въ печати еще не появлялись. Они относятся къ 1809, 1810, 1814, 1816, 1817 и 1820 годамъ и служатъ дополненіемъ къ богатому собранію подлинныхъ писемъ Жуковскаго къ А. И. Тургеневу, которыя были пожертвованы Императорской Публичной Библіотекѣ въ 1884 году сыномъ поэта П. В. Жуковскимъ и изданы въ вышеназванной книгѣ «Письма В. А. Жуковскаго къ Александру Ивановичу Тургеневу».

Изъ печатаемыхъ нынѣ писемъ Жуковскаго къ Тургеневу бо́льшая часть не имѣетъ помѣтъ о времени ихъ написанія; его пришлось уста-

---

(въ подлинникѣ: можетъ быть, *и* имѣть не способенъ). На стр. 78-й: А трудъ, который былъ для меня прежде тяжелъ, становится для меня любезенъ, часъ отъ часу болѣе (въ подлинникѣ: любезенъ, *и* часъ отъ часу болѣе). На стр. 78-й: Et ni posces... Intendes... (въ подлинникѣ: Ni posces... Intendas). На стр. 79-й: Безо (въ подлинникѣ: безъ) всякаго замедленія. На той же страницѣ: избавивъ ихъ отъ жестокаго труда, или лучше сказать отъ мученія, выплакивать себѣ выгоду (въ подлинникѣ: отъ мученія выклянивать себѣ выгоду). На той же страницѣ: И ты много (въ подлинникѣ: много, много) одолжилъ бы меня, если бы снабдилъ меня и Эйхгорномъ. На той же страницѣ: Покупать ихъ не могу, ибо я бѣднякъ, а тебѣ должно быть пріятно помогать мнѣ въ нуждѣ (въ подлинникѣ затѣмъ стоитъ еще фраза: Это же такъ лег[к]о). Только не медли!

Въ письмѣ LXXXIII-мъ, на стр. 163-й: Но... когда (въ подлинникѣ: Но теперь, когда) государь долженъ узнать объ ней.

Въ письмѣ LXXXIV-мъ, на стр. 165-й: И я не погибну съ вами! Братъ, что за слово? Съ вами! (въ подлинникѣ: Съ нами!).

Въ письмѣ къ Жихареву, на стр. 167-й: Но будетъ (въ подлинникѣ: Это будетъ) большое для меня огорченіе. На стр. 168-й: къ которому числу, котораго мѣсяца (въ подлинникѣ: къ которому числу котораго мѣсяца).

Въ письмѣ LXXXVI-мъ, на стр. 169-й: На что смѣяться надъ Шаховскими и Rivarol? (въ подлинникѣ: надъ Шаховскими и Бесѣдою). Надо еще добавить, что письмо это было сложено пакетомъ и имѣетъ адресъ: „Его превосходительству Александру Ивановичу Тургеневу. Въ С.-Петербургѣ“, за которымъ идетъ слѣдующая приписка (въ „Русскомъ Архивѣ“ не приведенная): „Собери Арзамасъ и отдай Блудову приложенную бумагу для прочтенія“.

Въ письмѣ LXXXVII-мъ, на стр. 170-й: Я былъ свидѣтелемъ его докторской диспутаціи, могу увѣрить тебя (въ подлинникѣ: *и* могу увѣрить тебя). На той же страницѣ: Парротъ... долженъ будетъ (дабы избѣгнуть отъ долговъ) продать свои домишки (въ подлинникѣ: свой домишко). На стр. 171-й: Наслаждался, писалъ стихи! (въ подлинникѣ: писавъ стихи!).

Въ письмѣ XC-мъ, на стр. 174-й: Въ Сибири терпѣніе тяжелѣе (въ подлинникѣ: тяжелѣ).

Въ письмѣ XCII-мъ, на стр. 175-й: Какъ не взбѣситься (въ подлинникѣ: взбѣсишься), подумавъ.

навливать изъ самаго содержанія писемъ. Такія хронологическія опредѣленія выставлены въ началѣ писемъ въ круглыхъ скобкахъ.

Примѣчанія, которыми сопровождаются нижепомѣщаемыя письма Жуковскаго, составлены И. А. Бычковымъ.

1.

Письмо С. М. Соковнина [1]), съ припискою В. А. Жуковскаго.

Москва, 1809 года декабря 2-го дня.

Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ!

Письмо ваше къ Василію Андреевичу [2]) читалъ я съ самымъ искреннимъ чувствомъ. Дружба и любовь тѣхъ людей, которые связаны были съ нашею семьею [3]), для меня всего дороже, тѣмъ болѣе, что теперь только въ ихъ дружбѣ и любви могу возвратить свои потери. Какъ бы желалъ я, чтобы мы не такъ далеко были другъ отъ друга. Любезный Василій Андреевичь часто говоритъ, какъ бы намъ было весело, если бы мы были вмѣстѣ. Дай Богъ, чтобы это поскорѣе случилось. Я не хотѣлъ бы докучать вамъ моими просьбами и писалъ къ брату Андрею Ѳедоровичу [4]), чтобы онъ попросилъ васъ объ моемъ дѣлѣ [5])—мимоходомъ—но то, что вы пишете въ письмѣ вашемъ, заставило меня отнестись къ вамъ со всѣми подробностями моихъ честолюбивыхъ плановъ. Вы писали, чтобы послать въ Петербургъ бумагу о моей учености—то туда посланъ дипломъ на кандидатство, который я получилъ третьяго года. Однакожъ мнѣ кажется, что этотъ дипломъ не будетъ имѣть никакого дѣйствія, ибо въ немъ сказано только, что я у ч е н ы й м у ж ъ въ однихъ словесныхъ наукахъ. Правда, въ послужномъ моемъ

---

[1]) Сергѣй Михайловичъ Соковнинъ былъ товарищемъ Жуковскаго и Тургенева по университетскому благородному пансіону. О Соковнинѣ и его литературной дѣятельности см. Сочиненія Батюшкова, т. III, стр. 735—736, и Остафьевскій Архивъ, т. I, стр. 444—445.—Жуковскій, во время своихъ пріѣздовъ въ Москву въ 1809 и 1810 гг., жилъ у Соковнина (см. „Русскій Архивъ“ 1900 г., сентябрь, стр. 9; „Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 87).

[2]) Жуковскому.

[3]) См. письма Жуковскаго къ Тургеневу отъ декабря 1807 года („Письма Жуковскаго къ Тургеневу“, стр. 41—42) и къ Аннѣ Михайловнѣ Соковниной (сестрѣ С. М. Соковнина) отъ іюля-августа 1807 года („Русскій Архивъ“ 1900 г., сентябрь, стр. 6—8).

[4]) Не Сухотину ли? Ср. „Письма Жуковскаго къ Тургеневу“, стр. 43, 130 и 199, а также „Русскій Архивъ“ 1900 г., сентябрь, стр. 8.

[5]) О производствѣ въ чинъ, какъ это видно изъ дальнѣйшаго содержанія письма.

спискѣ написано, что я учился въ унив(ерситетскомъ) панс(іонѣ) всему тому, объ чемъ говорится въ указѣ, но не сказано, что былъ произведенъ студентомъ за тѣ быстрые успѣхи, которые во всемъ томъ сдѣлалъ. Студентской же аттестатъ за подписью всего университетскаго правленія достать теперь очень трудно и почти невозможно—ибо кандидату студентскаго аттестата не дадутъ. Коллегіи [1]), конечно, должно быть извѣстно, что въ кандидаты не производятъ иначе, какъ изъ студентовъ. Вотъ, любезный Александръ Ивановичь, все то, что я могъ написать вамъ объ себѣ. Но мнѣ, право, ничего не будетъ досадно, если мнѣ не дадутъ чина—увѣряю васъ, что я не столько бы обрадовался, читавши указъ о моемъ производствѣ, сколько мнѣ весело было читать письмо ваше. Честолюбіе даетъ однѣ заботы, а дружба—одни удовольствія. Доброе ваше расположеніе ко мнѣ обрадовало меня тѣмъ болѣе, что я давно желалъ дружбы вашей и по вашему уму, и по сердцу, и потому, что васъ любили и почитали тѣ люди, которые были для меня всего дороже. Не думайте, чтобы я писалъ къ вамъ одни пустыя слова—нѣтъ, я, право, съ этой стороны похожъ на Василія Андреевича—право, сердце мое такъ же готово къ дружбѣ, такъ же можетъ наслаждаться ея наслажденіями, какъ его. Жаль, что вы знали меня не въ тѣхъ лѣтахъ, когда человѣкъ начинаетъ себя чувствовать. Право, скажу вамъ, не льстя себѣ, что во мнѣ есть немножко того, чего такъ много въ васъ и въ Жуковскомъ. Можетъ быть mes épanchements [2]) покажутся вамъ смѣлыми, но я надѣюсь въ нихъ современемъ оправдаться. Вы увидите, что я говорилъ правду, когда мы будемъ сидѣть втроемъ за доброй чашкой шоколаду—и говорить о томъ, что уже прошло, что никогда не возвратится и однакожъ все еще намъ пріятно и незабвенно. Простите. Признаюсь, я кончилъ письмо совсѣмъ не съ тѣмъ чувствомъ, съ которымъ началъ. Остаюсь навсегда преданный вамъ Сергѣй Соковнинъ.

Здра(в)ствуй, любезнѣйшій другъ, обнимаю тебя отъ всего сердца; на слѣдующей почтѣ буду къ тебѣ писать болѣе [3]) и просить письма къ Гагарину [4]). Теперь некогда. Нельзя ли поискать мнѣ въ Петербургѣ

---

[1]) Коллегіи иностранныхъ дѣлъ. По окончаніи курса въ университетскомъ пансіонѣ Соковнинъ поступилъ на службу въ Московскій архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и занималъ тамъ должность переводчика.

[2]) Т.-е. мои излія́нія, моя откровенность.

[3]) Этого обѣщаннаго письма въ напечатанныхъ „Письмахъ В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“ не имѣется: письмо XX-е помѣчено 15-мъ сентября 1809 года, а письмо XXI-е относится уже къ апрѣлю 1810 года.

[4]) Къ какому именно князю Гагарину—сказать трудно; не къ князю ли Павлу Гавриловичу Гагарину, сочиненіе котораго „Les treize journées ou la Finlande“ (въ которомъ описывается путешествіе императора Александра I

книги: «Handbuch der Erziehung von Niemeyer», послѣднее изданіе, въ 3-хъ томахъ [1]). Обними за меня Блудова [2]). Твой Жуковскій.

2.

(Во второй половинѣ ноября 1810 г. Муратово).

Вотъ тебѣ еще хлопоты, любезнѣйшій другъ. Прилагаю при семъ записку о томъ, что надобно сдѣлать для Екатерины Аѳанасьевны Протасовой [3]) и что ты сдѣлай безъ всякаго отлагательства. Не знаю, однако, можно ли будетъ сдѣлать? Если не ошибаюсь, надобно бы, для полученія изъ банка копіи съ свидѣтельства, подать ему объ этомъ просьбу; однако попытайся. Я съ своей стороны напишу къ Катеринѣ Аѳанасьевнѣ, которая находится теперь въ Москвѣ, чтобы она послала просьбу, адресовавъ ее или прямо въ банкъ или на твое имя. Твое дѣло хлопотать и т е п е р ь, чтобы выдали и послали копію куда слѣдуетъ, безъ просьбы, и т о г д а, когда пришлется просьба, если теперешній опытъ окажется неудаченъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ обязанность твоя есть быть дѣятельнымъ. А моя обязанность во всѣхъ случаяхъ есть любить тебя отъ всей души и бѣситься на твою необстоятельность, ибо книгъ и теперь еще нѣтъ [4]). Правда, что почта еще не пришла, но я почти увѣренъ, что ты полѣнился послать.

Геренъ [5]). Шлецеръ: Weltgeschichte, Selbstbio (graphie), P. R. Annalen,

---

въ 1809 году въ Финляндію для присутствія на Боргоскомъ сеймѣ) Жуковскій просилъ Тургенева прислать ему въ сентябрѣ 1809 года (см. „Письма Жуковскаго къ Тургеневу“, стр. 52).

[1]) Заглавіе книги приведено не вполнѣ точно. Сочиненіе извѣстнаго богослова и педагога Августа-Германа Нимейера (р. 1754†1828) „Grundsätze der Erziehung und des Unterrichts für Eltern und Schulmänner“ вышло 5-мъ изданіемъ, въ трехъ частяхъ, въ Галле въ 1806 году.

[2]) Дмитрія Николаевича.

[3]) Дѣло шло о залогѣ имѣнія Е. А. Протасовой въ Опекунскомъ Совѣтѣ; часть этого имѣнія была ранѣе заложена въ 25-тилѣтней Экспедиціи Заемнаго Банка, и для новаго залога нужно было получить изъ банка свидѣтельство (см. письмо Жуковскаго къ Тургеневу отъ 19-го сентября 1810 г. въ „Письмахъ В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 70).

[4]) Въ письмѣ отъ 7-го ноября Жуковскій благодарилъ Тургенева за посылку нужныхъ ему книгъ, но въ то же время писалъ, что самыхъ книгъ онъ еще не получалъ (тамъ же, стр. 74).

[5]) О присылкѣ сочиненія извѣстнаго историка Арнольда Герена (Heeren, р. 1760 † 1842) Handbuch der neuesten Geschichte Жуковскій просилъ Тургенева въ письмѣ отъ 11-го октября 1810 года (тамъ же, стр. 71).

Deutschen in Siebenbürgen, и пр. [1]). Эйхгорнъ [2]). Греческая грамматика [3]). Латинская грамматика и прочее. Когда это все ко мнѣ будетъ?

Братъ! я въ деревнѣ [4]). Денегъ у меня нѣтъ. Книги твои останутся цѣлы. Ты можешь меня одолжить—и медлишь. О, людоѣдъ!

Тотчасъ увѣдомь меня о томъ, что сдѣлано будетъ по этому письму. Обнимаю тебя.

Das beste Mittel wider die bevorstehenden Unannehmlichkeiten ist meinen Geist mit einem desto festern Entschluss zu grossen Dingen und Gesinnungen zu erfüllen, denn ich kenne mich genug um zu wissen, dass der Vorsatz oder die Zuversicht in meinem Leben das gemeine Wohl zu befördern mich mehr als alles andere standhaft und ruhig macht; dadurch werden in meinen eigenen Augen meine Wissenschaften so edel und wichtig, dass Pflicht und Ruhmbegierde mich gegen alles unüberwindlich machen [5]).

---

[1]) Рѣчь идетъ о слѣдующихъ сочиненіяхъ знаменитаго Августа Шлёцера: Weltgeschichte nach ihren Haupttheilen im Auszug und Zusammenhang (въ двухъ томахъ, вышедшихъ въ Геттингенѣ въ 1785 и 1789 г.г.); August Ludwig v. Schlözer's öffentliches und Privat-Leben von ihm selbst beschrieben. Erstes Fragment (Göttingen. 1802); Probe Russischer Annalen (Göttingen. 1768) и Kritische Sammlung zur Geschichte der Deutschen in Siebenbürgen (Göttingen. 1795—1797). О присылкѣ этихъ сочиненій Шлёцера Жуковскій нѣсколько разъ просилъ Тургенева (въ письмахъ отъ „ “ августа, 12-го сентября, 11-го октября и 4-го ноября 1810 года) (см. „Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 56, 58, 60, 71 и 73); въ письмѣ отъ 4-го декабря (стр. 80) Жуковскій напоминалъ, что о присылкѣ Шлёцеровой Weltgeschichte онъ уже дважды писалъ Тургеневу.

[2]) Просьба Жуковскаго о присылкѣ ему сочиненія Эйхгорна (Іоганна-Готфрида, историка и оріенталиста, р. 1752 † 1827)—или его Weltgeschichte (Геттингенъ, 1799—1814) или Geschichte der drei letzten Jahrhunderte (тамъ же, 1803—1805)—содержалась въ его письмѣ къ Тургеневу отъ 7-го ноября 1810 года (см. „Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 79).—Жуковскій въ это время дѣятельно знакомился съ выдающимися историческими трудами.

[3]) О присылкѣ хорошихъ латинской и греческой грамматикъ Жуковскій просилъ Тургенева еще 19-го сентября 1810 года (см. тамъ же, стр. 70) и затѣмъ не разъ повторялъ свою просьбу, даже въ письмѣ отъ 7-го ноября (тамъ же, стр. 79).

[4]) Въ сельцѣ Муратовѣ (Болховскаго уѣзда), имѣніи Е. А. Протасовой (см. тамъ же, стр. 58).

[5]) Т. е.: Лучшимъ средствомъ противостоять надвигающимся непріятностямъ это—направить умъ съ еще болѣе твердою рѣшимостью къ совершенію великихъ дѣлъ и предначертаній, ибо я достаточно себя знаю, чтобы понимать, что лишь твердое намѣреніе и упованіе собственною жизнью содѣйствовать общему благу болѣе всего другого можетъ меня подкрѣпить и успокоить; поэтому въ моихъ собственныхъ глазахъ знанія мои становятся столь благородными и важными, что долгъ и жажда славы дѣлаютъ меня совершенно непреоборимымъ.

Изъ Миллеровыхъ писемъ [1]) буду переводить лучшія для Вѣстника [2]). Изъ остальныхъ выберу лучшія мысли. Все это соберу и напечатаю особенно, съ посвященіемъ [3]).

Тогда только ты можешь поздравить меня истиннымъ авторомъ, когда я буду восхищаться Демосѳеномъ, Тацитомъ, Гомеромъ и Гораціемъ въ оригиналѣ.

Перечитавъ письмо Екат(ерины) Аѳан(асьевны) ко мнѣ, начинаю думать, что просьба въ банкъ послана, и что въ ней только неясно сказано то, о чемъ она проситъ въ приложенной запискѣ. Справься.—А я между тѣмъ все напишу къ ней.

Книги сію минуту получилъ.—Обнимаю тебя. О Греческой грамматикѣ не заботься—прислали.

P. R. Annalen [4]) самое старинное изданіе; я видѣлъ у Каченовскаго [5]) совсѣмъ другое—большой октаво.

Ты очень одолжишь меня Эйхгорномъ; прошу тебя не называть меня неотступнымъ и слишкомъ жаднымъ. Еще разъ повторяю, что книги твои всѣ до одной будутъ цѣлы; только доставь всѣ тѣ, которыя я требовалъ, и не сердись на меня, что такъ на тебя нападаю.

Латинскую грамматику!!!

3.

31 генваря (1814. Муратово).

Прошу тебя, любезнѣйшій другъ, сдѣлать мнѣ большое одолженіе. Въ Тамбовѣ есть плѣнный: François, adjutant major au 4-ème de ligne [6]);

---

[1]) Жуковскій съ интересомъ читалъ въ 1810 году Письма извѣстнаго историка Іоганна Миллера къ Бонштеттену (вышли на нѣмецкомъ языкѣ въ Тюбингенѣ въ 1802 году подъ заглавіемъ: „Briefe eines jungen Gelehrten an seinen Freund“. Французскій ихъ переводъ явился въ Цюрихѣ въ 1810 году подъ заглавіемъ „Lettres à M. Bonstetten et à M. Gleim“). Въ № 16 „Вѣстника Европы“ 1810 года (стр. 263—285) Жуковскій помѣстилъ свой переводъ нѣсколькихъ изъ этихъ писемъ („Нѣсколько писемъ Іоанна Миллера, историка Швейцаріи, къ Карлу Бонстеттену, другу его“).

[2]) Кромѣ помѣщенныхъ въ 16-мъ нумерѣ „Вѣстника Европы“ 1810 года писемъ Миллера, переводъ другихъ его писемъ не появлялся въ этомъ журналѣ.

[3]) Это намѣреніе Жуковскаго осталось неисполненнымъ. Посвятить письма Миллера Жуковскій думалъ Тургеневу (ср. „Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 57).

[4]) Т. е. Probe Russischer Annalen.

[5]) Извѣстнаго профессора Михаила Трофимовича Каченовскаго. Въ 1810 году „Вѣстникъ Европы“ выходилъ подъ редакціею его и Жуковскаго.

[6]) Въ письмѣ къ Тургеневу отъ 24-го марта 1814 года Жуковскій писалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Я очень много обязанъ тебѣ за скорое

въ Болховѣ есть родной его дядя, можетъ быть знакомый и тебѣ, Осипъ Петровичь Букильонъ [1]), живущій у Александра Алексѣевича Плещеева, котораго ты вѣроятно знаешь. Этотъ Франсуа былъ бы весьма счастливъ, когда бы могъ быть вмѣстѣ съ своимъ роднымъ. Постарайся сдѣлать, чтобы его переслали изъ Тамбовской губерніи въ Орловскую, для пребыванія въ Болховѣ. Этимъ обяжешь меня, ибо я желаю оказать какую-нибудь услугу Плещеевымъ, которые болѣе нежели мнѣ родные, потому что ихъ дружба заботится обо мнѣ, какъ объ нихъ самихъ. Объ нашемъ обо всемъ [3]) узнаешь отъ Воейкова [4]), который вѣроятно съ тобою увидится. Прости. Éloge de Moreau [5]), Miller [6]) etc.

исполненіе моей коммиссіи о François. Но еще нѣтъ объ немъ никакого слуху. Освѣдомься, послано ли въ Тамбовъ приказаніе о его перемѣщеніи". („Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу", стр. 108).

[1]) Букильонъ былъ управителемъ у А. А. Плещеева. Объ этомъ Букильонѣ идетъ рѣчь въ нѣкоторыхъ русскихъ и французскихъ стихахъ Жуковскаго (см. Стихотворенія Жуковскаго, изд. 9-е, Спб. 1895, т. I, стр. 458—459 и 530—531).

[2]) Александръ Алексѣевичъ Плещеевъ († 1827) находился, какъ извѣстно, въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ къ Жуковскому и былъ въ родствѣ съ семьею Протасовыхъ (о немъ см. Сочиненія К. Н. Батюшкова, т. III, стр. 751—752, и Остафьевскій Архивъ, т. I, стр. 439 — 440). Имѣніе Плещеева, Чернь, находилось въ Болховскомъ уѣздѣ.

[3]) Т. е. въ какомъ положеніи находилось дѣло о полученіи Жуковскимъ согласія Е. А. Протасовой на бракъ Жуковскаго съ ея дочерью Маріею Андреевною Протасовою.

[4]) Извѣстный писатель Александръ Ѳедоровичъ Воейковъ пріѣхалъ навѣстить Жуковскаго въ Муратово, имѣніе Е. А. Протасовой, въ Болховскомъ уѣздѣ, въ концѣ 1813 года (см. Зейдлицъ, Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго, Спб. 1883, стр. 58). Въ февралѣ 1814 года онъ ѣздилъ въ Петербургъ хлопотать о мѣстѣ профессора русскаго языка и словесности въ Дерптскомъ университетѣ (см. „Русскій Архивъ" 1900 г., сентябрь, стр. 20—21).

[5]) Жуковскій желалъ получить написанное С. С. Уваровымъ похвальное слово генералу Морѳ—Eloge funèbre de Moreau,—изданное въ Петербургѣ въ 1813 году. Морѳ—извѣстный французскій генералъ, въ 1813 году вызванный императоромъ Александромъ изъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, гдѣ онъ проживалъ съ 1805 года. Онъ участвовалъ въ совѣтахъ о направленіи военныхъ дѣйствій союзниковъ противъ Наполеона. Тяжело раненый въ сраженіи подъ Дрезденомъ, онъ умеръ 20-го августа 1813 г.—Въ письмѣ къ Тургеневу отъ 20-го октября 1814 года Жуковскій жаловался, что онъ не получалъ еще этого сочиненія Уварова (см. „Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу", стр. 128).

[6]) Какое именно сочиненіе историка І. Миллера въ это время было нужно Жуковскому, изъ напечатанныхъ его писемъ къ Тургеневу не видно.

Что скажешь о моемъ новомъ посланіи [1])?

Жуковскій.

Отвѣчай мнѣ поскорѣе на это письмо.

4.

2 октября (1816). Дерптъ [2]).

Благодарю за Ундину [3]), милой другъ, и опять повторяю мою просьбу о дѣлѣ Воейкова [4]). Твой отвѣтъ для меня совсѣмъ неудовлетворителенъ. Неувѣренность въ справедливости дѣла не можетъ быть для тебя рѣшительною причиною отъ него отказаться. Если ты сомнѣваешься только въ этой справедливости, то еще не можешь знать ничего навѣрное. Сперва узнай, потомъ дѣйствуй, какъ тебѣ велитъ твоя совѣсть, но прежде никакого не имѣешь права мнѣ отказать на мою просьбу. Дѣло теперь опять въ ходу: какъ оно опять пошло въ ходъ, до этого мнѣ и тебѣ нѣтъ нужды. Оно должно быть рѣшено во пользу праваго. И я требую только отъ тебя того, чтобы ты помогъ ему рѣшиться по правдѣ. Если оно рѣшится въ пользу Воейковыхъ, то спокойствіе цѣлой семьи будетъ утверждено; это для меня самое важное, слѣдовательно и для тебя. Подумай объ этомъ и будь дѣятеленъ. Ты нуженъ здѣсь именно потому, что справедливость твоя надежна и не поколеблется ни въ какомъ случаѣ. Я требую отъ тебя не покровительства Воейкову (Ивану). Думай объ немъ какъ хочешь; это не касается до его дѣла, въ коемъ не онъ одинъ участникъ; дѣло его

---

[1]) Рѣчь идетъ, безъ сомнѣнія, о посланіи Жуковскаго къ А. Ѳ. Воейкову, написанномъ 29-го января 1814 г. (см. Стихотворенія Жуковскаго, изд. 9-е, т. I, стр. 320—329). Въ февралѣ или началѣ марта 1814 года Тургеневъ прислалъ Жуковскому свои замѣчанія на это его посланіе (см. „Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 106—107).

[2]) Письмо имѣетъ адресъ: „Его высокородію милостивому государю Александру Ивановичу Тургеневу, господину директору департамента иностранныхъ исповѣданій. Въ Санктпетербургѣ“ и почтовый штемпель: Болховъ.

[3]) Просьба Жуковскаго о присылкѣ ему „Ундины“ Ламотъ-Фукэ содержалась въ письмѣ его къ Тургеневу отъ 24-го августа 1816 г. (см. „Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 160).

[4]) Еще 24-го августа, а затѣмъ въ сентябрѣ 1816 года, Жуковскій просилъ Тургенева оказать свое вліятельное содѣйствіе брату А. Ѳ. Воейкова, Ивану Ѳедоровичу Воейкову, пріѣхавшему въ Петербургъ по дѣлу, счастливое окончаніе котораго должно было дать обоимъ братьямъ Воейковымъ 1.000 душъ или болѣе (см. тамъ же, стр. 160). Особенно близкое участіе принималъ Жуковскій въ этомъ дѣлѣ потому, что А. Ѳ. Воейковъ былъ женатъ на его племянницѣ и крестницѣ Александрѣ Андреевнѣ Протасовой; состояніе же Воейкова было разстроено (см. тамъ же).

*

должно рѣшиться такъ или инакъ; но чтобы оно было рѣшено надлежащимъ образомъ, въ пользу праваго, для этого нужно твое пособіе, и ты не имѣешь права отказаться отъ этого пособія подъ предлогомъ неувѣренности. Воейковъ послалъ къ Кавелину [1]) записку объ этомъ дѣлѣ; прочитай ее, потомъ разсмотри самое дѣло, и поступай какъ должно, только не откажись. Прости. Скоро увидимся. Теперь пишу стихи, то есть Искупленіе [2]). Скажи объ этомъ Блудову: эта баллада будетъ посвящена ему [3]). Когда кончится, тогда и онъ получитъ отъ меня письмо. Обними арзамасцевъ. Скажи мой сердечный поклонъ Н(иколаю) Мих(айловичу) и Екатер(инѣ) Андреевнѣ [4]).

Я былъ недавно у пастора Берга [5]) въ гостяхъ. Чудеса. Эта Ульрихъ, о которой онъ писалъ, предсказала еще въ концѣ 1815, что въ началѣ нынѣшняго года откроется въ ней чахотка—такъ и случилось; чахотка началась, кашель ужасный продолжался нѣсколько мѣсяцевъ. Ее опять магнетизировали, и въ магнетическомъ снѣ она предсказала: что въ такой-то день она, съ опасностію потерять жизнь, выплюнетъ часть легкаго; что послѣ заснетъ 7-мисуточнымъ сномъ, въ продолженіе коего рана въ легкомъ закроется и что по окончаніи она совершенно выздоровѣетъ. Все сбылось; сонъ начался и кончился въ назначенное время; кашель миновался; чахотки нѣтъ. Я слышалъ всю эту исторію отъ графа Дунтена, въ домѣ котораго она заснула и проснулась. Всему этому множество свидѣтелей, и никакого обмана быть не можетъ. Толкуй какъ хочешь.

---

[1]) Дмитрію Александровичу (р. 1771 † 1851) также, какъ Жуковскій и Воейковъ, воспитаннику Московскаго университетскаго благороднаго пансіона, члену „Арзамаса“, гдѣ онъ носилъ прозваніе „Пустынникъ“. Въ это время Кавелинъ занималъ должность директора Медицинскаго департамента.

[2]) Т. е. Вадима, или вторую половину Двѣнадцати Спящихъ Дѣвъ. 21-го октября 1816 года Жуковскій писалъ Тургеневу: „Я пишу усердно Искупленіе; написано болѣе половины“ (см. „Письма Жуковскаго къ Тургеневу“, стр. 164).

[3]) „Вадимъ“, дѣйствительно, и былъ посвященъ Д. Н. Блудову.

[4]) Карамзинымъ.

[5]) Пасторъ Карлъ-Эрнстъ Бергъ, издавшій въ Дерптѣ въ 1816 году, безъ означенія своего имени, книжку: „Briefe über eine magnetische Kur von einem Livländischen Landprediger. Geschrieben im Januar 1816, zum Besten einer sehr armen Familie“. Объ этихъ „Письмахъ“ Берга см. „Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 155—157.

5.

(Въ концѣ 1816 г. (послѣ 6-го ноября), Дерптъ).

Спѣшу тебѣ отвѣчать два слова. Вдохновенный свѣтильникъ [1]) не нравится моему почтенному учителю [2]). Привыкши къ слѣпой ему покорности, я радъ бы перемѣнить это выраженіе, но, право, не умѣю. По крайней мѣрѣ теперь ничего не могу придумать. Печатайте. Пусть Кавелинъ [3]) пришлетъ мнѣ корректуру (чего прошу умиленно). Въ корректурѣ авось поправлю [4]). Присылайте только скорѣе. Непремѣнно надобно выставить, что эта піеса писана въ концѣ 1814 [5]). Будетъ ли виніета [6])? Ты такъ мало пишешь, что хоть брось.

Какой жизни Лерберга [7]) требуютъ отъ меня графъ Николай Петровичь [8])? Я отъ него не получалъ ничего подобнаго. Не говоритъ ли

---

[1]) Рѣчь идетъ о слѣдующемъ мѣстѣ въ стихотвореніи Жуковскаго „Пѣвецъ въ Кремлѣ“, которое было отправлено Жуковскимъ Тургеневу для напечатанія при письмѣ отъ 6-го ноября 1816 г. (см. „Письма Жуковскаго къ Тургеневу“, стр. 168):

И безмятежный селянинъ,
Воспитанникъ природы,
И смѣлый просвѣщенья сынъ,
Алкающій свободы,
Воспламенитъ во благо свой
Свѣтильникъ вдохновенный—
Всѣ, всѣ съ молитвою одной
Къ Тебѣ, Царю вселенны.

[2]) Н. М. Карамзину.

[3]) Д. А. Кавелинъ (о которомъ см. выше, стр. 132, прим. 1-е). Ему были поручены Жуковскимъ хлопоты по печатанію и корректурѣ «Пѣвца въ Кремлѣ» (см. „Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 168, письмо отъ 6-го ноября).

[4]) Стихъ „Свѣтильникъ вдохновенный“ такъ и остался въ „Пѣвцѣ“.

[5]) Въ примѣчаніи отъ издателей, помѣщенномъ при отдѣльномъ изданіи „Пѣвца“, вышедшемъ въ концѣ 1816 года, было, между прочимъ, сказано: „Сіи стихи написаны въ концѣ 1814 г.“ Извѣстно, что „Пѣвецъ въ Кремлѣ“ писанъ отрывками съ 1814 по 1816 годъ.

[6]) На заглавномъ листѣ „Пѣвца“ помѣщенъ гравированный С. Галактіоновымъ видъ Московскаго Кремля. Сначала Жуковскій думалъ помѣстить другую виньету: „Нельзя ли попросить Алексѣя Николаевича Оленина сдѣлать виньету для Пѣвца?“—писалъ онъ Тургеневу 21-го октября 1816—„Вотъ мысль: Всевидящее око въ небесахъ; лучи его ударили на землю, и тучи разлетѣлись, и полшара въ сіяніи; въ удаляющихся тучахъ гаснутъ молніи“ (см. „Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 164).

[7]) Извѣстнаго академика Императорской Академіи Наукъ А. Х. Лерберга (р. 1770 † 1813).

[8]) Румянцовъ, государственный канцлеръ.

онъ о переводѣ ея [1])? Я не переводилъ. Я говорилъ съ Парротомъ, что готовъ перевести жизнь Лерберга, если это будетъ нужно. Парротъ спрашивалъ у Круга [2]), нужно ли, и не получилъ никакого отвѣта. Такъ это и кончилось! Объяснись съ графомъ и увѣдомь.

Прости. Писать некогда.

Твой Жуковскій.

Обними Николая [3]) и всѣхъ товарищей [4]).

6.

(Въ концѣ 1816 г. (послѣ 6-го ноября), Дерптъ).

Ты не пишешь ко мнѣ, и я не пишу къ тебѣ.

Приложенное письмо отдай Жихареву [5]); оно нужно. Громобой [6]) не отвѣчаетъ ко мнѣ на первое мое письмо, черезъ тебя посланное [7]). Отдалъ ли ты его? Отдай хоть это, и поскорѣе.

Что же Асмусъ [8])? Забылъ!

Что корректура Пѣвца [9])? Будетъ ли прислана [10])?

---

[1]) Здѣсь разумѣются біографическія извѣстія о А. Х. Лербергѣ, помѣщенныя въ началѣ его сочиненія: „Untersuchungen zur Erläuterung der älteren Geschichte Russlands“, вышедшаго въ свѣтъ въ Петербургѣ въ 1816 году. Эти біографическія извѣстія о Лербергѣ были написаны (на нѣмецкомъ языкѣ) извѣстнымъ дерптскимъ профессоромъ Парротомъ (см. „Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 170). Русскій переводъ этого сочиненія Лерберга, исполненный Д. И. Языковымъ, былъ изданъ на средства графа Н. П. Румянцова въ 1819 году. Въ началѣ книги помѣщены „Біографическія извѣстія о А. Х. Лербергѣ“. Русскій ихъ переводъ, поправленный Жуковскимъ, былъ имъ посланъ Тургеневу въ началѣ 1817 г. (см. тамъ же, стр. 170).

[2]) Академика Филиппа Ивановича Круга (р. 1764 † 1844), издавшаго въ 1816 году, по порученію Академіи Наукъ, помянутое сочиненіе Лерберга.

[3]) Николая Ивановича Тургенева.

[4]) Письмо, кромѣ адреса, имѣетъ почтовый штемпель: Dorpat.

[5]) Степану Петровичу Жихареву (р. 1787 † 1860, въ званіи сенатора) воспитаннику Московскаго университетск. благородн. пансіона, автору извѣстныхъ Записокъ (Дневникъ студента и Дневникъ чиновника).

[6]) Арзамасское прозвище С. П. Жихарева.

[7]) Письмо Жуковскаго къ Жихареву было послано при письмѣ Жуковскаго къ Тургеневу отъ 31-го октября 1816 г. (оно напечатано въ „Письмахъ Жуковскаго къ Тургеневу“, стр. 167—168).

[8]) Мартинъ Асмусъ (Asmuss, р. 1784 † 1844), учитель дерптской уѣздной школы и содержатель школы по методѣ Песталоцци. Жуковскій въ письмѣ отъ 6-го ноября 1816 года просилъ Тургенева оказать содѣйствіе къ полученію Асмусомъ чина губернскаго секретаря, къ которому онъ былъ представленъ (см. тамъ же, стр. 168).

[9]) Пѣвца въ Кремлѣ.

[10]) Письмо, кромѣ адреса, имѣетъ почтовый штемпель: Dorpat.

7.

(Конецъ февраля или начало марта 1817 г., Дерптъ).

Прошу тебя немедленно передать приложенное письмо Николеву [1]); поискать мнѣ Weltgeschichte von Karl Rottek [2]); не забыть о Асмусѣ [3]); вспомнить о Мещевскомъ [4]); еще передать два приложенныя письма къ Блудову [5]) и Уткину [6]); не полѣниться написать ко мнѣ двѣ или три строчки; обнять за меня Н. М. Карамзина и любить меня по-старому, попросивъ о томъ же господина коллежскаго совѣтника Николая Ивановича Тургенева, которому кланяюсь, пребывая къ вамъ благосклонно

Василій.

8.

(Въ мартѣ, 1817 г., Дерптъ).

Любезной другъ! Вотъ и самъ графъ Мантейфель въ Петербургѣ. Я уже два раза писалъ къ тебѣ [7]) о его желаніи помѣстить сыновей въ лицейскій пансіонъ. Пишу въ третій разъ и прошу оказать ему въ этомъ случаѣ нужную помощь. Главное дѣло въ томъ, чтобы ему захватить мѣсто заранѣе въ этомъ пансіонѣ. Онъ боится опоздать. Правда, пріемъ начнется не прежде, какъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, но къ этому времени

---

[1]) Къ этому мѣсту письма сдѣлана Жуковскимъ слѣдующая выноска: „Это письмо я посылаю черезъ Кавелина; онъ знаетъ адресъ Николева". — Николевъ приходился роднею Жуковскаго и хлопоталъ при его помощи объ опредѣленіи своего малолѣтнаго родственника въ кадетскій корпусъ (см. „Письма Жуковскаго къ Тургеневу", стр. 173—175).

[2]) О присылкѣ этого сочиненія Карла фонъ Роттека (р. 1775 † 1840),— точное заглавіе котораго слѣдующее: „Allgemeine Geschichte vom Anfang der historischen Kenntniss bis auf unsere Zeiten"—Жуковскій просилъ Тургенева еще въ письмѣ отъ 24-го февраля 1817 г. (см. тамъ же, стр. 174).

[3]) См. выше, стр. 134, прим. 8-е.

[4]) Жуковскій хлопоталъ въ это время передъ своими друзьями о напечатаніи поэмы А. Мещевскаго „Наталья боярская дочь" (см. „Письма Жуковскаго къ Тургеневу", стр. 171, 173—175). Мещевскій (бывшій также воспитанникомъ Московскаго университетскаго благородн. пансіона) былъ, какъ извѣстно, за что-то сосланъ въ Сибирь.

[5]) Дмитрію Николаевичу.

[6]) Извѣстному граверу Николаю Ивановичу Уткину. Нѣсколько записокъ къ нему Жуковскаго напечатано въ „Русской Старинѣ" 1883 г., т. XXXVII, стр. 485—487.

[7]) Въ началѣ февраля 1817 года и 24-го февралл того же года (см. „Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу", стр. 172 и 173).

могутъ уже всѣ кандидаты быть сполна: итакъ прошу тебя сдѣлать, чтобы и его сыновья были непремѣнно записаны. Этимъ одолжишь цѣлое семейство, и меня тутъ же.

Увѣдомь, получилъ ли ты отъ Зарембы [1]) пакетъ и жизнь Лерберга и отдалъ ли графу Румянцову? Да прошу тебя поскорѣе купить для меня книгу: «Rhüs, Handbuch der Geschichte des Mittelalters» [2]). Она мнѣ нужна; Эверсъ [3]) по ней читаетъ исторію среднихъ вѣковъ, а я слушаю эту лекцію у Эверса, за котораго слава тебѣ! Нельзя ли, чтобъ была слава и за Паррота и слава за весь университетъ?

Tout à vous Joukovsky.

---

[1]) Фелиціана Фелиціановича Зарембы, защитившаго въ 1817 году въ Дерптѣ докторскую диссертацію „Разсужденіе о цехахъ ремесленныхъ въ отношеніяхъ политическомъ и въ особенности политико-экономическомъ, съ присовокупленіемъ нужныхъ историческихъ извѣстій“ и ѣхавшаго въ началѣ 1817 года въ Петербургъ на службу (см. о немъ „Письма Жуковскаго къ Тургеневу“, стр. 169—170). Съ Зарембою Жуковскій послалъ Тургеневу поправленный имъ русскій переводъ Біографическихъ извѣстій о Лербертѣ (см. тамъ же и выше стр. 134, примѣч. 1-е).

[2]) Это сочиненіе прусскаго историка Христіана-Фридриха Рюса (Rhüs, р. 1781 † 1820) вышло въ свѣтъ въ Берлинѣ въ 1816 году.

[3]) Густавъ Эверсъ (р. 1781 † 1830), извѣстный профессоръ русской исторіи въ Дерптскомъ университетѣ.—Что было сдѣлано Тургеневымъ для Эверса, изъ напечатанныхъ писемъ Жуковскаго къ Тургеневу не видно.

[4]) Въ письмѣ отъ начала 1817 года Жуковскій писалъ, между прочимъ, Тургеневу слѣдующее: „Знаешь ли, братъ, что можетъ быть черезъ полгода, если ничто не будетъ сдѣлано для университета, Парротъ, лучшій его профессоръ, долженъ будетъ (дабы избѣгнуть отъ долговъ) продать свой домишко и искать учительскаго мѣста, то-есть, послѣ ревностныхъ трудовъ и въ такую эпоху жизни, въ которую бы спокойно надобно было наслаждаться плодомъ этихъ трудовъ, онъ принужденъ будетъ начать съ начала: для куска хлѣба подчинить себя волѣ партикулярнаго человѣка и за все, что имъ сдѣлано для университета, остаться съ бѣдностью, съ разрушенными надеждами и прочими тому подобными конфектами. Это сжимаетъ мнѣ сердце и, признаюсь, заставляетъ коситься на мой пенсіонъ: я обезпеченъ на всю жизнь, въ молодости, безъ семьи! И что жъ я сдѣлалъ? Наслаждался, писавъ стихи! Вотъ отецъ семейства, котораго жизнь была обременена трудами, котораго дѣятельность никакъ нельзя сравнить съ моею. Что жъ ему наградою? Та же бѣдность, съ какою онъ началъ! И бѣдность при старости, слѣдовательно, безнадежная! Однимъ словомъ, какъ вы хотите, а профессорамъ сумы не давайте“ („Письма Жуковскаго къ Тургеневу“, стр. 170—171).

9.

(Въ концѣ апрѣля (послѣ 25-го) 1817 г., Дерптъ).

Прошу тебя по моему письму [1]) ничего не дѣлать, то-есть не говорить съ Глинкою [2]) и не давать за меня слова. Я буду самъ въ Петербургъ черезъ недѣлю. Лучше узнать обо всемъ самому; заочно этого дѣла нельзя дѣлать. До пріѣзда моего не говори ни съ кѣмъ, даже и съ Карамзинымъ; а думай одинъ про себя. Приложенное письмо отдай Глинкѣ. До свиданія.

Твой Жуковскій.

Ты можешь повидаться съ Глинкою. Не говори ему отъ меня ничего; можешь разспросить о томъ, чего отъ меня требовать станутъ. Письмо же отдай немедленно. Я не знаю, гдѣ живетъ Глинка: его отыскивай во дворцѣ.

10.

(Въ маѣ 1820 г.).

Я понадѣялся на тебя, а ты надѣлалъ мнѣ большихъ непріятностей. Ты говорилъ съ княземъ [3]), не объяснилъ ему ничего; онъ сначала обнадежилъ меня, что дастъ позволеніе печатать, если только на-

---

[1]) Отъ 25-го апрѣля 1817 года; оно напечатано въ „Письмахъ Жуковскаго къ Тургеневу“, стр. 176—179.

[2]) Съ Григорьемъ Андреевичемъ Глинкою (р. 1777 † 1818), бывшимъ съ 1802 по 1810 годъ профессоромъ русской словесности въ Дерптскомъ университетѣ, а съ 1811 года „кавалеромъ“ при великихъ князьяхъ Николаѣ и Михаилѣ Павловичахъ; прежде онъ преподавалъ русскій языкъ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ и великимъ княжнамъ.—Въ письмѣ отъ 25-го апрѣля Жуковскій сообщалъ, что Глинка предлагалъ ему принять мѣсто учителя русскаго языка при принцессѣ Шарлоттѣ (невѣстѣ великаго князя Николая Павловича, впослѣдствіи великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ) и просилъ дать отвѣтъ въ самомъ скоромъ времени. „Предоставляю тебѣ (А. И. Тургеневу) и Николаю Михайловичу (Карамзину) быть моими судьями—писалъ Жуковскій—Рѣшите за меня и дѣйствуйте. Если вы рѣшите, что мнѣ отказываться не должно, то позаботитесь о моихъ выгодахъ“ („Письма Жуковскаго къ Тургеневу“, стр. 178—179). Какъ извѣстно, Жуковскій принялъ эту должность и съ любовью отдался своимъ занятіямъ русскимъ языкомъ съ царственною ученицею.

[3]) Съ княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ, тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія.—Письмо Жуковскаго къ князю А. Н. Голицыну по этому же дѣлу, отъ 22-го мая 1820 года, напечатано въ „Русскомъ Архивѣ“ 1900 года, сентябрь, стр. 41—42. О напечатаніи какой книжки рѣчь идетъ въ письмѣ, неизвѣстно.

пишу къ нему письмо; я это письмо написалъ и въ надеждѣ на позволеніе велѣлъ печатать мою книженку. Но я и не думалъ ее выпускать безъ позволенія или безъ цензуры. Цензура пропустила, и шесть экземпляровъ, принадлежащихъ Цензурному комитету, мною отданы для доставленія куда слѣдуетъ. За что же нападать на типографію? Въ чемъ ея вина? Признаюсь, будетъ жестоко, если тутъ найдутъ къ чему-нибудь придраться! И я никакъ не могу понять, что тутъ можно найти противузаконнаго? Въ типографіи находится тотъ манускриптъ, на которомъ стоитъ подпись. Прошу тебя взять на себя трудъ это уладить. Я бы и не подумалъ не подавать въ цензуру, если бы самъ князь меня не обнадежилъ или если бы ты его именемъ не наговорилъ вздору. Поправь же свою ошибку. Мнѣ будетъ ужасно больно, если отъ меня, безъ всякой вины, потерпятъ. И прошу мнѣ объяснить, отъ чего могла произойти непріятность? Ж[1]).

Сообщ. **П. Н. Тургеневъ.**

---

[1]) Письмо имѣетъ слѣдующій адресъ: „Александру Ивановичу Тургеневу. Поскорѣе доставить“.

Смоленскъ подъ управленіемъ французовъ въ 1812 году.

(По документамъ, собраннымъ А. В. Безроднымъ).

Побѣдоносное въ началѣ отечественной войны шествіе французскихъ войскъ въ предѣлахъ Россіи сопровождалось разбоемъ и грабежомъ занимаемыхъ ими мѣстностей. Населенію послѣднихъ приходилось сильно страдать отъ безчинствъ полуголодныхъ и едва одѣтыхъ французскихъ мародеровъ. Свидѣтельства современниковъ рисуютъ передъ нами подчасъ самыя тяжелыя картины. Терпя недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, французскіе солдаты безжалостно отнимали послѣднія крохи у полуголодныхъ жителей. Особенно сильно нуждалась французская армія въ хлѣбѣ. Въ ней наступила полная деморализація: люди грабили и разбойничали открыто, въ присутствіи своихъ начальниковъ, равнодушно смотрѣвшихъ на это. Занятыя непріятелемъ мѣстности представляли картину страшнаго опустошенія. Повсюду валялись разлагающіеся трупы людей и животныхъ; торговля прекратилась; жители въ страхѣ разбѣгались, боясь за собственную жизнь и уже не думая о сохраненіи своего имущества; богослуженія въ церквахъ не совершалось, а также негдѣ было искать какого бы ни было суда и расправы. Само собою разумѣется, что все это еще болѣе усиливало ненависть населенія къ занявшему русскія области непріятелю. Наполеонъ, сознавая необходимость установить хотя какой-нибудь порядокъ, рѣшилъ прибѣгнуть для этого къ содѣйствію самихъ жителей и создалъ изъ ихъ среды особый органъ управленія, который и былъ названъ «муниципалитетомъ».

Прежде всего, учрежденіе это начало свои дѣйствія въ Смоленскѣ. Муниципалитетъ этого города отданъ былъ въ вѣдѣніе «интенданта го-

рода Смоленска», генерала французской службы Армана-Шарля Вильбланша, въ присутствіи котораго и состоялось 27-го августа 1812 г. первое засѣданіе. Протоколъ этого засѣданія показываетъ, что «интендантъ города Смоленска», повидимому, не сомнѣвался, что изъ всей этой затѣи выйдетъ толкъ. «1812 г., августа 27-го», пишетъ онъ очень торжественно, «я, Арманъ-Шарль де Вильбланшъ, аудиторъ государственнаго совѣта и интендантъ Смоленской губерніи, по повелѣнію его императорско-королевскаго французскаго величества, прибылъ въ залъ засѣданій магистратовъ г. Смоленска, въ 3 часа пополудни, для введенія въ должность новаго мэра и муниципальныхъ должностныхъ лицъ, собравшихся по нашему приглашенію. Мы велѣли прочитать въ засѣданіи о ихъ назначеніи и приступили къ обсужденію слѣдующихъ дѣлъ». Затѣмъ идетъ перечень этихъ дѣлъ, по пунктамъ, и первымъ изъ нихъ значится: «Будетъ издано воззваніе къ жителямъ Смоленска, а также и деревенскимъ, приглашающее ихъ возвратиться по домамъ». Воззваніе это, составленное самимъ «интендантомъ губерніи» и переведенное на русскій языкъ, постановлено расклеить на улицахъ города и разослать по окрестнымъ деревнямъ чрезъ назначенныхъ отъ муниципалитета агентовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣшено письменно просить губернатора о присылкѣ «офицера его штаба» для исчисленія, совмѣстно съ муниципалитетомъ, годныхъ для жилья домовъ въ городѣ, и для собранія свѣдѣній о живущихъ въ нихъ лицахъ, а также просить еще губернатора, чтобы онъ выдалъ чрезъ плацъ-коменданта билеты на жительство въ домахъ и провѣрилъ, имѣютъ ли право на такое жительство живущія въ нихъ лица. Протоколъ этотъ, сверхъ Вильбланша, подписали вновь назначенные «мэръ», его товарищъ и члены муниципалитета.

Затѣмъ приступлено было къ цѣлому ряду мѣропріятій, очень хорошихъ на бумагѣ. Утвержденное въ засѣданіи 27-го августа воззваніе вывѣсили въ различныхъ «болѣе видныхъ частяхъ города» (это для безграмотнаго населенія!), занялись «исчисленіемъ домовъ въ городѣ для обезпеченія спокойствія ихъ владѣльцевъ» (?) и уполномочили коменданта Костенецкаго собрать въ сосѣднихъ деревняхъ, за деньги (которыхъ не было), холста для раненыхъ французовъ и русскихъ. Предписано еще доставить—тоже «за деньги»—нѣсколько человѣкъ для починки мельницъ, «необходимыхъ для обезпеченія содержанія жителей и войскъ», а также выслать людей для очистки улицъ отъ нечистотъ, могущихъ сдѣлаться источникомъ опасныхъ болѣзней. Женщинъ, «ничѣмъ не занятыхъ», велѣно опредѣлить («за плату») для мытья бѣлья и приготовленія корпіи для раненыхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, приказано выдавать каждому жителю, имѣющему собственный домъ въ Смоленскѣ, удостовѣреніе, которое давало бы ему право вернуться въ свой домъ, причемъ солдаты, занимающіе частные дома, были бы обя-

заны принять въ нихъ хозяевъ. Содѣйствія муниципалитета Вильбланшъ требовалъ также и для добыванія подводъ подъ раненыхъ французовъ и русскихъ. Все это исполнялось, однако, далеко не съ такою поспѣшностью и не въ такомъ порядкѣ, какъ хотѣлось Вильбланшу, отчасти вслѣдствіе полнаго разоренія края, отчасти же—а, можетъ быть, и преимущественно—вслѣдствіе отсутствія достаточнаго усердія со стороны «муниципалитета».

Мэромъ города назначенъ былъ титулярный совѣтникъ Ярославцевъ, а его товарищемъ колл. ассесоръ Рутковскій. На отдѣльныхъ членовъ муниципалитета были возложены различныя обязанности: забота о мельницахъ, наблюденіе за чистотою улицъ, погребеніе умершихъ, доставка въ городъ и въ войска необходимыхъ рабочихъ и т. п. Въ уѣзды назначены были особые коммиссары съ помощниками; имъ поручалось склонять крестьянъ къ возобновленію оставленныхъ работъ и къ преслѣдованію мародеровъ. Дѣятельный Вильбланшъ самъ входилъ во всѣ подробности созданнаго имъ управленія и посылалъ въ муниципалитетъ бумагу за бумагой, требуя, чтобы во всѣхъ случаяхъ, когда то, или другое его приказаніе окажется неудобнымъ къ исполненію, мэръ обращался непосредственно къ нему. Надо думать, что въ различныхъ недоразумѣніяхъ не было при этомъ недостатка; на это указываетъ бумага отъ 9-го сентября, которою муниципалитету предписывалось исполнять только такія приказанія, которыя подписаны интендантомъ, или его секретаремъ. Дѣятельная переписка велась также и съ уѣздными коммиссарами, которымъ предписывалось всѣми силами стараться возстановить и охранять порядокъ, заботиться о надлежащей уборкѣ хлѣба и доставкѣ его въ Смоленскъ. Поручику Малецкому, состоявшему коммиссаромъ въ селенія Тупицахъ и окрестномъ раіонѣ, Вильбланшъ писалъ, между прочимъ: «Если встрѣтите со стороны крестьянъ непослушаніе, то не наказывайте ихъ тѣлесно, а отсылайте ихъ за карауломъ въ Смоленскъ ко мнѣ, и я велю наказать ихъ по всей строгости законовъ». Въ концѣ прибавлялось: «За точное исполненіе предписаній я обѣщаю вамъ покровительство французскаго правительства; вы можете получить чрезъ то особыя выгоды». Всѣ подобнаго рода бумаги, поступая въ муниципалитетъ писанными по-французски, разсылались оттуда по назначенію въ русскомъ переводѣ, впрочемъ далеко не отличавшемся изяществомъ языка. Что касается уѣздныхъ коммиссаровъ, то они назначаемы были, повидимому, изъ дворянъ и по указаніямъ дворянъ, къ которымъ Вильбланшъ разослалъ чрезъ мэра соотвѣтственные запросы по уѣздамъ.

Особенно настоятельна была нужда въ продовольствіи. 20-го октября послѣдовалъ отъ Вильбланша приказъ доставить со всей Смоленской губерніи: хлѣба 5.681 четв. 6 пуд. 21 фунтъ; быковъ 700;

овса 565 четв. 11 пуд.; сѣна 3.030 пуд. 12 ф. и столько же соломы. Затѣмъ слѣдовали въ томъ же приказѣ: «Артикулъ» 2. Сей запасъ долженъ быть доставленъ въ магазейны, т. е. хлѣбъ и фуражъ, къ 1-му числу декабря сего года и, притомъ, двѣ-трети означеннаго количества вдругъ (такъ перевели въ муниципалитетѣ слово aussitôt), по полученіи сего опредѣленія, скотъ же къ 1-му марта будущаго 1813 года, а одну треть тотчасъ по полученіи сего опредѣленія. Артикулъ 3. Сумма сихъ запасовъ будетъ зачтена вмѣсто обыкновенныхъ земскихъ подушныхъ налоговъ; когда же которая-нибудь округа не выставитъ означеннаго количества запаса, то оная принуждена будетъ заплатить деньгами; напротивъ, выставившая больше за излишнее противъ положеннаго получитъ деньги». Въ случаѣ невыполненія этихъ требованій, виновнымъ грозили военною экзекуціей.

Вильбланшъ требовалъ отъ муниципалитета возможно болѣе дѣятельной помощи и неразъ настаивалъ на томъ, чтобы засѣданія его не были закрываемы ранѣе 2 час. пополудни, чтобы, кромѣ того, всегда оставался въ муниципалитетѣ одинъ дежурный членъ и чтобы на всѣ бумаги интенданта были даваемы своевременные и точные отвѣты. Желая поощрить усердіе своихъ невольныхъ сотрудниковъ, онъ выдавалъ имъ иногда награды отъ лица Наполеона: мэру и его товарищу по 200 фр., секретарю Ефремову, «за особыя услуги по управленію» 224 франка, а остальнымъ разно—отъ 75 до 15 франковъ. Это помогало, однако, мало. Насколько дѣятеленъ былъ Вильбланшъ, настолько же вяло и неохотно работали члены муниципалитета: они служили французамъ, какъ впослѣдствіи выяснилось, лишь «по слабости духа», боясь отказомъ отъ навязанной имъ должности навлечь на себя преслѣдованія, а можетъ быть подпасть и смертной казни. Поэтому неудивительно, что Вильбланшу часто приходилось напоминать муниципалитету, чтобы онъ былъ порасторопнѣе и поусерднѣе занимался дѣлами. «Я просилъ васъ, г. мэръ—писалъ интендантъ въ одной изъ своихъ бумагъ—продолжать засѣданія до 2 час. Я посылалъ въ муниципалитетъ въ 1 часъ, а тамъ не было даже приказнаго». Въ другой бумагѣ онъ пишетъ: «Г. мэръ. Требуя отъ васъ почтарей для организуемой мною теперь почты, я желалъ, чтобы они присланы были тотчасъ же; но вамъ всегда надо писать о самомъ простомъ дѣлѣ по три раза. Прошу васъ озаботиться этимъ немедленно и предупреждаю, что не приму никакихъ оправданій». Но побороть вялость муниципалитета было не такъ-то легко; даже угрозы принять болѣе серьезныя мѣры взысканія мало помогали дѣлу. Черезъ четыре дня послѣ упрека по поводу неприсылки почтарей, Вильбланшъ пишетъ—уже не мэру, на котораго, повидимому, махнулъ рукой, а членамъ муниципалитета: «Я съ сожалѣніемъ вынужденъ извѣстить васъ, что не могу быть дово-

ленъ вашею безпечностью въ службѣ вашему отечеству. Сегодня, въ $9^1/_2$ час., въ муниципалитетѣ не было ни мэра, ни одного изъ членовъ. Работающихъ нѣтъ никого, кромѣ гг. Рутковскаго и Ефремова. Предупреждаю васъ, что—какъ ни прискорбно будетъ для меня—я буду вынужденъ прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости, если это будетъ такъ продолжаться. Въ качествѣ членовъ муниципальнаго совѣта, вы пользуетесь полною юрисдикціей надъ жителями; поэтому вамъ слѣдуетъ сдѣлать гг. Рейнеку, Каховскому и Шевичу выговоръ за ихъ лѣность и предостеречь ихъ о возможности строгихъ мѣръ по отношенію къ нимъ».

При такихъ условіяхъ, административная машина дѣйствовала неудовлетворительно. Мѣры, принимавшіяся французскими властями для возстановленія порядка, тоже мало достигали цѣли: грабежи и разбои не прекращались. Одинъ изъ коммиссаровъ, колл. сов. Щербаковъ, въ рапортѣ на имя смоленскаго военнаго губернатора Барбъ-Негра, набросалъ очень неприглядную картину положенія завоеванной области. «Разныхъ націй военные люди—доносилъ онъ 22-го сентября 1812 г.—а особливо прусской арміи конные солдаты съ ихъ офицерами, человѣкъ по 50, наѣзжая на господскіе и крестьянскіе домы, расположась въ нихъ квартирами—сутокъ на двое и на трое, дѣлаютъ чрезвычайные грабежи, вытравливаютъ не только въ поляхъ, но и на гумнахъ хлѣбъ и, забирая оный, а также скотъ, лошадей, сѣно, пожитки и все, что только найдутъ и имъ угодно, увозятъ съ собой, не оставляя въ селеніяхъ ничего, а жителей бьютъ до полусмерти и по нимъ стрѣляютъ, не взирая ни на какіе воинскіе залоги и охранныя команды, отъ которыхъ хотя и объявляются имъ данныя отъ французскаго правительства письменныя о томъ запрещенія, но оными пренебрегаютъ; которые жъ изъ грабителей мною забраны и отправлены были въ Смоленскъ, оныхъ у проводниковъ отбираютъ и отпускаютъ по-прежнему на свободу. Ваше высокопревосходительство! Сжальтесь надъ бѣдными стонающими, страждущими и вопіющими на небо жителями! Войдите въ сожалѣніе человѣчества, защитите всѣхъ насъ силою данной вамъ власти! Нѣтъ возможности болѣе сносить такихъ жестокостей и грабежей; если далѣе хотя малое время все оное отъ нихъ происходить будетъ, то данныхъ коммиссарамъ повелѣній ни подъ какимъ видомъ выполнить будетъ неможно, ибо жители, не имѣя чѣмъ себя содержать и пропитать, оставя свои домы, разбредутся. Пожалуйста, поскорѣе запротите имъ тѣ буйства, насилія и грабежи чинить и снабдите меня на все оное вашею милостивою резолюціею».

Французскія власти, сознавая и сами необходимость прекратить такое положеніе, приказали 8-го октября привести въ исполненіе въ Смоленской губерніи изданный Наполеономъ еще въ іюнѣ указъ объ учрежденіи военныхъ судовъ, которые приговаривали бы въ 24 часа къ смерт-

ной казни всякаго, кто будетъ уличенъ въ грабежахъ и причиненіи обидъ жителямъ. При главной квартирѣ 9-го корпуса французской арміи, главнокомандующимъ котораго былъ маршалъ герцогъ Беллёнскій, учреждена была военно-судная коммиссія подъ предсѣдательствомъ полковника Безота-Шорма. Рядомъ съ этимъ учреждены были подвижныя колонны для водворенія порядка въ разныхъ губерніяхъ, находившихся позади французской главной арміи. Для Смоленска и Смоленской губерніи была сформирована подвижная колонна въ составѣ 200 человѣкъ смоленскаго гарнизона при шести офицерахъ и подъ начальствомъ баталіоннаго командира. При этой колоннѣ также былъ полевой судъ, въ составъ котораго вошли командующій колонною и четыре офицера гарнизона.

Смоленскій муниципалитетъ дѣйствовалъ въ теченіе всего того времени, пока французы оставались въ Смоленскѣ, вплоть до ихъ изгнанія. Онъ занимался слѣдующими дѣлами: 1) высылкою людей для устраиваемыхъ интендантомъ почтъ и наблюденіемъ за тѣмъ, чтобы квартиры были занимаемы войсками по билетамъ; 2) наблюденіемъ за чистотою въ городѣ; 3) созывомъ женщинъ для стирки бѣлья и приготовленія корпіи во французскіе и русскіе госпитали; 4) собираніемъ въ уѣздахъ холста и корпіи, за деньги; 5) вызовомъ подрядчиковъ для починки мельницъ; 6) сборомъ провіанта и фуража; 7) выдачею жителямъ билетовъ для прокормленія; 8) сборомъ съ дворянъ и обывателей подводъ подъ больныхъ русскихъ и французовъ. Кромѣ того на муниципалитетъ были возложены еще: 1) явка заемныхъ писемъ, подаваемыхъ частными лицами при прошеніяхъ; 2) пресѣченіе въ уѣздахъ грабительства и усмиреніе неповинующихся помѣщикамъ крестьянъ; 3) выдача разорившимся крестьянамъ разрѣшеній (съ согласія интенданта) на уборку хлѣба съ полей удалившихся изъ губерніи помѣщиковъ и дозволеніе имъ пользоваться четвертымъ снопомъ этого хлѣба; 4) защита крестьянъ отъ грабежей французовъ; 5) сборъ въ пользу французскихъ властей денегъ за отдаваемые въ наемъ дома и лавки; 6) приглашеніе дворянъ къ занятію должностей коммиссаровъ и проч.

Кромѣ муниципалитета, въ Смоленскѣ была учреждена особая Верховная коммисія, членами которой были: помѣщикъ Голынскій, надв. сов. Сфурса-Жиркевичъ и чиновникъ 14 класса Санко-Лешевичъ. На коммиссію эту возложены были заготовленіе провіанта и фуража для французской арміи, а также и провизіи для стола Наполеона, и высылка людей, нужныхъ для потребностей арміи.

Р.

Къ исторіи польской смуты 1863 года.

I

Воззваніе бѣлорусса православнаго къ бѣлорусскимъ католикамъ.

29-го января 1863 г. Могилевъ губернскій.

Братья, ополячившіеся бѣлоруссы!

До сихъ поръ смотрѣли мы на ваши трауры, гимны и одежды спокойно, и даже съ улыбкою, какъ на забавы увлекшихся игрушкою дѣтей; хотя очень намъ было грустно, что вы—братья и друзья наши, въ продолженіе двухъ лѣтъ такихъ вашихъ забавъ, замѣтно начали отъ насъ отстраняться и прервали прежнія наши дружественныя сношенія. Мы, не чувствуя за собою ничего для васъ оскорбительнаго, все думали, что самимъ вамъ наскучатъ эти забавы, вы одумаетесь, оставите ихъ и по-прежнему съ привѣтливостію возвратитесь къ нашимъ искреннимъ чувствамъ. Само правительство, кажется, такихъ же было мыслей: оно обратило лишь легкое вниманіе на гимны, проникшіе въ католическіе храмы, и только. Но, къ крайнему сожалѣнію, чрезъ это послабленіе вы, увлекаясь далѣе и далѣе новостію затѣй, начали выявлять не одно отъ насъ отстраненіе, но замыслы противу нашего спокойствія и даже жизни.

Остановитесь! раздумайте хорошо, за что поселилась въ вашихъ сердцахъ такая къ намъ ненависть и злоба? Не болѣе какъ два года назадъ, мы съ вами роднились, дружили, водили хлѣбъ-соль, никогда не дѣлая другъ другу никакихъ укоризнъ, не только оскорбленій, за мнѣнія о національности или о религіи; жили мирно и согласно, какъ одноплеменные братья славяне-христіане. И вдругъ, безъ всякой причины, вы на насъ такъ озлобились, что жаждете нашей гибели и гото-

вите орудія смерти. Скажите, что̀ именно мы,—мирные жители, такъ искренно васъ любившіе,—вамъ сдѣлали достойнаго мщенія? право, ничего такого мы за собою не знаемъ и не чувствуемъ.

Между вами прослышиваются причины вашего ожесточенія, что мы—русскіе, а вы—поляки; да вѣдь и вы и мы такими были, какъ теперь, десятки лѣтъ назадъ, а жили же дружно, не вдаваясь въ пренія о національности. А ежели сказать сущую правду, ни вы—поляки, ни мы—россіяне. Мы всѣ бѣлоруссы. Наши предки, происходя отъ славянскихъ племенъ, въ незапамятныя, почти доисторическія времена придя отъ Дуная, а по сказанію нѣкоторыхъ историковъ отъ Вислы, осѣли на земляхъ возлѣ Днѣпра и жили тутъ независимыми группами, какъ это утверждаетъ и Николай Заремба, въ выпущенной имъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1862 года рукописной брошюрѣ. Этихъ независимыхъ группъ первыми завоевателями и правителями были русскіе князья Рюриковичи; потомъ отъ потомковъ русскихъ князей отобралъ ихъ, состоявшій въ родствѣ съ русскими князьями, литовскій князь Гедининъ и присоединилъ къ Литвѣ; затѣмъ уже, когда потомокъ Гедимина, князь Ягелло, соединилъ Литву съ Польшею, то и Бѣлорусскій край, вмѣстѣ съ Литвою, подпалъ польскому владычеству, пока, наконецъ, въ позднѣйшія времена, по промыслу Божію, Бѣлоруссія, а въ ней и наши недавніе предки возвращены опять Россіи. Вотъ вамъ краткій очеркъ происхожденія нашей бѣлорусской народности и перехода въ принадлежность нашего края.

Не должно судить спорящихъ по выслушаніи одной стороны, но необходимо вникнуть въ возраженія и противной. Вамъ толкуетъ одна партія, послушайте же и насъ. Прочтите внимательно «Вѣстникъ южной и юго-западной Россіи», тамъ во многихъ статьяхъ не фразами, но документально убѣдитесь въ правдѣ. Города Бѣлоруссіи Полоцкъ, Мстиславль, Витебскъ, м. Друцкъ и проч. еще и теперь существуютъ памятниками владѣнія русскихъ удѣльныхъ князей.

Другая причина возбудившейся вашей къ намъ ненависти, какъ вообще слышно, есть удержаніе нами ученія Христова по толкованію Восточной церкви, а не Западной. Обѣ эти церкви исповѣдуютъ одного Христа Спасителя міра, и даже богослуженіе ихъ имѣетъ много общаго, только признаніе нѣкоторыхъ догматовъ и совершеніе обрядовъ, по богословскимъ разсужденіямъ, нѣсколько разнятся. Не будемъ входить въ богословскія распри, кто̀ изъ нихъ правъ, это не наше дѣло, но обратимся къ свято уважаемому обѣими церквами Евангелію, въ немъ изложено ученіе нашего божественнаго законоположника Іисуса Христа. Покажите, гдѣ Спаситель учитъ или одобряетъ въ какомъ-нибудь случаѣ ненависть и злобу?.. Какъ, напротивъ, во многихъ случаяхъ проявляется Его ученіе о любви къ ближнимъ, кротости и смиреніи. При-

знакомъ своихъ учениковъ установилъ «любовь между собою», называлъ того лжецомъ, «кто говоритъ, что Бога любитъ, а брата своего ненавидитъ», ближнимъ нашимъ указываетъ добраго самарянина, почитавшагося у іудеевъ еретикомъ. Никогда Онъ не отвергалъ не только еретиковъ, но даже язычниковъ, просившихъ у Него помощи. Такими основаніями руководствуется и Восточная церковь, а съ нею и мы, и ваши предки; ибо извѣстно, что еще не очень давно всѣ бѣлоруссы исповѣдывали догматы Восточной церкви. Въ послѣднее время владычества польскаго, введено здѣсь римское исповѣданіе, а не совратившееся въ него простонародіе насиліемъ духовныхъ и свѣтскихъ властей обращено въ унію. Ваши предки, не перенеся угнетеній и преслѣдованій пропаганды, принужденно приняли католичество, не многіе дворяне, выдержавъ гоненіе, остались въ православіи. Наличнымъ тому доказательствомъ, кромѣ подлинныхъ историческихъ документовъ, служатъ теперь нѣкоторыя околицы православныхъ шляхтъ, многія села и деревни, а въ городахъ большая часть жителей, не приставшихъ ни къ Римской, ни къ Уніатской церкви, а удержавшихъ непоколебимое православіе. Пересмотрите тотъ же «Юго-западный вѣстникъ», и вы убѣдитесь, копіями подлинныхъ, доселѣ хранящихся документовъ, что ваши предки были православными и увидите, какими насиліями они понуждались поддаться управленію римскихъ папъ. Вотъ видите, братія, и въ разности исповѣданій никакой нашей вины нѣтъ, мы остались при той вѣрѣ, которую содержали наши и ваши предки, и никогда не упрекаемъ ни васъ, ни вашихъ предковъ въ измѣненіи вѣры; пусть это судитъ Богъ! Мы всегда любили васъ, какъ должно братьямъ, не входя въ образъ вашихъ мыслей о вѣрѣ. Вспомните, какъ между нами было два года назадъ, и вы подтвердите мои слова.

Не только мы, то-есть бѣлорусскій народъ, не имѣли къ вамъ никакого прекословія за разновѣріе и мнимую разноплеменность, но и само правительство русское вы не можете упрекнуть въ чемъ-нибудь для васъ противномъ. Взгляните на составъ государственной службы: чѣмъ вы унижены противу русскихъ и православныхъ? Отъ Сената до земскихъ судовъ включительно и даже въ войскахъ сколько вездѣ вашего происхожденія и вѣры высшихъ и низшихъ чиновниковъ пользуются одинаковыми правами и преимуществами съ русскими. Въ учебныхъ заведеніяхъ, въ дворянскихъ выборахъ, во всѣхъ родахъ государственной службы, какъ и неслужащіе землевладѣльцы и шляхта, всѣ и вездѣ идутъ одинаково съ прочими русскими лицами. Въ царствованіе императора Николая, только съ 1831 года была обращена на васъ нѣкоторая только разборчивость въ опредѣленіи къ должностямъ, но и сіе было поводомъ къ сочувствію вами же выявленному къ тогдашнему польскому мятежу; однако и эта разборчивость со временемъ ослабѣла, а

въ настоящее царствованіе и совсѣмъ уничтожилась. Посмотрите, напримѣръ, въ нашей губерніи сколько въ губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ предсѣдателей, совѣтниковъ, а въ уѣздахъ почти всѣ исправники, становые пристава, мировые посредники, судебные слѣдователи и по всѣмъ канцеляріямъ губернскихъ и уѣздныхъ мѣстъ—католики. Костелы ваши обновлены, богослуженіе публичное свободно, а духовенство живетъ въ несравненно лучшихъ выгодахъ, нежели наше. Въ чемъ же заключается притѣсненіе или униженіе вашей народности или вѣрѣ? Скажите!

Поразмыслите обо всемъ нами предложенномъ внимательно, не слушая сторонихъ наущеній, и скажите, положа руку на сердце, не виноваты ли вы предъ нами, и не согрѣшили ли предъ Богомъ, увлекшись неправильнымъ настроеніемъ новыхъ политиковъ? Обратите ваше вниманіе и на самую Польшу, какъ въ ней въ настоящее время правильно, быстро и безостановочно вводятся новыя, согласныя народному желанію полезныя учрежденія. Только партіи подняли бунтъ, съ намѣреніемъ ниспровергнуть все настоящее правильное устроеніе народнаго благоденствія, и въ общей бѣдѣ и замѣшательствѣ выдвинуться самимъ до популярности и власти. Но какія ужасныя послѣдствія для увлеченныхъ непріязненною правительству партіею!..

При семъ, не обинуясь, долгомъ считаю сказать вамъ, что ваши послѣднія демонстраціи и похвалки дотого насъ возбудили, что мы остались въ необходимости мужественно приготовиться ко всякой непріятной случайности, и уповая на нашу правоту и поборника правды—Бога, надѣемся большинствомъ силы преодолѣть ухищренныя козни меньшинства. Но прежде молимъ Бога и взываемъ къ вамъ, остановитесь въ вашихъ стремленіяхъ! обдумайте ихъ происхожденіе, цѣль и послѣдствія! вспомните, что Каина самъ Богъ проклялъ. Сознайте въ вашемъ сердцѣ напрасную вашу къ намъ злобу, внушенную вамъ неблагонамѣренными людьми, и возвратясь на истинный путь останьтесь по-прежнему нашими друзьями. Мы, бѣлоруссы православные и католики, пребывая въ прежней другъ съ другомъ любви и согласіи, будемъ мирно исполнять наши обязанности и требованія законныхъ властей, спокойно ожидая, чѣмъ разрѣшатся свыше возбужденные политическіе вопросы, и что Богъ устроитъ, тому съ христіанскимъ смиреніемъ и покоримся.

Сообщ. **Г. Н. Гортынскій.**

II.

Всеподданнѣйшій адресъ православныхъ дворянъ Могилевской губерніи.

25-го августа 1863 г.

Ваше императорское величество
Всеавгустѣйшій монархъ!

Когда, при угрожающей нашему отечеству—Россіи—войнѣ заявляются со всѣхъ концовъ Имперіи чувства и желанія защищаться противу несправедливыхъ притязаній, не можемъ и мы, православные дворяне Могилевской губерніи, оставаться въ молчаніи. Выразить наше неравнодушіе къ совершающимся вокругъ насъ событіямъ мы признаемъ необходимымъ тѣмъ болѣе, что въ Могилевской губерніи нѣкоторые римскаго исповѣданія помѣщики и дворяне имѣли дерзость заявить свое враждебное къ Россіи чувство вооруженнымъ буйствомъ.

Прими, всеавгустѣйшій монархъ, и наше слово любви и преданности Россіи, съ такою благосклонностію, съ какою соизволилъ ты принять оное и отъ прочихъ твоихъ вѣрноподданныхъ.

Мы знаемъ изъ исторіи и устныхъ преданій, что Бѣлорусскій край и въ немъ Могилевская губернія въ древнія времена принадлежали русскимъ князьямъ—Рюриковичамъ, потомкамъ св. Владиміра, давшимъ краю первоначальное государственное образованіе въ удѣлахъ и введшимъ христіанскую вѣру восточно-православнаго исповѣданія. Потомъ силою совершившихся событій отошелъ онъ подъ владѣніе родственныхъ съ русскими князей литовскихъ. Когда же князь литовскій Ягелло присоединилъ Литву къ Польшѣ, то съ Литвою и Бѣлоруссія подпала подъ владычество польскаго королевства.

Поляки, владѣя Литвою обще съ Бѣлоруссіею, нарушили условія равноправности присоединенныхъ народовъ, на каковыхъ послѣдовало соединеніе Литвы съ Польшею: они, истребляя насильственными мѣрами вѣру и языкъ руссовъ, много въ томъ успѣли; почти все дворянство въ этомъ краѣ, для охраненія своихъ правъ и выгодъ, осталось въ необходимости принять римское исповѣданіе вѣры, примѣниться къ говору и обычаямъ поляковъ. Немногіе остались непоколебимыми отъ преслѣдованій и неизмѣнившими вѣрѣ отцовъ своихъ; сельскіе и городскіе обыватели многіе совращены были въ унію. Вопль страдавшаго народа и его мольбы о спасеніи, наконецъ, были вняты, и императрица Екатерина II древнее достояніе русскихъ князей—Бѣлоруссію возвратила русской державѣ.

Подъ благодѣтельнымъ управленіемъ ожилъ народъ, уніаты возвра-

тились на лоно прежней своей церкви, но окатоличившіеся помѣщики и дворяне до сихъ поръ упорно считаютъ себя поляками и, несмотря на свою малочисленность въ здѣшней губерніи, сравнительно съ православными, рѣшились заявить свое сочувствіе польскому мятежу вооруженнымъ бунтомъ и заставлять другихъ принимать участіе въ клятвопреступномъ ихъ дѣйствіи. Но это имъ не удалось: большинство православнаго народа при распоряженіяхъ губернскаго начальства и помощи войскъ укротили этотъ бунтъ. Въ 10 дней шайки бунтовщиковъ уничтожены и многія изъ лицъ участвовавшихъ въ мятежѣ преданы въ руки правосудія. При всемъ томъ въ оставшихся, по необнаруженію уликъ, сознанія истины и раскаянія незамѣтно; траурныя демонстраціи продолжаются.

Мы помнимъ, какъ въ 1831 году, по уничтоженіи здѣсь дѣйствія Литовскаго статута и сравненія бѣлорусскихъ губерній съ великороссійскими, здѣшнее дворянство было этимъ обрадовано и посылало даже отъ себя къ государю императору депутацію съ изъявленіемъ за это сравненіе всеподданнѣйшей благодарности, но отъ чего теперь измѣнилась въ дѣтяхъ отцовская преданность къ Россіи и чѣмъ кончатся ихъ демонстраціи и производимыя оными въ нашемъ краѣ народныя смуты, неизвѣстно.

Чтобы при нашемъ молчаніи и мы—православные—не были причислены къ зломыслящимъ или равнодушнымъ; чтобы не сказали, что все дворянство Могилевской губерніи запятнало себя возстаніемъ противу правительства, мы, въ сознаніи древней принадлежности края и нашего происхожденія, и имѣя въ виду начатыя тобою, государь-освободитель, благодѣтельныя для Россіи преобразованія, спѣшимъ повергнуть у твоего священнаго трона наши вѣрноподданническія чувства, съ искреннимъ желаніемъ, какъ оказало себя на дѣлѣ и большинство здѣшняго населенія, оставаться подъ русскою державою и защищать ея границы всѣми возможными средствами.

Измѣна Мазепы.

I.

Письмо князя Матвѣя Гагарина къ князю А. Д. Меншикову.

23-го февраля 1708 г. Москва.

Свѣтлѣйшій Князь, отецъ мой, Государь милостивый, ни о чемъ нынѣ не могу доносить твоей свѣтлости, вѣдая приключившійся нынѣ паче оныхъ дней многой трудъ твоей высокости. А сего умолчати мнѣ твоему рабу не мочно. Явился на красномъ крыльцѣ ахтырскій писарь и сказалъ на караулѣ, что есть съ нимъ доношеніе о великомъ царственномъ дѣлѣ. И подалъ мнѣ 3 письма: одно къ Царскому Величеству, второе—Государю Царевичу, третье—твоей свѣтлости, посланныя отъ ахтырскаго полковника съ нимъ.

И въ письмѣ, Государь,—Государя Царевича явлено, что донесетъ ему Государю тотъ посланный его писарь на словахъ.

И примѣняясь, Государь, къ указамъ Царскаго Величества, каковы есть намъ о подметныхъ письмахъ, то письмо, которое къ Царскому Величеству, распечаталъ и челъ, и писано, будто о измѣнѣ господина Гетмана.

И выразумѣлъ, что то письмо отъ его непріятелей и храня того, чтобъ то слово отъ того посланнаго не было явно инымъ, чтобъ въ народѣ не произошло отъ того смятенія, того присланнаго послалъ въ Угрѣшской монастырь и велѣлъ до указу за карауломъ держать крѣпко. А то письмо послалъ до Царскаго Величества; такожъ, которое подписано на имя твоей свѣтлости, послалъ при семъ письмѣ [1]).

---

[1]) Письмо пока не найдено.

И о томъ прошу твоей свѣтлости, прикажи мнѣ отвѣтствовать о томъ писарѣ, который подалъ вышеименованныя письма.

Послушный рабъ твоей свѣтлости князь Гагаринъ [1]).

II.

Изъ письма Петра Салтыкова къ князю А. Д. Меншикову.

.....я жъ доношу вашей свѣтлости, господа министры подполковника Брылкина отпустили въ Смоленскъ съ Кочубеемъ и съ Искрою и съ прочими при нихъ и велѣлъ помянутого Кочубея и Искру отвесть къ Гетману, товарищу моему господину Вельяминову-Зернову, а которые были при нихъ другіе, тѣ оставлены въ Смоленску за карауломъ, а Брылкину приказали быть въ Смоленску и я его съ помянутыми письмы послалъ къ вашей свѣтлости, мой премилосердый патронъ. Благоволи опредѣлить ему указомъ по его доношенію. Нижай(шій) твой слуга и рабъ Петръ Салтыковъ. Изъ Смоленска, іюня 17-го дня 1708 году [2]).

Сообщилъ **М. К. Марченко.**

---

[1]) Рукописн. Отд. Библ. Имп. Акад. Наукъ. Бумаги кн. А. Д. Меншикова.

[2]) Рукописн. Отд. Библ. Имп. Акад. Наукъ.

Изъ записокъ Д. П. Рунича.

IX [1]).

Назначенія: М. М. Сперанскаго пензенскимъ губернаторомъ, М. Л. Магницкого симбирскимъ и Ключарева сенаторомъ.—Судьба реформъ императора Александра I.—Масонство.—А. Ѳ. Лабзинъ и его характеристика.—Проектъ о построеніи храма Спасителя на Воробьевыхъ горахъ въ Москвѣ.—А. Витбергъ.—М. А. Нарышкина.—Семеновская исторія.—Наводненіе въ Петербургѣ.

Когда прекратились конгрессы, коими былъ выработанъ новый порядокъ вещей въ Европѣ, перевернутой верхъ дномъ французской революціей и всемогуществомъ Наполеона, то Александру предстояло еще обширное поле дѣятельности для осуществленія тѣхъ предпріятій, которыя онъ имѣлъ въ виду. Но, какъ я уже замѣтилъ выше, лишь только монархъ или хотя бы даже частный человѣкъ перестаютъ быть орудіемъ Провидѣнія, коимъ оно пользуется для выполненія своихъ цѣлей, то планы людей, также требующіе усилій для своего осуществленія, вскорѣ истощаютъ человѣческія силы. Испытанныя разочарованія дѣлаютъ человѣка робкимъ, боязливымъ, неудачи, которыя предвидятся въ будущемъ, парализуютъ его энергію. Лишь только человѣкъ начинаетъ соразмѣрять свою дѣятельность со временемъ, онъ тотчасъ теряетъ бодрость духа. Неизвѣстность того, что принесетъ завтрашній день, парализуетъ самую пылкую дѣятельность. Какъ только чувство незави-

[1]) См. „Русскую Старину“ мартъ 1901 г.

симости отъ времени смѣняется неизвѣстностью, душою овладѣваетъ равнодушіе и человѣкъ утрачиваетъ способность къ дѣятельности! Душа впадаетъ въ какое-то оцѣпенѣніе, которое она не въ состояніи побороть; всѣ ея порывы разсѣеваются, какъ тѣни, или ослабѣваютъ, какъ пружина, утратившая свою упругость. Нравственное прозябаніе дѣлаетъ жизнь тягостной для существа дѣятельнаго и мыслящаго. Это состояніе оцѣпенѣнія бываетъ въ тягость тому, кого оно постигнетъ. Александръ могъ насиловать себя только до тѣхъ поръ, пока нравственныя силы не оставили его окончательно. Растительная жизнь упитываетъ тѣло только тѣхъ чудовищъ человѣческаго рода, которыя живутъ жизнью улитки; она убиваетъ людей, одушевленныхъ безсмертнымъ духомъ.

Когда прелесть славы и успѣха перестала ослѣплять воображеніе Александра, онъ вспомнилъ о Сперанскомъ, Магницкомъ и Ключаревѣ, участь которыхъ все еще не была рѣшена. Я не знаю, какъ это произошло, такъ какъ я могу основываться только на фактахъ; какъ бы то ни было, появился указъ о назначеніи Сперанскаго на должность гражданскаго губернатора въ Пензу, а Магницкаго въ Симбирскъ. Въ указѣ говорилось, что Сперанскій получаетъ это мѣсто для того, чтобы имѣть возможность «оправдаться». Странная развязка, если подумать, что этотъ человѣкъ, занимавшій должность статсъ-секретаря—одну изъ важнѣйшихъ въ Имперіи, былъ неожиданно арестованъ и сосланъ подъ надзоръ полиціи въ одну изъ отдаленныхъ губерній по подозрѣнію въ государственной измѣнѣ, но былъ сосланъ безъ суда, а между тѣмъ онъ помилованъ по желанію императора для того, чтобы дать ему возможность «оправдаться». До сихъ поръ неизвѣстно, что была за причина постигшаго его, столь тяжкаго испытанія, но нельзя предполагать, что съ его стороны была измѣна, коль скоро онъ былъ назначенъ впослѣдствіи генералъ-губернаторомъ Сибири, затѣмъ членомъ комитета, учрежденнаго въ Петербургѣ для выработки новой системы администраціи этой далекой окраины, соприкасающейся съ Китаемъ и Америкою, и умеръ кавалеромъ всѣхъ россійскихъ орденовъ, членомъ Государственнаго Совѣта и графомъ. Эти соображенія только подтверждаютъ мысль о существованіи интриги, о которой я говорилъ выше и которая можетъ разъясниться вполнѣ только черезъ сто лѣтъ. Секретныя дѣйствія неограниченнаго правительства лишаютъ исторію возможности освѣтить факты въ высокой степени любопытные. Не имѣя положительныхъ данныхъ, она даетъ волю предположеніямъ и въ концѣ концовъ замѣняетъ истину баснями или клеветою.

Изъ Симбирска Магницкій перешелъ въ вѣдомство народнаго просвѣщенія, былъ назначенъ членомъ совѣта министра и попечителемъ Казанскаго университета, но закончилъ свою карьеру въ заточеніи въ Одессѣ; я буду впослѣдствіи еще говорить о немъ.

Ключаревъ былъ назначенъ сенаторомъ, получилъ аренду и умеръ почти въ нищетѣ. Чтобы закончить исторію его жизни съ того времени, какъ онъ былъ свергнутъ Ростопчинымъ съ мѣста московскаго почтъ-директора, я долженъ, въ интересахъ истины, передать здѣсь одинъ фактъ, доказывающій невинность этого чиновника, долголѣтняя служба котораго всегда была цѣнима его монархомъ, и вопіющее злоупотребленіе власти со стороны Ростопчина въ то время, когда онъ былъ назначенъ московскимъ генералъ-губернаторомъ, за шесть недѣль или за два мѣсяца до занятія этого города Наполеономъ.

Когда Ключаревъ былъ арестованъ, то его кабинетъ былъ опечатанъ; охрана этихъ печатей была поручена чиновникамъ почтоваго вѣдомства. Я, какъ помощникъ почтъ-директора, долженъ былъ вступить въ исполненіе его обязанностей; я добился разрѣшенія генералъ-губернатора, чтобы семейству Ключарева было разрѣшено препроводить въ надежное мѣсто ихъ движимое имущество, такъ какъ городъ былъ взволнованъ при приближеніи непріятельскихъ войскъ и жители принимали всевозможныя мѣры для спасенія своего имущества. Я приказалъ уполномоченнымъ самимъ Ключаревымъ лицамъ собрать всѣ бумаги, находившіяся въ кабинетѣ директора, которыя должны были послужить къ его оправданію или къ его обвиненію; бумаги эти были уложены въ одинъ тюкъ, къ которому были приложены печати Ростопчина, оберъ-полицеймейстера и моя; этотъ тюкъ съ согласія графа велѣно было передать въ распоряженіе правительства. Но, несмотря на мое настоятельное требованіе, чтобы онъ былъ отданъ на храненіе подлежащимъ властямъ, тюкъ этотъ остался подъ наблюденіемъ чиновниковъ почтоваго вѣдомства. Нѣсколько дней спустя, Москва была занята непріятелемъ. Я долженъ былъ таскать всюду за собою этотъ тюкъ до возвращенія почтовой конторы въ Москву послѣ ухода французовъ, и онъ оставался у меня на храненіи еще долгое время послѣ заключенія мира. Это обстоятельство выяснилось только тогда, когда появился высочайшій указъ, касавшійся этихъ бумагъ, сообщенный мнѣ министромъ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевымъ. Прежде чѣмъ освободить Ключарева, потребовали его бумаги у Ростопчина. Позабывъ обстоятельства, сопровождавшія арестъ почтъ-директора, или, быть можетъ прибѣгнувъ ко лжи для того, чтобы не было возможности разъяснить это дѣло, Ростопчинъ отвѣчалъ оффиціально, что тюкъ съ бумагами сдѣлался жертвою пламени во время московскаго пожарища! Министръ внутреннихъ дѣлъ, которому мною были сообщены всѣ подробности, сопровождавшія занятіе Москвы французами, бывъ спрошенъ объ участи этихъ бумагъ, отвѣчалъ, что тюкъ не сгорѣлъ, такъ какъ онъ находился въ моихъ рукахъ съ самаго вступленія непріятеля въ Москву. Мнѣ было сообщено высочайшее повелѣніе передать запечатанный тюкъ съ бумагами фельдъ-

егерю, которому было приказано доставить его въ Петербургъ; вѣроятно, за неимѣніемъ законныхъ доказательствъ къ обвиненію Ключарева, бумаги, которыя должны были служить къ обвиненію директора, послужили къ его полному оправданію. Онъ вскорѣ былъ выпущенъ на свободу и получилъ слабое вознагражденіе за всѣ страданія и жестокія обиды, коимъ онъ подвергался нѣсколько лѣтъ вслѣдствіе личной вражды къ нему Ростопчина.

Въ то же время правосудіе требовало, чтобы было окончено слѣдствіе по дѣлу несчастнаго Верещагина. Дѣло это, начатое, какъ я уже сказалъ, Ростопчинымъ, пройдя всѣ указанныя закономъ инстанціи, поступило въ Сенатъ, гдѣ для окончанія его было необходимо присутствіе Верещагина. Министръ юстиціи Дмитріевъ обратился по этому поводу съ запросомъ къ Ростопчину, который все еще занималъ въ ту пору постъ московскаго генералъ-губернатора, и Ростопчинъ отвѣчалъ, не смущаясь, что «въ день оккупаціи Москвы, онъ, графъ Ростопчинъ, выдалъ измѣнника черни, которая растерзала его!» Это—подлинныя слова Ростопчина въ оффиціальномъ донесеніи на имя министра юстиціи. Впослѣдствіи онъ былъ уволенъ въ отставку. Снѣдаемый угрызеніями совѣсти, онъ оставилъ Россію и поселился въ Парижѣ среди тѣхъ самыхъ французовъ, къ коимъ онъ выказалъ столько ненависти и презрѣнія. Въ Парижѣ Ростопчинъ выдалъ замужъ дочь за француза и издалъ брошюру: «Правда о Московскомъ пожарѣ», въ которой, облекаясь какъ ворона въ павлиныя перья, старается бросить на себя хотя отблескъ той великой мѣры, которая была принята для спасенія Россіи и могла быть принята только по повелѣнію освободителя Европы.

Царствованіе Александра было такъ же обильно внутренними, какъ и внѣшними событіями. Вообще, эпоха, въ которую онъ царствовалъ, отличается отъ всѣхъ предъидущихъ какимъ-то непостоянствомъ и измѣнчивостью, вслѣдствіе чего событія, которыхъ хватило бы въ другое время на цѣлый вѣкъ, слѣдовали одно за другимъ съ изумительной быстротою. Прошло уже то время, когда войны продолжались по 30 лѣтъ! Революціонныя войны не могутъ сравниться съ войнами, которыя объявляютъ кабинеты. Если бы революція дѣйствовала по примѣру тридцати-или семилѣтней войны, то она была бы подавлена въ самомъ началѣ. Для того, чтобы парализовать человѣческую дѣятельность, нужно ошеломить народы, какъ и отдѣльныя личности терроромъ и неожиданными ударами. Опасность, которую видишь издалека, позволяетъ обдумать и принять противъ нея мѣры; но когда находишься съ непріятелемъ лицомъ къ лицу, то уже нѣтъ времени думать о переговорахъ, надобно защищаться—и умереть, когда нѣтъ спасенія.

Измѣнчивость и непостоянство были главными двигателями всѣхъ дѣйствій въ царствованіе Александра. Онъ былъ твердъ и непоколе-

бимъ только одинъ разъ въ своей жизни: во время его послѣдней войны съ Наполеономъ потому, что въ этомъ случаѣ онъ уже не дѣйствовалъ самъ по себѣ, онъ былъ только орудіемъ Провидѣнія, которое императоръ французовъ называлъ на берегахъ Нѣмана «Рокомъ». Провидѣніе влекло Александра къ апогею его славы точно такъ же, какъ судьба увлекала Наполеона къ погибели.

Ни одно изъ преобразованій, совершившихся въ Россіи въ теченіе 25-лѣтняго царствованія Александра, не упрочилось. То, что было сдѣлано въ 1802 г., передѣлывалось въ 1812 г.! Принципы 1806 г. не были уже принципами 1816 года. Однимъ словомъ, во всемъ было замѣтно колебаніе; одна система управленія смѣнялась другою. Сегодня были философами, завтра ханжами. Это грустное положеніе вещей усиливалось по мѣрѣ того, какъ неудачи и утомленіе дѣйствовали разслабляюще на характеръ Александра. Все зависѣло отъ двигателя, приводившаго въ ходъ машину. Во время министерства Кочубея, душою котораго былъ Сперанскій, преклонялись передъ конституціей, во время фавора князя Голицына были ханжами, при Аракчеевѣ были низкопоклонны, всегда безхарактерны, всегда разсчитывая только на сегодняшній день. Эта измѣнчивость поддерживала броженіе, которое подготовляло взрывъ.

Масонство было терпимо, потому что не входило въ разрядъ обществъ, внушавшихъ правительству опасенія. Новиковъ, пожелавъ дать ему прочную основу, пробудилъ бдительность Екатерины и потерпѣлъ фіаско. Послѣ него масонство было только тѣнью того, чѣмъ оно было ранѣе; вдобавокъ и эти жалкіе остатки его скрывались подъ покровомъ тайны. Нѣкоторые братья изъ старинныхъ ложъ вербовали, это правда, неопытныхъ новичковъ въ видахъ своихъ личныхъ интересовъ. Уже не было болѣе слышно объ ударахъ молотка, но время отъ времени говорили объ условныхъ знакахъ рукою, жертвами которыхъ являлись неопытные новички. Новиковъ, сосланный въ свое родовое помѣстье, не принималъ никакого участія въ этихъ псевдо-масонскихъ происках; онъ стоялъ слишкомъ высоко, гораздо выше этихъ обыденныхъ масонскихъ взглядовъ, чтобы допустить мысль, что можно было смѣшивать масонство съ мелкими меркантильными разсчетами людей.

Нѣкоторыя высокопоставленныя лица, недовольныя тѣмъ, что они не играли никакой роли въ обществѣ, надѣялись достигнуть извѣстности, найдя себѣ приверженцевъ и воскресивъ въ Петербургѣ масонство. Нѣсколько братьевъ, проживавшихъ въ Москвѣ безъ дѣла, оказали имъ содѣйствіе, и съ разрѣшенія правительства въ Петербургѣ было основано нѣсколько масонскихъ ложъ, во главѣ которыхъ стояли гросмейстеры, не знавшіе даже катехизиса масонства и негодившіеся даже въ ученики.

Образовались русская и нѣмецкая ложи, въ которыя вошли личности всевозможныхъ оттѣнковъ.

Бездѣйствіе искало убѣжища отъ скуки, и шампанское заставляло забыть о ничтожествѣ цѣлей этихъ собраній. Прослыть масономъ уже не казалось страшнымъ, и полиція убѣдилась болѣе, чѣмъ когда-либо, что она могла спать спокойно во время масонскихъ собраній. Ораторы масонскихъ ложъ не походили на ораторовъ англійскихъ коммунъ. Во время вечернихъ собраній братья-масоны были внимательны только къ тому, чтобы ихъ стаканы не пустѣли. Такъ какъ покровительство, оказываемое масонству императоромъ, и принадлежность къ нему нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ позволяли надѣяться, что оно могло доставить какое-нибудь выгодное занятіе или награду, то всѣ хотѣли быть масонами.

Лабзинъ, о которомъ я упоминалъ какъ объ исторіографѣ Мальтійскаго ордена, воспользовался этой терпимостью, чтобы образовать въ своемъ маленькомъ кружкѣ братство, болѣе подходящее къ цѣлямъ масонства, на которое онъ не смотрѣлъ въ то время, какъ на дѣтскую забаву или какъ на средство скрыть свои политическія стремленія.

Лабзинъ принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ существъ, которыя живутъ не только для того, чтобы удобрять почву. Обладая выдающимся умомъ, желѣзной волею, основательными познаніями въ философіи и исторіи, онъ былъ отъ природы краснорѣчивъ, зналъ основательно языки латинскій, нѣмецкій, французскій и англійскій, перечиталъ на этихъ языкахъ всѣ сочиненія по философіи и богословію. Изучивъ отлично свой родный языкъ и его источникъ, языкъ славянскій, онъ владѣлъ ими мастерски и можетъ быть поставленъ наравнѣ съ первѣйшими писателями своей страны. Истинное христіанство было элементомъ его сердца; онъ видѣлъ въ масонствѣ только первую ступень, по которой человѣкъ могъ достигнуть нравственнаго совершенства и болѣе глубокаго познанія природы и ея великаго Создателя. Это сокровенное убѣжденіе составляетъ духъ масонства, и смѣло повторяю, что безъ него масонство сдѣлалось бы, какъ это доказываютъ факты, столь же безполезнымъ, какъ и всякая внѣшняя, обрядовая религія, которая не является въ дѣйствіяхъ человѣка, исповѣдующаго эту религію, выраженіемъ той доктрины, которой она учитъ. Въ Евангеліи все говоритъ объ обновленіи, о возрожденіи, о тѣлесной смерти, послѣ которой наступитъ загробная жизнь духа.

Лабзинъ, проникнутый этими истинами, воодушевлялъ со своей гросмейстерской каѳедры маленькое собраніе братьевъ-масоновъ, принадлежавшихъ къ его ложѣ. Они были такъ убѣждены въ чистотѣ его намѣреній, такъ побѣждены могуществомъ его логики и его искусствомъ говорить, что не обращали вниманія на грубость его манеръ и на гру-

бныя выходки, которыя онъ позволялъ себѣ по своей увлекающейся натурѣ и вслѣдствіе отсутствія тщательнаго воспитанія. Онъ хотѣлъ, подобно Новикову, распространять исповѣдуемыя имъ истины посредствомъ печати; неутомимый труженикъ, онъ напечаталъ множество аскетическихъ сочиненій, переведенныхъ имъ съ нѣмецкаго, англійскаго и французскаго языковъ, и получилъ разрѣшеніе издавать журналъ подъ названіемъ «Сіонскаго Вѣстника».

Все новое нравится и увлекаетъ. Переводы, изданные Лабзинымъ, и собственныя его сочиненія привлекли къ нему людей выдающихся и ничтожности, кающихся Магдалинъ и матерей семейства, видѣвшихъ въ его сочиненіяхъ противоядіе лжемудрствованію философовъ. Съ одной стороны его превозносили до того, что называли святымъ, съ другой — на него нападали, какъ на мартиниста, иллюмината, человѣка опаснаго для церкви. Высшее и низшее духовенство было противъ него. Епископы и священнослужители всегда держатся того принципа, что обращеніе душъ надобно предоставить Богу. Они не любятъ, чтобы лица, не принадлежащія къ духовному сословію, были истолкователями воли Божіей, такъ какъ они одни имѣютъ власть разрѣшать грѣхи. Они говорятъ: peccare humanum est.

Со временъ апостола Павла благородныя дамы любятъ составлять свиту человѣка, занимающагося пропагандою. Краснорѣчіе и своеобразіе манеръ Лабзина произвело нѣкоторое впечатлѣніе и на петербургскихъ дамъ. Императоръ Александръ отличилъ его, пожаловавъ ему Владиміра 2 ст. въ награду за его благое намѣреніе распространять истины христіанской вѣры. Министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, хотя и не долюбливавшій масонство, которое онъ зналъ только по имени, также относился съ уваженіемъ къ новому члену пропаганды! Все это вскружило голову Лабзину.

Такъ какъ онъ объявилъ себя главою своей маленькой ложи то онъ не былъ ничѣмъ связанъ съ другими ложами, но эта независимость, пагубная въ масонствѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, вовлекла его въ предпріятія, не имѣвшія ничего общаго съ цѣлями масонства. Не будучи подчиненъ никакой законной власти, которая руководила бы имъ въ его обязанностяхъ гросмейстера и проповѣдника, онъ хотѣлъ быть вполнѣ независимымъ. Его выборъ книгъ для переводовъ основывался лишь на новизнѣ данныхъ, долженствовавшихъ задѣть любопытство или принести матеріальныя выгоды. Его «Сіонскій Вѣстникъ» нападалъ на злоупотребленія или предавалъ гласности такіе факты, къ которымъ духовенство не могло относиться равнодушно. Въ дѣло вмѣшалась цензура; Лабзинъ упорствовалъ, и Вѣстникъ былъ запрещенъ.

Впослѣдствіи онъ получилъ снова разрѣшеніе продолжать это изданіе и принялся за работу, но раздраженный всевозможными

препятствіями, встрѣчавшимися ему на пути, и не будучи въ состояніи долѣе сдерживать свой гнѣвъ, онъ позволилъ себѣ однажды, въ засѣданіи конференціи Академіи художествъ, коей онъ былъ членомъ, въ качествѣ вице-президента академіи, дерзкую шутку на счетъ одного высокопоставленнаго лица [1]), сказавъ, что этотъ послѣдній гораздо дальше отъ особы императора, нежели кучеръ, возившій его величество. Эта грубая шутка вызвала цѣлый скандалъ. Враги Лабзина этимъ воспользовались; его слова были переданы и истолкованы въ ложномъ свѣтѣ. Лабзинъ былъ уволенъ со службы и сосланъ въ одну изъ отдаленныхъ губерній, гдѣ онъ провелъ остатокъ дней, занимаясь переводами и сочиненіями, изъ коихъ большая часть написана въ высоконравственномъ христіанскомъ духѣ; помимо этого, они имѣютъ то достоинство, что много способствовали улучшенію слога и обогатили русскій языкъ научными терминами, созданными или истолкованными Лабзинымъ.

Въ юности онъ писалъ стихи и перевелъ «Le juge», драму Межье и «Свадьбу Фигаро» Бомарше. Его неукротимый характеръ не вліялъ на превосходныя качества его сердца и еще менѣе на чистоту его намѣреній [2]).

Приблизительно около этого времени масонскія ложи были уничтожены во всей Имперіи. Причиною этого конечно не была шутка, сказанная Лабзинымъ, но такъ какъ всякое тайное общество казалось опаснымъ, а невѣжество и недобросовѣстность всегда преслѣдовались въ странахъ, управляемыхъ неограниченною властью и въ тѣхъ, гдѣ католичество преобладаетъ надъ масонствомъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что какъ общество оно не пользовалось одобреніемъ въ Россіи. Появился указъ, повелѣвавшій, чтобы всѣ безъ исключенія высшія и низшія должностныя лица обязались письменно не принадлежать ни къ какимъ тайнымъ обществамъ. Съ тѣхъ поръ всякое лицо, поступающее на службу, должно подписать обязательство въ этомъ смыслѣ. И о масонствѣ болѣе не слышно.

Такъ какъ я пишу свои записки не для того, чтобы поддерживать ложь, а для того, чтобы передавать въ истинномъ свѣтѣ факты, которые подвергнутся нѣкогда суду потомства, то я не стѣсняюсь говорить добросовѣстно все то, что мнѣ извѣстно положительно по поводу того или инаго событія, или подтвердить истину того, въ чемъ я вполнѣ убѣжденъ. Вотъ почему я и не скрываю своихъ мнѣній, хотя они часто совершенно противорѣчатъ общепринятымъ взглядамъ. Чтобы

---

[1]) Аракчеева.

[2]) О Лабзинѣ см. „Русскую Старину“ 1894 г. №№ 9—12; 1895 г. № 1 и № 2.

покончить всякіе споры о масонствѣ, я скажу, что, по моему мнѣнію, величайшая нелѣпость, распространенная людьми невѣрующими и недобросовѣстными въ обществѣ, которое весьма мало заботится о Богѣ и объ истинѣ, заключается въ томъ, будто масонство было сектою болѣе вредною для правительства, нежели всѣ другія ученія, посягающія на эти основы общественнаго блага. Основу масонскаго ученія составляетъ самая безкорыстная любовь къ ближнему, основанная на божественномъ ученіи, а подобное ученіе можетъ только содѣйствовать благополучію и счастію людей.

Злоупотребленія проникаютъ всюду. Даже церковь, это святое божественное учрежденіе, отъ этого не избавлена! Человѣческая справедливость часто заставляетъ вѣсы склониться въ сторону лжи; однако эти злоупотребленія не безчестятъ ни церковь, ни суды. Да и можетъ ли быть масонство свободно отъ злоупотребленій, коль скоро это учрежденіе, столь святое само по себѣ и по цѣли, которую оно преслѣдуетъ, находится въ рукахъ людей.

Возвратите масонству довѣріе, коего оно достойно, научитесь понимать его сущность и цѣль, къ которой оно стремится, не позволяйте человѣческимъ законамъ преслѣдовать его, устройте такъ, чтобы верховная власть покровительствовала ему, чтобы воспитаніе руководствовалось его правилами, чтобы правители уважали его, какъ настоящую школу добродѣтели, нравственности и семейныхъ и общественныхъ обязанностей,—и тогда міръ увидитъ, что поколѣніе, выросшее подъ его эгидою, будетъ поколѣніемъ высоконравственнымъ, добродѣтельнымъ и послушнымъ голосу долга. Отъ какой системы образованія, отъ какой философіи могло бы человѣчество ожидать такихъ результатовъ? Всякая страна, изъ которой изгнано масонство, не должна надѣяться, что въ ея нѣдрахъ будетъ процвѣтать общественное благосостояніе. Подобно тому, какъ религія и церковь связываютъ человѣка съ небомъ какою-то сверхъестественною силою, такъ же точно и масонство связываетъ человѣчество съ этою силою, ведя его путемъ истины, опытности и милосердія.

Лучшія теоріи остаются безплодны, если ихъ не примѣняютъ на практикѣ. Исповѣдь даетъ человѣку отпущеніе грѣховъ, когда измученная совѣсть нуждается въ этомъ для того, чтобы возратить себѣ утраченный покой. Масонство старается постоянно поддерживать этотъ покой въ душѣ своихъ членовъ посредствомъ милосердія, добраго примѣра и подчиненіемъ мятежной воли, всѣхъ дѣтей Адама волѣ Того, Который создалъ человѣка не для одной земной жизни. Не всѣ люди родились для того, чтобы быть духовными лицами, монахами или отшельниками, но всѣ они созданы для того, чтобы быть добродѣтельными на землѣ и пользоваться вѣчнымъ блаженствомъ на небѣ. Настоящее масонство ведетъ человѣка къ этой цѣли съ рожденія его до смерти и

учитъ его познавать религію, поддерживаетъ въ немъ мысль о ней, говоритъ ему, кто онъ и кто его Творецъ. Религія поддерживаетъ это ученіе и связываетъ человѣка во время земной жизни съ небомъ. Христіанская церковь распространяетъ истину такъ же, какъ академіи и университеты распространяютъ заблужденія.

Императоръ Александръ возвратился въ свои владѣнія послѣ умиротворенія Европы, потрясенной революціей, которая вспыхнула во Франціи въ 1788 г., убѣжденный до очевидности въ томъ, что онъ былъ обязанъ всѣми своими успѣхами всемогуществу Того, по волѣ Котораго монархи и сильные міра сего могутъ сотворить что-нибудь и добиться сверхъестественныхъ результатовъ — онъ захотѣлъ высказать потомству эту истину посредствомъ памятника, который долженъ былъ ее увѣковѣчить. Онъ желалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы этотъ памятникъ былъ достоинъ мысли, которую онъ долженъ былъ увѣковѣчить, насколько это возможно для произведенія человѣческихъ рукъ.

Ему пришла мысль, столь же грандіозная, какъ и безкорыстная,— воздвигнуть храмъ Спасителю міра, благодаря Которому Господь ниспосылаетъ людямъ побѣду.

12-го октября 1817 г. первый камень будущаго храма былъ положенъ самимъ императоромъ на Воробьевыхъ горахъ съ большою торжественностью въ присутствіи всей царской фамиліи, прусскаго принца Вильгельма и при огромномъ стеченіи народа. Этотъ храмъ былъ заложенъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ пять лѣтъ передъ тѣмъ появились 1-го сентября 1812 г. на этихъ горахъ непріятельскія войска наканунѣ ихъ вступленія въ Москву.

Вотъ что говорилъ помазанникъ Божій въ своемъ манифестѣ:

«Спасеніе Россіи отъ враговъ, столь же многочисленныхъ силами, сколь злыхъ и свирѣпыхъ намѣреніями и дѣлами, совершенное въ шесть мѣсяцевъ всѣхъ ихъ истребленіе, такъ что при самомъ стремительномъ бѣгствѣ едва самомалѣйшая токмо часть оныхъ могла уйти за предѣлы наши, есть явно изліянная на Россію благость Божія, есть по истинѣ достопамятное происшествіе, которое не изгладятъ вѣки изъ бытописаній. Въ сохраненіе вѣчной памяти того безпримѣрнаго усердія, вѣрности и любви къ вѣрѣ и отечеству, какими въ сіи трудныя времена превознесъ себя народъ россійскій, и въ ознаменованіе благодарности нашей къ промыслу Божію, спасшему Россію отъ грозившей ей гибели, вознамѣрились мы въ первопрестольномъ градѣ нашемъ Москвѣ создать церковь во имя Спасителя Христа, подробное о чемъ постановленіе возвѣщено будетъ въ свое время. Да благословитъ Всевышній начинаніе наше! Да совершится оно! Да простоитъ сей храмъ многіе вѣки, и да курится въ немъ предъ святымъ престоломъ Божіимъ кадило благодар-

ности позднѣйшихъ родовъ, вмѣстѣ съ любовію и подражаніемъ къ дѣламъ ихъ предковъ».

Какая разница рѣчи, если сравнить этотъ манифестъ съ указами императора Наполеона послѣ его побѣга съ острова Эльбы и высадки въ заливѣ!

Когда человѣкъ, бывшій исполнителемъ воли всемогущаго властителя вселенной, признаетъ свое ничтожество, то его смиреніе принимаетъ отъ этого всемогущества блескъ, болѣе возвышенный, чѣмъ тотъ, который придаетъ смертному величайшая побѣда, какую онъ только можетъ одержать. Вся Россія увидала въ своемъ монархѣ помазанника Божьяго. Его смиреніе завоевало всѣ сердца, наэлектризовало всѣ умы! Дѣйствіе, которое понимается умомъ—внушаетъ удивленіе; дѣйствіе, которое постигается чувствомъ—воодушевляетъ. Манифестъ Александра воодушевилъ его подданныхъ такимъ рвеніемъ, что ради его славы они были бы готовы пожертвовать самыми сокровенными своими интересами. Онъ пробудилъ геній, скрытый до своего пробужденія даже отъ того, который носилъ его въ самомъ себѣ.

Вернувшись въ Москву послѣ ухода Наполеона, Ростопчинъ въ своемъ нравственномъ бездѣйствіи впалъ во всевозможныя невоздержности; онъ придумалъ гравировать портреты подмосковныхъ крестьянъ, которые больше всѣхъ убили непріятелей-мародеровъ при встрѣчѣ съ фуражирами или съ малочисленными отрядами французскихъ войскъ во время оккупаціи ихъ очаговъ, езъ которыхъ они бѣжали на нѣкоторое разстояніе, скрываясь со своими женами и дѣтьми въ сосѣднихъ лѣсахъ. Онъ обратился къ академіи художествъ съ просьбою прислать въ Москву художника, способнаго передать его мысль на полотнѣ. Академія поспѣшила послать графу одного изъ своихъ лучшихъ питомцевъ, молодаго художника исторической живописи Витберга.

Увлеченіе типичными головами крестьянъ вскорѣ охладѣло у Ростопчина. Витбергъ остался безъ дѣла, когда въ Москвѣ былъ полученъ манифестъ, возвѣстившій о намѣреніи императора Александра воздвигнуть въ Москвѣ храмъ, для увѣковѣченія его благодарности Спасителю міра за избавленіе Имперіи отъ врага. Великая мысль воспламеняетъ геній подобно тому, какъ искра воспламеняетъ горючее вещество. Хотя Витбергъ занимался исторической живописью, но онъ былъ знакомъ и съ архитектурою. Ему пришла мысль величественная и въ то же время поэтическая, и онъ создалъ планъ идеальнаго храма. Его храмъ не былъ памятникомъ бездушнымъ, поражающимъ только смѣлостью замысла или чудовищными размѣрами, подавляющими ничтожество человѣка. Онъ хотѣлъ создать храмъ, который говорилъ бы уму безъ словъ, который проповѣдывалъ бы сущность христіанскаго ученія

*

и представлялъ бы во всѣхъ своихъ частяхъ для глазъ и для мысли рѣшеніе смысла священнаго писанія, скрытаго въ его разсказахъ, параболахъ, притчахъ и въ исторіи божественнаго откровенія. Глубокое знаніе архитектуры и механики дало ему возможность начертать въ большихъ размѣрахъ проектъ храма со всею точностью и со всѣми подробностями, необходимыми для труда, которому суждено было обезсмертить имя того, кто его предпринялъ. Онъ послалъ свой планъ на конкурсъ. Самолюбіе и посредственность окритиковали геній; зависть пустила въ ходъ свои обычныя орудія для того, чтобы подавить божественную искру, которая творитъ не подражая. Эта искра могла быть затушена, если бы грандіозный и смѣлый проектъ не сдѣлался извѣстенъ императору Александру. Онъ пожелалъ видѣть проектъ и его автора; академикъ былъ призванъ къ монарху; сближеніе геніевъ порождаетъ нѣчто могучее. Изучивъ мысль, которую Витбергъ развилъ въ своемъ планѣ, и встрѣтивъ въ объясненіи, которое авторъ давалъ объ этомъ истинно-поэтическомъ образцѣ творчества, о расположеніи храма и его отдѣльныхъ частей, свои собственныя мысли, императоръ поручилъ академику выработать и усовершенствовать свой проектъ, разрѣшивъ ему свободный доступъ къ своей особѣ. Съ этой минуты постройка храма по планамъ Витберга была рѣшена. Спустя четыре года и десять мѣсяцевъ послѣ того, какъ былъ подписанъ манифестъ, возвѣстившій всему міру о намѣреніи русскаго императора воздвигнуть храмъ, посвященный Спасителю міра въ память побѣды, одержанной надъ непобѣдимымъ императоромъ французовъ, Александръ положилъ первый камень, на которомъ долженъ былъ возвышаться благочестивый памятникъ его величія и смиренія, памятникъ, болѣе возвышенный, чѣмъ всѣ историческіе памятники человѣческаго тщеславія.

Чтобы познакомить читателей со всею обширностью этого великаго предпріятія, свидѣтельствующаго въ одно и то же время о геніальности его творца и безкорыстіи могущественнаго монарха, положившаго начало этому храму безъ надежды видѣть его оконченнымъ,—ибо построеніе этого храма должно было продолжиться нѣсколько лѣтъ и Александръ не могъ надѣяться, что онъ доживетъ до его окончанія,—я долженъ войти въ нѣкоторыя подробности, относящіяся къ этому предпріятію, чтобы дать полное понятіе о смѣломъ и колоссальномъ проектѣ академика Витберга, а также о мѣрахъ и способахъ, предложенныхъ имъ императору, чтобы облегчить сооруженіе храма, который долженъ былъ затмить стилемъ и размѣрами самыя обширныя постройки древней и современной Европы.

Во всемъ, что предпринималъ императоръ Александръ, было величіе. Щедрый и великодушный отъ природы, какъ его отецъ, онъ чувствовалъ и понималъ всѣ стремленія благородной души, коей были чужды низ-

менныя страсти. Къ несчастью, такъ же какъ Павелъ, онъ былъ окруженъ дурными совѣтниками и принималъ слишкомъ легко мѣры, которыя придворные интриганы употребляютъ весьма ловко съ цѣлью исказить самыя прекрасныя мысли, если онѣ не служатъ къ личной выгодѣ этихъ гнусныхъ лицъ. Воспитаніе, полученное Александромъ, слишкомъ мало подходило къ его характеру и къ тѣмъ священнымъ обязанностямъ, которыя онъ долженъ былъ нести со временемъ; въ зрѣломъ возрастѣ онъ никогда не могъ отдѣлаться отъ солдатскихъ привычекъ, усвоенныхъ имъ въ молодости. Избранные имъ въ эту эпоху, такъ же какъ и его братомъ Константиномъ, товарищи увлекли его въ порочный кругъ вольнодумныхъ идей, коими онъ злоупотреблялъ, быть можетъ, болѣе, нежели слѣдовало неограниченному монарху, нравственное поведеніе котораго направляетъ, какъ компасъ, государственный корабль. Во время коронаціи онъ плѣнился женою егермейстера Нарышкина, красавицею Маріей Антоновной, которая впрочемъ не играла такой роли, какъ фавориты Екатерины, или фаворитки королей Франціи. Молодой монархъ, женатый на такой особѣ, какова была императрица Елисавета, молодая, красивая, привѣтливая и кроткая, рѣдко находитъ какое-либо оправданіе своему увлеченію. Болѣе религіозно-нравственное воспитаніе дало бы ему силу избѣгнуть этой ошибки. Супружеская невѣрность на престолѣ можетъ еще менѣе быть извинена, нежели подобное поведеніе въ частной жизни. Тщетны бываютъ всѣ попытки скрыть подобную связь; даже сновидѣнія неограниченнаго монарха угадываются окружающими. Царедворческое искусство имѣетъ много общаго съ волшебствомъ; у него тонкое обоняніе!

Послѣ продолжительнаго женскаго царствованія императоръ Павелъ ввелъ въ русскую армію въ обычай маневры и сдѣлалъ изъ своего двора военный дворъ. Онъ свято соблюдалъ мельчайшія правила этого механическаго искусства, чтобы и другіе не пребрегали имъ; ему русское войско обязано своимъ огромнымъ преимуществомъ надъ войсками другихъ государствъ; онъ пріучалъ генераловъ, офицеровъ и солдатъ не смотрѣть равнодушно на службу, душа которой есть точность. Я не берусь судить о пользѣ маневровъ въ мирное время; пусть прочтутъ то, что говоритъ по этому поводу отецъ современной политики Макіавель, и тогда увидятъ, что это не дѣтская игра!

Ослабленіе повиновенія, противнаго исполнительности, составляетъ для государства болѣе опасную чуму, чѣмъ болѣзнь, носящая это названіе. Въ царствованіе Александра, 2-ой гвардейскій полкъ (Семеновскій), самый великолѣпный во всей арміи, былъ жертвой этой распущенности. Четыре полка императорской гвардіи находились, со временъ Петра Великаго, создавшаго ихъ, подъ начальствомъ титулованныхъ особъ, достигшихъ этихъ постовъ благодаря рожденію или милости царя.

Императоръ Павелъ не соблюдалъ этого правила при назначеніи командировъ этихъ полковъ; впрочемъ, надобно сказать, что эти назначенія не возбуждали того мятежнаго духа, какой проявился однажды во время отсутствія императора Александра въ Семеновскомъ полку, шефомъ котораго онъ былъ и который особенно любилъ. Генералъ-маіоръ Потемкинъ, командовавшій этимъ полкомъ, получилъ другое назначеніе, и на его мѣсто былъ назначенъ армейскій полковникъ Шварцъ. Это назначеніе не понравилось всѣмъ офицерамъ, которые большею частью принадлежали къ самымъ знатнымъ фамиліямъ Имперіи и которыхъ генералъ Потемкинъ пріучилъ, быть можетъ, гораздо болѣе, чѣмъ слѣдовало, къ тогдашнему либерализму. Обращеніе Шварца, человѣка самаго скромнаго происхожденія, очень не понравилось его подчиненнымъ, которыхъ ихъ знатное происхожденіе, ихъ участіе въ оккупаціи Парижа и обращеніе съ ними его предшественника пріучили къ нѣкоторой независимости, роковой для службы. Можетъ быть, офицерамъ можно было поставить въ вину недостатокъ вниманія, которое они выказывали въ присутствіи солдатъ къ особѣ командира полка, у нихъ могли вырываться какіе-либо непочтительныя по отношенію его слова,—этого было достаточно, чтобы погубить полкъ. Умышленно или неумышленно невѣрно переданный приказъ вызвалъ непослушаніе. Строгія мѣры, которыя слѣдовало принять въ этомъ случаѣ, не были приняты; Шварцъ потерялъ голову, и полкъ возмутился, а высшія власти не съумѣли подавить это возмущеніе. Пришлось отправить въ крѣпость весь баталіонъ, въ которомъ вспыхнуло возмущеніе, и предать его военному суду. Императора не было въ это время въ Россіи, его увѣдомили о случившемся. Скандалъ былъ огромный; правосудіе должно было совершиться. Полкъ, въ виду его долгаго существованія, не былъ расформированъ. Кадры и названіе полка остались, но офицеры и солдаты были распредѣлены по армейскимъ полкамъ, а новый полкъ составился изъ солдатъ, взятыхъ изъ различныхъ корпусовъ. Нескромность и неосторожность могутъ имѣть такія же роковыя послѣдствія, какъ и самыя преступныя намѣренія, если они производятъ одинаковыя послѣдствія. Какъ только военный позволяетъ себѣ дѣйствовать, руководствуясь какими-либо особенными побужденіями, онъ становится разбойникомъ. Законы гармоніи одинаковы вездѣ, какъ въ музыкѣ, живописи, такъ и въ механикѣ, потому что они заключаются въ самой природѣ вещей. Вездѣ, гдѣ нарушено равновѣсіе, развивается разногласіе.

Послѣ своихъ походовъ и утомленій, Александръ охотно проживалъ въ Царскомъ Селѣ, прекрасные парки и сады котораго обязаны ему своимъ великолѣпіемъ. Екатерина воздвигла тамъ нѣсколько зданій, которыя кромѣ галлереи и входа Камерони ничѣмъ особеннымъ не отличаются. Александръ превратилъ этотъ загородный дворецъ въ очень

хорошенькій городокъ, который, подобно Версалю, сдѣлался частью царской резиденціи. Желѣзная дорога, нынѣ соединяющая Царское Село съ Петербургомъ, позволяетъ этимъ двумъ городамъ сообщаться менѣе чѣмъ въ полчаса и представляетъ тысячи удобствъ, особенно лѣтомъ: кромѣ полковъ, стоящихъ въ Царскомъ Селѣ, лицей и Александровскій кадетскій корпусъ привлекаютъ туда множество народа. Екатерина отдыхала въ этомъ по истинѣ царскомъ жилищѣ и предавалась въ немъ своимъ увлеченіямъ. Она изгнала изъ него всякое стѣсненіе, всякій этикетъ. Императоръ Павелъ покинулъ Царское Село. Но Александръ любилъ вспоминать въ немъ свое дѣтство и даже пріѣзжалъ туда иногда на нѣсколько дней зимой. Пресыщенный почестями, онъ пользовался тамъ свободой, которую всемогущество отдаляетъ отъ престола, и въ садовой бесѣдкѣ, отдаленной отъ дворца и построенной среди парка очень просто и украшенной картинами, изображавшими самыя прелестныя страны Америки, откуда императоръ выписалъ ламъ, помѣщенныхъ въ другомъ зданіи близъ бесѣдки, онъ пилъ по вечерамъ чай въ обществѣ императрицы и ея камеръ-фрау, по происхожденію англичанки, которую оба они удостоивали особымъ вниманіемъ.

Царское Село находится въ двадцати двухъ верстахъ отъ Петербурга, по направленію Московской дороги, на одной изъ самыхъ большихъ возвышенностей, окружающихъ наносныя земли, на которыхъ построенъ Петербургъ. Его отдаленіе отъ залива обезпечиваетъ ему полную безопасность даже въ томъ случаѣ, если бы наводненіе угрожало Петербургу полнымъ разореніемъ. Послѣ послѣдняго наводненія, бывшаго въ Петербургѣ въ 1824 г., надѣлавшаго въ столицѣ столько бѣдствій и стоившаго жизни нѣсколькимъ тысячамъ жителей, говорили, что въ старинныхъ шведскихъ хроникахъ разсказывается о выходѣ Невы изъ береговъ въ ту эпоху, когда острова, составляющіе нынѣ самый прекрасный городъ въ мірѣ, были еще необитаемы; въ этихъ хроникахъ говорится, что вода въ Невѣ поднялась до такой высоты, что рыбаки, занимавшіеся въ лѣтнее время своимъ промысломъ и углублявшіеся въ маленькіе заливчики, должны были искать спасенія на Пулковской горѣ, въ пятнадцати верстахъ отъ Петербурга; и нашли убѣжище только на высокихъ деревьяхъ, покрывающихъ эту гору.

Если сказанное въ этой хроникѣ справедливо, то надобно согласиться, что существованію Петербурга постоянно угрожаетъ опасность, хотя нельзя предположить, чтобы вѣтры Балтійскаго побережья могли дуть столько времени, сколько понадобится Невѣ, чтобы достичь Пулкова.

Наводненію 1824 года предшествовалъ ураганъ, разразившійся наканунѣ къ ночи; на слѣдующій день къ полудню, подземные каналы изливали воды на улицы, которыя были наводнены въ одинъ мигъ.

Вода поднялась до бельэтажа домовъ, всѣ погреба и подвальныя помѣщенія наполнились водой; жители ихъ должны были искать спасенія въ верхнихъ этажахъ; тѣ, которые были застигнуты наводненіемъ на улицахъ и площадяхъ, цѣплялись за рѣшетки, перелѣзали черезъ заборы, карабкались на окна фасадовъ и на деревья. Вскорѣ большія и маленькія зданія плавали въ водѣ, вѣтеръ дулъ съ яростью, увлекая деревянные дома, снесенные водою съ своихъ фундаментовъ. Тысячи мужчинъ, женщинъ и дѣтей погибли въ подвалахъ, нижнихъ этажахъ и деревянныхъ зданіяхъ, надъ которыми поднялась вода. Къ 5 часамъ по полудни ураганъ стихъ, вода начала убывать и стекать. Два часа спустя, отъ наводненія не оставалось другихъ слѣдовъ на улицахъ, кромѣ сырыхъ панелей; но приходилось выкачивать воду, разлившуюся въ подвалахъ и подземныхъ жилищахъ. На островахъ и въ наиболѣе низменныхъ кварталахъ разореніе было ужасное. Заборы были разрушены; лодки и барки взгромоздились на улицы и набережныя, преграждали проходы и препятствовали сообщенію. Утро 25-го ноября было свидѣтелемъ слезъ и стенаній. Трупы тѣхъ, которые погибли въ волнахъ, напоминали объ опасности, угрожавшей наканунѣ живымъ.

Какъ только началось наводненіе, императоръ Александръ все время руководилъ самъ всѣми мѣрами, способствовавшими спасенію какъ можно большаго количества народа во время бѣдствія, и оказывалъ жителямъ всякую помощь, которая могла облегчить несчастное положеніе бѣднѣйшихъ жителей столицы. Было пущено въ ходъ все, что было во власти этого религіознаго и великодушнаго монарха, видѣвшаго, какъ погибло столько жертвъ вслѣдствіе бѣдствія, не повинующагося никакой человѣческой власти. Обширныя зданія были устроены, чтобы принять жителей, не имѣвшихъ болѣе пристанища; пища и одежда были розданы въ большомъ количествѣ; бѣднякамъ была оказана безплатно медицинская помощь; сироты, оставшіеся безъ родителей, были приняты на счетъ казны въ учебныя заведенія.

Такова картина послѣдняго наводненія 7-го ноября 1824 года; это бѣдствіе можетъ повториться неожиданно; оно уже повторялось ранѣе въ разное время, не отвративъ людей, столь дорожащихъ жизнью, отъ жилища, столь близкаго къ могилѣ. Но безсмертіе не боится ни воды, ни огненной лавы Везувія!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письмо А. И. Тургенева къ Н. М. Карамзину.

Понедѣльникъ (11-го августа 1819 г.) [1].

Феслеръ [2] засталъ меня сегодня роющагося въ библіотекѣ, и узнавъ, что я ищу Баторія [3], записалъ (смотри выше) [4] нѣкоторыя книги, содержащія любопытныя подробности о его жизни. Я показалъ ему Каталогъ Національной Венгерской библіотеки, гр(афо)мъ Чехени собранной [5]. Буквою В. отмѣтилъ онъ всѣ тѣ книги, кои вамъ могутъ быть нужны. Можно бы справиться въ библіотекѣ Императорской. Тамъ есть Hungrica.

Не затеряйте Каталога. Это рѣдкость. Здѣсь полученъ манифестъ о рожденіи В. К. [6].

---

[1]) Письмо не имѣетъ даты; она опредѣлена изъ содержанія письма.

[2]) Извѣстный Игнатій Фесслеръ (р. 1756 † 1839), докторъ правъ, вызванный въ Россію въ 1810 году Сперанскимъ, занялъ въ этомъ году каѳедру философіи въ С.-Петербургской духовной академіи, но черезъ пять мѣсяцевъ долженъ былъ оставить не только академію, но и Петербургъ. Онъ былъ зачисленъ корреспондентомъ въ Коммиссію составленія законовъ по части теоріи уголовнаго права; мѣстомъ для своего жительства онъ избралъ Саратовскую губернію. Въ концѣ іюля 1819 года онъ пріѣхалъ изъ Сарепты въ Петербургъ, бывалъ въ Царскомъ Селѣ и Павловскѣ и видѣлся тамъ съ Тургеневымъ (см. Остафьевскій Архивъ, т. I, стр. 280). Въ 1820 году онъ былъ назначенъ суперинтендентомъ Саратовской Евангелической Консисторіи.

[3]) Свѣдѣній о Стефанѣ-Баторіи.

[4]) Въ верхнемъ полѣ письма рукою Фесслера написаны слѣдующія заглавія книгъ: „Bruti Historias. Bruti Epistolas. Sigismundi Augusti epistolae; in calce adjectae sunt epistolae Bathorii.

[5]) Здѣсь имѣется въ виду Catalogus Bibliothecae Hungaricae, изданный графомъ Францомъ Szechenу (выходившій въ свѣтъ нѣсколькими выпусками въ 1799—1807 годахъ; въ продажу этотъ Каталогъ не поступалъ).

[6]) Очевидно, манифестъ о рожденіи великой княжны Маріи Николаевны (р. 6-го августа 1819 года). Императоръ Александръ I былъ въ это время

Цѣлую ручки у Екатерины Андреевны [1]) и милыхъ дѣтушекъ.

Я послалъ вамъ только два тома Исторіи Гебгарда, а Хронику не послалъ, для того что въ ней нѣтъ ничего о Баторіи.

Т(ургеневъ) [2]).

Сообщилъ П. Н. Тургеневъ.

въ отсутствіи изъ Царскаго Села (обозрѣвалъ сѣверныя губерніи Россіи). Манифестъ о рожденіи великой княжны Маріи Николаевны былъ данъ въ Олонцѣ 8-го августа 1819 г. и могъ придти въ Петербургъ (или Павловскъ) 11-го августа, которое въ 1819 году приходилось именно въ понедѣльникъ.

[1]) Супруги Н. М. Карамзина.

[2]) На оборотѣ письма рукою А. И. Тургенева написано стихотвореніе Жуковскаго „На смерть чижика“ въ той редакціи, которая приведена Тургеневымъ въ письмѣ его къ князю П. А. Вяземскому отъ 2-го сентября 1819 года (см. Остафьевскій Архивъ, т. I, стр. 302).

Ѳедоръ Николаевичъ Львовъ [1]).

(Изъ воспоминаній Ив. Ив. Венедиктова [2]).

Ѳедоръ Николаевичъ Львовъ былъ мой товарищъ по 1-му московскому корпусу, гдѣ мы провели вмѣстѣ болѣе семи лѣтъ. Да и до того времени я зналъ его, какъ сына адъютанта нашего корпуса, когда онъ еще бѣгалъ въ гусарской курточкѣ.

Лѣтъ черезъ десять по окончаніи корпуса судьба свела насъ опять, мы съ нимъ поселились на одной квартирѣ—это была комната, перегороженная ширмами, за которыми спалъ Львовъ, а передъ ширмами—я. Въ описываемое время Львовъ былъ штабсъ-капитаномъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка и служилъ преподавателемъ химіи въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ. Химіею Львовъ всегда увлекался. Но, поселившись вмѣстѣ съ Ѳедоромъ Николаевичемъ, я сталъ замѣчать, что химія ужъ на второмъ планѣ, а что онъ больше занятъ какими-то секретными разговорами съ посѣщавшими насъ неизвѣстными мнѣ лицами.

Уяснивъ себѣ, чѣмъ занятъ Львовъ, я по-товарищески и шутя говорилъ ему, что лучше бы этихъ пріятелей по-боку. Вѣдь молодо, зелено; кончится тѣмъ, что высѣкутъ.

Вскорѣ же узналъ я, что пятница такой день, который Львовъ считаетъ обязательнымъ проводить у какого-то Петрашевскаго, гдѣ и встрѣчается съ особыми знакомыми.

Въ числѣ немногихъ, которые заходили собственно ко мнѣ, былъ

---

[1]) Ѳ. Н. Львовъ былъ однимъ изъ участниковъ по дѣлу Петрашевскаго.

[2]) Венедиктовъ Иванъ Ивановичъ (1820 † 1894), тайный совѣтникъ, вице-директоръ управленія военно-учебныхъ заведеній и впослѣдствіи членъ отъ военнаго министерства въ Казанскомъ Военно-окружномъ Совѣтѣ.

давній мой знакомый Зиминъ. Онъ какъ-то передалъ мнѣ, что въ городѣ ходятъ слухи о какомъ-то обществѣ, которое собирается въ Коломнѣ у Петрашевскаго, и что эти сходки, какъ говорятъ, добромъ не кончатся.

Я передалъ это Львову.

Если за обществомъ слѣдятъ, то, конечно, знаютъ уже и лицъ, которыя сходятся у Петрашевскаго, почему я не счелъ нужнымъ скрывать мои опасенія за Львова. Посовѣтовавшись съ Зиминымъ, какъ бы отвлечь Львова, хотя бы отъ соблюденія пятницъ, мы рѣшили, что Зиминъ пригласитъ насъ обоихъ въ слѣдующую же пятницу къ себѣ.

Жилъ Зиминъ на углу Морской и Вознесенскаго проспекта, нанимая комнаты у г-жи Бремме, имѣвшей нѣсколькихъ такихъ жильцовъ. Мы пришли, поболтали, поиграли, а, когда стали собирать ужинъ, Львовъ взялся за фуражку, сказавъ, что долѣе оставаться не можетъ. Погода была ужасная. Я, послѣ усиленныхъ уговоровъ Львова измѣнить намѣреніе, сказалъ, что если онъ идетъ домой, то и я съ нимъ, а если не домой, то останусь ночевать у Зимина. Онъ уѣхалъ, а я остался.

По утру, часу въ шестомъ, вошелъ лакей, поговорилъ съ Зиминымъ и ушелъ. Зиминъ взволновался и объявилъ, что дѣло дрянь.

Ночью у Бремме были жандармы, арестовали Достоевскаго и, какъ узналъ дворникъ, всю ночь ѣздили по городу кареты и забрали многихъ. Понятно, я побѣжалъ немедленно домой. Спрашиваю у дворника—все у насъ благополучно?

— Ничего,—говоритъ,—слава Богу.

Иду къ себѣ. Отворяетъ дверь денщикъ Львова — физіономія не въ порядкѣ.

— Дома Ѳедоръ?

— Давно ушли.

— Ушелъ?

— Ушли.

— Куда?

— Не знаю.

— Ну, да говори толкомъ, что случилось?

— Только что,—говоритъ,—Ѳедоръ Николаевичъ вернулись домой, поздненько, и легли спать, какъ прибѣжалъ изъ Московскихъ казармъ солдатикъ сказать, что ночью жандармы взяли поручика Монбелли. Ѳедоръ Николаевичъ вскочилъ и сталъ разбирать бумаги. Собравъ ихъ въ кучу, приказалъ мнѣ гдѣ-нибудь ихъ сжечь. Вспомнивъ, что внизу топится прачешная, я бросился туда и бумаги сжегъ. Когда я вернулся, Ѳедоръ Николаевичъ былъ уже одѣтъ и тотчасъ ушелъ.

Чувствуя, что каша заварилась, и недоумѣвая, какъ она миновала

Ѳ. Н. Львова, я вспомнилъ, что въ томъ же полку есть другой Львовъ и, желая провѣрить себя, послалъ денщика въ казармы, приказавъ провѣдать съ чернаго крыльца, дома ли онъ.

Денщикъ вернулся съ печальнымъ извѣстіемъ, что этого Львова ночью взяли. Недоразумѣніе и ошибка стали для меня очевидными.

Когда Львовъ вернулся домой, я совѣтовалъ ему ѣхать прямо къ Я. И. Ростовцеву, благоволившему къ семейству Львова и любившему его самого съ малолѣтства, и высказать откровенно, что, сообразивъ огласившіяся имена арестованныхъ, съ Петрашевскимъ во главѣ, думать можно, что арестованы лица, собиравшіяся у Петрашевскаго, а такъ какъ къ числу ихъ принадлежалъ онъ, Ѳедоръ Львовъ, тогда какъ арестованъ его однофамилецъ, никогда не бывавшій у Петрашевскаго, то спѣшитъ выдать себя, чтобы охранить отъ непріятностей своего товарища. При такомъ совѣтѣ, я имѣлъ въ виду, кромѣ добраго дѣла, что такое признаніе будетъ принято какъ смягчающее вину обстоятельство. Но Львовъ отклонилъ мое предложеніе и, какъ оказалось потомъ, сдѣлалъ худо. Когда открылась коммиссія и былъ введенъ арестованный Львовъ, то Ростовцевъ сказалъ громко: «ну, вотъ, я говорилъ, что не можетъ быть мой».

Эта, поспѣшно высказанная и оказавшаяся ошибочною, увѣренность, конечно, лишила Львова болѣе теплаго отношенія, на какое онъ могъ разсчитывать со стороны вліятельнаго тогда Я. И. Ростовцева.

Въ то же утро къ намъ пріѣхалъ одинъ изъ дальнихъ родственниковъ Львова, человѣкъ состоятельный, и, не стѣсняясь моимъ присутствіемъ, сказалъ Львову, что, собравъ все, что́ можно было найти дома,—около полутора тысячи рублей, онъ предлагаетъ это взять и до вечера убраться—а тамъ, что Богъ дастъ.

— На первыхъ порахъ поможемъ,—сказалъ онъ,—а потомъ самъ устроишься.

Львовъ отблагодарилъ дружескимъ поцѣлуемъ за это предложеніе, но отъ него отказался.

Началось тяжелое время ожиданій, что́ будетъ. Прошло около недѣли. Наконецъ, какъ-то, подъ утро, меня что-то разбудило. Открываю глаза—въ дверяхъ стоитъ денщикъ въ одномъ бѣльѣ и входятъ двое военныхъ. Когда очнулся, узналъ въ одномъ изъ нихъ директора Павловскаго кадетскаго корпуса—Языкова, а въ другомъ—извѣстнаго всѣмъ по подвязанной рукѣ, жандармскаго полковника Васильева. Денщикъ бросился за ширмы и вышелъ, сопровождаемый Львовымъ, успѣвшимъ накинуть халатъ.

— Мнѣ поручено,—обращаясь къ Львову, началъ Васильевъ,—пригласить васъ отправиться со мною въ особую коммиссію, которая ожидаетъ получить отъ васъ кое-какія свѣдѣнія; при этомъ я обязанъ

осмотрѣть и взять, какія могутъ касаться дѣла и бумаги. Такъ какъ въ числѣ вашихъ бумагъ могутъ быть и такія, которымъ вы не желали бы предавать гласности, то я предоставляю вамъ взять ваши бумаги за ширмы, пересмотрѣть и отдать мнѣ только безвредныя для васъ.

Львовъ выразилъ благодарность за эту любезность съ нескрываемой улыбкой, вѣроятно, подумавъ—такъ ли бы ты, милый человѣкъ, дѣйствовалъ, если бы пріѣхалъ недѣлей ранѣе!

— Возьмите, что найдете нужнымъ,—отвѣчалъ Львовъ, открывая свой письменный столъ.

Васильевъ сложилъ все въ одинъ ящикъ, перевязалъ бичевкой и приложилъ печать. Потомъ посовѣтовалъ одѣться и взять мундиръ, прибавивъ, что всѣ эти непріятности, вѣроятно, разъяснятся въ самомъ непродолжительномъ времени.

Затѣмъ мы простились, и Львова увезли. Ухъ, какъ стало грустно. Если бы вынесли тѣло, кажется, было бы легче.

Черезъ нѣсколько времени стали ходить слухи, что Набоковъ, комендантъ крѣпости, относится къ заключеннымъ съ отеческимъ состраданіемъ. Затѣмъ я получилъ отъ Львова записку съ увѣдомленіемъ о данномъ ему разрѣшеніи получить нѣкоторыя книги, преимущественно по химіи. Я отправилъ ихъ, и все надолго замолкло.

Много времени спустя, вбѣжалъ, рано утромъ, денщикъ, въ слезахъ, успѣлъ только выговорить: «Ѳедора Николаевича везутъ на Семеновскій плацъ разстрѣливать» и скрылся.

Я не поѣхалъ, не хватило мужества.

Вскорѣ сдѣлалось извѣстно, что Львовъ въ числѣ прочихъ былъ приговоренъ къ лишенію жизни, но когда эти лица были приведены къ столбамъ, для разстрѣлянія, подскакалъ стоявшій вдали фельдъегерь съ объявленіемъ замѣны смертной казни каторжными работами. Львовъ былъ сосланъ на двѣнадцать лѣтъ.....

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, нежданно, негаданно, Львовъ пріѣхалъ въ Петербургъ и былъ у меня.—Встрѣтились мы радостно, но ни при этомъ свиданіи, ни потомъ я не удовлетворилъ свое любопытство разспросами о прожитой жизни, тѣмъ болѣе, что это былъ уже не прежній Львовъ. Строгій въ сужденіяхъ, рѣзкій въ приговорахъ, замкнутый и не словоохотливый.

Все-таки удалось узнать, что каторгу, въ томъ видѣ физическихъ страданій, въ какомъ она представляется обыкновенно, Львовъ не испыталъ. Въ «Мертвомъ домѣ» [1]) не былъ. По прибытіи на мѣсто былъ назначенъ къ огороду. Потомъ прилѣпился къ аптекѣ. Далѣе, генералъ-

---

[1]) См. Сочиненія Ѳ. М. Достоевскаго.

губернаторъ Муравьевъ [1]) причислилъ его сначала къ своей канцеляріи а потомъ къ пробирному управленію.

Между тѣмъ, добрые люди не дремали и вызвали сочувствіе, знавшаго отца Львова, петербургскаго генералъ-губернатора свѣтлѣйшаго князя Суворова. Львову удалось получить разрѣшеніе на отпускъ въ Рязань, но онъ рискнулъ направить свой путь черезъ Петербургъ, гдѣ и явился прямо къ Суворову. Добрѣйшій князь причислилъ его немедля къ своей канцеляріи, чѣмъ вызвалъ страшную противъ себя бурю со стороны шефа жандармовъ; но, вынося множество непріятностей и «нахлобучекъ», какъ самъ онъ выражался, отстоялъ Львова съ правомъ остаться въ Петербургѣ. Тутъ его взялъ подъ свое покровительство предсѣдатель Русскаго технологическаго общества Петръ Аркадіевичъ Кочучей, повліявшій на избраніе Львова секретаремъ общества. Ко времени открытія Петровской выставки въ Москвѣ Львову были возвращены его права, а за участіе въ этой выставкѣ даже дали орденъ.

Когда же Львовъ по надломленному здоровью былъ вынужденъ оставить мѣсто, то онъ получилъ пенсію отъ правительства и особо отъ общества. А когда онъ умеръ, то въ числѣ собравшихся въ скромную квартирку на выносъ тѣла пріѣхалъ, какъ однокашникъ, и бывшій военный министръ.

И такъ самая тѣнь политической ошибки Львова была совершенно смыта.

Сообщилъ **Вл. С. Манассеинъ.**

---

[1]) Впослѣдствіи графъ Муравьевъ-Амурскій.

Донесеніе о смерти кн. Аркадія Александровича Суворова-Рымникскаго.

Всеподданнѣйшій рапортъ генерала-отъ-инфантеріи Голенищева-Кутузова.

30-го апрѣля 1811 года.

Генералъ-лейтенантъ князь италійскій графъ Суворовъ-Рымникскій, возвращаясь изъ Бухареста въ Яссы, 13-го числа сего мѣсяца, пріѣхавъ къ рѣкѣ Рымнику, не смотря на представленія бывшихъ съ нимъ объ опасности переѣхать вбродъ, по причинѣ сильно прибывшей отъ дождей воды, пустился въ коляскѣ и, едва отъѣхалъ нѣсколько шаговъ, какъ, оная будучи опрокинута сильной волною и вѣтромъ, утонулъ.

Всеподданнѣйше донося вашему императорскому величеству о семъ печальномъ происшествіи, докладываю, что для предупрежденія таковыхъ случаевъ и безопасности переправы чрезъ Рымникъ, при случающейся прибыли воды, въ удобномъ мѣстѣ учредится паромъ [1]).

Сообщилъ В. Алексѣевъ.

---

[1]) Изъ дѣлъ московскаго отдѣленія общаго архива главнаго штаба за 1843 г. № 160.

Записки генерала В. И. Левенштерна.

XXXIV [1]).

Дѣйствія противъ корпуса Нея.—Бой у Наумбурга.—Дѣйствія въ окрестностяхъ Люцена.

Главная квартира арміи находилась въ то время въ Калишѣ, и никто не подозрѣвалъ, что летучій отрядъ Ланскаго уничтожилъ великолѣпный оружейный заводъ въ самомъ центрѣ королевства Вестфальскаго. Отрядъ генерала Винценгероде находился въ Голисѣ (Gohlis [2]) подъ самымъ Лейпцигомъ.

Генералъ Ланской выступилъ съ главными силами арміи изъ Нордгаузена. Его сопровождали графъ Виттъ, графъ Станиславъ Потоцкій и Левъ Нарышкинъ. Впереди его шелъ генералъ Иловайскій; мнѣ же, составлявшему аррьергардъ, было поручено производить рекогносцировки дорогъ по всѣмъ направленіямъ, и въ особенности прикрывать движеніе нашего праваго фланга, которому угрожалъ Ней.

Я двинулся къ Гельбрѣ [3]) и Артерну [4]) и перешелъ черезъ Унструтъ [5]) близъ Вендельштейна [6]), гдѣ находился послѣдній королевскій конскій заводъ, нами еще не посѣщенный. Его постигла та же участь, какъ и

---

[1]) См. «Русскую Старину» мартъ 1901 г.

[2]) Предмѣстье Лейпцига, слившееся съ городомъ въ 1890 г. В. Т.

[3]) Helbra—деревня близъ Мерзебурга.

[4]) Artern—городъ Мерзебургскаго округа.

[5]) Притокъ Заалы.

[6]) Вершина баварскихъ Альпъ. В. Т.

остальные заводы; мы не тронули кобылъ и жеребятъ, но завладѣли заводскими жеребцами. Генералъ Иловайскій послалъ шесть жеребцовъ на Донъ; отъ нихъ пошла порода великолѣпныхъ рослыхъ казацкихъ лошадей.

У меня было пропасть дѣла; но Ланской догонялъ Нея, это было главное. Захвативъ въ Экартсбергѣ французскаго военнаго коммиссара со всѣми его бумагами, я не сомнѣвался болѣе въ томъ, что французскій маршалъ имѣлъ намѣреніе подойти къ Заалѣ раньше насъ, поэтому я совѣтовалъ генералу Ланскому ускорить маршъ. Между тѣмъ мнѣ приходилось ежедневно имѣть стычки съ непріятелемъ; а на знаменитомъ Ауерштедтскомъ полѣ битвы, гдѣ была такъ посрамлена слава прусскаго оружія, мой отрядъ имѣлъ болѣе серьезное столкновеніе съ непріятелемъ, нежели я ожидалъ.

Винценгероде и Ланскому было весьма важно знать, совершилъ ли вице-король свое соединеніе съ Неемъ. Мнѣ было приказано употребить всѣ силы, чтобы разузнать это, а какъ только Ланскому удастся перейти Заалу, мнѣ велѣно было наблюдать за дорогами, которыя ведутъ изъ Эрфурта въ Нордгаузенъ, Рослу и т. д.

Съ этой цѣлью я поставилъ военный постъ въ Версензе (Werssensee), но онъ не могъ удержаться; когда французы прогнали нашихъ солдатъ, то я болѣе не сомнѣвался въ томъ, что соединеніе корпусовъ совершилось.

Винценгероде приказалъ Ланскому присоединиться къ нему, поручивъ мнѣ оборону знаменитаго Козенскаго ущелья. Небольшой отрядъ конницы въ 50 человѣкъ, посланный мною впередъ, имѣлъ довольно серьезное дѣло съ непріятелемъ и былъ отброшенъ къ Буттельштедту. Маіоръ Блюхеръ, будучи вытѣсненъ изъ Веймара и раненъ, отступилъ къ Іенѣ и, узнавъ, что я подошелъ къ Заалѣ, поспѣшилъ присоединиться ко мнѣ съ тремя эскадронами гусаръ и 60 великолѣпными конвойцами короля прусскаго, которые добровольно предложили мнѣ свои услуги для защиты Козенскаго ущелья.

Непріятель все болѣе и болѣе сосредоточивалъ свои силы, и мое положеніе день ото дня становились критичнѣе. Мнѣ постоянно повторяли приказаніе держаться какъ можно долѣе, отступать лишь шагъ за шагомъ и не иначе, какъ въ самой послѣдней крайности.

Генералъ Ланской прислалъ мнѣ слѣдующую диспозицію, составленную генераломъ Винценгероде, которую я списываю здѣсь, такъ какъ она рисуетъ положеніе дѣлъ лучше, нежели я могъ бы это сдѣлать самъ.

«Голисъ. Апрѣль. Извѣстія, только-что мною полученныя отъ полковника Пренделя, совершенно измѣняютъ диспозицію, посланную на завтрашній день.

«Тотчасъ по полученіи этого предписанія идите съ вашимъ отрядомъ къ Мерзебургу и встаньте на правомъ берегу Заалы, принявъ над-

лежащія мѣры для обороны переправы черезъ эту рѣку. Оставьте въ Фрейбургѣ, Лаушѣ и Мухильнѣ казацкіе отряды, которые вамъ пришлетъ Левенштернъ, а его самого оставьте въ Козенѣ для охраны прохода, за который онъ будетъ отвѣчать; онъ же долженъ извѣстить меня, если непріятель подойдетъ къ этому пункту или приблизится къ Цейтсу.

«Прійдя въ Мерзебургъ, вы пошлете находящагося тамъ генерала Кнорринга съ полкомъ Александрійскихъ гусаръ, съ двумя полками казаковъ и полубатареей въ Галле; мостъ, ведущій въ этотъ городъ, слѣдуетъ защищать энергично.

«Прендель, Орловъ и Левенштернъ, коимъ непріятель сильно угрожаетъ, будутъ вѣроятно вынуждены отступить, первые два безъ боя къ Галле и Мерзебургу, но Левенштернъ долженъ удержать свою позицію какъ можно долѣе и отступить не иначе, какъ сражаясь, и только въ крайнемъ случаѣ къ Наумбургу и Вейссенфельсу.

«Нѣтъ надобности говорить, что всѣ мосты должны быть разрушены и сожжены прежде, нежели ими завладѣетъ непріятель.

«Меня слѣдуетъ извѣщать обо всемъ происходящемъ немедленно, въ особенности о всѣхъ наступательныхъ движеніяхъ, которыя непріятель намѣренъ видимо предпринять на Козенъ, Цейтсъ или Геру».

«P. S. Непріятель намѣренъ, какъ кажется, атаковать насъ по всей линіи, отъ Эльбы до Веймара и Іены».

Читая этотъ документъ, можно подумать, что онъ написанъ однимъ изъ тѣхъ австрійскихъ генераловъ, которые, оставаясь вѣрны старинной системѣ веденія войны, хотѣли защищать всѣ пункты и поэтому не успѣвали защитить какъ слѣдуетъ ни одного. Это случилось и съ нами.

Я узналъ отъ моихъ тайныхъ агентовъ, что Наполеонъ прибылъ въ Эрфуртъ и что онъ собирался нанести намъ вскорѣ рѣшительный ударъ. Въ Веймарѣ находился отрядъ въ 8.000 человѣкъ пѣхоты и 1.000 кавалеріи; аванпосты находились въ Обринѣ и Швендорфѣ.

Я посылалъ ежечасно своихъ развѣдчиковъ по дорогѣ въ Веймаръ; что касается дороги въ Цейтсъ, то я былъ спокоенъ относительно ея, основываясь на свѣдѣніяхъ, которыя доставлялъ мнѣ прусскій отрядъ маіора Дрецке (Drezke).

Іена еще не была занята. Баварцы находились въ Умтерштедтѣ.

Однако я получилъ вскорѣ извѣстіе, что непріятель идетъ къ Майдалѣ и Іенѣ, что онъ уже овладѣлъ Апольдой и доходитъ до Домбурга и Камбурга.

Мое положеніе было весьма опасно, и наставалъ критическій моментъ для командующаго аванпостами, когда онъ долженъ рѣшиться на отступленіе. Выполнить это въ самый подходящій моментъ не легко. Отъ излишней поспѣшности или отъ слишкомъ большой медлительности нерѣдко можетъ быть выигранъ или потерянъ цѣлый день. Отступивъ

слишкомъ поспѣшно, можно поставить въ неловкое положеніе тѣхъ, которые находятся позади, а потративъ слишкомъ много времени на размышленіе и на то, чтобы обдумать свое движеніе, рискуешь потерять слишкомъ много людей. Въ подобномъ случаѣ лучше всего дѣйствовать по вдохновенію, руководствуясь только тактомъ и инстинктомъ.

Я неизмѣнно держался правила не жаловаться на свое положеніе, никогда не просить подкрѣпленій и вступать въ бой съ тѣми силами, которыя находились въ моемъ распоряженіи. Я предоставлялъ начальству заботиться о томъ, чтобы у меня было достаточно боевыхъ средствъ. Мнѣ приказывали сражаться, и я сражался, не падая духомъ.

На слѣдующій день непріятель атаковалъ мои аванпосты въ Гаценгаузенѣ, а затѣмъ и меня самого въ Козенѣ.

Нѣсколько эскадроновъ Баденской кавалеріи, поддержанныхъ французскими конными егерями, пытались вытѣснить меня изъ Козена.

Я сдѣлалъ видъ, что отступаю; они вошли въ ущелье, перешли Заалу черезъ мостъ и попали въ засаду, устроенную мною близъ Шульпфорте.

Моя атака была такъ неожиданна, что я оттѣснилъ ихъ прежде, нежели они успѣли дойти до этого пункта, я овладѣлъ снова мостомъ и взялъ много плѣнныхъ. Пруссаки оказали мнѣ въ этомъ случаѣ хорошую услугу. Въ то время они еще считали лестнымъ для себя быть подъ командою русскаго офицера. Впослѣдствіи побѣды возвратили имъ свойственную пруссакамъ самонадѣянность и высокомѣріе, и они стали считать себя гораздо выше насъ.

Поручикъ Сидовъ (Sydow), командовавшій конвойцами, просилъ меня какъ милости позволить ему стать вмѣстѣ съ моими казаками въ этой засадѣ. Я не имѣлъ причинъ отказать ему въ этомъ; его конвойцы дѣйствовали превосходно. Маіоръ Блюхеръ, поставленный мною на дорогѣ въ Наумбургъ, оказалъ мнѣ не маловажныя услуги точно такъ же, какъ и г. Сидовъ со своими конвойцами.

Такъ какъ было очевидно, что непріятель сосредоточивалъ свои силы у Экацберга и у Сульца, то приходилось ожидать новаго столкновенія. Генералъ Винценгероде разрѣшилъ мнѣ отступить къ Наумбургу и Вейсенфельсу въ случаѣ, если непріятель атакуетъ меня съ превосходными силами. Дѣйствительно, мнѣ донесли рано утромъ, что непріятель идетъ отъ Гаценгаузена съ сильными колоннами пѣхоты корпуса Нея, коими командуетъ генералъ Сугамъ (Souham).

Я смѣло ожидалъ непріятеля у Козенскаго моста, но такъ какъ Сугамъ выставилъ въ этомъ пунктѣ десять орудій, то всякое сопротивленіе сдѣлалось безполезнымъ; я отступилъ къ маіору Блюхеру, который стоялъ позади Наумбурга, верхомъ, на большой Вейсенфельской дорогѣ, готовясь поддержать меня въ случаѣ надобности.

Я приказалъ запереть ворота Наумбурга, чтобы французы не могли

пройти черезъ городъ и отрѣзать мнѣ отступленіе; самъ же я обошелъ Наумбургъ, продолжая сражаться, и вышелъ такимъ образомъ на шоссе, на которомъ стоялъ Блюхеръ.

Какъ только непріятель, сильно тѣснившій меня, увидѣлъ полкъ гусаръ, онъ остановился, выставилъ орудія и началъ стрѣлять въ насъ.

Я этого только и желалъ, такъ какъ мнѣ было необходимо выиграть время и я хотѣлъ доказать ему, что не очень спѣшу отступать; я произвелъ нѣсколько атакъ, которыя были молодцовато поддержаны гусарами Блюхера, и взялъ около пятидесяти человѣкъ въ плѣнъ.

Непріятель, взломавъ ворота Наумбурга, занялъ городъ, но не пошелъ дальше.

Ней въ тотъ же вечеръ основалъ свою главную квартиру въ Наумбургѣ. Сугамъ сталъ лагеремъ въ разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ моихъ аванпостовъ и не тревожилъ меня въ ту ночь и на слѣдующій день.

Послѣ полудня прибылъ генералъ Ланской со своей кавалеріей и артиллеріей и произвелъ большую рекогносцировку.

Мнѣ было приказано переправиться черезъ Виттенбахъ (Wittenbach), чтобы встревожить непріятеля на лѣвомъ флангѣ. Этотъ маневръ имѣлъ цѣлью обнаружить количество войска, которое было сосредоточено французами въ Наумбургѣ и его окрестностяхъ.

Едва успѣли мы обмѣняться нѣсколькими орудійными выстрѣлами, какъ всѣ непріятельскіе лагери пришли въ движеніе, и мы могли убѣдиться, что численность непріятеля была очень велика и что онъ все болѣе и болѣе сосредоточивалъ свои силы. Передъ нами были Ней и Сугамъ; Наполеонъ строился эшелонами позади нихъ съ остальной арміей.

Такъ какъ цѣль, которую имѣлъ въ виду Ланской, производя рекогносцировку, была достигнута, то онъ велѣлъ прекратить огонь, возвратился въ Вейсенфельсъ и оставилъ меня на позиціи, которую я занималъ въ Плото.

Позиція была превосходная; я господствовалъ надъ всей окрестной мѣстностью и получалъ все необходимое изъ превосходнаго загороднаго дома одного лейпцигскаго негоціанта по фамиліи Винклеръ.

Ночь прошла спокойно: люди и лошади имѣли всего въ изобиліи и радостно готовились къ великимъ событіямъ, которыя должны были вскорѣ совершиться.

На слѣдующій день непріятель энергично атаковалъ меня; послѣ довольно жаркаго дѣла мнѣ было приказано отступить къ Вейсенфельсу, который уже былъ покинутъ Ланскимъ.

Надобно было поспѣшно пройти черезъ этотъ городъ и занять позицію по ту сторону. Я шелъ изъ Вейсенфельса, какъ вдругъ мнѣ встрѣтился генералъ Иловайскій съ четырьмя полками казаковъ. Ему было приказано поддержать меня во время предстоящихъ атакъ; позади Ило-

вайскаго шелъ Ланской со всѣмъ авангардомъ и князь Трубецкой съ кавалеріей.

Я занялъ позицію между Лезаномъ (Loesan) и Риппахомъ. Непріятель храбро атаковалъ насъ; всѣ наши усилія отразить эту атаку были бы напрасны, если бы генералъ Ланской не подоспѣлъ во-время со своей гусарской дивизіей и съ конной артиллеріей.

Французская пѣхота уже начала обходить нашъ лѣвый флангъ, когда бѣлорусскіе гусары произвели блистательную атаку и опрокинули этихъ храбрыхъ пѣхотинцевъ. Это дало генералу Ланскому возможность прислать мнѣ нѣсколько орудій подъ командою поручика Горскаго, чтобы прогнать непріятеля съ шоссе; самъ же онъ занялся флангами вмѣстѣ съ Иловайскимъ.

Фронтъ моей позиціи былъ прикрытъ оврагомъ, а небольшой рядъ холмовъ, возвышавшихся по ту сторону оврага, скрывалъ отъ меня движеніе непріятеля; поэтому я не могъ воспользоваться моими двумя орудіями и выжидалъ момента, когда непріятель покроетъ эти холмы или перейдетъ черезъ ровъ, чтобы принять его и угостить какъ слѣдуетъ. Наблюдая за происходившимъ вокругъ, я замѣтилъ небольшую группу, которая появилась на гребнѣ холма: группа состояла изъ французскаго генерала, сидѣвшаго на бѣлой лошади, и нѣсколькихъ ординарцевъ въ мѣховыхъ шапкахъ; это были гвардейскіе конно-гренадеры.

Я приказалъ поручику Горскому прицѣлиться и выстрѣлить въ группу. Офицеръ навелъ орудіе, раздался выстрѣлъ, генералъ упалъ; офицеры и ординарцы подбѣжали, чтобы поднять его. Впослѣдствіи я узналъ, что это былъ Бессьеръ, герцогъ Истрійскій.

Послѣ выстрѣла, коимъ былъ убитъ маршалъ Бессьеръ, непріятель сталъ дѣйствовать не столь рѣшительно, и день прошелъ безъ дальнѣйшихъ событій. Генералъ Винценгероде и главнокомандующій графъ Витгенштейнъ прибыли въ то время, когда сраженіе было уже окончено.

Мнѣ было поручено по обыкновенію командовать аванпостами; я поселился въ Лерзанѣ (Loersan). Насъ безпокоилъ всю ночь холодный дождь. На слѣдующій день, баденскій полкъ, воспользовавшись густымъ туманомъ, атаковалъ меня въ шесть часовъ утра; я оттѣснилъ его и взялъ въ плѣнъ шестьдесятъ человѣкъ солдатъ и трехъ офицеровъ.

Генералъ Ланской прибылъ во время этого сраженія и, увидавъ блестящую атаку, выполненную мною съ полкомъ Иловайскаго 12-го, горячо высказалъ мнѣ свое удовольствіе по этому поводу. Съ этихъ поръ его довѣріе ко мнѣ возросло.

Мы провели остальную часть дня, взаимно наблюдая другъ за другомъ; я получилъ въ ночь приказаніе отступить къ Рокену и Гройбену, гдѣ сосредоточилась кавалерія князя Трубецкаго, Ланскаго и графа Витта и нѣсколько батарей. Мнѣ было приказано не терять непріятеля

изъ вида и вынести его, такъ сказать, на моихъ плечахъ до позиціи князя Трубецкаго, командовавшаго въ тотъ день главными силами кавалеріи.

Дѣйствительно, на слѣдующій день, въ 11 часовъ утра, я увидѣлъ, что сильныя колонны пѣхоты и кавалеріи двигаются какъ на парадѣ по обѣимъ сторонамъ вдоль шоссе, направляясь къ намъ.

Было очевидно, что передъ нами находился самъ Наполеонъ. Я могъ прекрасно различить красныхъ уланъ, польскихъ уланъ, конногренадеръ и конныхъ егерей, составлявшихъ его обычный конвой. Я пошелъ на встрѣчу головѣ французскаго авангарда съ полками Иловайскаго и Попова. Войска тотчасъ вступили въ сраженіе.

Перестрѣлка продолжалась съ полчаса; когда же гвардейскіе уланы совершили движеніе съ намѣреніемъ атаковать меня съ фланга, то я собралъ своихъ солдатъ и отступилъ къ позиціи Ланскаго, который приказалъ мнѣ заняться исключительно его правымъ флангомъ.

Началась жаркая канонада, сраженіе оживилось; кавалерія шла нѣсколько разъ въ атаку на смѣлыхъ уланъ.

Однако по всему было видно, что Наполеонъ дѣйствовалъ неувѣренно, какъ бы ощупью, такъ какъ его пѣхота не двигалась съ мѣста и держала ружье вольно.

Графъ Витгенштейнъ, увѣренный въ томъ, что Наполеонъ хотѣлъ дать намъ генеральное сраженіе, приказалъ князю Трубецкому, генералу Ланскому и графу Витту отступить къ Люцену и стать позади этого города. Мнѣ было приказано прикрывать ихъ движеніе.

Тогда вся союзная армія сосредоточилась позади Илосграбена и спокойно ожидала слѣдующаго дня.

Генералъ Иловайскій принялъ командованіе всѣми аванпостами; я командовалъ правымъ крыломъ его цѣпи.

До тѣхъ поръ французы не одержали надъ нами никакого, даже частнаго успѣха.

Страхъ, который казаки внушили французамъ во время похода въ Россію, все еще продолжалъ дѣйствовать на непріятеля. Я воспользовался этимъ, какъ видѣлъ читатель, въ моей ограниченной сферѣ дѣятельности; а прочіе, какъ-то Михаилъ Орловъ, князь Мадатовъ, генералъ Чернышевъ, Теттенборнъ и Бенкендорфъ, поддержали во всемъ блескѣ славу казаковъ.

Армія собственно говоря еще не была въ дѣлѣ. Ея слава была неприкосновенна.

Но появился Наполеонъ, и обаяніе исчезло; сраженіе при Люценѣ омрачило нѣсколько лавры, которые мы пожали съ такимъ великимъ трудомъ.

XXXV.

Люценское сраженіе. — Характеристика Винценгероде. — Заслуги казаковъ. — Движеніе арміи къ Дрездену.

Ночь, предшествовавшая Люценскому сраженію, была великолѣпна; утро было еще роскошнѣе. Я провелъ всю ночь на ногахъ, такъ какъ непріятель находился вблизи отъ меня.

На разсвѣтѣ прибыли одинъ за другимъ: главнокомандующій графъ Витгенштейнъ, генералы Блюхеръ, Шарнгорстъ, Клейстъ, Винценгероде, Цитенъ и многіе другіе.—Они остановились на моемъ бивуакѣ; позднѣе туда же прибыли императоръ Александръ и король прусскій.

Меня разспрашивали, и я разсказалъ все, что мнѣ было извѣстно; впрочемъ, они могли судить о положеніи дѣлъ собственными глазами.

Генералы совѣщались не сходя съ лошадей. Послѣ совѣта графъ Витгенштейнъ приказалъ начать наступленіе и атаковать Наполеона, который шелъ къ Лейпцигу, и уже послалъ въ эту сторону корпусъ Лористона и вице-короля италіанскаго.

Приказаніе идти въ атаку было выполнено немедленно.

Наши колонны пришли въ движеніе и атаковали колонны Наполеона, который своимъ орлинымъ взглядомъ сразу понялъ намѣреніе графа Витгенштейна.

Онъ тотчасъ послалъ приказаніе своимъ отрядамъ повернуть обратно, указалъ позиціи, которыя имъ надлежало занять, и Нею, храброму Нею было поручено отвлечь Витгенштейна, овладѣть Гросъ и Клейнъ-Гереномъ и Старейнзиделемъ и сражаться до послѣдней крайности, до прибытія прочихъ войскъ.

Ней оказалъ намъ упорное сопротивленіе. Деревни Гросъ и Клейнъ-Геренъ переходили изъ рукъ въ руки. Все было объято пламенемъ, рѣзня была ужасная; прусскіе волонтеры, бывшіе первый разъ въ дѣлѣ, покрыли себя славою; картечь, разносившая всюду смерть, причинила имъ большой уронъ; потери съ той или другой стороны были огромны.

Наполеонъ слѣдилъ за сраженіемъ съ тревогою: побѣда была еще весьма сомнительна, когда подоспѣла его гвардія. Онъ тотчасъ двинулъ часть ея, чтобы поддержать Нея. Тогда по всей линіи началась канонада. Тысяча орудій изрыгали смерть. Мы, со своей стороны, не предприняли ничего болѣе и не пытались даже выполнить наступательное движеніе. Мы дѣйствовали сообразуясь съ обстоятельствами, не обращая вниманія на то, что мы первые перешли въ наступленіе и что Наполеону слѣдовало сообразовать свои движенія съ нашими. Въ этотъ день геній одержалъ еще разъ побѣду надъ знаніемъ, надъ рутиною.

Наша многочисленная кавалерія оставалась безучастной зрительни-

цей этой рѣзни. Винценгероде, командовавшій ею, не вышелъ изъ своего обычнаго бездѣйствія. Очень предпріимчивый передъ сраженіемъ, онъ никогда не умѣлъ выполнить никакого движенія.

Графъ Витгенштейнъ не былъ на высотѣ своего положенія; пруссаки впервые принимали участіе въ дѣлѣ и не пріобрѣли еще той увѣренности, которую придали имъ впослѣдствіи неоднократно одержанныя ими побѣды.

Со времени несчастнаго Аустерлицкаго сраженія, императоръ Александръ не появлялся болѣе на полѣ битвы; онъ не былъ увѣренъ въ своихъ способностяхъ, которыя выказались впослѣдствіи столь блистательнымъ образомъ. Въ этомъ сраженіи былъ раненъ генералъ Шарнгорстъ, орелъ прусской арміи, а генералъ Дибичъ носился съ одного фланга на другой, нигдѣ не останавливаясь.

Между тѣмъ французы выиграли время и подвинулись впередъ. Отдѣльныя части ихъ войска успѣли подойти и вступить въ боевой порядокъ, тогда какъ мы ограничились тѣмъ, что обстрѣливали ихъ издали и послали свѣжія войска въ Геренъ и Старзудель, чтобы прогнать оттуда непріятеля.

Генералъ Милорадовичъ находился съ гвардейскимъ корпусомъ и резервомъ въ разстояніи одного перехода отъ поля битвы [1]).

Въ началѣ этого достопамятнаго дня мы были численно сильнѣе Наполеона; въ полдень онъ былъ уже сильнѣе насъ, а вечеромъ, когда подошла армія вице-короля италіанскаго, онъ вытянулъ фронтъ за наше правое крыло. Появленіе корпуса Евгенія рѣшило участь сраженія.

Мнѣ было поручено отправиться на крайній лѣвый флангъ французской арміи и наблюдать за тѣмъ, что̀ дѣлалось тамъ, не прерывая однако сообщенія съ нашимъ крайнимъ правымъ флангомъ.

Во исполненіе этого порученія я прошелъ мимо Госсграбена (Hossgraben) и выслалъ развѣдчиковъ къ Лейпцигу и Мари-Ранштадту (Mari-Rannstadt).

Вскорѣ увидѣли сильную непріятельскую колонну, шедшую впередъ быстрымъ шагомъ. Я тотчасъ пошелъ ей на встрѣчу и убѣдился, что это былъ корпусъ вице-короля.

Не сходя съ лошади, я набросалъ карандашемъ донесеніе графу Витгенштейну: это было въ три часа по полудни. Я ѣхалъ подлѣ этой колонны, не теряя ее ни на минуту изъ вида. Мнѣ удалось пересчитать каждый полкъ, каждую бригаду, каждую дивизію, каждое орудіе. Видя, что эта колонна не только шла впередъ, но даже шла бѣглымъ шагомъ,

---

[1]) Онъ находился въ Цейтсѣ (Zeitz) съ 4.000 пѣхоты, 6.000 конницы и 100 орудіями. Онъ не командовалъ еще въ то время гвардіей.

буквально на рысяхъ, я написалъ второе донесеніе, которое графъ Витгенштейнъ передалъ императору. Его величество немедленно приказалъ генералу Коновницыну и принцу Евгенію Виртембергскому двинуться на нашъ крайній правый флангъ, которому непріятель угрожалъ всего болѣе.

Въ третьемъ донесеніи (въ половинѣ пятаго) я писалъ, что въ этотъ именно моментъ вице-король установилъ батарею въ 36 орудій между Старзуделемъ и обоими Геренами. Я развернулъ передъ нимъ цѣпь стрѣлковъ, чтобы остановить его на мгновеніе, но онъ такъ энергично осыпалъ меня ядрами и гранатами, что я былъ вынужденъ отступить за Госсграбенъ. Въ это время подошли Коновницынъ и принцъ Евгеній Виртембергскій, оказавшіе вице-королю геройское сопротивленіе, чтобы помѣшать его дальнѣйшему движенію впередъ.

Но роковой ударъ былъ нанесенъ: вице-король вступилъ въ боевой порядокъ и угрожалъ вытянуть свой фронтъ за наше правое крыло.

Можно задать себѣ вопросъ, почему, по полученіи моего перваго донесенія, не было послано 10 тысячъ кавалеріи на встрѣчу отряду вице-короля. Эта кавалерія могла бы прибыть на мѣсто въ полчаса и, при помощи 50 орудій артиллеріи, могла сколько угодно обстрѣливать французскій отрядъ на этой обширной равнинѣ, въ ожиданіи двухъ дивизій пѣхоты, которыя подошли бы нѣкоторое время спустя. Такимъ образомъ вице-король не только не могъ бы вступить въ боевой порядокъ, но онъ былъ бы отрѣзанъ отъ главныхъ силъ Наполеона и сраженіе было бы выиграно.

Но эти господа видѣли только то, что у нихъ было передъ глазами, и совершенно позабыли о существованіи корпуса вице-короля. Когда было получено мое первое донесеніе, то нѣкоторыя лица обозвали меня даже вруномъ. Двѣ пѣхотныя дивизіи были двинуты по приказанію императора только тогда, когда онъ самъ принялъ мое второе донесеніе изъ рукъ офицера, прискакавшаго съ нимъ.

Все сказанное здѣсь было подтверждено мнѣ впослѣдствіи графомъ Игельстромомъ, который былъ дежурнымъ генераломъ при графѣ Витгенштейнѣ, и по занимаемому имъ положенію все видѣлъ и слышалъ. Только императоръ повѣрилъ моимъ донесеніямъ, какъ это доказала посылка Коновницына и принца Евгенія.

Когда эти два генерала вступили въ бой, я не хотѣлъ сидѣть сложа руки позади Госсграбена: я прошелъ черезъ это мѣстечко и, обойдя корпусъ вице-короля, двинулся ему въ тылъ, чтобы увидѣть, что дѣлалось на дорогѣ въ Лейпцигъ и Мерзебургъ.

Обязанность командующаго легкой кавалеріей и въ особенности казаками заключается въ томъ, чтобы воспользоваться въ день битвы всякимъ благопріятнымъ случаемъ. Настоящая обязанность партизана—

проскользнуть въ то время, когда войска сражаются, въ тылъ непріятельской арміи и надѣлать какъ можно больше шума. Ничто такъ не вліяетъ нравственно на солдатъ, какъ сознаніе, что непріятель на ихъ коммуникаціонной линіи и хотя не можетъ нанести особеннаго вреда, но страхъ, вызванный имъ, можетъ имѣть неисчислимыя послѣдствія.

Мнѣ удалось проскользнуть въ тылъ отряду вице-короля, и я напалъ неожиданно на его главную квартиру, которая располагалась въ это время въ деревнѣ Рахвицѣ.

На встрѣчу мнѣ выѣхали прикрывавшіе ее два эскадрона драгунъ италіанской гвардіи. Я послалъ противъ нихъ молодаго и энергичнаго графа Буксгевдена съ двумя стами кавалеристовъ и поддержалъ его со всѣмъ остальнымъ отрядомъ.

Онъ стремительно пошелъ въ атаку, опрокинулъ драгунъ и взялъ шестьдесятъ человѣкъ въ плѣнъ, между прочимъ полковника, командовавшаго прикрытіемъ главной квартиры.

Я приказалъ преслѣдовать этихъ италіанцевъ; Буксгевденъ и капитанъ Гельфрейхъ, смѣшавшись съ ними, вступили въ деревню, но экипажи, канцелярія и касса, у которыхъ лошади еще не были выпряжены, были спасены; ихъ успѣли увезти изъ деревни, и они были укрыты въ отрядѣ вице-короля. Послѣднему пришлось однако пріостановить свое слишкомъ поспѣшное движеніе; онъ выставилъ орудія, намѣреваясь стрѣлять въ меня, а генералъ Коновницынъ успѣлъ такимъ образомъ развернуть свои силы и началъ дѣйствовать со свойственной ему энергіей. Принцъ Евгеній Виртембергскій говорилъ впослѣдствіи, что мое неожиданное для всѣхъ движеніе помѣшало вице-королю вытянуть свой фронтъ за наше правое крыло.

Генералъ Дибичъ, пріѣхавшій къ намъ, былъ такъ доволенъ совершеннымъ мною движеніемъ, что написалъ о томъ донесеніе императору; но оно не имѣло по обыкновенію никакого благопріятнаго результата. Если мнѣ удалось, съ двумя полками казаковъ, задержать движеніе вице-короля, то какого результата могъ бы достигнуть Винценгероде, пославъ противъ него 10 тысячъ кавалеріи и 50 орудій.

Я ничего не говорю о превосходной и многочисленной прусской кавалеріи; я не знаю, кто командовалъ ею, но мы не съумѣли или не захотѣли воспользоваться огромнымъ преимуществомъ, которое давала намъ надъ французской арміей масса кавалеріи, тогда какъ у французовъ ея почти не было и они были вынуждены дѣйствовать съ арміей, составленной изъ новобранцевъ; единственную силу этой арміи составляла ея артиллерія, болѣе многочисленная нежели артиллерія союзниковъ; но ее можно было сдѣлать безвредной, атаковавъ ее кавалеріей, само собою разумѣется послѣ того, какъ пѣхота проложила бы къ тому путь.

Гдѣ ты была въ это время, душа безсмертнаго Зейдлица? почему ты не воодушевила командующихъ прусской кавалеріей, какъ въ дѣлѣ при Россбахѣ?

Въ тотъ же день Винценгероде былъ оцѣненъ по заслугамъ и исчезъ съ горизонта; никто изъ подчиненныхъ ему лицъ не получилъ никакихъ инструкцій. Гдѣ онъ находился! это мнѣ неизвѣстно.

Я имѣлъ случай видѣть Винценгероде въ Калишѣ; видѣлъ его также въ Люценѣ, и мое мнѣніе о немъ было составлено. Повторяю, это былъ человѣкъ честный, храбрый; я, лично, весьма признателенъ ему, такъ какъ онъ первый вывелъ меня изъ бездѣйствія, ввѣривъ мнѣ командованіе отдѣльнымъ отрядомъ; но справедливость требуетъ сказать, что онъ былъ хуже всякой бездарности, тогда какъ онъ имѣлъ всѣ данныя, чтобы внушать къ себѣ уваженіе. Шведскій королевскій принцъ (Бернадоттъ) понималъ его какъ нельзя лучше, но это не помѣшало генералу Винценгероде командовать въ его сѣверной арміи великолѣпнѣйшимъ корпусомъ.

Тревога, вызванная мною въ тылу французской арміи, не осталась безъ послѣдствій; экипажи, обозы, парки по всей линіи обратились въ бѣгство; орудійные выстрѣлы, направленные противъ меня, въ свою очередь напугали французовъ, которые не видѣли и не знали, откуда угрожала опасность и въ чемъ она состояла. Что касается понесенныхъ мною потерь, то онѣ были не велики и состояли всего изъ нѣсколькихъ убитыхъ лошадей, одного раненаго офицера и четырехъ раненыхъ казаковъ.

Подъ вечеръ я присоединился къ генералу Иловайскому, который со своей стороны сильно тревожилъ непріятеля и ожидалъ меня съ нетерпѣніемъ, чтобы я принялъ командованіе цѣпью аванпостовъ, такъ какъ съ наступленіемъ ночи арміи было приказано отступать.

До тѣхъ поръ ничего, по моему мнѣнію, не указывало на эту необходимость. Мы не потеряли ни пяди земли, всѣ преимущества позиціи были, повидимому, на нашей сторонѣ, и наша кавалерія, несравненно болѣе многочисленная, нежели кавалерія Наполеона, еще не была въ дѣлѣ. Почему же было приказано отступать? Впослѣдствіи я слышалъ, что генералъ Милорадовичъ тщетно ожидалъ весь день приказанія идти впередъ; въ главной квартирѣ, повидимому, забывали о существованіи цѣлыхъ корпусовъ, какъ будто дѣло шло объ отдѣльныхъ взводахъ, и войско испытывало недостатокъ въ боевыхъ запасахъ, потому что резервные парки не могли слѣдовать за нами! Какая была тому причина? Въ 1812 году мы никогда не чувствовали въ нихъ недостатка, а между тѣмъ при Люценѣ артиллеріей командовалъ генералъ Ермоловъ. Словомъ, монархи сочли отступленіе необходимымъ, и оно было совершено въ ту же ночь. Генералу Ланскому поручено было командовать арьер-

гардомъ, генералъ Иловайскій командовалъ аванпостами; мнѣ же были поручены самые передовые посты, съ приказаніемъ не терять непріятеля изъ вида.

Я всю ночь былъ занятъ устройствомъ цѣпи,—дѣло не легкое послѣ сраженія, когда обѣ арміи представляли картину полнаго хаоса и безпорядка. Поэтому мы имѣли не разъ стычки съ непріятелемъ, съ той и съ другой стороны завязывалась перестрѣлка, и я старался кое-какъ справиться со своимъ дѣломъ. Окликъ—«кто идетъ», за которымъ немедленно слѣдовалъ ружейный выстрѣлъ, служилъ мнѣ путеводной нитью; я тотчасъ ставилъ ведетъ противъ того мѣста, откуда слышался окликъ. Это было единственное средство оріентироваться, такъ какъ ночь была совершенно темная.

Едва я успѣлъ окончить это дѣло, какъ генералъ Иловайскій попросилъ меня отправиться къ генералу Винценгероде, чтобы узнать, какое намъ будетъ дано назначеніе на завтра и на слѣдующіе дни; генералу Ланскому это было неизвѣстно точно такъ же, какъ и намъ. Иловайскій далъ мнѣ самую л у ч ш у ю свою лошадь, прося меня не жалѣть ее, я ѣхалъ всю ночь и узналъ, что генералъ Винценгероде отправился съ императоромъ въ Пегау (Pegau). Не было возможности догнать его, поэтому я поѣхалъ обратно и наткнулся на дивизію генерала Берга, который шелъ въ потьмахъ прямо на французовъ. Онъ сбился съ дороги, не зналъ, какъ оріентироваться и въ какомъ направленіи идти,—этого никогда не случилось бы съ казаками, они хорошіе астрономы, сами того не подозрѣвая, и оріентируются ночью по звѣздамъ. Бергъ остановилъ движеніе и расположился за линіей моихъ аванпостовъ.

Велико было царствовавшее у насъ смятеніе; никто не зналъ, гдѣ находится главная квартира, поэтому на завтрашній день не могло быть сдѣлано никакой диспозиціи, всякій устроился на ночь кто какъ могъ; регулярныя войска полагались на бдительность и смѣтливость казаковъ, къ коимъ они уже привыкли относиться съ уваженіемъ, имѣя на то полное основаніе, такъ какъ это превосходное войско, при умѣломъ начальникѣ, можетъ оказать неоцѣнимыя услуги.

Наконецъ, послѣ прекрасно проведенной, хотя и довольно тревожной ночи, мы получили извѣстія изъ главной квартиры и намъ были присланы приказанія. Ланскому было приказано стѣснить дѣйствія непріятеля, чтобы дать нашимъ колоннамъ время уйти по направленію къ Пегау и Цейтсу.

По словамъ плѣнныхъ, взятыхъ мною въ тотъ день на разсвѣтѣ, французы отступили ночью, точно такъ же, какъ и мы къ Наумбургу, и были весьма удивлены, увидавъ на слѣдующій день передъ собою такъ мало войска; только опомнившись отъ этой неожиданности, они стали пускать въ насъ ядра и гранаты.

Это было трудное для меня утро; я прикрывалъ наши войска, и непріятельскіе снаряды причинили мнѣ не мало вреда. Однако, надобно было держаться, арміи было необходимо выиграть время.

Спускаясь съ возвышенности Іорнау (Iornau), я увидѣлъ, что въ окрестностяхъ Мелзена (Moelsen) тянулись обозы, спѣша въ Іехернъ (Ieuchern),—это былъ результатъ замѣшательства, царствовавшаго всю ночь. Мои казаки, немного пріунывшіе, такъ какъ они не любятъ подвергаться орудійнымъ выстрѣламъ, оживились при видѣ этихъ обозовъ. Я послалъ противъ этой безвредной массы двѣсти казаковъ; мы взяли пять генеральскихъ колясокъ и нѣсколько фургоновъ. Многіе изъ моихъ казаковъ, имѣвшіе за минуту передъ тѣмъ на плечахъ только одну грязную рубаху, смѣнили ее вечеромъ на чистыя рубашки изъ тонкаго полотна или батиста.

Въ Цейтсѣ мы встрѣтили, наконецъ, генерала Винценгероде; генералъ Ланской уже былъ тамъ съ главными силами авангарда. Ему было приказано продержаться до полудня слѣдующаго дня; мы соединились безпрепятственно въ Цейтсѣ, такъ какъ непріятель не особенно тѣснилъ насъ. Принявъ всѣ необходимыя, въ подобномъ случаѣ, предосторожности, мнѣ удалось съѣсть горячій обѣдъ,—удовольствіе, котораго я не имѣлъ со времени выступленія изъ Козена, и я могъ смѣнить бѣлье, побриться и взять ванну.

Генералъ Винценгероде оставилъ насъ и ушелъ въ Пенигъ, предписавъ генералу Ланскому идти на Хемницъ и Фрейбергъ къ Дрездену. Мнѣ было приказано служить посредствующимъ постомъ между Ланскимъ и арьергардомъ Милорадовича, отступавшаго къ Дрездену съ намѣреніемъ переправиться у этого города черезъ Эльбу.

На слѣдующій день мнѣ было передано слѣдующее распоряженіе Ланскаго:

«Согласно только-что полученному мною приказанію, копія съ котораго при семъ прилагается, вы направитесь на Фробіергъ (Frohbierg), продержитесь весь день 23-го числа въ мѣстности передъ Вексельбургомъ, затѣмъ двинетесь по дорогѣ, указанной вамъ въ прилагаемомъ при семъ приказѣ, постоянно и энергично тревожа правое крыло непріятеля, а если возможно и его арьергардъ».

Копія съ диспозиціи, посланной генераломъ Винценгероде генералу Ланскому, была слѣдующая:

«Согласно словесному приказанію главнокомандующаго графа Витгенштейна, вы пойдете сегодня въ Хемницъ, завтра въ Фрейбергъ, послѣ завтра въ Дрезденъ.

«Чтобы обезпечить движеніе арміи, которая идетъ изъ Рохлица черезъ Вальдгеймъ, Носсенъ, Вильсдруфъ къ Дрездену, вы поручите какому-либо смѣтливому офицеру (предлагаю вамъ для этого Левенштерна),

взявъ два полка казаковъ, удержать въ теченіе всего дня, 23-го числа, мѣстность впереди Вексельбурга, а затѣмъ двинувшись на Гроссъ-Мюлькенъ, Эренбергъ, Риттерсдорфъ, Аугурсбургъ, Нейкирхенъ и Герцойсвальда, идти параллельно правому флангу непріятеля, ежели бы онъ осмѣлился преслѣдовать нашу армію. Этотъ отрядъ долженъ постоянно тревожить непріятеля, ни на минуту не терять его изъ вида и оставаться все время въ сообщеніи съ генераломъ Милорадовичемъ и съ вами.

«Совѣтую вамъ два раза въ день посылать донесенія непосредственно самому графу Витгенштейну, главная квартира коего будетъ находиться 23-го числа въ Эцдорфѣ (Etzdorff), а завтра по всей вѣроятности въ Вильсдруфѣ.

«Крайне необходимо поддержать непосредственное сообщеніе съ главною квартирою для того, чтобы вы имѣли возможность узнать своевременно, двинется ли армія въ Дрезденъ 24-го числа, что̀ весьма возможно, и чтобы вы сообразовали съ этимъ движеніемъ вашъ собственный маршъ, дабы не очутиться въ затруднительномъ положеніи при переправѣ черезъ Эльбу, предполагая, что непріятель захочетъ помѣшать этому.

«Левенштернъ долженъ сообщать вамъ о движеніи Милорадовича, онъ же обязанъ увѣдомлять этого генерала обо всемъ, что съ вами произойдетъ».

Пенигъ, 23-го апрѣля 1813 г.

Получивъ это приказаніе, я выступилъ немедленно, но, къ величайшему моему сожалѣнію, долженъ былъ разстаться съ храбрымъ полкомъ Иловайскаго 12-го. Его потребовалъ командиръ полка; вмѣсто него мнѣ дали полкъ Кутейникова 4-го, который во многомъ уступалъ ему. Къ счастью, со мною остался полкъ Попова 13-го, съ которымъ я уже болѣе не разставался; мнѣ дали еще въ подкрѣпленіе полкъ Грекова 21-го, который я долженъ былъ передать при первой возможности генералу Корфу.

Я наткнулся вскорѣ на непріятеля и немедленно атаковалъ его, но силы французовъ значительно превосходили мои, и я долженъ былъ почитать себя весьма счастливымъ, что мнѣ удалось придти въ Регисъ (Regis) ранѣе ихъ и достигнуть Фробіерга, чтобы совершить переправу черезъ Плейсу.

Я пришелъ къ мѣсту переправы въ нѣкоторомъ разстройствѣ, такъ какъ непріятель жестоко преслѣдовалъ меня, а казаки Кутейникова еще не успѣли освоиться съ моими привычками и не относились ко мнѣ съ такимъ довѣріемъ, какъ мои старые опытные солдаты. За то я заставилъ ихъ въ наказаніе спѣшиться и сдѣлать цѣлый переходъ пѣшкомъ.

Генералъ Талызинъ, котораго я засталъ въ Фробіергѣ, приготовилъ уже все, что нужно, чтобы сжечь мостъ, и если бы я пришелъ десять минутъ позже, то погибъ бы. Нѣсколько казаковъ Кутейникова, изъ болѣе проворныхъ, извѣстили генерала Талызина о моемъ затруднительномъ положеніи, и онъ повременилъ разрушать мостъ.

Переправившись на противоположный берегъ рѣки, я могъ провести ночь спокойно, тѣмъ болѣе, что засталъ генерала графа де-Сенъ-Пріеста и барона Корфа, которому я передалъ полкъ Грекова, оказавшійся не лучше полка Кутейникова, и хотя мнѣ удалось нѣсколько вымуштровать его, но онъ никогда не достигъ такого совершенства, какъ полкъ Иловайскаго.

Отдохнувъ нѣсколько часовъ, я двинулся на Гутгайнъ и Рорлицъ къ Вузельбургу, который мнѣ было поручено оборонять. Рорлицъ былъ переполненъ отрядомъ Милорадовича; я остановился въ этомъ городѣ лишь на минуту, чтобы переговорить и условиться съ начальникомъ штаба Милорадовича, полковникомъ Сипягинымъ, и отправиться въ Вексельбургъ.

Я произвелъ немедленно рекогносцировку мѣстности, которая показалась мнѣ не особенно подходящей для энергичной обороны кавалеріей. Я остановился въ самомъ Вексельбургѣ, помѣстившись въ прекрасномъ замкѣ князей Шенбургскихъ. Маіоръ Барнекофъ, молодой графъ Буксгевденъ и капитанъ Гельфрейхъ были моими неразлучными товарищами, они наперерывъ угощали меня персиками, абрикосами и всевозможными лакомствами. Принявъ всѣ мѣры на случай неожиданной атаки, я растянулся на отоманкѣ, чтобы немного отдохнуть.

Пріѣздъ принца Евгенія Виртембергскаго нарушилъ мой покой. Впрочемъ, онъ пробылъ въ городѣ всего нѣсколько часовъ, объѣхалъ со мною позицію, нашелъ ее весьма неудовлетворительной и совѣтовалъ не защищать ее слишкомъ упорно, тѣмъ болѣе, что черезъ Мульду можно было переправиться въ нѣсколькихъ пунктахъ въ бродъ, и поэтому я легко могъ быть обойденъ.

Принцу Виртембергскому было приказано сообразовать свои движенія съ движеніями Милорадовича; онъ уѣхалъ и двинулся къ Митвейдѣ (Mitveyda), увѣряя меня, что онъ не имѣетъ никакихъ извѣстій о генералѣ Винценгероде и не нуждается въ его поддержкѣ.

Я терпѣливо ожидалъ приближенія непріятеля, старательно производя рекогносцировки дорогъ по направленію къ Фробіергу, Альтенбургу и Пенигу. Въ тотъ же вечеръ прибылъ маіоръ Блюхеръ со своимъ гусарскимъ полкомъ. Намъ было суждено съ нимъ помогать другъ другу въ критическій моментъ. Онъ не могъ пройти чрезъ Пенигъ, чтобы переправиться черезъ Мульду; этотъ городъ былъ уже занятъ непрія-

телемъ, поэтому онъ былъ вынужденъ отступить ближе ко мнѣ. Мы провели ночь вмѣстѣ, а на слѣдующій день французы атаковали меня.

Видя передъ собою только кавалерію, я держался твердо, такъ какъ уже успѣлъ подмѣтить въ эту кампанію, что французы только выставляли свою кавалерію, но никогда не подвергали ее опасности, не поддержавъ пѣхотою. Поэтому я стоялъ твердо, не двигаясь съ мѣста. Такъ прошелъ весь день, когда же на утро меня энергично атаковала пѣхота и непріятель сталъ угощать меня картечью, то я оставилъ Вексельбургъ, гдѣ продержался 36 часовъ, вмѣсто 24-хъ, какъ мнѣ было предписано, и направился на Гроссъ-Мюлькенъ и Эренбергъ.

Маіоръ Блюхеръ прикрывалъ мое отступленіе до Гроссъ-Мюлькена, оттуда я пошелъ на Гайнихенъ и Фробіергъ, гдѣ, окруженный французскими колоннами, былъ предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ.

Я добрался, однако, до Эренберга безъ всякихъ приключеній, но едва успѣлъ переправиться черезъ Ихопнавъ (Ichopnaw), какъ очутился среди непріятеля, который былъ уже такъ близко, что французы сами были этимъ удивлены и не сдѣлали ни малѣйшаго движенія. Мое неожиданное появленіе дотого смутило ихъ, что они даже не атаковали меня.

Видя такую нерѣшительность съ ихъ стороны и будучи вынужденъ проложить себѣ путь и въ то же время внушить имъ страхъ, я сформировалъ наскоро три отряда. Ввѣривъ начальство надъ правымъ отрядомъ капитану Гельфрейху, надъ лѣвымъ—графу Буксгевдену, самъ сталъ въ центрѣ. Всѣ три отряда должны были идти по направленію къ Биттердорфу, взаимно поддерживая другъ друга, зорко слѣдя все время за непріятелемъ и стараясь пробиться во что бы то ни стало, не заботясь о тѣхъ, кои останутся позади.

Въ первый моментъ непріятель былъ опрокинутъ, но затѣмъ, опомнившись и угадавъ мое намѣреніе выйти на Биттердорфскую дорогу, онъ преградилъ мнѣ путь четырьмя орудіями, которыя начали осыпать меня картечью. Тогда мнѣ не осталось инаго спасенія, какъ опередить непріятеля и, воспользовавшись быстротою моихъ лошадей, ускакать чрезъ кустарникъ по проселочнымъ дорогамъ. Я достигъ, такимъ образомъ, Грасендорфа и Оттендорфа, которые, къ счастью, еще не были заняты французами. Хорошій проводникъ провелъ меня по проселочнымъ дорогамъ въ Зубенлеге и Аугустурбергъ.

Мнѣ пришлось бросить по пути болѣе двухсотъ плѣнныхъ, взятыхъ мною въ предъидущія сраженія, и около ста отсталыхъ русскихъ, подобранныхъ по пути. Кромѣ того, у меня было убито четыре казака и ранено десять человѣкъ.

Прибывъ въ Зубенлеге, я извѣстилъ графа Милорадовича о моемъ присутствіи на лѣвомъ флангѣ и въ ту же ночь послалъ развѣдчиковъ

по направленію къ Фробіергу, чтобы отыскать генерала Ланскаго, который долженъ былъ прибыть туда.

Въ Зубенлеге я нашелъ большой продовольственный магазинъ съ хлѣбомъ и фуражемъ; мои лошади были накормлены досыта, все остальное было сожжено.

На слѣдующій день Милорадовичъ продолжалъ отступленіе. Я полагалъ, что онъ находится еще въ Носсенѣ, и продолжалъ маневрировать на этихъ высотахъ на правомъ флангѣ непріятеля, котораго мое присутствіе начало тревожить, поэтому онъ оттѣснилъ меня къ Зубенлеге. Тогда я поспѣшно переправился черезъ Мульду и двинулся къ Герихфельдсу, ни минуты не теряя изъ вида возложеннаго на меня порученія, которое состояло въ томъ, чтобы непрестанно тревожить непріятеля и поддерживать сообщеніе съ Ланскимъ и Милорадовичемъ.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Герихсфельдса я увидѣлъ, что принцъ Евгеній Виртембергскій вступилъ въ бой съ непріятелемъ.

Усиленная пальба изъ орудій предвѣщала, что дѣло будетъ серьезное. Я тотчасъ попытался произвести диверсію въ его пользу, проскользнувъ французамъ въ тылъ. Не причинивъ непріятелю особеннаго вреда, но произведя въ его рядахъ нѣкоторый переполохъ, я успѣлъ задержать его слишкомъ смѣлое движеніе, за что принцъ Евгеній былъ мнѣ весьма признателенъ.

Послѣ этой стычки генералъ Милорадовичъ продолжалъ свое отступленіе по шоссе, идущему въ Вильсдруфъ, а я по-прежнему прикрывалъ его лѣвый флангъ, подвигаясь къ Нейкирхену и къ Герцойсвальду, чтобы приблизиться къ генералу Ланскому, который долженъ былъ подойти изъ Фробіерга и разсчитывалъ на меня, чтобы занять ранѣе французовъ эту позицію, которая дала бы возможность добраться до Дрездена и Эльбы, не вступая съ ними въ бой.

Узнавъ о томъ, что я занялъ Герцойсвальде и что шоссе было въ моихъ рукахъ, Ланской вздохнулъ свободнѣе и когда мы соединились съ нимъ, то онъ признался мнѣ, что онъ очень безпокоился за меня и за себя. Онъ поспѣшно прошелъ чрезъ Герцойсвальде и сталъ лагеремъ въ Грумбахѣ. Ночью имъ овладѣло опасеніе, что я подвергаюсь слишкомъ большой опасности, оставшись въ Герцойсвальде, и онъ написалъ мнѣ:

Грумбахъ, 23-го апрѣля 1813 г.

«Идите немедленно со своими полками и станьте впереди деревни Грумбахъ, занявъ мои аванпосты.

«Я нахожу, что вы подвергаетесь слишкомъ большой опасности въ Герцойсвальде и что вы слишкомъ удалены отъ меня, чтобы я могъ оказать вамъ существенную поддержку».

Привыкнувъ брать многое на свою отвѣтственность, въ томъ случаѣ,

когда я предвидѣлъ удовлетворительный результатъ, я рѣшилъ не выполнять этого приказанія ранѣе, какъ на разсвѣтѣ. Успокоивъ генерала Ланскаго на счетъ могущей мнѣ угрожать опасности, я просилъ у него позволенія остаться на мѣстѣ, что онъ мнѣ и разрѣшилъ: мои казаки успѣли такимъ образомъ сварить себѣ супъ, а лошади доѣсть кормъ, который удалось достать съ большимъ трудомъ. Проведя ночь спокойно, мой отрядъ былъ на слѣдующій день бодръ и свѣжъ. Я присоединился къ Ланскому, когда въ его отрядѣ всѣ еще спали.

Ничто такъ не утомляетъ войско, какъ волненіе начальствующихъ лицъ и вызываемыя имъ нескончаемыя передвиженія. Генералъ Ланской вполнѣ понималъ эту истину; поэтому я осмѣлился дѣйствовать такъ, какъ я сказалъ. Другой, не столь опытный въ военномъ дѣлѣ, генералъ увидѣлъ бы въ моемъ поступкѣ непослушаніе и не имѣлъ бы достаточно ума и такта, чтобы понять, что командующій аванъ и аррьергардомъ не есть простая машина, какою бываютъ обыкновенно армейскіе генералы. Я всегда держался правила доказать солдатамъ мой авторитетъ прежде всего заботливостью о его желудкѣ и покоѣ. Если былъ отданъ приказъ—варить обѣдъ, то я уже не тревожилъ солдатъ. Добывъ съ трудомъ провизію, дровъ и воду и увидавъ, что всѣ его труды пропали даромъ и были совершенно безцѣльны, солдатъ никогда не проститъ вамъ этого. Щадите этихъ молодцовъ по мѣрѣ возможности; они будутъ благодарны вамъ за это и въ критическій моментъ останутся 48 часовъ безъ пищи, не ропща, увѣренные въ томъ, что начальникъ не заставилъ бы ихъ страдать, если бы это не было неизбѣжно. Я не разъ былъ свидѣтелемъ того, какъ погибали въ теченіе нѣсколькихъ недѣль цѣлые отряды вслѣдствіе безтолковой суетни ихъ командировъ.

Казаки, составляющіе самую смышленую часть войска, всегда будутъ вамъ признательны за то, что вы ихъ бережете.

Не подвергайте ихъ безъ надобности пушечнымъ выстрѣламъ, берегите ихъ лошадей, ибо онѣ составляютъ ихъ собственность; дайте имъ понять, что вы бережете ихъ, когда это возможно, и будьте увѣрены, что они безъ оглядки пойдутъ за вами, когда это будетъ нужно. Вы останетесь ими довольны, а начальство будетъ довольно вами. Казаки боятся выстрѣловъ не болѣе другихъ солдатъ; это доказали казаки Чернышева, Константина Бенкендорфа и, смѣю сказать, мои собственные казаки.

---

*

Оправдательное письмо М. А. Милорадовича—М. Б. Барклаю-де-Толли.

4-го мая 1810 г. М. Воронки.

Я читалъ письмо вашего высокопревосходительства съ отличнымъ уваженіемъ и съ чувствительнѣйшею благодарностью за откровенный и благорасположительный отзывъ, который тѣмъ болѣе для меня пріятенъ, что я всегда старался заслуживать вниманіе достойныхъ и отличныхъ людей.

Рапортъ мой, которой я имѣлъ честь препроводить къ вашему высокопревосходительству чрезъ адъютанта вашего, изъяснялъ болѣзненное мое положеніе, ибо удостовѣреніе, что обожаемой нами государь одну минуту могъ усумниться въ чистой преданности и ревности службѣ вѣрнѣйшаго подданнаго, было и будетъ для меня болѣзнь жесточе всѣхъ другихъ, и непріятности, каковаго роду бы они ни были, съ нею не могутъ сравниться. Искренная приверженность къ государю императору во мнѣ ничѣмъ не поколебимая доказывается открытымъ и чистосердечнымъ поведеніемъ, а посему я не скрылъ предъ всемилостивѣйшимъ нашимъ государемъ, что печаль моя дѣлаетъ меня неспособнымъ къ дѣламъ, и осмѣлился утруждать его письмомъ, но не жалуясь, а предоставляя времени открыть сплетни. Милость государя императора, о коей ваше высокопревосходительство меня извѣстить изволили, много меня ободряетъ. Все мое честолюбіе однакожъ заслужить и поддержать хорошее обо мнѣ мнѣніе государя императора; во всѣхъ мѣстахъ старался я удостоиться онаго, и въ бытность мою и въ Валахіи, имѣя по обстоятельствамъ болѣе къ тому способовъ, не упущалъ я ни малѣйшаго случая на опытахъ доказать усердіе и искренность, чему всѣ свидѣтели. Нѣсколько лѣтъ боролся противу подлости интригъ и противу безпримѣрнаго корыстолюбія,—наконецъ, пострадалъ. Съ новыми мѣстами новые у меня будутъ непріятели. Къ несчастью вездѣ встрѣтиться могутъ люди, въ коихъ алчность къ наживѣ истребляетъ всѣ другія чувствованія. Сіи люди будутъ, конечно, противъ меня. Но чѣмъ ускромить ихъ дерзость,—одна довѣренность сіе сдѣлать можетъ. Надѣяться же мнѣ оной иначе нельзя, какъ точнѣйшимъ изслѣдованіемъ всѣхъ моихъ поступковъ, открытіемъ истины во всей ея чистотѣ. Тогда покажется дерзость интригантовъ и неумѣстная моя деликатность, и я льстить могу себя удостовѣреніемъ, что найдутъ меня таковымъ, каковымъ долженъ быть русскій офицеръ, любящій честь, службу и государя.

Три письма Н. С. Мордвинова къ Іер. Бентаму [1]).

Печатаемыя ниже письма Мордвинова къ Іереміи Бентаму относятся къ 1819 году, и они были, по всей вѣроятности, первыми, которыя были написаны имъ англійскому философу. Мордвиновъ и до этого времени хорошо зналъ Іеремію Бентама, считалъ его своимъ учителемъ, много писалъ о немъ и для него въ своихъ письмахъ къ его брату Самуилу, но личной переписки между этими двумя замѣчательными дѣятелями не было, повидимому, вплоть до пріѣзда Мордвинова въ Англію.

---

[1]) Въ «Британскомъ Музеѣ» находятся болѣе 30 томовъ бумагъ Іер. Бентама и его брата. Среди этихъ бумагъ есть нѣсколько относящихся до русской исторіи.

Извѣстно, что братъ знаменитаго англійскаго философа—Самуилъ Бентамъ, самъ по себѣ крайне интересная личность, болѣе 10 лѣтъ служилъ въ Россіи въ царствованіе Екатерины и игралъ видную роль. Послѣ него осталось много писемъ, дневниковъ и статьи о Россіи того времени. До сихъ поръ эти бумаги не были опубликованы, а между тѣмъ въ нихъ много любопытнаго.

Іер. Бентамъ тоже жилъ въ Россіи въ 1786—1787 г. и до своей смерти не прерывалъ дѣятельныхъ сношеній съ русскими людьми, среди которыхъ были у него друзья и горячіе поклонники. Здѣсь особенно слѣдуетъ отмѣтить извѣстныхъ русскихъ дѣятелей нѣсколькихъ царствованій—Н. С. Мордвинова (впослѣдствіи графа) и Чичагова.

Въ бумагахъ Іер. Бентама мы нашли нѣсколько интересныхъ писемъ (автографовъ) Мордвинова и Чичагова, — и мы предлагаемъ ихъ вниманію читателей. Письма крайне интересны и не требуютъ большихъ комментаріевъ, а еще меньше надобности напоминать русскимъ читателямъ, кто такіе были Мордвиновъ, Чичаговъ, Бентамъ.

Въ 1818 году Мордвиновъ покинулъ Россію на три года. Сначала онъ путешествовалъ по Италіи, потомъ по Франціи, наконецъ, онъ завернулъ въ Англію спеціально для того, чтобы повидать Іеремію Бентама и побесѣдовать съ нимъ объ интересовавшихъ ихъ обоихъ политико-общественныхъ вопросахъ. Первое ихъ свиданіе произошло, повидимому, не въ домѣ Іереміи Бентама. Ихъ диспуты касались жгучихъ, коренныхъ вопросовъ тогдашней русской жизни, но, во время первой ихъ бесѣды, имъ удалось лишь поставить нѣкоторые вопросы и не договориться до конца.

Мордвиновъ, разставшись съ Іереміей Бентамомъ (повидимому, въ пятницу 10-го сентября), не могъ по болѣзни придти къ нему на другой день для продолженія дебатовъ и, чтобы не терять времени, а можетъ быть и съ цѣлью лучшаго выясненія спора, въ субботу же засаживается за воспроизведеніе по памяти проекта конституціи, поданнаго имъ императору Александру I передъ отъѣздомъ изъ Россіи,—о чемъ и извѣщаетъ въ тотъ же день Бентама.

Изъ этого письма мы можемъ видѣть, какого рода вопросы были предметомъ бесѣды при первой встрѣчѣ члена русскаго Государственнаго Совѣта и знаменитаго европейскаго законовѣда, которому такъ много обязана новѣйшая европейская исторія развитіемъ широкихъ либеральныхъ принциповъ въ обще-государственныхъ вопросахъ.

На слѣдующій день—12-го сентября—Мордвиновъ послалъ своему другу обѣщанный проектъ. Отославши его, онъ два раза перечитываетъ изданную не задолго до этого времени переписку Бентама съ русскимъ императоромъ, посвященную вопросамъ, занимавшимъ Бентама и Мордвинова,—при чемъ послѣдній спѣшитъ увѣдомить Бентама о своей солидарности съ нимъ.

Въ Лондонѣ Мордвиновъ пробылъ три недѣли и чуть-ли не каждый день велъ долгіе разговоры съ своимъ учителемъ. Бентама Мордвиновъ никогда болѣе не видалъ, но возникшая между ними тѣсная дружба не прекратилась. Ихъ переписка, продолжавшаяся до самой смерти Бентама, свидѣтельствуетъ объ ихъ взаимномъ глубокомъ уваженіи другъ къ другу.

Въ разговорахъ съ Бентамомъ Мордвиновъ, очевидно, говорилъ много любопытнаго о Россіи, и кое-какіе намеки на эти разговоры дошли до насъ въ бумагахъ Бентама.

На всѣхъ своихъ бумагахъ Іеремія Бентамъ имѣлъ обыкновеніе дѣлать замѣтки, которыя часто, — какъ напр. въ данномъ случаѣ, — даютъ очень полезные комментаріи къ документамъ. На полученныхъ письмахъ Бентамъ собственноручно отмѣчалъ: когда письмо получено, отъ кого, кому было адресовано, адресъ писавшаго, а нерѣдко отмѣ-

чалъ и содержаніе письма и обстоятельства, при какихъ оно было послано.

Разговоры Іереміи Бентама съ Мордвиновымъ не прошли для послѣдняго безслѣдно. По словамъ самого Мордвинова, онъ читалъ сочиненія Бентана,—а, слѣдовательно, и слушалъ его разговоры,—со вниманіемъ прилежнаго ученика. Въ письмѣ 1822 г. Мордвиновъ, напр., сообщаетъ Бентаму, что онъ не только пропагандируетъ его идеи среди русскаго общества, но его именемъ подкрѣпляетъ свои мнѣнія въ Государственномъ Совѣтѣ.

Письма Мордвинова, печатающіяся ниже, никогда не появлялись еще въ печати. Ихъ, правда, имѣлъ въ 1830-хъ годахъ въ своихъ рукахъ біографъ Іер. Бентама, но онъ въ своей біографіи, напечатанной въ 1843 г. (слѣдовательно, еще при жизни Мордвинова и Чигагова), привелъ всего четыре-пять небольшихъ выдержекъ изъ писемъ этихъ двухъ русскихъ государственныхъ дѣятелей и даже не упомянулъ ни однимъ словомъ о наиболѣе любопытной страницѣ въ письмахъ Мордвинова—о проектѣ конституціи, имъ поданной въ 1818 г. императору Александру I, одновременно съ тѣмъ, какъ по приказу императора другой проектъ былъ составленъ Н. Н. Новосильцевымъ (см. книгу А. Н. Пыпина «Общественныя движенія при императорѣ Александрѣ I»). Кстати сказать, объ этомъ проектѣ Мордвинова намъ до сихъ поръ не приходилось ничего встрѣчать.

Въ 1869 году г. Пыпинъ въ «Вѣстникѣ Европы» помѣстилъ статью объ «Русскихъ отношеніяхъ Бентама», составленную по біографіи Бентама, изд. въ 1843 г., о которой мы только-что говорили.

Письма Мордвинова къ Бентаму.

I.

Мнѣ очень жаль, mon cher M-r Bentham, что я не могу сегодня быть у васъ. Всю ночь я чувствовалъ себя скверно и сегодня не могу выходить изъ комнаты. Какъ только оправлюсь, я не премину воспользоваться вашимъ любезнымъ позволеніемъ посѣтить васъ въ вашемъ уединеніи. Пока же я намѣчу основанія, на которыхъ, по моему мнѣнію, принципъ народнаго представительства могъ бы быть введенъ въ правительство, которое дѣлаетъ первый опытъ въ этомъ отношеніи и взгляды котораго еще слишкомъ далеки отъ того, чтобы согласиться на свободную во всѣхъ отношеніяхъ конституцію. Съ глубочайшимъ уваженіемъ остаюсь вашъ покорнѣйшій и преданный слуга Мордвиновъ.

Суббота вечеромъ.

Я знаю часы вашего пріема и не осмѣлюсь явиться къ вамъ иначе, какъ въ половинѣ восьмаго.

II.

Вотъ въ общихъ чертахъ основанія, на которыхъ можетъ быть построено у насъ представительство и которыя, при всемъ своемъ несовершенствѣ, отличаются, по моему крайнему разумѣнію, тѣмъ, что они могутъ быть предложены монархическому правительству. Но растеніе (plante) вѣдь растетъ. Для того, чтобы имѣть настоящее дерево, надо его посадить, когда оно еще не созрѣло и прежде чѣмъ у него имѣются большія и крѣпкія вѣтви.

Я представляю вамъ этотъ набросокъ для того, чтобы вы его улучшили.

Надѣюсь имѣть честь быть у васъ въ 7 съ половиною часовъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ остаюсь Мордвиновъ.

1819, сентября 12-го.

Проектъ конституціи [1]).

1. Законодательный совѣтъ имперіи и сенатъ (le Senat judiciaire) сохраняютъ свою нынѣшнюю организацію и власть (police), съ нѣкоторыми измѣненіями относительно первой.

2. Предсѣдатели и члены совѣта, также какъ и сенаторы, назначаются его императорскимъ величествомъ. Они будутъ депутатами (députés) монарха (Souverain), агентами правительства. Но съ цѣлью ввести народное представительство, каждой провинціи имперіи, главнымъ городамъ этихъ провинцій, главнымъ портовымъ городамъ и университетамъ будетъ разрѣшено посылать депутатовъ въ мѣстопребываніе (siège) правительства.

Депутаты эти будутъ пользоваться служебнымъ положеніемъ (rang)

---

[1]) На конституціонномъ проектѣ Мордвинова Бентамъ написалъ: „1819, Sept. 12. Plan for a representative Assembly for the Russian Empire, sketched down by him from memory. The original about 16 months ago on his departure from Petersbourg, left by the author to be presented to Emperor Alexander. (1819 г. Сент. 12.—Планъ представительнаго правленія для русскаго государства, начертанный имъ на память.—Оригиналъ около 16 мѣсяцевъ, по его возвращеніи изъ Петербурга, оставленъ авторомъ для представленія императору Александру).

и всѣми привилегіями членовъ законодательнаго совѣта имперіи и сенаторовъ, назначаемыхъ императоромъ.

3. Они избираются свободно и на трехлѣтній срокъ, но по истеченіи его они могутъ быть переизбраны на слѣдующее трехлѣтіе.

4. Каждый изъ нихъ въ отдѣльности (individuellement) пользуется правомъ засѣдать какъ въ департаментахъ, такъ и въ общихъ собраніяхъ совѣта и сената и будетъ принимать нераздѣльное участіе (formeront la partie intégrale) во всѣхъ дебатахъ (discussions), разборахъ судебныхъ дѣлъ (jugéments) и рѣшеніяхъ (décisions), имѣющихъ какое бы то ни было отношеніе къ провинціи, городу или университету, представителями которыхъ они являются.

5. Они засѣдаютъ всѣ вмѣстѣ (en corps)—въ общемъ собраніи законодательнаго совѣта имперіи всякій разъ, когда рѣшается вопросъ о мѣрахъ общихъ для всей имперіи или о предметахъ общаго интереса.

6. Они имѣютъ право засѣдать всѣ вмѣстѣ (en corps) въ общемъ собраніи сената.

7. Они пользуются правомъ слова и выражаютъ свои мнѣнія письменно. Голоса ихъ будутъ сосчитываться. Они будутъ подписывать журналы, протоколы и постановленія (décrets) наравнѣ съ членами, назначенными его императорскимъ величествомъ.

8. Журналы, протоколы и постановленія безъ ихъ подписи не имѣютъ силы въ тѣхъ случаяхъ, когда они присутствовали при ихъ обсужденіи.

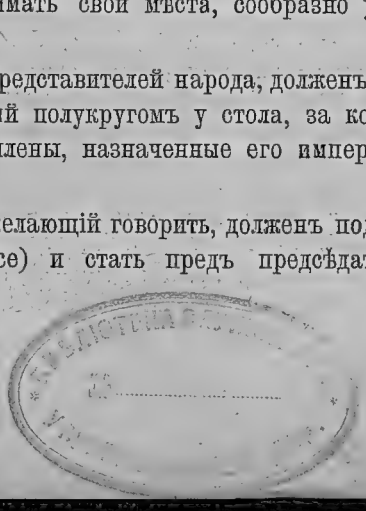
9. Имъ не полагается никакого жалованья отъ правительства, какъ депутатамъ.

10. Комитетъ министровъ (представляющій органъ исполнительной власти) обязанъ входить съ ними въ сношенія (consulter) всякій разъ, когда дѣло идетъ о мѣрахъ, затрогивающихъ общіе или частные интересы провинціи, города или университета, которыхъ они являются представителями. Ихъ мнѣнія должны записываться въ журналы засѣданій комитета.

11. Предсѣдатели и члены совѣта, назначенные его императорскимъ величествомъ, будутъ занимать свои мѣста, сообразно установленному порядку.

12. Для депутатовъ, представителей народа, долженъ быть устроенъ амфитеатръ, расположенный полукругомъ у стола, за которымъ будутъ засѣдать предсѣдатели и члены, назначенные его императорскимъ величествомъ.

13. Членъ-депутатъ, желающій говорить, долженъ подняться съ своего мѣста (quittera sa place) и стать предъ предсѣдателемъ общаго собранія.



14. Въ департаментахъ совѣта и сената они должны занимать мѣста, сообразно своимъ чинамъ—военнымъ или гражданскимъ.

1819 г., сентября 12-го [1]).

III.

Я полагаю, что могу сегодня явиться къ вамъ, mon cher monsieur Bentham. Я два раза перечиталъ вашу переписку съ императоромъ и, читая ее, не могъ не сожалѣть глубоко о томъ, что вашими предложеніями не съумѣли воспользоваться, тогда какъ принятіе ихъ могло бы положить основанія благополучію моего отечества [2]).

Вы высказали съ такимъ талантомъ вполнѣ вѣрное и точное мнѣніе о человѣкѣ [3]), стоящемъ во главѣ кодификаціонныхъ работъ страны, о которой вы говорите. Я о немъ говорилъ то же самое. Но онъ—дуракъ и интриганъ, а такіе люди всегда умудряются вылѣзать впередъ, ибо ему никто не завидуетъ, а онъ льститъ сильнымъ міра сего, которые относятся къ нему покровительственно, будучи такъ же невѣжественны, какъ и онъ самъ.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ и почтеніемъ остаюсь Мордвиновъ.

Понедѣльникъ утромъ.

13-го сентября 1819 г. Сообщ. **В. Викторовъ.**

---

[1]) На вышеприведенномъ проектѣ реформъ, присланномъ Мордвиновымъ, Бентамъ сдѣлалъ не мало замѣтокъ карандашемъ, очевидно, имѣя въ виду получить отъ самого Мордвинова разъясненіе неясныхъ для него мѣстъ проекта. Къ сожалѣнію, не всѣ замѣтки Бентама удобочитаемы.

[2]) Рукой Бентама: „Mordvinoff after reading correspondence with Alexander on Codification“ (Мордвиновъ послѣ чтенія корреспонденціи съ Александромъ о кодификаціи).

[3]) Рѣчь идетъ о баронѣ Густавѣ Андреевичѣ Розенкампфъ, который былъ предсѣдатель коммиссіи составленія законовъ.

Изъ прошлаго Забайкалья.

(Къ исторіи нашей миссіонерской дѣятельности на окраинахъ).

При поступательномъ движеніи Россіи на Востокъ нынѣшняя Забайкальская область, извѣстная раньше подъ названіемъ Дауріи, представляла собою передовой этапъ, на которомъ наши первые піонеры собирались съ силами для дальнѣйшаго прониканія въ глубь неизвѣданныхъ странъ, къ побережьямъ Великаго океана, манившимъ смутными неопредѣленными слухами о сказочныхъ богатствахъ, превосходившихъ богатства прославленной, но уже достигнутой Дауріи. Хлынувшее съ Урала могучимъ стремительнымъ потокомъ наше поступательное движеніе неудержимо расплылось по всему лицу безпредѣльной Сибири, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія на своемъ пути, но естественно слабѣя на своихъ окраинахъ отъ собственнаго истощенія при безконечномъ удаленіи отъ источника своихъ силъ. Достигнувъ въ такомъ ослабленномъ видѣ до нынѣшней Забайкальской области, наше колонизаціонное движеніе наткнулось здѣсь впервые на упорное сопротивленіе со стороны монголо-бурятъ, представлявшихъ собою въ то время на всей поверхности Сибири почти единственное сравнительно сплоченное ядро туземнаго населенія.

Встрѣченное сопротивленіе не остановило, конечно, стихійнаго движенія Россіи на Востокъ, а послужило, такъ сказать, первымъ предостереженіемъ, напомнившимъ о необходимости сосредоточить сначала поработавшія наличныя силы и изыскать новыя для дальнѣйшаго движенія впередъ. Забайкалье явилось для этого весьма подходящимъ плацдармомъ, куда стекались наши слабыя разрозненныя силы, бродившія по всему лицу Сибири. Помимо географическаго положенія, этому содѣйствовали и заманчивая производительность страны, и прекрасныя

климатическія условія, и, въ особенности, открывшіяся здѣсь богатыя залежи серебра и золота, явившіяся главной приманкой для притока новыхъ силъ. Добываніе драгоцѣнныхъ металловъ, въ которыхъ такъ нуждалась Россія XVII вѣка, привлекло и усиленное вниманіе правительства къ этой далекой окраинѣ и привело къ принятію ряда мѣръ, имѣвшихъ цѣлью упорядочить экономическое и гражданское устройство новаго края.

При первыхъ же попыткахъ насажденія въ новой странѣ русской гражданственности ощутилась острая необходимость раньше всего въ увеличеніи русскаго населенія; но при крайней скудости его въ остальной Сибири нечего было и думать заимствовать оттуда переселенцевъ для Забайкалья; поэтому первымъ шагомъ правительства для увеличенія русскаго населенія за Байкаломъ была организація ссылки преступныхъ элементовъ изъ европейской Россіи въ началѣ XVIII столѣтія. Не довольствуясь этимъ, административныя власти западной Сибири, гдѣ ссылка существовала уже около $1^1/_2$ столѣтій, поощряли бѣгство за Байкалъ преступниковъ изъ сибирскихъ остроговъ, по которымъ быстро распространились слухи о богатой привольной странѣ за Байкаломъ, изобилующей серебромъ, золотомъ и драгоцѣнной пушниной.

Все это вмѣстѣ давало, однако, ничтожный притокъ русскаго населенія во вновь занятый край: слабыя ничтожныя поселенія первыхъ нашихъ колонизаторовъ были лишь кое-гдѣ вкраплены въ восточной и юго-западной частяхъ Забайкалья, теряясь совершенно среди охватившихъ ихъ со всѣхъ сторонъ кочевокъ бурятскаго населенія. Необходимо было принять болѣе дѣйствительныя мѣры для увеличенія здѣсь русскихъ силъ и водворенія русской гражданственности; съ этой цѣлью вниманіе правительства было обращено на бурятское населеніе, которое въ то время, при первомъ приходѣ русскихъ въ Забайкалье, представляло собою главное ядро живой силы на этой окраинѣ. Что ожиданія правительства въ этомъ отношеніи оказались не напрасными, видно уже изъ того, что позднѣе бурятское населеніе выдѣлило изъ себя значительную часть для образованія казачьяго войска, которое по настоящее время служитъ Россіи на этой далекой окраинѣ; но при первомъ знакомствѣ нашихъ піонеровъ съ бурятами послѣдніе представились въ такомъ полудикомъ сыромъ видѣ, что необходимо было подумать раньше всего о нѣкоторой обработкѣ этого сыраго матеріала въ интересахъ обрусѣнія пограничной области. Весьма естественно, что первымъ шагомъ въ этомъ направленіи явилась необходимость просвѣщенія язычниковъ-бурятъ проповѣдью христіанскаго вѣроученія.

Для лучшаго освѣщенія нашей миссіонерской дѣятельности среди бурятъ—да и въ виду общаго интереса—полагаю нелишнимъ коснуться сначала въ общихъ чертахъ характеристики этихъ инородцевъ, выне-

сенной изъ непосредственнаго съ ними соприкосновенія; при этомъ остановлюсь подробнѣе на весьма поучительной для насъ исторіи водворенія буддизма среди бурятъ, объясняющей многое въ безуспѣшности христіанской проповѣди въ Забайкальѣ. Это предварительное ознакомленіе съ той почвой, на которой приходилось сѣять христіанскую проповѣдь, даетъ возможность съ бо́льшимъ знаніемъ дѣла и бо́льшимъ безпристрастіемъ судить о дѣятельности нашихъ миссіонеровъ, по адресу которыхъ приходилось иногда встрѣчать въ печати незаслуженные упреки.

I.

Буряты.—Ихъ домашній бытъ: жилье, одежда, пища, положеніе женщины.

Буряты принадлежатъ къ монгольской расѣ и еще со временъ Чингисхана составляютъ туземное населеніе Забайкалья. Буряты сами называютъ себя б у р я д а м и или бурятами; при первомъ знакомствѣ съ русскими получили названіе «братскихъ»,—вѣроятно вслѣдствіе простаго созвучія словъ, почему сибиряки до сего времени называютъ бурятъ б р а т с к и м и. Главными типическими особенностями бурятъ служатъ выдающіяся скулы, косой разрѣзъ глазъ, мясистыя отвислыя уши, черные или темнокаштановые волосы и лицо смуглаго цвѣта; темпераментъ—сангвинико-флегматичный, сонливый; умъ—медленный и вялый, хотя живущіе близъ городовъ весьма хитры и плутоваты. Языкъ бурятъ принадлежитъ къ группѣ языковъ монгольскаго корня; въ немъ преобладаютъ горловые звуки и не слышно вовсе шипящихъ: буквы *с*, *ч*, *ц* замѣняются звукомъ *х*.

Источникомъ существованія бурятъ служитъ скотоводство, которымъ они занимаются съ особенной любовью; чтобы быть поближе къ своимъ стадамъ, они перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто, въ зависимости отъ временъ года и обилія подножнаго корма. Жилищемъ въ лѣтнее время служитъ юрта, а при наступленіи холодовъ—зимушка. Внутреннее убранство юртъ за рѣдкимъ исключеніемъ отличается совершеннымъ однообразіемъ: прямо противъ входа помѣщается ларь или створчатый ящикъ, на которомъ ставится одинъ или нѣсколько бурхановъ, а передъ ними раскладываются различныя принадлежности религіознаго культа: шесть мѣдныхъ чашечекъ съ жертвоприношеніями (мука, зерно, чай и проч.), металлическое зеркало, курительныя свѣчи и т. п.; рядомъ со входомъ, съ правой и лѣвой стороны, около стѣнъ юрты вѣшается и кладется на землю домашняя утварь, принадлежности сѣдловки и проч.; остающееся затѣмъ пустымъ пространство вдоль стѣнъ юрты занимается нарами, ящиками съ вещами, войлоками и т. п.; по-

срединѣ юрты, подъ отверстіемъ въ крышѣ укрѣпляется желѣзный треножникъ, который служитъ очагомъ.

Въ пищѣ и питьѣ буряты отличаются крайней неразборчивостью; мясо ѣдятъ рѣдко, но при случаѣ не брезгаютъ и падалью [1]); хлѣбъ также мало употребляютъ въ пищу, которая состоитъ главнымъ образомъ изъ продуктовъ молочнаго хозяйства; изъ этихъ продуктовъ, скопленныхъ за лѣто, заготовляютъ на цѣлый годъ арцу въ жидкомъ или густомъ видѣ, айраки—хлѣбный напитокъ; арулъ, хурутъ, зеге—различнаго вида сыръ, и т. п. Необходимымъ предметомъ питанія служитъ также кирпичный чай, который заваривается въ котлѣ съ примѣсью молока и соли, а иногда прибавляютъ еще къ чаю какую-нибудь мучную подболтку съ саломъ; чай въ такомъ видѣ называется затура.

Одеждой у мужчинъ служатъ тырлыкъ (верхнее платье), малахай (шапка), ичиги и унты (обувь). Волосы на головѣ стригутъ, оставляя на макушкѣ небольшой пучокъ, который въ три пряди заплетаютъ въ косу. Женщины носятъ ввидѣ различныхъ украшеній серебряныя монеты, бусы и проч., а на шеѣ имѣютъ всегда различные амулеты, талисманы и всевозможныя побрякушки.

Въ домашней жизни буряты отличаются крайней нечистоплотностью: весьма немногіе знакомы съ употребленіемъ мыла, а очень многіе во всю жизнь никогда не моютъ не только тѣла, но даже лицо и руки остаются у нихъ отъ рожденія въ неприкосновенномъ видѣ [2]).

Семейное начало у бурятъ развито очень слабо; рожденіе внѣ брака отнюдь не считается порокомъ; напротивъ—это служитъ доказательствомъ пригодности «бацагана» (дѣвушки) къ семейной жизни и гарантируетъ ея скорый выходъ замужъ, а слѣдовательно—полученія долика, т. е. калымнаго выкупа. Въ жизни бурятской женщины обычай и міровоззрѣніе бурята урѣзываетъ все, что̀ сколько-нибудь облагоро-

---

[1]) Въ 1891 году администрація Забайкальской области была встревожена неожиданнымъ появленіемъ въ Акшинскомъ округѣ какой-то острой эпидемической болѣзни, отъ которой въ одинъ день умерли одинъ за другимъ три бурята. По разслѣдованіи оказалось, что они по дорогѣ нашли трупъ полуразложившагося тарбагана и—вѣроятно подъ давленіемъ голода—наѣлись этой падали.

[2]) При рожденіи, прямо изъ утробы матери, младенецъ завертывается въ тулупъ и, не взирая на погоду и время года, подвѣшивается на нѣкоторое время возлѣ юрты, подъ открытымъ небомъ; такъ затѣмъ и во всю жизнь бурятъ никогда не моется и не купается. При выкомандированіи бурятъ-казаковъ на службу ихъ раньше всего отводятъ въ баню, гдѣ, подъ наблюденіемъ старшихъ, ихъ подвергаютъ мойкѣ—первый разъ въ жизни; для казака-бурята эта невинная „муштра“ является худшей пыткой на первыхъ порахъ службы.

живаетъ и возвышаетъ ея положеніе въ глазахъ мужчинъ: на жену бурятъ смотритъ исключительно какъ на рабочую силу, на свою дочь — какъ на товаръ, за который требуется получить возможно лучшій д о л и к ъ. Поэтому, если одна жена не въ состояніи управиться съ домашней работой, бурятъ беретъ вторую и третью жену; если дочь не обращаетъ на себя вниманіе парней на н а а д а х ъ (вечеринкахъ), то навлекаетъ на себя постоянные упреки родителей, опасающихся лишиться д о л и к а. Кстати замѣтить, что эти наады совершенно не имѣютъ того невиннаго характера, какъ у нашихъ крестьянъ посидѣлки или «вічірницы», на которыхъ парни и дѣвушки щеголяютъ другъ передъ другомъ веселымъ юморомъ или беззаботной удалью. Ничего подобнаго не встрѣчается на бурятскихъ н а а д а х ъ: здѣсь проявляется во всей силѣ грубый цинизмъ азіатскаго сладострастія: послѣ унылой пѣсни и флегматичной пляски парни тутъ же выбираютъ себѣ временныхъ подругъ, на глазахъ родителей, и всѣ вмѣстѣ продолжаютъ иногда оставаться въ юртѣ.

Достойно вниманія, что бурятамъ, повидимому, совершенно чуждо понятіе о любви: для этого чувства даже нѣтъ соотвѣтствующаго выраженія на бурятскомъ языкѣ—въ общемъ довольно развитомъ и имѣющемъ даже свою литературу; все объясненіе въ любви бурятъ выражаетъ однимъ словомъ д у р т а й, — что значитъ «хочу», «желаю»,— въ чемъ сказывается лишь грубая эгоистическая похоть.

II.

Водвореніе буддизма.—Отношеніе администраціи къ буддизму.—Учрежденіе должностей „ш и р е т у я“ и „б а н д и д о-х а м б о-л а м ы“. Надѣленіе ламайскаго духовенства землей и доходами.

Исторія водворенія буддизма среди нашихъ забайкальскихъ бурятъ и обращеніе ихъ изъ индифферентныхъ шаманитовъ въ фанатизированныхъ ламаитовъ представляетъ собою весьма яркій примѣръ того, какъ иногда важныя послѣдствія нарождаются отъ неосмотрительныхъ административныхъ мѣропріятій, вызванныхъ кабинетными умозрѣніями, чуждыми живой дѣйствительности.

При первомъ знакомствѣ русскихъ съ бурятами, послѣдніе принадлежали къ шаманству, которое представляетъ собою мало общаго съ основами буддійскаго вѣроученія. При кочевомъ, отчасти даже бродячемъ образѣ жизни, буряты очень мало интересовались дѣлами религіи, предоставивъ это исключительному вѣдѣнію своихъ шамановъ (жрецовъ). Въ концѣ XVII столѣтія въ Забайкальѣ впервые появляются монгольскіе ламы съ проповѣдью ученія Будды-Шакьямуни; буряты сначала

долго противились назойливой пропагандѣ ламъ, ссылаясь на свой кочевой образъ жизни, болѣе соотвѣтствующій исповѣдуемому ими шаманству. Но ламы энергично вели пропаганду буддизма: приноравливаясь къ быту кочевниковъ-бурятъ, ламы стали устраивать походныя кумирни въ юртахъ, съ которыми перекочевывали вмѣстѣ съ бурятскими стойбищами, пріучая одинаково упорствующихъ и колеблющихся къ постоянной совмѣстной жизни съ ламами, къ необходимости пользоваться ихъ совѣтами и наставленіями какъ въ духовной, такъ и практической жизни. Мѣстная администрація была въ то время всецѣло поглощена добываніемъ драгоцѣнныхъ металловъ и пушнины, и не обращала никакого вниманія на открывшуюся среди бурятъ пропаганду буддизма, не придавая, вѣроятно, особаго значенія этому обстоятельству. Будутъ ли буряты язычники-шамаиты, или язычники-ламаиты, казалось все равно.

Въ 1741 году сибирская администрація впервые обратила вниманіе на распространеніе ламаизма среди бурятъ. По собраннымъ тогда свѣдѣніямъ оказалось, что въ Забайкальѣ народилось уже 11 дацановъ (монастырей) и 150 ламъ. Озадаченныя такимъ быстрымъ ростомъ новой религіи, мѣстныя власти не ограничиваются уже запрещеніемъ дальнѣйшаго распространенія буддизма, но стараются удержать подъ своимъ контролемъ проявившуюся дѣятельность ламъ и вліяніе возникшихъ уже дацановъ.

Первые шаги администраціи въ этомъ отношеніи не могутъ быть признаны удачными: общее наблюденіе за дацанами и ламами было ввѣрено настоятелю Цонгольскаго дацана, которому присвоенъ былъ титулъ ширетуя (настоятель-архимандритъ).

Мѣрой этой положеніе ламъ и ихъ дѣятельность были оффиціально санкціонированы нашимъ правительствомъ, вслѣдствіе чего мы видимъ затѣмъ быстрое возростаніе числа ламъ среди бурятъ. Такъ, въ 1756 году ламъ было 312, въ 1766 году ихъ было уже 617. По переписи, произведенной въ 1822 году, было 19 дацановъ и 2.532 ламъ, а въ 1842 году число ламъ доходитъ уже до 5.545 при общей числительности бурятъ-буддистовъ въ 120 тысячъ чел. Повидимому, вліяніе ламайскаго духовенства среди бурятъ росло съ поразительной быстротой и съумѣло склонить въ свою пользу даже взгляды нашей администраціи: не прошло и 8 лѣтъ со времени учрежденія нашимъ правительствомъ должности ширетуя, какъ ламайскому духовенству удалось въ 1764 году добиться отъ нашихъ властей присвоенія Цонгольскому ширетую званія бандидо-хамбо-ламы, съ весьма обширными правами въ отношеніи всего ламайскаго духовенства въ Забайкальѣ.

Учрежденіемъ званія бандидо правительство наше надѣялось парализовать вліяніе тибетскаго главы буддистовъ, далай-ламы и вообще—

порвать связь забайкальскихъ бурятъ съ Тибетомъ и Монголіей; но при этомъ сказалось съ нашей стороны нѣкоторое увлеченіе, выразившееся въ томъ, что новымъ закономъ глава забайкальскихъ буддистовъ обязывался поддерживать и распространять среди бурятъ ламайскій буддизмъ: для хамбо-ламы установлена была съ этой цѣлью даже особая присяга, отмѣненная лишь въ 1856 году. Сокровенная цѣль въ учрежденіи особаго духовнаго главы надъ бурятами не была достигнута, такъ какъ въ буддійскомъ вѣроученіи тибетскій далай-лама стоитъ совершенно особнякомъ, какъ возрожденіе Будды. А между тѣмъ, учрежденіе званія бандидо-хамбо-ламы привело къ сосредоточенію въ однѣхъ рукахъ могущественной духовной власти надъ всѣми бурятами, усиленной, вдобавокъ, еще важными прерогативами свѣтской власти.

Такъ безповоротно рѣшена была участь шаманства, на развалинахъ котораго именемъ русской власти укрѣпилось ламайство. Поэтому, когда въ 1823 году были призваны выборные изъ бурятъ для составленія особаго «Степнаго Уложенія», то имъ не представлялось никакого труда, чтобы включить въ это Уложеніе статьи 84 и 85, согласно которымъ ламайскому духовенству предписывалось искорененіе среди бурятъ шаманства и водвореніе вмѣсто него буддизма. Именемъ русскихъ властей ламы начали преслѣдовать шамановъ и жечь кумирни шамаитовъ. . . .

Быстрое возростаніе числа ламъ, живущихъ тунеядствомъ насчетъ остальнаго населенія, часто озабочивало наше правительство; но принимаемыя мѣры, чуждыя близкаго знакомства какъ съ шамаитами, такъ и ламаитами, приводили нерѣдко къ противоположнымъ послѣдствіямъ. Такъ, въ 1825 году, съ цѣлью ограниченія числа ламъ были выработаны новые «штаты» ламайскаго духовенства въ дацанахъ; но рядомъ съ оффиціально признанными, «штатными», ламами множилось число нештатныхъ ламъ, что было совершенно неизбѣжно, какъ мы это увидимъ ниже. Съ той же цѣлью въ 1853 году было издано особое «Положеніе о ламайскомъ духовенствѣ въ Восточной Сибири», въ которомъ правительство щедрой рукой узаконило ламамъ земельные надѣлы и поборы съ массы населенія; такъ: хамбѣ-ламѣ опредѣлено 500 десятинъ и десятая часть доходовъ всѣхъ 34 дацановъ; въ каждомъ дацанѣ ширетую положено 200 десятинъ и $^1/_5$ часть доходовъ своего дацана; каждому ламѣ 60 десятинъ, бандіи (дьячокъ) 30 десятинъ, даже ховаракалѣ (ученикамъ, готовящимся въ ламы) выдѣлены земельные участки, по 15 десятинъ на каждаго.

Независимо отъ доходовъ въ дацанахъ узаконены еще доходы ламъ отъ бурятскаго населенія за совершеніе разныхъ гурумовъ (требъ), за раздачу бурхановъ (идоловъ), продажу священныхъ поясковъ, молитвъ и т. п. Ниже увидимъ, насколько разорительны для бѣднаго скотоводческаго населенія бурятъ эти поборы многочисленнаго ламай-

скаго духовенства. Новымъ закономъ ламы освобождены были и отъ тѣлесныхъ наказаній, и отъ всякихъ податей и повинностей, денежныхъ и натуральныхъ,—между прочимъ и отъ воинской повинности, которой ввидѣ казачьей службы подвержена часть бурятскаго населенія. Не довольствуясь этими привилегіями, новымъ Положеніемъ вся дѣятельность ламъ объявлена изъятой изъ вѣдѣнія и контроля гражданскихъ властей и подчинена исключительно контролю бандидо-хамбы-ламы, который зависитъ только отъ генералъ-губернатора и утверждается въ своемъ званіи государемъ императоромъ. Хамбо-ламѣ предоставлено право входить съ ходатайствомъ къ нашимъ властямъ о награжденіи ламъ серебряной и золотой медалью, которыя ламы и получаютъ изъ рукъ своего духовнаго главы «За усердіе и твердость въ вѣрѣ»...

На мѣстную администрацію возлагалась обязанность поддерживать ламайскія кумирни съ идолами, на содержаніе которыхъ выдѣлена была третья часть доходовъ отъ земель, приношеній и проч. Доходы эти, въ виду обширности земельныхъ угодій, приписанныхъ къ дацанамъ, были довольно значительны. Такъ, Гусинозерскому дацану принадлежитъ 1.500 десятинъ, Агинскому 1.400, Цонгольскому 1.200 десятинъ, Онинскому около 3.000 дес. и т. п.

Такъ выросло и окрѣпло среди забайкальскихъ бурятъ буддійское вѣроученіе, взлелѣянное и поддержанное нашимъ правительствомъ. Цѣлымъ рядомъ правительственныхъ распоряженій нами искусственно создано было на мѣстѣ податливаго, младенческаго шаманства крѣпко сплоченное, фанатизированное ламайство, представившее собою крайне неблагопріятную почву для дѣятельности нашихъ миссіонеровъ. Для лучшаго выясненія этого обстоятельства обратимся къ характеристикѣ ламъ и ихъ значенія въ экономической и религіозной жизни нашихъ бурятъ.

III.

Характеристика ламъ; значеніе ихъ въ Китаѣ и у насъ; отношеніе къ нимъ бурятъ прежде и теперь.—Совершеніе требъ.—Вліяніе ламъ.—Дацаны (монастыри).

Въ буддійскомъ вѣроученіи положеніе ламы опредѣляется троичностью догмы «гурба эрдэни» — «Богъ, Его Законъ и Лама», а также—символомъ «ламадоръ итэгэмой», т. е.—«вѣруемъ ламѣ»... Но, удѣляя ламѣ чуть ли не божественную роль въ религіозномъ культѣ, буддизмъ требуетъ отъ ламы полнаго отреченія отъ внѣшняго міра со всѣми его будничными потребностями. Лама обрекается на вѣчное безбрачіе; онъ не можетъ входить ни въ какія сношенія съ мірянами, не

можетъ выходить изъ стѣнъ своего дацана, не совершаетъ даже никакихъ духовныхъ требъ, которыя, строго говоря, не предусмотрѣны ученіемъ Будды. Такъ положеніе ламы опредѣляется буддійскимъ вѣроученіемъ въ его чистомъ видѣ, свободномъ отъ позднѣйшихъ наростовъ, нагроможденныхъ разными комментаторами; такъ, отчасти, оно сохранилось и въ Китаѣ и въ Монголіи.

Въ Забайкальѣ, однако, среди бурятскаго населенія, ученіе Шакьямуни совершенно измѣнилось, главнымъ образомъ благодаря покровительству русскихъ властей. Въ то время, когда въ Монголіи и Китаѣ, гдѣ буддизмъ является государственной религіей, ламамъ запрещено имѣть собственность, у насъ они, какъ мы это видѣли выше, широко надѣлены землей; въ Китаѣ хамбо-лама является просто ученымъ ламой, у насъ же ему присвоили важныя прерогативы свѣтской власти. Не далѣе 1860 года сами буряты готовы были признать хамбо-ламой кого угодно, кто будетъ поставленъ нашимъ правительствомъ, хотя бы то былъ даже русскій чиновникъ; между тѣмъ, въ отвѣтъ на это ходатайство, нашими законоположеніями хамбо-лама обставленъ такимъ ореоломъ духовной и свѣтской власти, съ прибавленіемъ богатыхъ матеріальныхъ средствъ, что онъ естественно обратился въ весьма вліятельнаго духовнаго главу всѣхъ бурятъ и строгаго блюстителя неприкосновенности ламайскихъ правъ и ламайскаго вѣроученія.

Въ настоящее время число всѣхъ ламъ среди забайкальскихъ бурятъ составляетъ не менѣе 10% общаго количества бурятскаго населенія. Въ строгомъ смыслѣ, ламы въ Забайкальѣ не представляютъ собою обособленную касту духовенства; они выдѣляются лишь изъ толпы вѣрующихъ тѣмъ, что предполагаются незанимающимися потребностями обыденной будничной жизни.

Дѣло въ томъ, что буддійское вѣроученіе проникнуто глубокимъ мистицизмомъ, требующимъ одинаково отъ всѣхъ своихъ послѣдователей полнаго отреченія отъ всѣхъ реальныхъ потребностей жизни. А такъ какъ такое требованіе въ отношеніи массы населенія несовмѣстимо съ условіями человѣческой природы, то и установился обычай, по которому третій сынъ служитъ искупленіемъ для всей семьи и посвящается въ ламы. Этимъ и объясняется чрезмѣрно большое число ламъ у бурятъ.

Какъ въ силу этой многочисленности ламъ, такъ и благодаря особенностямъ религіознаго культа и установившихся обычаевъ, вліяніе ламъ является подавляющимъ въ отношеніи всей жизнедѣятельности бурятъ. Всякое начинаніе, каждый шагъ въ житейскомъ обиходѣ регламентируется требованіями религіи и указаніями тибетскихъ священныхъ книгъ: дать имя младенцу, гдѣ и какъ поставить юрту, похоронить покойника, когда перекочевать на новое мѣсто, на все дается

указаніе въ священныхъ книгахъ; толкователями же этихъ книгъ, написанныхъ на непонятномъ для бурятъ тибетскомъ языкѣ, являются ламы.

По вѣрованіямъ забайкальскихъ бурятъ, лама можетъ по своимъ книгамъ начитать всякую бѣду и отчитать отъ бѣды; придя въ юрту, лама распоряжается, какъ хозяинъ, какъ посланникъ Бога; хозяинъ юрты обязанъ удалиться, оставивъ въ юртѣ для ламы свою жену... Исполненіе требъ (г у р у м ы) сводятся къ ворожбѣ, гаданіямъ и заклинаніямъ; иногда эти гурумы крайне разорительны: похороны богатаго бурята обходятся нерѣдко въ 100 и болѣе головъ скота. Но это не все: замѣтитъ, напримѣръ, лама послѣ похоронъ, что душа умершаго (богатаго, конечно) бурята направилась не туда, куда ей слѣдуетъ, и предупреждаетъ тотчасъ родственниковъ покойнаго; а за исправленіе такой бѣды берется, конечно, не малая мзда; понравится ли ламѣ какая-нибудь вещь,— ему не трудно будетъ уговорить хозяина-бурята, что по священнымъ книгамъ вещь эта должна принести своему хозяину большую бѣду, и что самое лучшее отдать ему этотъ предметъ для тайнаго истребленія.

При всемъ своемъ простодушіи забайкальскіе буряты рано постигли всю силу нравственнаго и экономическаго гнета, причиняемаго населенію непомѣрной численностью ламъ. Это побудило бурятъ еще въ 1795 году возбудить ходатайство предъ нашимъ правительствомъ объ ограниченіи числа ламъ; во вниманіе къ этому ходатайству было положено имѣть по одному ламѣ на каждыя 100 ревизскихъ душъ мужскаго пола. Но по ревизіи 1816 года уже оказалось 200 ламъ лишнихъ противъ узаконенной нормы, вслѣдствіе чего приказано было включить ихъ въ податной окладъ; при всемъ томъ, мы видимъ дальше безостановочный и неуклонный ростъ числа ламъ. Въ 1844 году при 8 дацанахъ было уже 917 ламъ, а въ 1846 году число ламъ возросло уже до 4.535, при 122 тыс. населенія бурятъ.

На это чрезмѣрное увеличеніе числа ламъ было обращено вниманіе правительства. Высочайше утвержденнымъ Положеніемъ о ламайскомъ духовенствѣ число штатныхъ ламъ при 34 дацанахъ опредѣлено въ 285; всѣхъ прочихъ ламъ рѣшено было обратить въ первобытное состояніе, что̀, конечно, возможно на бумагѣ, то не осуществимо на дѣлѣ, такъ какъ лама является однимъ изъ главныхъ основъ бурятскаго буддизма и никакъ не можетъ быть низведенъ въ простаго смертнаго. Поэтому всѣ отвергнутые нашимъ закономъ 4.250 ламъ остались, конечно, ламами, а подати за нихъ платятъ бурятскія общества, по раскладкѣ родоначальниковъ.

Выше мы указали, что въ концѣ минувшаго столѣтія буряты сами ходатайствовали объ ограниченіи числа ламъ; но въ наше время, подъ

вліяніемъ и постояннымъ давленіемъ многочисленнаго ламайскаго духовенства, взгляды бурятъ, повидимому, перемѣнились: отправляя въ 1873 году въ Петербургъ особую депутацію съ ходатайствомъ о допущеніи богослуженія въ обонахъ (часовняхъ), депутатамъ было поручено похлопотать также и объ увеличеніи числа штатныхъ ламъ противъ Положенія 1853 года. Эта перемѣна отношеній со стороны массы населенія къ ламамъ объясняется весьма просто тѣмъ, что рѣдкая бурятская семья не заинтересована теперь въ положеніи ламъ, которые служатъ матеріальной поддержкой для своихъ родичей [1]).

При такомъ всеохватывающемъ вліяніи ламъ, внѣдрившихся родственными узами въ каждую бурятскую семью, шаманство, конечно, быстро исчезло предъ лицомъ ламаизма, покровительствуемаго вдобавокъ нашимъ правительствомъ. Необходимо имѣть въ виду еще то обстоятельство, что для проповѣди буддизма среди бурятъ-шамаитовъ почва была уже нѣсколько подготовлена тѣмъ, что въ обоихъ вѣроученіяхъ есть идолы (бурханы)—хотя и съ кореннымъ различіемъ ихъ религіознаго значенія; затѣмъ, важное импонирующее значеніе имѣла торжественность ламайскаго богослуженія, сопровождающагося дикой музыкой и оглушительнымъ ревомъ трубъ; богатство бурхановъ, отлитыхъ изъ чистаго золота, великолѣпіе дацановъ, — все это поражало убогую фантазію полудикихъ скотоводовъ-бурятъ, которые никогда ничего не видѣли кромѣ своей обездоленной юрты.

На богатство обстановки своихъ дацановъ ламы не жалѣютъ средствъ. Судя по цифровымъ даннымъ, доставляемымъ ежегодно хамбо-ламой забайкальскому губернатору, каждая кумирня обходится въ среднемъ около 52 тыс. рублей; постройка Онинскаго дацана въ 50-хъ годахъ обошлась даже въ 60 слишкомъ тысячъ руб., а уже въ 1862 году отпущено было «на ремонтъ» (въ дѣйствительности же—на выписку изъ Китая золотыхъ бурхановъ) еще 25 тыс. руб. Незадолго до посѣщенія мною этого монастыря (дацана), въ 1890 году, употреблено было опять «на ремонтъ» свыше 50 тысячъ; деньги эти были обра-

---

[1]) Не безъинтересно указать и на нѣкоторые пріемы, характеризующіе современную жизнедѣятельность бурятъ: во главѣ упомянутой выше депутаціи, отправленной въ Петербургъ, посланъ былъ учитель Агинской инородческой школы Зориктуевъ; на расходы депутаціи, состоявшей изъ 4 депутатовъ, буряты ассигновали 60.000 рублей... Въ 1879 году буряты опять снарядили депутацію, богато снабженную деньгами, ходатайствовать по разнымъ вопросамъ, въ томъ числѣ и религіознымъ, при чемъ даже съ крещеныхъ бурятъ было собрано по 1 р. 10 к. съ души.

Повидимому, буряты довольны первыми примѣрами своихъ ходатайствъ въ Петербургѣ, потому что съ тѣхъ поръ забайкальскіе буряты часто обходятъ своими ходатайствами мѣстную администрацію, предпочитая посылку депутатовъ въ Петербургъ.

щены на покупку золотыхъ бурхановъ, аттрибутовъ богослуженія и книгъ, выписанныхъ изъ Тибета [1]).

Выяснивъ до нѣкоторой степени историческій ходъ водворенія буддизма среди забайкальскихъ бурятъ, прослѣдимъ теперь, какимъ путемъ была направлена здѣсь наша миссіонерская дѣятельность, которая съ самаго начала встрѣтила противодѣйствіе буддійскаго вѣроученія.

IV.

Первые шаги нашей миссіонерской дѣятельности.—Постройка монастырей.—Значеніе монастырей въ колонизаціи края. Происхожденіе забайкальскихъ мулатовъ.—Нарожденіе „пашенныхъ" крестьянъ и „ясачныхъ" бурятъ.—Секуляризація монаст. земель.—Прекращеніе миссіон. дѣятельности.

Первые шаги въ этомъ отношеніи сдѣланы были въ 1681 году при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ и патріархѣ Іоакимѣ. Для проповѣднической дѣятельности среди бурятъ отправлены были изъ московскаго Темникова Срѣтенскаго монастыря 12 монаховъ подъ главенствомъ игумена Ѳеодосія. Эта первая миссія была снабжена обширными правами, но съ ограниченными, даже по тому времени, матерьяльными средствами.

По прибытіи въ Забайкалье, монахи построили два монастыря: Посольскій на восточномъ берегу Байкала, — на томъ мѣстѣ, гдѣ въ 1652 году былъ измѣнически убитъ русскій посолъ Ерофей Заболотскій; второй монастырь, Троицкій, былъ построенъ въ 90 верстахъ отъ Посольскаго, на берегу р. Селенги. Оба монастыря должны были служить разсадниками христіанской проповѣди среди бурятъ. Но, лишенные матеріальной поддержки, монастыри вынуждены были сначала уклониться нѣсколько отъ своего прямаго назначенія, въ виду необходимости изыскиванія средствъ для существованія въ новомъ дикомъ краѣ. Впрочемъ, и на этомъ поприщѣ первые монастыри оказали государству важную услугу, создавъ на далекой окраинѣ центры колонизаціонной дѣятельности на почвѣ чисто-экономическихъ отношеній.

Устроившись на новомъ мѣстѣ, учредители Посольскаго и Троицкаго монастырей обратили вниманіе на огромныя земельныя пространства по восточному берегу Байкала и по долинѣ Селенги, представлявшія собою въ то время обширные, никому не принадлежащіе, пустыри; единственными претендентами могли служить лишь нѣкоторые роды селенгинскихъ бурятъ — цонгольскій, сортольскій и друг., незадолго передъ тѣмъ прикочевавшіе изъ Монголіи. Но и права бурятъ на эти земли были весьма спорны, — какъ потому, что упомянутые сейчасъ

[1]) Книги цѣнятся очень дорого: напримѣръ, одна книга „д а й ж у р ъ" стоитъ 4.500 руб. и заключаетъ въ себѣ 360 томовъ.

бурятскіе роды сами являлись лишь недавними пришельцами въ Забайкальѣ, такъ и въ виду того, что для скотоводческаго обихода бурятъ представлялось огромное раздолье и помимо территоріи, облюбованной первыми забайкальскими монастырями. Такимъ образомъ, Посольскій и Троицкій монастыри явились съ самаго начала своего возникновенія богатыми собственниками обширныхъ земельныхъ угодій. Обстоятельство это послужило прочнымъ залогомъ матеріальнаго преуспѣянія монастырей на зарѣ ихъ существованія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ значительной степени содѣйствовало колонизаціи и обрусѣнію края.

Сдѣлавшись богатыми собственниками, монастырямъ необходимо было озаботиться заселеніемъ своихъ владѣній, чтобы обезпечить себя рабочими руками; съ этой цѣлью придуманы были разныя средства, чтобы привлечь на монастырскія земли ссыльныхъ и бѣглыхъ всякаго рода. Кромѣ обширныхъ земельныхъ участковъ и разныхъ обѣщаній въ будущемъ отъ монастыря выдавалось безвозмездно каждому поселенцу на первое обзаведеніе лошадь, корова, 20 пудовъ ржи, мѣдный котелъ, топоръ, коса, два сошника и два серпа; вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшалось строить усадьбу, гдѣ угодно, и распахивать земли, сколько угодно. Взамѣнъ этого требовалось отъ поселенца, чтобы онъ ежегодно обработалъ монастырю одну десятину, т. е.—вспахалъ, засѣялъ, сжалъ, обмолотилъ и доставилъ хлѣбъ въ монастырь. Крестьяне эти назывались «пашенными».

Съ первыхъ же шаговъ заселенія новыхъ земель сталъ ощущаться недостатокъ въ женщинахъ, такъ какъ ссыльные и бѣглые были исключительно одинокіе мужчины. Добываніе женщинъ рѣшалось очень просто—путемъ похищенія ихъ у сосѣднихъ бурятъ [1]). Сознавая все значеніе женскаго элемента въ дѣлѣ упроченія осѣдлости и хозяйственности, монастырское духовенство молча поощряло похищеніе бурятскихъ женщинъ и охотно крестило и вѣнчало ихъ со своими поселенцами. Изъ этихъ смѣшанныхъ браковъ, русскихъ съ бурятами, народился въ Забайкальѣ особый типъ мулатовъ. Фактъ этотъ отмѣ-

[1]) Чтобы уберечь своихъ женщинъ отъ похищенія ихъ монастырскими крестьянами, буряты придумали простой способъ: перемѣнили костюмъ дѣвокъ и парней, одѣвъ однихъ въ платье другихъ. Этому способствовало свойственное монгольской расѣ отсутствіе у мужчинъ усовъ и бороды. Похищеніе бурятскихъ женщинъ стало послѣ того сопровождаться иногда весьма горькимъ разочарованіемъ для хищниковъ и такимъ образомъ отвадило ихъ отъ покушенія на монгольскихъ сабинянокъ. Тѣмъ не менѣе обмѣнъ одежды среди бурятскихъ парней и дѣвокъ наблюдается еще и понынѣ въ особенности среди кударинскихъ бурятъ: дѣвушки стригутъ волосы подъ гребенку, носятъ картузъ, поддевку, мужскую рубашку на выпускъ, плисовыя шаровары и сапоги; только привычный глазъ можетъ отличить дѣвушку отъ парня.

ченъ Палласомъ еще въ минувшемъ столѣтіи; по его словамъ — «большая часть городскихъ и сельскихъ жителей въ Селенгинской области обнаруживаетъ сильное смѣшеніе съ монгольской кровью. Изъ обоюдныхъ браковъ бурятъ и русскихъ происходятъ мулаты, которые имѣютъ нѣсколько монгольское обличье и черные или темные волосы; но въ то же время — правильныя и пріятныя черты лица, и извѣстны подъ именемъ «карымовъ» или «карымковъ». Состоятельные русскіе сельскіе жители съ давнихъ поръ имѣютъ обычай выбирать себѣ въ жены бурятскихъ или монгольскихъ женщинъ, кровь которыхъ, по ихъ увѣренію, горячѣе крови русской женщины. Потомки этихъ браковъ и теперь охотно роднятся съ бурятами». Этотъ смѣшанный типъ встрѣчается преимущественно въ южныхъ и юго-западныхъ пограничныхъ казачьихъ станицахъ и отличается рѣзко выраженной монгольской конструкціей черепа, смуглымъ цвѣтомъ кожи и черными волосами.

Обезпеченные матеріально, Посольскій и Троицкій монастыри дѣятельно повели миссіонерскую проповѣдь среди бурятъ, и въ короткое время, рядомъ съ «пашенными» селеніями, — т. е. населенными «пашенными» крестьянами—выросли на монастырской территоріи и «братскія» селенія, т. е. населенныя бурятами или «братскими». Выросшіе на почвѣ экономической зависимости пашенные крестьяне, съ теченіемъ времени, обратились въ монастырскихъ крѣпостныхъ; условія подесятинной обработки монастырскихъ земель были забыты, и монастыри стали смотрѣть на своихъ пашенныхъ какъ на приписанныхъ къ монастырямъ крѣпостныхъ крестьянъ, по примѣру того, какъ это существовало тогда и въ Европейской Россіи.

Не долго, однако, первымъ разсадникамъ миссіонерской проповѣди пришлось пользоваться обезпеченнымъ матеріальнымъ положеніемъ. Дѣло въ томъ, что въ концѣ XVIII столѣтія въ наши правительственныя сферы, какъ извѣстно, стали проникать новыя идеи, навѣянныя западноевропейскими энциклопедистами. Однимъ изъ первыхъ послѣдствій этихъ чреватыхъ разными послѣдствіями идей была секуляризація монастырскихъ земель въ Забайкальѣ. Въ 1774 году императрица Екатерина II повелѣла отобрать вотчины отъ Посольскаго и Троицкаго монастырей; крестьяне были объявлены свободными отъ всякихъ обязательныхъ отношеній къ монастырямъ и получили отъ принадлежавшихъ монастырямъ угодій большіе общинные надѣлы; монастырскія церкви, считавшіяся миссіонерскими, были обращены въ приходскія; на содержаніе же монастырей были оставлены обширныя рыбныя угодья на Байкалѣ и Турунтаевскомъ озерѣ.

Правительство не довольствовалось, однако, отчужденіемъ монастырскихъ земель и эмансипаціей крестьянъ и признало необходимымъ прямо ограничить миссіонерскую дѣятельность монастырей. Въ угоду хода-

тайства бурятъ въ 1780 году, послѣдовало распоряженіе, по которому переходъ инородцевъ въ православіе обставлялся такими формальностями, которыя были равносильны полному запрещенію: каждый бурятъ, желающій креститься, долженъ былъ самолично подать прошеніе на Высочайшее имя въ Казенную коллегію Посольскаго монастыря; безъ разрѣшенія коллегіи ни одинъ миссіонеръ не имѣлъ права крестить. Ближайшимъ послѣдствіемъ этого распоряженія было прекращеніе миссіонерскихъ поѣздокъ монаховъ по бурятскимъ стойбищамъ. Не видя передъ собою живаго дѣла проповѣди среди языческаго населенія, ради котораго и учреждены были монастыри, обездоленные при томъ въ матеріальномъ отношеніи, монахи постепенно стали покидать свои обители и разсѣялись по разнымъ мѣстамъ Сибири. Въ обоихъ монастыряхъ миссіонерская дѣятельность все-таки еще поддерживалась нѣкоторое время, благодаря энергіи отдѣльныхъ лицъ. Но, со смертію архимандрита Троицкаго монастыря Мисаила и съ переводомъ архимандрита Илларіона изъ Посольскаго монастыря въ Пекинскую миссію, дѣятельность православныхъ миссіонеровъ въ Забайкальѣ совсѣмъ прекратилась.

При всемъ томъ, мы видимъ въ началѣ текущаго столѣтія новыя попытки къ возобновленію миссіонерской дѣятельности среди язычниковъ со стороны нѣсколькихъ монаховъ, прибывшихъ въ Забайкалье изъ Европейской Россіи. Правительство предоставило имъ однако же дѣйствовать на собственный рискъ, безъ всякой надежды на ту или иную поддержку или покровительство. Тобольская митрополія, къ которой миссіонеры обратились за помощью, сама жившая насчетъ монастырей, тоже отказала въ матеріальной поддержкѣ. Такимъ образомъ попытки миссіонеровъ наткнулись съ перваго же шага на непредвидѣнныя затрудненія и кончились поэтому ничѣмъ..

V.

Англійскіе миссіонеры въ Забайкальѣ.—Основаніе въ Россіи миссіонерскаго общества въ 1859 году.—Возобновленіе дѣятельности русской миссіи.—Мѣры по устройству экономическаго быта новокрещеныхъ бурятъ.

На смѣну русскихъ миссіонеровъ, прекратившихъ свою дѣятельность въ Забайкальѣ въ 1780 году, явились миссіонеры англійскаго Библейскаго общества, которое зорко слѣдило за успѣхомъ христіанской проповѣди среди язычниковъ въ предѣлахъ Россіи.

Правительство наше радушно отнеслось къ предложенію англійскаго Библейскаго общества, и въ 1818 году въ Забайкальѣ появились три англійскихъ миссіонера, при которыхъ состояло 8 человѣкъ помощни-

ковъ и небольшой штатъ прислуги. Для проповѣднической дѣятельности миссіонеры учредили въ нѣдрахъ бурятскаго населенія три стана— одинъ въ Селенгинскѣ, а два въ районѣ кочевокъ хоринскихъ бурятъ. Пользуясь обширными матеріальными средствами, миссіонеры сразу поставили свою дѣятельность на широкую ногу: обзавелись въ Селенгинскѣ собственнымъ домомъ, библіотекой, типографіей, школами для языческихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, перевели и издали Библію и Евангеліе на монгольскій и бурятскій языки — что̀ давало возможность знакомить со священнымъ писаніемъ, кромѣ ученыхъ ламъ, также и кочевниковъ бурятъ, при томъ на ихъ родномъ, разговорномъ языкѣ.

Англійскіе миссіонеры просуществовали въ Забайкальѣ почти безъ перерыва 40 слишкомъ лѣтъ (съ 1818 по 1861 годъ). О дѣятельности ихъ въ Забайкальѣ осталось до сихъ поръ не мало преданій, рисующихъ работу миссіонеровъ въ привлекательномъ видѣ, однако, безъ плодотворныхъ результатовъ въ смыслѣ водворенія христіанства среди бурятъ-язычниковъ; даже изданныя миссіонерами Библія и Евангеліе на монгольскомъ и бурятскомъ языкахъ и распространенныя въ огромномъ числѣ экземпляровъ въ бурятскихъ стойбищахъ не встрѣчаются уже нигдѣ среди бурятъ даже въ 60-хъ годахъ, т. е. вслѣдъ за выѣздомъ миссіонеровъ изъ Забайкалья. Это объясняется весьма просто тѣмъ, что, по распоряженію ламъ, всѣ экземпляры, въ числѣ десятковъ тысячъ, были собраны недалеко отъ Селенгинска и сожжены.

Рядомъ съ англійской миссіей возобновилась въ Забайкальѣ и русская миссія въ 1821 году, при иркутскомъ епископѣ Михаилѣ; но — опять-таки лишенная матеріальной поддержки, безъ опытныхъ, авторитетныхъ руководителей — русская миссія явилась мертворожденной съ самаго начала своего возникновенія; о борьбѣ съ англійской миссіей, богато снабженной всѣмъ и поддерживаемой неизсякаемыми средствами англійскаго Библейскаго общества, не могло быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что во главѣ англійской миссіи стояли преданные своему дѣлу просвѣщенные дѣятели, знатоки монгольскаго и бурятскаго языковъ; тогда какъ въ русскую миссію допущены были приходскіе священники, которые въ то время посвящались въ Сибири иногда изъ людей малограмотныхъ, принадлежавшихъ разнымъ сословіямъ, — нерѣдко даже изъ разряда ссыльнопоселенцевъ «раскаявшихся и исправившихся».

Въ 1859 году основано было въ Россіи миссіонерское общество по примѣру англійскаго Библейскаго общества. Первымъ дѣломъ вновь учрежденнаго общества было возобновленіе русской миссіи въ Забайкальѣ въ 1861 году для веденія христіанской проповѣди среди бурятъ. Какъ видно изъ печатнаго отчета, обнародованнаго въ 1867 году, цѣлью миссіи поставлены были слѣдующія задачи: «изысканіе и подготовка лицъ, имѣющихъ призваніе къ миссіонерскому служенію, построеніе

храмовъ, устройство помѣщеній для миссіонеровъ и изысканіе средствъ на содержаніе миссіи».

Оживившаяся мисіонерская дѣятельность, вызванная учрежденіемъ новаго общества, весьма скоро отразилась среди нашихъ миссіонерскихъ становъ въ Забайкальѣ. Давно изнемогая въ неравной борьбѣ съ вліяніемъ крѣпко сплоченнаго буддійскаго духовенства, Забайкальская миссія представила въ 1867 году «Общему Управленію Иркутско-Забайкальской миссіей» особый проектъ, имѣвшій цѣлью нѣсколько увеличить миссіонерскія силы, ничтожность которыхъ, по сравненію съ грандіозностью возложенной задачи, сознавалась всѣми. Въ общихъ чертахъ проектъ этотъ заключался въ слѣдующемъ: 1) подготовка миссіонеровъ при Петербургскомъ университетѣ, 2) учрежденіе женскихъ общинъ и 3) принятіе бурятскихъ мальчиковъ на воспитаніе въ Иркутской семинаріи. Проекту этому, какъ и многимъ другимъ, не суждено было осуществиться,—ни въ цѣломъ, ни въ частностяхъ: отъ подготовки миссіонеровъ при Петербургскомъ университетѣ «Общее Управленіе» отказалось, ссылаясь, впрочемъ, на вполнѣ резонные доводы, что для проповѣди среди бурятъ необходимо знать разговорный языкъ, которому трудно научиться въ университетскихъ аудиторіяхъ; учрежденіе женскихъ общинъ признано было вполнѣ желательнымъ, но отъ этого приходилось отказаться, за неимѣніемъ средствъ. Относительно воспитанія инородческихъ мальчиковъ въ практической семинаріи «Общее Управленіе» тоже пришло къ заключенію, что мѣра эта будетъ или безполезна или убыточна для миссіи. Точно также и въ позднѣйшихъ отчетахъ Забайкальской миссіи вліянію школы отводится второстепенная роль и признается необходимымъ «отказаться отъ заведенія училищъ, какъ вопроса второстепеннаго, который и не можетъ затрогиваться за недостаткоиъ средствъ».

Вообще, нельзя не замѣтить, что въ противоположность англійскимъ миссіонерамъ въ Селенгинскѣ, начавшимъ свою дѣятельность съ устройства школъ, а также и въ противоположность — какъ мы это видимъ теперь — миссіонерской дѣятельности разныхъ европейскихъ и американскихъ миссіонерскихъ обществъ, подвизающихся въ Китаѣ и Японіи и обращающихъ главное вниманіе на подготовку подростающаго поколѣнія къ воспринятію христіанской проповѣди при помощи школы,— наши русскіе миссіонеры отказались съ самаго начала отъ могущественнаго содѣйствія школы; между тѣмъ назидательный примѣръ былъ на лицо: всѣ воспитанники-буряты, обучавшіеся въ школѣ англійскихъ миссіонеровъ, явились вполнѣ подготовленными для принятія христіанскаго ученія и были крещены нашими миссіонерами вслѣдъ за уходомъ англичанъ.

Въ этомъ игнорированіи со стороны нашей миссіи въ Забайкальѣ

значенія школы въ дѣлѣ миссіонерской дѣятельности кроется одна изъ главныхъ причинъ недостаточности плодотворныхъ результатовъ, на которые миссіонеры въ правѣ были разсчитывать, какъ благодаря значительному личному составу, такъ и благодаря притоку впослѣдствіи матерьяльныхъ средствъ, при постоянныхъ субсидіяхъ отъ казны и доброхотныхъ пожертвованіяхъ частныхъ лицъ. Между тѣмъ буряты со своей стороны обращали усиленное вниманіе на школу, какъ на орудіе для противодѣйствія христіанской проповѣди. Съ этой цѣлью при каждомъ дацанѣ устроены были спеціальныя школы для обученія тибетской грамотности и приготовленія ламъ; число обучающихся въ этихъ школахъ очень значительно: при одномъ Онинскомъ дацанѣ въ 1890 году числилось въ обученіи 300 хавораковъ. На содержаніе школъ средства отпускаются щедрой рукой, судя по тому, какъ сравнительно роскошно обставлены помѣщенія нѣкоторыхъ ламъ-учителей [1]).

Не довольствуясь этими школами, состоящими въ вѣдѣніи духовенства, бурятскія общины устроили еще инородческія училища, въ которыхъ преподаются и общеобразовательные предметы, но въ строго буддійскомъ духѣ; при этомъ—настолько, что миссіонеры не допускаются даже въ эти училища для преподаванія Закона Божія православнымъ бурятскимъ мальчикамъ, обучающимся въ училищахъ.

Тѣмъ не менѣе Забайкальская миссія къ началу 80-хъ годовъ насчитываетъ уже среди бурятъ православныхъ около 24-хъ тысячъ душъ обоего пола, такъ называемыхъ «ясачныхъ».

Быстрое возростаніе числа новокрещенныхъ бурятъ поставило предъ правительствомъ важную дилемму объ устройствѣ ихъ экономическаго быта. Дѣло въ томъ, что всѣ бурятскія земли находятся въ общинномъ пользованіи; поэтому, съ переходомъ бурята въ православіе, и при желаніи его селиться вблизи своей приходской церкви, онъ раньше всего лишается своего земельнаго надѣла. Со стороны мѣстныхъ властей принимались нѣкоторыя мѣры относительно устройства быта «ясачныхъ»; но всѣ эти мѣры имѣли палліативный характеръ. Такъ, циркулярнымъ распоряженіемъ генерала Корсакова, въ январѣ 1872 года, предписано было уступить по 3.000 десятинъ для устройства колоніи новокрещенныхъ бурятъ при каждомъ миссіонерскомъ станѣ; но мѣра эта не была

---

[1]) При посѣщеніи мною дацана въ 1890 году мнѣ отведено было помѣщеніе у ламы Сонджина. Довольно просторная комната была вся устлана коврами, стѣны и потолки были сплошь задрапированы весьма дорогимъ свѣтлымъ шелкомъ; вокругъ стѣнъ — нары, покрытыя большимъ числомъ шелковыхъ подушекъ. Въ сервировкѣ стола тоже была замѣтна претензія на роскошь. Все это представляло собою рѣзкій контрастъ не только съ обездоленной, убогой обстановкой простаго бурята, но даже съ обиходомъ сравнительно болѣе богатыхъ бурятскихъ т а й т е й („князей“).

осуществлена кромѣ Селенгинскаго округа, гдѣ земля была сначала отведена, а затѣмъ, впрочемъ, также отобрана назадъ.

Позднѣе въ Кударинскомъ миссіонерскомъ станѣ приступлено было къ устройству колоніи новокрещеныхъ на отведенномъ участкѣ земли въ 2.000 десятинъ; но и тутъ бурятскія общества настояли на отобраніи земли отъ миссіонеровъ. Въ Баргузинскомъ станѣ крещеные буряты добились сами отъ своихъ обществъ выдѣленія имъ небольшихъ земельныхъ надѣловъ, по $^3/_4$ десятины на душу, и основали свою колонію осѣдлыхъ хлѣбопашцевъ. Одно изъ сотенныхъ [1]) правленій Селенгинскаго округа отвело новокрещенымъ бурятамъ для устройства особыхъ колоній обширное пространство въ 3 кв. версты; но бурятскія общества не допустили все-таки заселить эти земли «ясачными». Лишь послѣ безконечной переписки и вмѣшательства высшей административной власти удалось удержать для новокрещеныхъ бурятъ всего лишь по 15 кв. саженъ подъ усадьбы, благодаря чему основанная здѣсь колонія «ясачныхъ» была обречена съ самаго начала на экономическое прозябаніе; такая же колонія устроилась и въ 1878 году, при Тугнуйскомъ миссіонерскомъ станѣ, на отведенномъ земельномъ участкѣ въ 1.245 десятинъ. Наиболѣе видные результаты въ дѣлѣ устройства быта «ясачныхъ» связаны съ проектомъ губернатора Сколкова. Благодаря этому проекту, утвержденному Государственнымъ Совѣтомъ въ 1871 г., возникли на Читинскомъ почтовомъ трактѣ многіе улусы и селенія новокрещеныхъ бурятъ, которые надѣлены здѣсь были земельными участками при почтовыхъ станціяхъ; на обзаведеніе и устройство каждой семьѣ было выдано по 127 рублей; это дало возможность новоселамъ устроиться на новомъ мѣстѣ сравнительно прочно и основательно.

VI.

Культурное взаимодѣйствіе русскихъ и бурятъ.—Культурное вліяніе „семейскихъ“.—Характеристика „семейскихъ“.

Входя въ болѣе частое общеніе съ русскимъ населеніемъ, колоніи новокрещеныхъ бурятъ постепенно подвергались цивилизующему вліянію русской культуры, охотно переходя отъ кочеваго образа жизни къ осѣдлому и усвоивая русскій образъ жизни, русское міровоззрѣніе, а иногда и русскій языкъ. Важнѣйшую, конечно, услугу въ этомъ отношеніи оказали миссіонеры, являвшіеся, такъ сказать, блюстителями въ дѣлѣ чистоты обрусѣнія края, считая себя ближайшими руководителями и наставниками подвѣдомственныхъ имъ бурятъ.

---

[1]) Сотенное управленіе на территоріи бурятъ-казаковъ соотвѣтствуетъ станичному правленію.

Еще болѣе благотворнымъ оказалось культурное вліяніе крестьянъ и казаковъ въ восточномъ Забайкальѣ на обитающее здѣсь тунгусское населеніе. Большая часть осѣдлыхъ тунгусовъ, живущихъ въ предѣлахъ Читинскаго и Нерчинскаго округовъ, обрусѣла настолько, что лишь типическія черты изобличаютъ принадлежность ихъ къ монгольской расѣ; во всемъ прочемъ—въ отношеніи религіи, языка, обычаевъ, домашняго быта—мало чѣмъ отличаются отъ живущихъ по сосѣдству съ ними крестьянъ и казаковъ; русскимъ языкомъ въ большинствѣ случаевъ владѣютъ лучше, чѣмъ своимъ тунгусскимъ, который все больше и больше забывается.

Но рядомъ съ этимъ отраднымъ явленіемъ неизбѣжно сказались также послѣдствія реактивнаго воздѣйствія монголо-бурятъ на нѣкоторую часть русскаго населенія,—преимущественно въ южной и юго-восточной части области. Выше отмѣчены уже были послѣдствія смѣшанныхъ браковъ, благодаря массовымъ похищеніямъ бурятскихъ женщинъ монастырскими «пашенными» крестьянами. Еще большее значеніе въ этомъ отношеніи принадлежало физическимъ условіямъ мѣстности: первые русскіе новоселы неизбѣжно расплывались на обширномъ пространствѣ, входя разрозненными, почти единичными, силами въ соприкосновеніе съ массовымъ туземнымъ населеніемъ монголо-бурятской расы. Очутившись въ привольномъ и дикомъ краѣ, съ невоздѣланной и малоплодородной почвой, первые русскіе переселенцы охотнѣе всего брались за скотоводство, испытанное уже туземцами; тѣмъ болѣе, что этому способствовали обширные луга и обиліе скота, не требующаго почти никакого ухода.

Эта общность занятій съ бурятами содѣйствовала болѣе тѣсному съ ними сближенію, а вмѣстѣ съ тѣмъ—заимствованію отъ бурятъ ихъ опытности, понятій и взглядовъ; постепенно усвоены были и языкъ, примѣты, издѣлія бурятъ; принадлежность для сѣдловки лошадей въ пограничныхъ казачьихъ станицахъ заимствована цѣликомъ у бурятъ, и даже удержаны названія бурятскія. Изъ одежды заимствованы т ы р л ы к ъ и д э л а (зимній и лѣтній халатъ), у н т ы и г у т у л ы (зимняя и лѣтняя обувь). Въ отношеніи пищи, казаки, какъ и буряты, высоко цѣнятъ к ы р с э н ъ (макушка груди у барана), а также х у р у т ъ (сыръ), ш у л ю (супъ) и т. п.; во всѣхъ этихъ, какъ и въ множествѣ другихъ случаевъ, удержаны даже названія бурятскія.

Въ домашнемъ быту казаки также заимствовали многое отъ бурятъ. Въ этомъ отношеніи замѣчается поражающая двойственность, при которой уживаются вмѣстѣ нѣкоторыя потребности культурнаго человѣка и легендарная неряшливость бурята: рядомъ съ газетами, лампами, бронзой, мягкой мебелью и даже коврами (такая обстановка встрѣчается нерѣдко у богатыхъ станичниковъ),—казакъ не брезгаетъ варить себѣ

обѣдъ въ грязнѣйшемъ котлѣ, который лишь изрѣдка обмахивается внутри грязнымъ голикомъ (вѣникомъ); вмѣстѣ съ бурятомъ угощается чаемъ изъ грязной чашки, въ которую бурятка тутъ же, на глазахъ гостей, за отсутствіемъ воды, обильно плюетъ для чистоты въ чашку и вытираетъ лоснящейся отъ жира и грязи полой своей шубы [1]).

Но помимо этихъ внѣшнихъ заимствованій и извращеній мелочей домашняго быта гораздо важнѣе и печальнѣе то, что многіе обурятившіеся казаки и теперь еще въ пограничныхъ поселкахъ и «караулахъ» охотнѣе говорятъ по-бурятски, чѣмъ по-русски,—вѣрятъ въ бурятскихъ шамановъ, даже держатъ у себя иногда шаманскихъ бурхановъ.

Прямую противоположность пограничнымъ казакамъ представляютъ въ Забайкальѣ такъ называемые «семейскіе», которые въ числѣ около 40 тыс. душъ живутъ преимущественно въ Верхнеудинскомъ округѣ. Эта часть русскаго населенія выдѣляется тѣмъ, что вышла совершенно чисто изъ горнила монголо-бурятскаго вліянія, сохранивъ въ полной неприкосновенности и чистотѣ всѣ свои этническія особенности, религіозныя вѣрованія, древнерусскій патріархальный образъ жизни и любовь исключительно къ земледѣльческому труду.

Культурное вліяніе «семейскихъ» не только на сосѣднихъ бурятъ и ясачныхъ, но и на соприкасающееся съ ними крестьянское населеніе является неотразимымъ и по настоящее время; поэтому полагаю нелишнимъ коснуться здѣсь краткой характеристики этой немногочисленной, но въ высшей степени своеобразной, группы русскаго населенія, олицетворяющей собою маленькій осколокъ древней Руси, затерявшійся гдѣ-то въ дебряхъ Забайкалья.

«Семейскими» въ Забайкальѣ называются старообрядцы, которые получили такое названіе потому, что были переселены цѣлыми семьями въ концѣ минувшаго столѣтія, послѣ перваго раздѣла Польши; въ Польшу же они раньше переселены были изъ сѣверныхъ губерній.

Въ прежнее время, а иногда и теперь, «семейскихъ» называютъ раскольниками поповщинской секты; но въ дѣйствительности они не могутъ быть названы сектантами въ узкомъ смыслѣ, такъ какъ не

[1]) Для лучшей характеристики неряшливости бурятъ, которой не брезгаютъ и казаки, могу привести слѣдующій случай. Лѣтомъ 1890 года я былъ проѣздомъ въ гостяхъ у богатаго казака, у котораго домъ обставленъ былъ именно съ такимъ комфортомъ, о которомъ упомянуто выше. Для моего угощенія гостепріимный хозяинъ приказалъ слугѣ-буряту заколоть барана и приготовить свѣжую кровяную колбасу (считается лакомымъ блюдомъ). Выйдя на крыльцо, я вмѣстѣ съ хозяиномъ любовался приготовленіемъ „лакомаго“ блюда: вынувъ кишки, бурятъ ихъ немножко похлопалъ объ уголъ дома и безъ всякой промывки оставивъ тамъ наполовину содержимое, прибавилъ какую-то начинку изъ муки и крови, бросилъ въ котелъ и затѣмъ преподнесъ намъ... Хозяинъ уплеталъ эту колбасу съ большимъ аппетитомъ—хотя и видѣлъ эту стряпню во всей прелести—и удивлялся моей разборчивости.

усвоили рѣшительно ничего изъ тѣхъ многочисленныхъ толковъ, которые обусловили собою дѣленіе раскольниковъ на различныя секты. Семейскіе не выдумали никакого обряда, не сочинили ни одного догмата, не присвоили себѣ отъ духовенства рѣшительно никакой принадлежащей ему власти; словомъ,—ничего не прибавили и не убавили въ церковномъ уставѣ противъ того, какимъ онъ былъ въ древней Руси до патріарха Никона.

То обстоятельство, что «семейскіе» прибыли въ Забайкалье вмѣстѣ со своими семьями, а также благодаря устойчивости характера, закаленнаго въ отстаиваніи своихъ религіозныхъ вѣрованій, послужило сохраненію среди нихъ въ совершенной чистотѣ физическихъ и психическихъ чертъ, свойственныхъ великоруссамъ. Выдержавъ упорную борьбу съ непривычными особенностями окружающей природы, семейскіе основали свое благосостояніе исключительно на хлѣбопашествѣ и во всѣхъ мѣстахъ своего поселенія отличаются замѣчательной зажиточностью и служатъ образцомъ трудолюбія какъ для сосѣднихъ бурятъ, такъ и для русскаго населенія.

Въ одеждѣ семейскихъ сохранилось многое, относящееся ко времени царства Московскаго: какъ мужчины, такъ и женщины носятъ суконный кафтанъ, который называется шинелью, а попроще—озямъ—нанковый халатъ; для постоянной носки служатъ куртикъ и шойдоникъ,—короткій кафтанъ изъ сукна собственнаго издѣлія; головнымъ уборомъ у мужчинъ служитъ войлочная шапка, называемая колпакомъ, также четыреугольная шапка и чабакъ—шапка съ наушниками; обувью служитъ партни или маризни, имѣющіе видъ башмаковъ безъ подошвъ. Женщины до замужества носятъ ввидѣ головнаго убора повязку съ рясами, т. е. съ нитками, нанизанными бусами; у замужнихъ важную часть костюма составляетъ кичка, имѣющая видъ кокошника; затѣмъ необходимой принадлежностью какъ замужнихъ, такъ и дѣвицъ служатъ различныя монисты, чарки съ подборами—на ногахъ, и кольца, перстни—на рукахъ. Волосы на головѣ мужчины стригутъ сверху гладко, а по краямъ пускаютъ бахромку; почему голова какъ-бы съуживается кверху; это и подало поводъ сибирякамъ называть семейскихъ «востроголовыми».

Домовитость у «семейскихъ» доведена до высокой степени, отецъ является истиннымъ главой семьи и держитъ дѣтей въ строгомъ послушаніи,—даже послѣ того, какъ дѣти обзаведутся собственнымъ хозяйствомъ. Жена пользуется уваженіемъ и безъ ея согласія не предпринимается ничего важнаго. Разговоръ свой женщины пересыпаютъ часто библейскими изреченіями, хотя отъ грамотности, вообще, женщины сторонятся, придерживаясь семейской поговорки—«мужику не рожать, бабѣ дьякомъ не бывать». **М. Грулевъ.**

Издатель **С. Зыковъ.** Редакторъ **Н. Дубровинъ.**

ДНЕВНИКИ

В. А. ЖУКОВСКАГО.

Съ примѣчаніями И. А. Бычкова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1901.

Между бумагами В. А. Жуковскаго, пожертвованными его сыномъ Павломъ Васильевичемъ въ 1884 году въ Императорскую Публичную Библіотеку, находится нѣсколько дневниковъ нашего знаменитаго поэта, на важное значеніе которыхъ для его біографіи было обращено мною вниманіе въ составленномъ мною описаніи этихъ бумагъ [1]).

Свой журналъ Жуковскій сталъ вести еще въ молодыхъ годахъ; до насъ дошелъ отрывокъ его журнала за 1804 годъ, когда поэту шелъ двадцать второй годъ, затѣмъ журналъ 1805 и 1806 года, веденный, впрочемъ, не ежедневно, а съ большими перерывами. За послѣдующія десять лѣтъ (1807—1816) въ бумагахъ Жуковскаго дневниковъ его, къ сожалѣнію, не сохранилось; но что они велись, по крайней мѣрѣ за нѣкоторые годы, это доказывается выпискою изъ журнала за 1810 годъ (отъ 22-го ноября), приведенною въ письмѣ Жуковскаго къ А. И. Тургеневу отъ 4-го декабря 1810 года [2]), а также напечатанными въ «Русской Старинѣ» 1883 года [3]) двумя выдержками изъ дневника Жуковскаго 1814 года. Начиная съ 1817 г. въ бумагахъ поэта, хранящихся въ Публичной Библіотекѣ, имѣется рядъ его дневниковъ, которые идутъ

---

[1]) Бумаги В. А. Жуковскаго, Спб. 1887, стр. 3 и 5.

[2]) Письма В. А. Жуковскаго къ Александру Ивановичу Тургеневу, Москва. 1895, стр. 83—85.

[3]) Томъ XXXVII, стр. 206—212 (выдержки изъ дневника отъ 22 и 25—26 февраля 1814 г.). Небольшая выдержка изъ того же дневника напечатана еще въ книгѣ Зейдлица „Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго“, Спб. 1883, стр. 56—58. Что дневникъ этотъ относится не къ 1813, а къ 1814 году, видно изъ сравненія его содержанія съ письмомъ Жуковскаго къ А. Ѳ. Воейкову отъ 20-го февраля 1814 года, напечатаннымъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1900 года, сентябрь, стр. 21—27.

до сороковыхъ годовъ. Но и въ этой, позднѣйшей, серіи дневниковъ есть пробѣлы за цѣлые годы [1]).

«Жуковскій не лѣнивъ былъ сочинять, но писать былъ лѣнивъ. Работа, рукодѣліе писанія были ему въ тягость. Съ начала велъ онъ дневникъ свой довольно охотно и горячо; но позднѣе этотъ трудъ потерялъ прелесть свою. Замѣтки его стали короче, а иногда и однословны», говоритъ князь П. А. Вяземскій [2]). Справедливость этого мнѣнія подтверждаетъ самъ Жуковскій [3]). Стоитъ также сравнить его журналъ изъ болѣе ранняго времени (1804—1806 гг.) съ дневниками позднѣйшими (съ 1817 года), чтобы наглядно въ этомъ убѣдиться.

Печатая выдержки изъ дневника Жуковскаго за время пребыванія его въ Парижѣ въ маѣ и іюнѣ 1827 года [4]), князь П. А. Вяземскій о характерѣ этого дневника говоритъ слѣдующее: «Дневникъ его (Жуковскаго) не систематическій и не подробный. Часто отмѣтки его просто колья, которые путешественникъ втыкаетъ въ землю, чтобы означить пройденный путь, если придется на него возвратиться, или заголовки, которые записываетъ онъ для памяти, чтобы послѣ на досугѣ развить и пополнить». Эта характеристика вполнѣ примѣнима и къ сохранившимся въ бумагахъ Жуковскаго дневникамъ его съ 1817 г. Краткія, зачастую односложныя, замѣтки о томъ, что онъ дѣлалъ, гдѣ и у кого бывалъ, что онъ видѣлъ, съ кѣмъ встрѣчался, преобладаютъ въ этихъ дневникахъ; но иногда въ нихъ читаются и болѣе подробныя, художественныя описанія видѣннаго поэтомъ, даются живыя характеристики лицъ, съ которыми приходилось ему встрѣчаться, выливаются краснорѣчивымъ языкомъ его задушевныя мысли, попадаются мѣткія сужденія [5]). Для біографіи Жуковскаго дневники его имѣютъ весьма важное значеніе, а потому они печатаются нынѣ на страницахъ «Русской Старины» въ полномъ видѣ. При этомъ я счелъ не безполезнымъ сопроводить ихъ нѣкоторыми, лишь самыми необходимыми, объяснительными примѣчаніями.

Иванъ Бычковъ.

---

[1]) Такъ не имѣется вовсе дневниковъ за слѣдующіе годы: 1823—1825, 1828, 1830 и 1834—1836 (см. Бумаги В. А. Жуковскаго, стр. 3—17).

[2]) „Русскій Архивъ“ 1876 года, книга вторая, стр. 99; Полн. собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, т. VII, Спб. 1882, стр. 481—482.

[3]) См. Бумаги Жуковскаго, стр. 118.

[4]) „Въ Русскомъ Архивѣ“ 1876 г., книга вторая, стр. 94—99. То же см. въ Полн. собраніи сочиненій князя П. А. Вяземскаго. т. VII, стр. 470—489. Принадлежавшій кн. Вяземскому дневникъ пребыванія Жуковскаго въ Парижѣ въ маѣ и іюнѣ 1827 года восполняетъ пробѣлъ въ тетрадкахъ дневника Жуковскаго за этотъ годъ, имѣющихся въ Императ. Публичной Библіотекѣ.

[5]) Нѣсколько подобныхъ выдержекъ изъ дневниковъ Жуковскаго за 1817, 1818, 1820 и 1821 годы были мною напечатаны въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1889 (августъ, стр. 356—371) и 1890 года (январь, стр. 291—298).

1804.

А. и Б.

30-е іюля. А. Нынѣшній день я провелъ весьма непріятно. Былъ недоволенъ собою, безпокоенъ, лишенъ бодрости.

Б. Отчего?

А. Не знаю, однако должна быть причина.

Б. Разумѣется! Если не видимая, то по крайней мѣрѣ скрытая. Можетъ быть, опытный глазъ могъ бы открыть ее и подать тебѣ помощь; но ты этого сдѣлать не можешь, потому что не привыкъ къ размышленію. Разскажи мнѣ порядокъ своего дня; можетъ быть, сколько-нибудь объяснится причина твоего неудовольствія на самого себя.

А. Я всталъ позже обыкновеннаго, въ исходѣ седьмаго (нарушеніе порядка—первое впечатлѣніе, и конечно непріятное, при самомъ началѣ дня; однако, мнѣ кажется, оно не имѣло замѣтнаго впечатлѣнія на мое расположеніе). До десяти часовъ я пробылъ съ моими, пилъ кофе, говорилъ о постороннемъ, неинтересномъ; А. . . . просила меня, во время ея отсутствія, брать съ почты письма на ея имя отъ В. . . . М. . . . [1]). Я отказался, опасаясь возбудить подозрѣніе самымъ стараніемъ не возбудить его. Это однакожъ имѣло больше непріятное на меня вліяніе: мнѣ было нѣсколько тяжело не сдѣлать удовольствія, хотя А. . . . сама согласилась на мои причины. Я не переводилъ, какъ обыкновенно; читалъ Сенъ-Ламберта [2]); голова моя была нѣсколько тяжела, я многое понималъ съ трудомъ, другаго не понималъ совсѣмъ; былъ невнимателенъ и досадовалъ на самого себя за это невниманіе, почиталъ себя неспособнымъ ни къ какому вниманію, и чтеніе мое отъ этого становилось часъ отъ часу непріятнѣе. Потомъ сдѣлалъ свой экстрактъ [3]). Во время чтенія завтракалъ; не знаю, не перемѣнило ли это нѣсколько моего расположенія; говорятъ, будто голова не такъ можетъ дѣйствовать во время пищеваренія... Послѣ обѣда тотчасъ взялся за книгу, не читалъ, а перебиралъ листы въ Сенъ-Ламбертѣ [Cathéchisme univ.] [4]),

---

[1]) Кого Жуковскій означилъ буквами А. и В. М., неизвѣстно.

[2]) Saint-Lambert († 1803), французскій поэтъ и философъ.

[3]) Изъ прочитаннаго.

[4]) Сочиненіе Сенъ-Ламберта Principes des moeurs chez toutes les nations ou Cathéchisme universel вышло въ Парижѣ въ 1798 г.

въ Томпсонѣ [1]), въ Геснерѣ [2]), въ Гервеѣ [3]), въ Блумфильдѣ [4]); потомъ, отбросивъ эти книги, взялъ въ руки Делилевъ переводъ Энеиды [5]), прочелъ шестую пѣснь, безъ вниманія, безъ пріятности. Пришла матушка [6]), говорила о строеніи [7]), дѣлала расчеты не весьма нужные и давно ею сдѣланные. Во время чтенія я имѣлъ глупость обременить свой желудокъ непоспѣлыми яблоками, потомъ дынею, что произвело рѣзь въ животѣ. Немного спустя, постучавъ нѣсколько времени машинально на фортопіанахъ, я сѣлъ переводить; перевелъ три страницы изъ Дюкло [8]) и не совсѣмъ дурно. Кончивъ переводъ, пошелъ гулять уже съ другимъ пріятнѣйшимъ расположеніемъ; вечеръ сумрачный, однако не ненастный, пріятно на меня дѣйствовалъ, голова моя была нѣсколько свѣжѣе и способнѣе къ размышленіямъ.

Б. И ты не видишь причины своего неудовольствія на самого себя? Она однакожъ не совсѣмъ закрыта. Ты всталъ не въ обыкновенное время. Ты говорилъ въ то время, когда былъ съ своими, о постор(онних)ъ неинтер(есных)ъ вещахъ. Это, конечно, мало значитъ, но душа, будучи часто въ такихъ недѣятельныхъ состояніяхъ, въ какомъ твоя была въ это время, нечувствительно отъ нихъ грубѣетъ. Мнѣ кажется, можно бы было изъ всякой минуты выводить пользу, и ты могъ находить больше пріятности въ сихъ разговорахъ, если бы

---

[1]) Джэмсъ Томсонъ (Thomson) († 1748), англійскій поэтъ. Главное его произведеніе—Seasons (Времена года). Въ № 14 „Вѣстника Европы“ за 1808 г. Жуковскій напечаталъ стихотвореніе „Гимнъ. (Подражаніе Томпсону)“ (въ Стихотвореніяхъ Жуковскаго (изд. 9-е, т. I, стр. 114) печатается съ такимъ заглавіемъ: „Гимнъ. [Изъ поэмы Томпсона: «Времена года»]“).

[2]) Соломонъ Геснеръ, извѣстный швейцарскій поэтъ († 1788).

[3]) Джэмсъ Гервей (Hervey), англійскій богословъ и моралистъ (р. 1714 † 1758).

[4]) Робертъ Блумфильдъ, англійскій поэтъ (р. 1766 † 1823).

[5]) Энеида въ переводѣ знаменитаго французскаго поэта Жака Делиля (Delille, р. 1738 † 1813) вышла въ Парижѣ въ 1804 году.

[6]) Мать В. А. Жуковскаго, Елизавета Дементьевна († 25 мая 1811).

[7]) О постройкѣ дома въ Бѣлевѣ (ср. описанныя мною Бумаги В. А. Жуковскаго, Спб. 1887, стр. 4—5). Домъ свой въ Бѣлевѣ Жуковскій началъ строить именно съ 1804 г. (см. „Русскій Архивъ“ 1871 г., ст. 0147) и къ концу 1805 г. уже въ немъ поселился (см. Сочиненія В. А. Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, Спб. 1879, стр. 383—384).

[8]) Charles Duclos (р. 1704 † 1772), французскій моралистъ, авторъ сочиненія Considérations sur les moeurs. Въ сохранившейся въ бумагахъ Жуковскаго „Росписи во всякомъ родѣ лучшихъ книгъ и сочиненій, изъ которыхъ большей части должно сдѣлать экстракты. 1805 года“ (см. Бумаги В. А. Жуковскаго, стр. 156) поименовано (собр. бумагъ Жуковскаго, № 79, л. 1 об.), между прочимъ, это именно сочиненіе Дюкло („Sur les moeurs par Duclos“).

захотѣлъ принудить себя ко вниманію и дѣятельности; но ты лѣнивъ и многое упускаешь отъ нерадѣнія [1]).

А. Какъ же пріучить себя къ дѣятельности? Какъ сдѣлаться нелѣнивымъ?

Б. Объ этомъ будемъ имѣть особенный разговоръ. Кончимъ разсматриваніе дня твоего. Отказъ, сдѣланный тобою А. . . . , хотя имѣетъ основ(ательныя) причины, однако оставилъ нѣчто непріятное въ твоихъ мысляхъ. Ты сперва было согласился, но послѣ отказалъ, не сдѣлавъ никакого предварительнаго разсужденія. Ты не умѣешь еще разсуждать, не наблюдаешь постепенность въ своихъ мысляхъ, не знаешь выводить порядочныя заключенія. Привычка этому научитъ, но должно хватать время, или опоздаешь. Нынѣшній твой отказъ не есть слѣдствіе разсужденія. Ты сперва рѣшился и потомъ началъ думать, для чего: итакъ не можешь назвать своего поступка благоразумнымъ, потому что онъ не есть слѣдствіе благоразумія. Отчего ты читалъ безъ пріятности? Отъ невниманія и отъ напряженія понять читаемое, не обративъ на него всего вниманія. Сія неудача тебя огорчала, ты почиталъ себя непонятнымъ совершенно, и ошибался; ты былъ только въ эту минуту непонятенъ, потому что не имѣлъ вниманія и не былъ расположенъ ко вниманію: слѣдственно, всѣ непріятныя чувства твои произошли отъ неудачи. Итакъ, чтобъ быть веселымъ, надобно заниматься, но, чтобы занятіе было удачно, должно, чтобы оно было непринужденно; для этого надобно каждое занятіе согласовать со временемъ и расположеніемъ, не давая однакожъ себѣ слишкомъ воли. Напримѣръ, лѣнь надобно превозмогать. Лѣнь сама по себѣ тяжела и непріятна; желалъ бы ничего не дѣлать, но мысль, что пренебрегаешь свою должность, мучитъ тебя; то ли дѣло, когда получишь право сказать самому себѣ: теперь могу успокоиться.

А. Итакъ, мнѣ надобно знать, что̀ въ какое время и въ какомъ положеніи дѣлать. Если я нѣсколько разсѣянъ,—читать книги, просто занимательныя, романы, мелкихъ поэтовъ и тому подобное, или рисовать, или заниматься какою-нибудь машинальною работою; а въ хорошемъ расположеніи приняться за что-нибудь важнѣйшее. Лучше всего каждое утро, разсмотрѣвъ себя, положить, что̀ дѣлать въ тотъ день, чтобы не потерять его. Надобно наблюдать однакожъ, чтобы обыкновенная работа была всегда сдѣлана, отъ этого зависитъ расположеніе пріятное или непріятное остатка дня. Всегда надобно помнить, что я занимаюсь для пользы и для пріятности, а не поневолѣ.

Б. Твое принужденное чтеніе имѣло непріятное вліяніе на весь почти остатокъ дня. Въ этомъ положеніи ты хотѣлъ разбирать себя и

---

[1]) Затѣмъ сбоку написано: „Неудача; умѣренность“.

видѣлъ въ себѣ все съ дурной стороны, не замѣчая, что въ эту минуту глазъ твой былъ невѣренъ. Надобно бы(ть) совершенно хладнокровнымъ, чтобы судить о чемъ-нибудь безъ предубѣжденія въ дурную или хорошую сторону. Сужденіе твое о самомъ себѣ въ такія мрачныя минуты не должно быть для тебя огорчительнымъ: ты не можешь себѣ вѣрить, ибо ты несправедливъ или неспособенъ быть справедливымъ. Когда будешь спокоенъ, беззаботенъ и нѣсколько пріучишься мыслить, разбери себя; этотъ разборъ необходимъ для предохраненія твоего отъ многихъ ошибокъ въ жизни. Но теперь не время, ибо ты еще лѣнивъ мыслить и не знаешь методы размышленія.

А. Какъ же научить себя мыслить?

Б. Я думаю, чтеніемъ и стараніемъ не упускать ни одного способнаго случая къ размышленію. Ты долженъ побѣдить для этого свою лѣнь, которая мѣшаетъ тебѣ и мыслить, и дѣлать. Она, можетъ быть, есть одинъ изъ главныхъ пороковъ твоего характера. Она не допуститъ тебя до дурнаго, но также и до хорошаго, которое требуетъ дѣятельности. Лѣнь есть привычка души къ бездѣйствію. Какъ же ее уничтожить? Пріучить душу дѣйствовать, какъ можно чаще, не откладывая. Пріучаясь къ одному, она отвыкнетъ отъ другаго. Это будетъ великимъ шагомъ; сперва покажется труднымъ, мало по малу облегчится; сперва будешь чувствовать одну непріятность, потомъ меньше, меньше, и, наконецъ, всѣ непріятности исчезнутъ—останется дѣятельность. Только не теряй бодрости, и все далѣе.

5-е августа. А. Можетъ быть, въ декабрѣ поѣду въ Петербургъ съ И. П. Тургеневымъ[1]). Это путешествіе пріятно, потому что оно доставитъ мнѣ случай много видѣть такого, о чемъ не имѣю еще идеи; можетъ быть, узнаю нѣсколько больше общество; не бездѣлица видѣть одинъ изъ лучшихъ театровъ, слышать прекрасныхъ пѣвицъ и пѣвцовъ, посѣщать кабинеты картинъ, статуй и прочее; однимъ словомъ, съѣздивъ въ Петербургъ, запасусь, можетъ быть, многими идеями для своего уединенія.

Б. Но, чтобы съ пользою съѣздить въ Петербургъ, надобно быть для него готовымъ. Чтобы видѣть съ прямымъ удовольствіемъ кабинеты скульптуры и живописи, надобно знать что-нибудь о томъ и о другомъ, надобно имѣть понятіе о россійской исторіи, умѣть судить о театрѣ. Теперь ты ничего этого не имѣешь. Какъ же себѣ поможешь?

---

[1]) Съ Иваномъ Петровичемъ Тургеневымъ, отцомъ друзей Жуковскаго, Андрея, Александра и Сергѣя Ивановичей Тургеневыхъ, извѣстнымъ масономъ, съ конца 1797 по конецъ 1803 года занимавшимъ должность директора Московскаго университета. О поѣздкѣ Жуковскаго въ Петербургъ въ 1804 году свѣдѣній не имѣется. Въ программѣ своей автобіографіи Жуковскій лишь упоминаетъ объ этой поѣздкѣ (см. Бумаги Жуковскаго, стр. 5).

А. Если не могу получить всей пользы, то по крайней мѣрѣ получу одну часть ея: могу читать исторію на мѣстѣ, она больше впечатлѣется въ моей памяти. Читая трактаты о живописи, скульптурѣ и драматическомъ искусствѣ, буду имѣть случай повѣрять мысли, почерпнутыя мною изъ книгъ, впечатлѣніями, которыя буду имѣть въ кабинетахъ и театрѣ. И этой выгоды довольно.

Б. Хорошо. Но что ты сдѣлаешь, если представится тебѣ случай войти выгодно въ службу?

А. Объ этомъ надобно подумать хорошенько. Надобно рѣшиться; сдѣлать планъ своей жизни, планъ вѣрный и постоянный.

Б. Спроси у самого себя, чего ты желаешь въ жизни, чего будешь искать и что найти способенъ. Можетъ быть, это всегдашнее безпокойство, которое тебя волнуетъ, есть слѣдствіе твоей нерѣшимости: ты еще не знаешь, чего желать и къ чему стремиться, идешь не по дорогѣ, потому что еще не видишь дороги. Первое—что ты разумѣешь подъ словомъ: служить?

А. Разумѣю дѣйствовать для пользы отечества и своей собственной, такъ чтобы послѣдняя была не противна первой.

Б. Хорошо; но степени пользы, которую можешь дѣлать, служа, не одинаковы. Ты долженъ быть долго орудіемъ, исполнителемъ чужой воли, чтобы получить наконецъ свою волю дѣйствовать. Есть мѣста такія, въ которыхъ ты можешь совсѣмъ не дѣйствовать или, что все равно, дѣйствовать безполезнымъ образомъ. Сіи мѣста могутъ быть предметомъ твоихъ желаній развѣ только потому, что служатъ лѣстницею къ высшимъ и полезнѣйшимъ; но, чтобы возвыситься, ты долженъ имѣть покровителей или найти ихъ, чего совсѣмъ не умѣешь сдѣлать: для сего нужны гибкость, проворство, умъ, осторожность, прилежность, или необыкновенныя, замѣтныя достоинства. Все это не твое дѣло! Къ тому жъ, если счастье тебѣ и послужитъ, то на что тебѣ важное достоинство? Ты возьмешь на себя такую обязанность, которой, конечно, не будешь умѣть исполнить, не имѣя способностей публичнаго человѣка, способностей дѣйствовать на общество, быть полезнымъ въ большомъ кругѣ своею дѣятельностію, своими обширными видами, способностію обнимать множество частныхъ пользъ вмѣстѣ и составлять изъ нихъ общую пользу. Польза есть цѣль службы; кто неспособенъ къ ней достигнуть, тотъ не служи и выбери для себя кругъ тѣснѣйшій, цѣль ближайшую и вѣрнѣйшую. Служить для чина хорошо тому, кто видитъ въ чинѣ усовершенствованіе собственнаго бытія своего, кто безъ наружнаго величія малъ и низокъ, кто долженъ быть чѣмъ-нибудь передъ людьми, потому что ничто передъ собою. Большой чинъ связанъ съ большими обязанностями: ты не можешь исполнять ихъ въ совершенствѣ. Искать малаго чина есть трудъ совершенно безполезный.

Служить для собственной выгоды—есть отдѣлять ее отъ общей, думать о корысти, а не о чести; къ тому жъ и для одной собственной выгоды надобно имѣть чинъ важный, мѣсто такое, съ которымъ бы соединялось великое вліяніе на общество.

ЖУРНАЛЪ

1805.

13-го іюня [1]). § 1. Даже говоря правду, надобно быть нѣсколько скрытнымъ, то-есть надобно правдѣ, самой непріятной, давать такой образъ, которой бы не могъ отвратить отъ нея того человѣка, которому ее предлагаешь. Иначе она несомнѣнно потеряетъ свое дѣйствіе и будетъ нѣкоторымъ образомъ брошена на поруганіе. Говорить истину съ грубостію и жестокостію, которыми хвалились стоики, есть нѣкоторымъ образомъ непозволенное самохвальство, совершенно противное той пользѣ, которую принести хочешь, и показывающее одинъ только эгоизмъ, сокрытый подъ маскою правдолюбія. Сверхъ того, никто не позволитъ себя учить: это противно самолюбію, слѣдовательно безполезно, потому что недѣйствительно. Учи людей такимъ тономъ, какъ будто бы отъ нихъ самъ желаешь научиться. Заставь ихъ самихъ сказать то, что бы желалъ сказать имъ. Говорить правду другу другое дѣло.

§ 2. Главная обязанность человѣка есть быть честнымъ. Счастіе, наслажденія, чувствительность, твердость характера и пр. и пр. зависятъ болѣе отъ темперамента и обстоятельствъ; честность зависитъ отъ него самого.

§ 3. Къ началу генваря или марта 1806-го года я долженъ выплатить половину теперешняго своего долга и положить за правило болѣе не дѣлать долгу ни на полушку, не брать ни у кого денегъ, кромѣ тѣхъ, которыя получу отъ Антонскаго [2]) для путешествія [3]). Путешествовать 3

---

[1]) Въ 1805 г. Жуковскій жилъ частью въ с. Мишенскомъ (имѣніи его покойнаго отца А. И. Бунина), въ трехъ верстахъ отъ г. Бѣлева, частью въ самомъ Бѣлевѣ.

[2]) Профессора Московскаго университета Антона Антоновича Прокоповича-Антонскаго, съ 1791 по 1824 годъ стоявшаго во главѣ Московскаго университетскаго благороднаго пансіона, въ которомъ получилъ свое воспитаніе Жуковскій.

[3]) Отправиться въ заграничное путешествіе Жуковскій думалъ вмѣстѣ съ А. Ѳ. Мерзляковымъ и Н. И. Тургеневымъ. Годъ думалъ онъ пробыть

года, съ половины 1806 до половины 1809-го года. Возвратясь, начать выдавать журналъ; продолжать это изданіе четыре года, въ которые выплатить весь свой долгъ. Потомъ приняться за какую-нибудь важную работу, такую, которая бы принесла пользу и сдѣлала бы меня болѣе извѣстнымъ въ литературѣ. Если жъ не поѣду путешествовать, то къ концу 1806-го года расквитаться со всѣмъ моимъ долгомъ; взять съ нач(ала) 1807-го года изданіе журнала [1]); выдавать его четыре года, нѣкоторую часть денегъ проживать, другую откладывать, а по окончаніи журнала, какъ сказано, приняться за что-нибудь важное и посвятить себя совершенно литературѣ. Въ продолженіе четырехъ лѣтъ изданія журнала могу скопить и отложить тысячи четыре (заплатя и долгъ), которыя съ моимъ теперешнимъ капиталомъ составятъ 11 тысячъ; отдавъ ихъ въ Восп(итательный) домъ, буду получать 500 рублей годоваго дохода, вѣрнаго, чистаго, къ которому всякой годъ могу присоединять работою 500 рублей. Откладывая по тысячѣ на годъ, въ десять лѣтъ могу имѣть двадцатитысячный капиталъ, или вѣрный доходъ по тысячѣ рублей на годъ.

Вотъ мой планъ; сбудется ли онъ, не знаю. Съ моей стороны я долженъ употребить для его исполненія прилежность, постоянное терпѣніе, расчетливую бережливость и умѣренность въ образѣ жизни. Но въ продолженіе этого времени можетъ быть столько перемѣнъ! И какихъ перемѣнъ! Счастливыхъ ли, несчастливыхъ ли?—какъ знать! Но я не требую слишкомъ многаго. Хочу спокойной, невинной жизни. Желаю не нуждаться. Желаю, чтобы я и матушка были не несчастны, имѣли все нужное. Хочу имѣть нѣкоторыя удовольствія, возможныя всякому человѣку, бѣдному и богатому, удовольствія отъ занятій, отъ умѣренной, но постоянной дѣятельности, наконецъ отъ спокойной, порядочной семейственной жизни. Почему бы этому не исполниться? Проведя три года въ путешествіи, въ свободѣ самой неограниченной, возвращусь домой, начну трудиться, трудомъ получать свое пропитаніе и вмѣстѣ удовольствіе; чтеніе, садоводство и—если бы далъ Богъ—общество вѣрнаго друга или вѣрной жены будутъ моимъ отдохновеніемъ. Иногда, въ по-

---

въ Гёттингенѣ, другой годъ въ Парижѣ, а третій годъ употребить на путешествіе по Европѣ (см. письмо Жуковскаго къ А. И. Тургеневу отъ второй половины августа 1805 года въ изданныхъ съ моими примѣчаніями въ приложеніи къ „Русскому Архиву“ 1895 года „Письмахъ В. А. Жуковскаго къ Александру Ивановичу Тургеневу“, стр. 4). Вмѣсто Гёттингена потомъ онъ думалъ учиться въ Іенскомъ университетѣ (тамъ же, стр. 20, письмо отъ 8-го января 1806). Мечты Жуковскаго о путешествіи не сбылись; какъ извѣстно, въ первый разъ онъ поѣхалъ за границу лишь въ 1820 году.

[1]) Издавать „Вѣстникъ Европы“ Жуковскій сталъ съ 1808 года; въ 1811 же году онъ отказался отъ редакторства этого журнала.

ложенное время, буду ѣздить въ Москву, если не переселюсь въ нее совершенно, для свиданія съ знакомыми или для дѣлъ своихъ и проч. Избави меня, Боже, отъ большихъ несчастій, и я не буду искать большаго счастія! Спокойная, невинная жизнь, занятія, для меня и для другихъ полезныя или пріятныя, дружба, искренная привязанность къ моимъ ближнимъ друзьямъ и наконецъ, если бы было можно, удовольствіе нѣкоторыхъ умѣренныхъ благодѣяній—вотъ всѣ мои требованія отъ Провидѣнія!

§ 4. Каковъ я? Что во мнѣ хорошаго? Что худаго? Что сдѣлано обстоятельствами? Что природою? Что можно пріобрѣсть и какъ? Что должно исправить и какъ? Чего не можно ни пріобрѣсть, ни исправить (то-есть, есть ли что во мнѣ такое)? Какое счастіе мнѣ возможно по моему характеру? Вотъ вопросы, на рѣшеніе которыхъ должно употребить нѣсколько (много) времени. Они будутъ рѣшаемы мало-по-мало, во все продолженіе моего журнала.

§ 5. 1 іюля 1805, въ вечеру. Я нынче въ какомъ-то пріятно-уныломъ расположеніи. Не думая ни о чемъ, задумчивъ. Мнѣ пріятно было смотрѣть на отдаленія, покрытыя вечернею тѣнью. Эта неясность и отдаленность всегда имѣетъ трогательное вліяніе на сердце: видишь, кажется, будущую судьбу свою неизвѣстную, но не совсѣмъ незнакомую. Какое-то тайное предчувствіе говоритъ о ней и обнаруживаетъ ее неявственно за прозрачнымъ занавѣсомъ. Ничего не можетъ быть пріятнѣе этихъ трогательныхъ минутъ, когда сердце полно—чѣмъ? не знаешь! Все тогда дѣйствуетъ на тебя гораздо живѣе. Глядишь съ чувствомъ на небо; хотѣлъ бы всякую минуту броситься на колѣна! Любишь Бога, то-есть сильно Его чувствуешь. Въ минуту счастія и внутренняго наслажденія, которое одно можетъ назваться счастіемъ, находишь себя гораздо добрѣе, готовѣе на все прекрасное и необыкновенное. Вспоминаешь о прошедшемъ съ нѣкоторою сладкою меланхоліею. Жизнь представляется въ самомъ привлекательномъ видѣ, потому что сильно ее чувствуешь; всѣ почти предметы пріятны, потому что наша чувствительность, въ ту минуту слишкомъ наполняющая сердце, на нихъ изливается и украшаетъ ихъ въ глазахъ нашихъ. Все измѣняется вмѣстѣ съ нами: все прекрасно, когда наша душа въ своемъ натуральномъ расположеніи, довольна и спокойна; все мрачно и непріятно, когда душа наша въ волненіи, въ борьбѣ съ собою, въ неудовольствіи. Счастіе не иное что, какъ сіе тихое, ясное состояніе наше, продолженное на всю жизнь или по крайней мѣрѣ на большую часть жизни. Итакъ оно не совершенно зависитъ отъ постороннихъ вещей, которыя, однако, не могутъ не имѣть на него вліяніе. Душа человѣческая сперва образуется вліяніемъ окружающихъ ее предметовъ, потомъ уже сама имѣетъ на нихъ вліяніе, то-есть, нѣсколько времени бываетъ страдательною, по-

томъ дѣлается дѣйствительною, получитъ постоянный, твердый образъ. Но и въ семъ своемъ положеніи она остается въ зависимости отъ внѣшняго, хотя имѣетъ уже свою силу и волю. Здоровье тѣла, достатокъ или недостатокъ въ необходимыхъ потребностяхъ и удовольствіяхъ жизни, пріятность или непріятность воздуха, обстоятельства поперемѣнно дѣлаютъ на нее впечатлѣнія: отъ нея только зависитъ принимать ихъ съ большею или меньшею чувствительностью, или, справедливѣе сказать, исправлять сіи впечатлѣнія.

§ 6. Іюля 4-го. Вчера и нынче я думалъ о своемъ характерѣ. Не знаю точно, какъ опредѣлить его. Я очень мало размышлялъ въ связи, и думаю, что еще долго порядочно размышлять не буду. Безъ размышленія себя не узнаешь; не познавъ себя, не исправишь своихъ недостатковъ. Буду замѣчать себя по частямъ, и потомъ изъ сихъ частныхъ замѣчаній сдѣлаю общее заключеніе.

§ 7. Безъ размышленія, кажется мнѣ, нельзя быть чувствительнымъ. Что такое чувствительный человѣкъ,—я говорю не горячій, не вспыльчивый, что иногда есть не иное что, какъ эгоизмъ, который все къ себѣ относитъ и всѣмъ, только къ нему близкимъ, трогается? Такой человѣкъ, который въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ и случаяхъ очень быстро все объемлетъ, въ которомъ натуральное чувство служитъ вмѣсто размышленія, который видитъ результатъ вещи, не сдѣлавъ по формѣ разсужденія. Быстрота, ясность ума, которыхъ дѣйствіе однакожъ противно дѣйствію простаго, методическаго размышленія, живѣе, сильнѣе, и прочнѣе. Впрочемъ, объ этомъ надобно подумать хорошенько.

§ 8. Іюля 9-го. Что со мною происходитъ? Грусть, волненіе въ душѣ, какое-то неизвѣстное чувство, какое-то неясное желаніе! Можно ли быть влюбленнымъ въ ребенка? Но въ душѣ моей сдѣлалась перемѣна въ разсужденіи ея! Третій день грустенъ, унылъ. Отчего? Оттого, что она [1]) уѣхала! Ребенокъ! Но я себѣ ее представляю въ будущемъ, въ то время, когда возвращусь изъ путешествія, въ бо̀льшемъ совершенствѣ! Вижу ее не такою, какова она теперь, но такою, какова она будетъ тогда, и съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ это себѣ представляю. Это чувство родилось вдругъ, отъ чего—не знаю; но желаю, чтобы оно сохранилось. Я имъ наполненъ, оно заставляетъ меня мечтать, воображать бу-

---

[1]) Здѣсь разумѣется племянница Жуковскаго, Марья Андреевна Протасова; ей въ это время было двѣнадцать лѣтъ (родилась въ 1793 году). Вотъ, съ какого времени зародилась въ Жуковскомъ его любовь къ М. А. Протасовой! Ея мать, Екатерина Аѳанасьевна Протасова (рожденная Бунина), овдовѣвъ въ 1805 г., поселилась, какъ извѣстно, въ Бѣлевѣ, и Жуковскій вызвался давать уроки ея дочерямъ (а своимъ племянницамъ), Марьѣ и Александрѣ Андреевнамъ.

дущее съ нѣкоторымъ волненіемъ; если оно усилится, то сдѣлаетъ меня лучшимъ, надежда или желаніе получить это счастіе заставитъ меня думать о усовершенствованіи своего характера; мысль о томъ, что̀ меня ожидаетъ дома, будетъ поддерживать и веселить меня во время моего путешествія. Я былъ бы съ нею счастливъ конечно! Она умна, чувствительна, она узнала бы цѣну семейственнаго счастія и не захотѣла бы свѣтской разсѣянности. Но можетъ ли это быть? К. А. [1]), если не ошибаюсь, дала мнѣ что-то предчувствовать [2]). Но родные? Можетъ быть, они этому будутъ противиться? Кто жъ родные? Одинъ В. [3]) и одна М. [4])! Неужли для пустыхъ причинъ и противорѣчій гордости К. А. [5]) пожертвуетъ моимъ и даже ея счастіемъ, потому что она конечно была бы со мною счастлива: моя первѣйшая цѣль есть наслажденіе семейственною жизнію; я бы нашелъ или сталъ бы искать средства ею наслаждаться; я бы не сталъ терять въ суетныхъ, ничтожныхъ исканіяхъ драгоцѣнной жизни: литература была бы моимъ занятіемъ, любовь жены и любовь къ ней, самая нѣжная и спокойная, отдохновеніемъ; спокойствіе и счастіе окружающаго меня счастіемъ, наградою. Родные меня конечно бы не отяготили; я бы сталъ жертвовать имъ малѣйшею частію своего времени, и то для разсѣянія. Я бы былъ счастливъ д о м а, съ моею женою, съ К. А. [6]), съ моими ближайшими: тогда бы дѣятельность моя увеличилась, я имѣлъ бы тѣсныя связи, я зналъ бы, что любимъ прямо и имѣю право на любовь сію, то-есть могу считать ее не милостію, но отвѣтомъ на мою любовь, послѣдствіемъ моей любви. Мнѣ кажется, что я ревнивъ; это есть слѣдствіе подозрительности въ характерѣ, эгоизма, который все къ себѣ относитъ. Научившись любить жену для нея, не исключительно для себя, отучусь отъ ревности: любя жену, будешь любить и всѣ ея удовольствія, слѣдовательно не ограничишь ее однимъ безпрестаннымъ къ себѣ вниманіемъ, дашь ей свободу, видя, что всегда и всему предпочтенъ ею. Все, что на минуту отвлекаетъ ея мысли отъ тебя, не есть ни холодность, ни измѣна, но простая, всѣмъ естественная, разсѣянность, простое желаніе всѣмъ пользоваться. Неужели всякую минуту можно занимать кого-нибудь собою? Итакъ должно одинъ разъ навсегда увѣриться, что любимъ искренно и передъ всѣмъ предпочтительно, и быть спокойнымъ. Удерживать жену принужденіемъ, когда не могъ привязать ее къ себѣ любовію, почитаю безумствомъ.

---

[1]) Т. е. Екатерина Аѳанасьевна, мать Марьи Андреевны.

[2]) Какъ показало время, Жуковскій весьма ошибался относительно согласія Е. А. Протасовой на бракъ его съ ея дочерью.

[3]) Вѣроятно, дядя М. А. Протасовой, Василій Ивановичъ Протасовъ.

[4]) Вѣроятно, тетка М. А. Протасовой, Марья Ивановна Протасова.

[5]) Екатерина Аѳанасьевна.

[6]) Т. е съ Екатериною Аѳанасьевною.

Довѣренность, совершенная довѣренность и уваженіе къ своему другу, вотъ главныя подпоры супружескихъ связей: излишнія требованія ихъ ослабляютъ, потому что дѣлаютъ ихъ тягостными; они производятъ притворство или по крайней мѣрѣ принужденіе. Ревнивый любитъ только для себя; онъ хочетъ всякую минуту занимать собою, всякую минуту быть присутственнымъ, что̀ не натурально и не можетъ не быть тягостнымъ, если сдѣлается принужденнымъ. Ревность причиняетъ то, чего боится. Какъ же отучить себя отъ ревности? Я разумѣю здѣсь неосновательную ревность. Та, которая имѣетъ причину и оправдывается поступками любимаго человѣка, есть натуральное слѣдствіе любви и неотвратима. Я говорю о той, которая происходитъ отъ безпокойнаго, подозрительнаго характера, который все увеличиваетъ или представляетъ въ черномъ видѣ. Думаю не инымъ чѣмъ отучить, какъ размышленіемъ, какъ искорененіемъ самымъ скорымъ всякаго безпокойнаго чувства при его рожденіи, какъ безпрестаннымъ увѣреніемъ себя въ любви милаго человѣка, не способнаго быть вѣроломнымъ, какъ безпрестаннымъ желаніемъ и стараніемъ сдѣлаться еще любезнѣе, довѣренностію и откровенностію. Упреки и укоризны отдаляютъ; присмотръ и подозрѣніе тягостны; требованія возбуждаютъ принужденность; безпокойство и мнительность безполезны, когда нѣтъ зла, и конечно не отвратятъ его, когда оно должно быть. Люби, чтобы быть любимымъ, и будь совершенно спокоенъ, ибо ничто не отвратитъ несчастія, когда любовь его отвратить не въ состояніи. Итакъ самое лучшее средство противъ женской невѣрности есть любовь и желаніе нравиться. А лѣкарство отъ ревности есть увѣреніе, что она совершенно безполезна и только что мучительна. Надобно быть только увѣреннымъ, что все сдѣлалъ для пріобрѣтенія любви.

§ 9. Іюля 10-го. То, что я себѣ предназначаю въ жизни, кажется, можетъ назваться благоразумнымъ. Спокойную, но дѣятельную жизнь человѣка, упражняющагося въ наукахъ. Польза, какую бы я могъ принести службою, не можетъ сравниться съ тою пользою, какую принесу, если буду дѣятеленъ своими трудами по той части, которая ко мнѣ ближе. Одна часть моего времени должна быть посвящена собственному моему образованію, то-есть образованію моего ума, характера, безъ чего не буду совершенно счастливъ ни одинъ, ни въ своемъ семействѣ. Вдругъ это сдѣлаться не можетъ, но исподоволь, постепенно, какъ увѣряетъ Плутархъ: буду замѣчать за собою, это самое замѣчаніе будетъ нѣкоторымъ образомъ исправленія, потому что сдѣлаетъ внимательнымъ къ самому-себѣ и слѣдственно осторожнымъ. Однимъ изъ лучшихъ слѣдствій моего вояжа должно быть преобразованіе моего характера: я буду совершенно свободенъ, слѣдовательно, буду имѣть больше возможности обращать на себя вниманіе. Не должно только отвращаться трудно-

стію, и хотя мало, но все подвигаться впередъ. Итакъ цѣль моей жизни должна быть дѣятельность, но такая дѣятельность, которая мнѣ возможна: дѣятельность въ литературѣ, или возможное извлеченіе пользы изъ авторскихъ моихъ талантовъ; дѣятельность въ образованіи моего характера; дѣятельность въ поддержаніи моего состоянія; дѣятельность въ составленіи счастія моего семейства, если его имѣть буду, и въ исполненіи общественныхъ условій.

§ 10. На сихъ дняхъ говорили за столомъ о какомъ-то человѣкѣ, который живетъ прекрасно. Что жъ называютъ прекрасною жизнію? То, что объ немъ всѣ говорятъ, что со всѣхъ сторонъ къ нему сбираются, что всѣ любопытствуютъ видѣть, какъ онъ живетъ, и прочее! Этого довольно, чтобы увѣриться, что онъ живетъ не прекрасно или, справедливѣе, несчастливо. Требуетъ ли счастіе свидѣтелей? Оно въ сердцѣ, въ тихомъ, спокойномъ наслажденіи самого себя, происходящемъ отъ порядка въ дѣлахъ, отъ невинности души, отъ занятій пріятныхъ и постоянныхъ, отъ способности быть съ самимъ собою или съ своими любезнѣйшими, что̀ все равно. На что же тутъ свидѣтели, которымъ все это незнакомо, или которыхъ большей части незнакомо? Сверхъ того толпа, сбирающаяся къ человѣку съ любопытнымъ желаніемъ видѣть, какъ онъ живетъ, есть безъ сомнѣнія толпа любопытныхъ, которыхъ скука или бездѣйствіе гоняетъ изъ мѣста въ мѣсто, которые не знаютъ, какъ убить свое время, и похищаютъ его у другихъ, по большей части столь же разсѣянныхъ и не занятыхъ. Какъ могутъ они судить о счастіи и можно ли имъ вѣрить? Человѣкъ, истинно счастливый, такъ незамѣтенъ, что его не увидитъ глазъ любопытнаго, но празднаго человѣка, не знающаго цѣны тихаго, сердечнаго, единственнаго счастія. Побѣжитъ ли толпа удивляться счастію не блестящему, счастію, которое зависитъ не отъ наружности, но отъ причинъ постоянныхъ и невидимыхъ, отъ спокойствія, устройства семейственнаго, отъ мирной души? Все это не возбуждаетъ любопытства! Одинъ, два друга могутъ раздѣлить и видѣть это счастіе, и сего довольно: многочисленная толпа его уничтожитъ, потому что нельзя дѣлить его со множествомъ, не измѣнивъ и не унизивъ.

§ 11. Читая всякую книгу, надобно обращать вниманіе на себя, все примѣнять къ себѣ. Говорить: способенъ ли я къ такой добродѣтели? имѣю ли такой порокъ? какъ пріобрѣсть первую? какъ уничтожить послѣдній? Всякое чтеніе должно имѣть цѣлію образованіе нашего характера, иногда одно удовольствіе. Но удовольствіе развѣ не есть польза? Я говорю благородное удовольствіе.

§ 12. Всякой моралистъ предлагаетъ читателю въ самомъ совершенномъ видѣ то, что служитъ основаніемъ собственныхъ его поступковъ. Онъ открываетъ свою тайну, говоритъ: такъ я поступалъ и былъ счаст-

ливъ; послѣдуй мнѣ. Всякой моралистъ на словахъ есть лжецъ, лицемѣръ, самолюбивый остроумецъ, желающій прельщать своею маскою. Будь добрымъ, научись или по крайней мѣрѣ желай тому слѣдовать, что хочешь предложить въ примѣръ обществу, и бери перо въ руки безъ зазрѣнія совѣсти. Надобно быть добродѣтельнымъ или желать быть, чтобы учить добродѣтели съ успѣхомъ.

§ 13. Что такое зависть? Несправедливость, самолюбіе, которое не терпитъ въ другихъ того, чего въ себѣ не находитъ, низость, желающая все унизить, чтобы сравнить съ собою. Какое отъ нея лѣкарство? Увѣреніе, что все прекрасное, даже въ самыхъ нашихъ непріятеляхъ, должно быть прекрасно для души благородной; что горестно не радоваться тѣмъ, что всѣхъ радуетъ; что скорѣе приближишься къ тому совершенству, которое тебя опечаливаетъ, признавъ его и почувствовавъ, а не унизивъ и, слѣдовательно, не обезобразивъ въ глазахъ своихъ. Всякое непріятное чувство зависти должно искоренять въ ту самую минуту, когда оно рождается, заглушивъ его, такъ сказать, мыслію о совершенствѣ и прелести того, чему завидуешь, и забвеніемъ своего собственнаго несовершенства, которое надлежитъ съ нимъ сравнивать въ увѣреніи, что къ нему возвысишься, въ твердой рѣшимости на это: словомъ, зависть должно преобращать въ поревнованіе или, если поревнованіе не можетъ имѣть мѣста, въ искреннее пріятное удивленіе. Время все сдѣлаетъ!

§ 14. Какъ опредѣлить характеръ К...[1])? Я его не знаю и не могъ знать. Будучи съ нимъ знакомъ до его женитьбы, я не старался узнавать его, вѣрилъ слухамъ о его свойствахъ, которые всѣ благопріятны и не опровержены никакимъ противорѣчіемъ; однако я не повѣрялъ сихъ слуховъ своимъ собственнымъ наблюденіемъ, слѣдствіе лѣности моего ума, который не пріученъ къ дѣйствію, хотя всегда чувствовалъ, будучи съ нимъ вмѣстѣ, нѣкоторую скуку и принужденность. Слѣдовательно, я никогда не былъ съ нимъ другомъ, ниже короткимъ пріятелемъ, и это также есть слѣдствіе моей лѣности, которая препятствовала мнѣ входить въ разборъ его свойствъ, а заставляла полагаться, безъ розысканія, на мнѣніе объ немъ свѣта. Нельзя быть другомъ всякаго, впрочемъ достойнаго, человѣка. Дружба есть слѣдствіе особенной склонности душевной, сходства, если не во всѣхъ чувствахъ, то по крайней мѣрѣ въ образѣ чувствовать. Я не увѣрялъ его въ своей сер-

[1]) Не разумѣется ли тутъ Василій Ивановичъ Кирѣевскій († 1812), съ которымъ Жуковскій познакомился въ Москвѣ около 1803—1804 гг. (См. Зейдлицъ, Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго. Спб. 1883, стр. 27) и который 16-го января 1805 года женился на племянницѣ Жуковскаго, Авдотьѣ Петровнѣ Юшковой (см. статью К. Д. Кавелина объ А. П. Елагиной въ газетѣ „Сѣверный Вѣстникъ“ 1877 года, № 68)?

д е ч н о й дружбѣ; говорилъ однакожъ, что его люблю; это и правда, но только отчасти, то-есть я люблю его такъ, какъ можно любить человѣка, прямо честнаго, благороднаго, не способнаго ни къ какой низости, но также не способнаго и къ дружбѣ, или по крайней мѣрѣ къ дружбѣ со мною. Его несходство со мною, наша съ нимъ принужденность, неоткровенность (въ которыхъ мы явно ни другъ другу, ниже самимъ себѣ,—по крайней мѣрѣ я,—не признавались), однимъ словомъ это не знаю что, неизъяснимое, но очень важное въ дружбѣ, тому препятствуютъ. Итакъ отказываюсь отъ его дружбы. Разсмотримъ, каковъ онъ самъ въ отношеніи къ другимъ, къ своей женѣ, потомъ положимъ постоянное правило, по которому должно съ нимъ обходиться, чего искать въ его знакомствѣ, каковъ онъ теперь со мною, и прочее. Объ этомъ послѣ.

§ 15. іюля 16. Можно сомнѣваться въ истинѣ религіи; этому многіе подвержены; я въ ней не утвержденъ, потому что не знаю или, лучше сказать, не чувствовалъ: то, что я объ ней слышалъ, чему меня учили ребенкомъ, не есть религія, но пустыя слова безъ смысла и безъ дѣйствія. Религія требуетъ сердца. J'ai pleuré et j'ai cru [1]), говоритъ Шатобріанъ, и иначе нельзя повѣрить, какъ въ слезахъ, въ восторгѣ. Умъ не твердъ, перемѣнчивъ въ своихъ рѣшеніяхъ: что онъ положитъ нынче, то перемѣнитъ завтра, потому что онъ ограниченъ, что ошибаться есть его натура. Кто любитъ своего друга, кто его ч у в с т в у е т ъ, тотъ въ немъ увѣренъ не размышленіемъ, а чувствомъ, которое дальновиднѣе и постояннѣе размышленія, потому что впечатлѣнія его сильны, неизгладимы: я не много люблю того человѣка, котораго добродѣтель долженъ доказать себѣ размышленіемъ; онъ не первый другъ моего сердца, не братъ мой, не первый любимецъ моей души. Такова вѣра. Въ ней твое счастіе, подпора. Можно ли поручить ее непостоянству разсудка, который такъ холоденъ и медлителенъ? Почувствуй ея необходимость, ея спокойство, ея великость, ея счастіе, и повѣришь, несмотря на недоумѣнія разсудка. Я еще не имѣю и не могъ имѣть сей вѣры. Она есть слѣдствіе долгаго разсматриванія природы и самого себя и увѣреніе въ ничтожности твари, въ милосердіи Творца: я еще не старался пріобрѣсть сего увѣренія и по сію пору былъ на другой дорогѣ. Что будетъ, я не знаю; но должно стараться сдѣлать себя счастливымъ: это есть законъ натуры. А вѣра есть вѣрнѣйшее средство его исполнить. Кто бранитъ религію или обнаруживаетъ къ ней свое неуваженіе въ присутствіи людей, ее почитающихъ, дѣлаетъ то же, что человѣкъ, который въ присутствіи сына бранитъ его мать.

---

[1]) Т. е. Я плакалъ, и увѣровалъ.

§ 16. іюля 16. Нынче я былъ у барона [1]). Что объ немъ надобно думать, это напишу послѣ: мои мысли еще не готовы; надобно сдѣлать больше замѣчаній по частямъ, потомъ сдѣлать какое-нибудь общее заключеніе. Съ нимъ пріятно быть, потому что онъ не оставляетъ ума въ бездѣйствіи, будучи самъ очень умнымъ человѣкомъ. Я не имѣлъ еще никогда съ нимъ этой сердечной, сладкой искренности, épanchement du coeur, но я съ нимъ довольно свободенъ, довольно живъ, потому что нахожу пріятность говорить съ нимъ, и говорю о такихъ предметахъ, которые заставляютъ меня больше думать, приводятъ мысли мои въ нѣкоторое напряженіе. Мнѣ кажется только (можетъ быть я ошибаюсь, и желаю, чтобы ошибался), что во всемъ томъ, что онъ говоритъ, напримѣръ, о добродѣтели, о религіи, о морали, заключается больше ума, нежели чувства; онъ доказываетъ умомъ, складными словами; но, слушая его, остаешься спокойнымъ, не тронутымъ въ сердцѣ, хотя занятымъ въ умѣ, ибо всѣ его мнѣнія или справедливы или показываютъ умъ; но они только м н ѣ н і я, доказательства, не чувства; однимъ словомъ, въ его разговорахъ нѣтъ чего-то привлекательнаго: онъ ораторъ, который хорошія мысли предлагаетъ въ складныхъ, гармоническихъ фра-

---

[1]) У барона Ивана Петровича Черкасова, имѣніе котораго Володьково находилось въ Бѣлевскомъ же уѣздѣ. Между напечатанными стихотвореніями Жуковскаго встрѣчается нѣсколько, посвященныхъ дѣтямъ барона И. П. Черкасова. Въ пожертвованныхъ Императорской Публичной Библіотекѣ П. В. Жуковскимъ бумагахъ его отца сохранился еще неизданный черновой набросокъ записки его въ стихахъ къ барону И. П. Черкасову; записка эта, относящаяся къ послѣдней четверти 1806 года (набросокъ ея писанъ вслѣдъ за Пѣснью барда надъ гробомъ падшихъ славянскихъ воиновъ, о чемъ см. Бумаги Жуковскаго, стр. 20 и 26), слѣдующаго содержанія:

Герой Володьковскій да знаетъ,
Что завтра утромъ, ровно въ часъ,
Къ себѣ любезность приглашаетъ
Его на щи, на пловъ и квасъ;
И съ нимъ сопутниковъ его:
Пріятность, ловкость, простоту,
Не колкос(т)ь острыхъ словъ, за(б)авность выраженья,
И въ образѣ жены любовь и красоту.

Предпослѣдніе два стиха сначала были написаны въ такой редакціи:

Прошу покорно, не забудьте
Сопутниковъ своихъ: пріятность, простоту.

За послѣднимъ стихомъ записки были написаны еще два слѣдующіе, тоже потомъ зачеркнутые:

Все, все, чѣмъ наградилъ его Зевесъ обильно.
Но можно-ль ихъ забыть? Они придутъ насильно.

*

захъ. Мы говорили о религіи, о Шатобріанѣ, котораго онъ называетъ великимъ (я еще не читалъ Génie du christianisme) [1]). Дѣло дошло до метафизики. Онъ цитовалъ какого-то мистическаго автора, который въ нашей душѣ полагаетъ двѣ разныя стороны: одну чувственную, только причимающую впечатлѣнія чувствъ и имъ исключительно подверженную; другую умственную, разсуждающую, противящуюся усиліямъ души чувственной, а иногда (или очень часто) ей уступающую. Я напротивъ думаю, что душа есть то средоточіе, къ которому скопляются всѣ впечатлѣнія, черезъ тѣлесныя чувства получаемыя; что она объ нихъ судитъ, по нимъ дѣйствуетъ, по нимъ такъ или иначе заключаетъ. Это не значитъ, чтобы сама душа была матеріальная; это показываетъ только то, что она соединена тѣсно съ нашимъ тѣломъ, котораго всѣ впечатлѣнія до нея доходятъ и служатъ, такъ сказать, матеріалами ея умственныхъ зданій. Размышленіе есть слѣдствіе ощущенія: безъ него оно быть не можетъ такъ же точно, какъ строеніе безъ матеріаловъ. Но это еще не значитъ, чтобы способность размышлять была результатомъ чувственныхъ впечатлѣній; они только приводятъ ее въ дѣйствіе; безъ нихъ она бездѣйственна. Способность мыслить есть даръ природы, есть душа, не тѣлесная, безсмертная; умъ есть сія способность образованная, приведенная въ совершенство тѣми многократными дѣйствіями, которыя въ ней были производимы впечатлѣніями чувства. Душа во всякомъ человѣкѣ должна быть одна, потому что она есть существо безтѣлесное, проистекающее отъ одного источника, отъ Бога, но ея образованіе (происходящее отъ различія организаціи тѣла, въ соразмѣрности съ которымъ она получаетъ и различныя впечатлѣнія, даже одни и тѣ же впечатлѣнія различно съ другими душами) не одинаково. Итакъ причины разнообразности умовъ должно искать въ разнообразности тѣлеснаго строенія, и главная должность человѣка есть управлять посредствомъ ума чувственными впечатлѣніями или даже преобразовать ихъ, и прочее и прочее.—У насъ теперь Марья Ивановна Протасова [2]). Какъ пріятно ее слушать; нѣтъ ничего особеннаго въ ея разговорѣ, но умъ все украшаетъ. Б—а [3]), которая у насъ была, казалась не на своемъ мѣстѣ, связанною. Надобно умѣть владѣть собою, привыкнуть къ этому, привыкнуть побѣждать всякое чувство зависти въ ту же минуту, въ которую оно родится, чтобы не быть несчастнымъ въ присутствіи тѣхъ людей, которые насъ выше, т. е. выше умомъ, достоинствами. М. И. была ей въ тягость. Она тотчасъ уѣхала. Несмотря на то, женщина,

---

[1]) Сочиненіе Шатобріана Génie du christianisme ou les Beautés de la religion chrétienne вышло первымъ изданіемъ въ 1802 году.

[2]) Незамужняя сестра мужа Е. А. Протасовой, Андрея Ивановича Протасова.

[3]) Не баронесса ли Черкасова?

кажется, почтенная, хотя не особенная. Говорили у барона [1]) за столомъ о смиреніи, то-есть о такомъ качествѣ человѣка, которое не допускаетъ его величаться своими достоинствами, а только относить ихъ къ Богу. Взглянувъ на картины, висѣвшія на стѣнѣ, на которыхъ написанъ домъ одного дяди баронова, знатнаго человѣка, я сказалъ, что баронъ не забываетъ старыхъ друзей своихъ: эти картины видѣли въ другомъ его домѣ, маленькомъ, тѣсномъ. Это слово заставило барона сказать нѣсколько фразъ въ похвалу своего смиренія; онъ, можетъ быть, вообразилъ, что я припишу его чванству это выставленіе картинъ, изображающихъ большіе домы большаго господина и его дяди. Онъ сказалъ, что не самъ желалъ имѣть ихъ на стѣнѣ своей, что получилъ, кажется, отъ тещи, что сохраняетъ изъ уваженія къ ней, и прочее и прочее. Всему этому вѣрю; но для чего это говорить, для чего бояться, чтобы меня не почли человѣкомъ тщеславнымъ и суетнымъ, когда я въ самомъ дѣлѣ ни тщеславенъ, ни суетенъ? Это опасеніе не прилично христіанину, показываетъ одно самолюбіе, безпокойное и робкое. Что нужды христіанину до мнѣнія, особливо до мнѣнія молодаго человѣка? Какъ много неосновательности въ самыхъ умныхъ людяхъ.

§ 17. Іюля 17. Я смотрѣлъ на небо съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ: воображалъ безсмертіе! Какъ тотъ счастливъ, кто всегда имѣетъ передъ собою сію великую идею, кто нашелъ ее душою, въ комъ она запечатлѣлась неизгладимо! Сія увѣренность въ тлѣнности земныхъ вещей не есть ли тайное, врожденное въ человѣка доказательство безсмертія? Кто жалѣетъ о мертвомъ, жалѣетъ объ одномъ себѣ: если бы онъ воображалъ своего потеряннаго друга жертвою ничтожности, онъ бы ужаснулся, и порадовался внутренно тому, что онъ еще живетъ и чувствуетъ. Но мы говоримъ о тѣхъ, кого мы лишились: я его не увижу! Не есть ли это въ отношеніи къ себѣ, а не къ нему? Кто можетъ быть несчастливъ, вѣря безсмертію? Что онъ теряетъ въ жизни, которая сама ничто, которой потерею должно радоваться, потому что она приближаетъ насъ къ нашей великой цѣли! Какая судьба! Безсмертіе, вѣчное, радостное бытіе, котораго подобіе находимъ здѣсь въ духовныхъ наслажденіяхъ! Что жъ насъ сдѣлаетъ способными наслаждаться безсмертіемъ, какъ не сія привычка, здѣсь, въ этой жизни, къ мыслямъ, къ чувствамъ благороднымъ: они образуютъ душу, возвышаютъ ее и предаютъ безсмертію въ новомъ, прелестномъ видѣ. Ахъ, если бы это чувство укоренилось въ душѣ моей! Какъ бы всѣ несчастія были передо мною слабы! Можетъ ли быть то ложно, что такъ возвышаетъ душу, и можетъ ли та душа быть не безсмертна, которая такъ можетъ возвышаться! Я начинаю больше

[1]) У барона И. П. Черкасова.

мыслить, слѣдственно дѣлаюсь способнѣе къ своему усовершенствованію, способнѣе быть счастливымъ и здѣсь, и тамъ. Тамъ — какое слово, что подъ нимъ заключается! У меня на глазахъ слезы отъ сего слова! Друзья, надежды, радости, блаженство — все тамъ! О, великое Существо, великое Существо, назначившее человѣка быть безсмертнымъ!

§ 18. Іюля 17. Быть счастливымъ есть мыслить. Въ мысляхъ заключаются всѣ наши наслажденія. Они возвышаютъ, украшаютъ душу. Сколько путешествіе будетъ имѣть на меня вліяніе! Какъ мысли мои разовьются и распространятся!

§ 19. Іюля 21. Читаю теперь Гарве: О уединеніи и обществѣ [1]). Простой, ясной и пріятной слогъ; порядокъ въ предложеніи мыслей; справедливость мыслей, основанныхъ на опытѣ. Виденъ человѣкъ, который въ спокойномъ состояніи души, передъ концемъ жизни, говоритъ о томъ, что замѣтилъ во все время ея продолженія, говоритъ просто, безъ пристрастія. Гарве можетъ назваться настоящимъ практическимъ философомъ, то-есть такимъ, котораго философія можетъ быть легко примѣнена къ человѣческой жизни, потому что она основана на опытѣ, не есть умозрительная, произведенная однимъ умомъ, но есть слѣдствіе многихъ замѣчаній и многихъ опытовъ. — Уединеніе и общество могутъ дѣйствовать на образованіе ума, характера, наружности; бываютъ многихъ родовъ; имѣютъ вліяніе, бо́льшее или меньшее, на счастіе человѣка: вотъ содержаніе книги, которую теперь читаю. — О дѣйствіи общества на образованіе ума. Умъ образуется пріобрѣтеніемъ познаній и дѣятельностію. Предметъ познаній (главнѣйшій) есть человѣкъ; познавая другихъ, мы познаемъ самихъ себя больше или меньше. Наше вниманіе скорѣе обращается на людей, нежели на насъ самихъ. Мы, сравнивая ихъ достоинства и недостатки съ своими достоинствами и недостатками, обнаруживаемъ ихъ и объясняемъ. Мы должны выйти изъ самихъ себя, чтобы потомъ къ себѣ возвратиться и себя яснѣе увидѣть. Разнообразіе характеровъ возбуждаетъ наше вниманіе; разсматривая каждый особенно, мы находимъ во всѣхъ что-нибудь общее и въ каждомъ что-нибудь ему принадлежащее; эта привычка разсматривать, наблюдать и помѣщать каждый характеръ въ особенный классъ, къ которому онъ больше принадлежитъ, дѣлаетъ насъ способными скорѣе и справедливѣе заключать о другихъ людяхъ. Въ уединеніи или въ тѣсномъ кругу

[1]) Сочиненіе нѣмецкаго философа Христіана Гарве (р. 1742 † 1798) „Ueber Gesellschaft und Einsamkeit“ вышло въ двухъ частяхъ въ Бреславлѣ въ 1797 и 1800 годахъ. — Въ бумагахъ Жуковскаго имѣется начало статьи „Общество и уединеніе“, писанной на бумагѣ съ водянымъ знакомъ 1804 г. и, по всему вѣроятію, относящейся къ 1805 году (см. Бумаги Жуковскаго, стр. 49).

общественнаго обращенія не имѣя передъ глазами такого разнообразія, не видя примѣровъ ни отмѣнной добродѣтели, ни отмѣнной испорченности, мы чувствуемъ какое-то однообразіе, пріобрѣтаемъ какую-то лѣность духа, пустоту, недѣятельность и даже не обращаемъ вниманія на тѣ немногіе характеры, которые передъ нами и которые кажутся намъ знакомыми, потому что всегда были намъ видимы; напротивъ, множество отмѣнныхъ характеровъ приводитъ умъ нашъ въ движеніе, и сія самая дѣятельность облегчаетъ наше наблюденіе за человѣческою натурою. Человѣкъ есть учитель человѣка; первыя познанія получаемъ мы изустно, и конечно изустное наставленіе можетъ почесться самымъ дѣйствительнѣйшимъ. Что говорятъ, понимаешь лучше, нежели то, что написано: въ первомъ случаѣ голосъ, движенія руки, лица, всего тѣла передаютъ ясное понятіе о предметѣ; когда же читаешь, видишь передъ собою однѣ мертвыя буквы, знаки мыслей. Конечно, понятія, получаемыя въ разговорѣ, не такъ полны и подробны, какъ понятія, получаемыя изъ книгъ, но зато они ощутительнѣе, живѣе, короче: первыя требуютъ большаго напряженія ума, послѣднія какъ будто сами на душѣ напечатлѣваются. Изъ книгъ нельзя узнать людей такъ ясно и подробно, какъ изъ обращенія съ ними. Особенность характера, образа мыслей человѣка производитъ особенность въ его разговорѣ и обхожденіи; замѣчая измѣненія лица его, движенія его тѣла, жесты и прочее, получишь яснѣйшее о немъ понятіе; все это должно исчезнуть въ книгѣ; для многихъ оттѣнковъ, почти незамѣтныхъ, нѣтъ словъ и выраженій. Читанное не такъ живо напечатлѣвается въ разсудкѣ, какъ видѣнное и испытанное. Въ обществѣ встрѣчаются люди, великіе умомъ и характеромъ; видя ихъ, обращаясь съ ними, привыкаешь къ чувствамъ высокимъ и благороднымъ: удивляясь добродѣтели, желаешь быть самъ добродѣтельнымъ. Видя передъ собою прекрасные примѣры, хочешь имъ слѣдовать, наблюдаешь за тѣми, кто ихъ подаетъ, узнаешь средства, которыя они употребляютъ, сравниваешь себя съ ними, узнаешь по сравненію, рѣшаешься возвыситься, наконецъ, самъ возвышаешься. Будучи принужденъ говорить передъ людьми умными, краснорѣчивыми, пріучаешься выбирать свои выраженія, предлагаешь свои мысли яснѣе, пріятнѣе и больше ихъ обдумываешь. Сія осторожность приводитъ умъ въ большее напряженіе, а сіе частое, почти безпрестанное напряженіе сообщаетъ ему большую дѣятельность и наконецъ его расширяетъ. Въ обществѣ пріобрѣтаешь многія познанія. Въ обществѣ людей знатныхъ, генераловъ, министровъ и всѣхъ приближенныхъ къ дѣламъ государственнымъ получаешь вѣрнѣйшее понятіе о происшествіяхъ, о политикѣ настоящаго времени: многія подробности, которыхъ нѣтъ ни въ какихъ книгахъ, сообщаются изустнымъ преданіемъ; въ обществѣ частныхъ людей узнаешь семейственныя обстоятельства

многихъ домовъ, ихъ раздоры, причины ихъ счастія, несчастія, ихъ связи и прочее. Все сіе даетъ понятіе вообще о людяхъ. Общество дополняетъ многія познанія, которыя мы получаемъ въ тишинѣ кабинета. Иногда одно выраженіе оригинальное, остроумное свѣтскаго человѣка рѣшаетъ наше сомнѣніе въ томъ или другомъ предметѣ.—Что такое общественная жизнь и что уединенная? Общественная жизнь умнаго человѣка есть дѣятельное сообщеніе со многими людьми разнаго ума, характера, состоянія, званія. Много родовъ: семейство и друзья; большой свѣтъ и прочее. Въ первомъ мы существуемъ въ тѣсной связи съ его членами, бываемъ безпрестанно. Въ другомъ мы только играемъ извѣстную роль, бываемъ временно. Въ первомъ ищемъ счастія, во второмъ удовольствія. Въ первомъ мы являемся въ настоящемъ, натуральномъ своемъ видѣ; во второмъ соображаемся съ тою наружностію, съ которой другіе соображаются. Умный человѣкъ пользуется обществомъ, находитъ въ немъ удовольствіе потому, что можетъ въ немъ дѣйствовать умомъ, замѣчать людей, собирать сіи замѣчанія, которыя наконецъ составляютъ опытность. (Я говорю о такомъ обществѣ, въ которомъ имѣешь связь съ членами, его составляющими; толпа, люди всякаго званія, есть не иное что, какъ китайскія тѣни). Желаніе быть умнымъ и замѣтнымъ въ обществѣ побуждаетъ къ образованію ума, научаетъ выражать хорошо свои мысли и даже лучше мыслить. Однимъ словомъ, общество есть театръ, на которомъ наши способности умственныя и душевныя дѣйствуютъ. Уединеніе есть занятіе самимъ собою, обдумываніе того, что видѣлъ въ обществѣ, изученіе натуры, занятіе какою-нибудь наукою.

§ 20. Теперь все буду говорить съ вами, ma chère maman [1]); до этого мѣста мой журналъ былъ писанъ для меня одного, теперь буду писать его для себя и для васъ. Надѣюсь, что мысль имѣть васъ своимъ свидѣтелемъ не уменьшитъ моей искренности; я буду говорить о себѣ съ такою же откровенностью, съ какою бы говорилъ самому себѣ, и можетъ быть еще съ большею. Въ первомъ случаѣ я могъ бы сказать или написать неправду н е н а р о ч н о; теперь буду осторожнѣе, буду чаще у себя спрашивать, точно ли это такъ, какъ ты сказываешь, не представляешь ли въ лучшемъ видѣ того, что въ самомъ дѣлѣ хуже; не обманываешься ли; не хочешь ли казаться лучшимъ передъ тѣмъ человѣкомъ, который долженъ тебя видѣть такимъ точно, каковъ ты есть?— Все это будете вы читать только тогда, когда меня н е будетъ съ вами; если найдете въ моемъ журналѣ что-нибудь дурное обо мнѣ, то подумайте, что все это прошедшее, что я самъ это видѣлъ, что хочу это искоренить (если только можно). Подумайте, что я не желаю себя

[1]) Жуковскій называлъ Е. А. Протасову маменькою или тетенькою.

обманывать и казаться самому себѣ хорошимъ; что я не имѣю или не имѣлъ по сіе время такого человѣка, который бы взялъ на себя трудъ разобрать меня и сказать мнѣ: это въ тебѣ хорошо, усовершенствуй, это дурно, исправь. Несчастье, которому причины надобно искать въ моихъ обстоятельствахъ. Вы одни можете сказать, что любили меня прямо; но вы не могли принести мнѣ той пользы, которую принести способны. Что этому причина, не знаю, но увѣренъ, что не вы сами, а множество такихъ непримѣтныхъ обстоятельствъ, которыхъ почти нельзя опредѣлить словами, но которыя есть, потому что ихъ дѣйствіе очевидно. Въ этомъ журналѣ я буду стараться разсмотрѣть все, что имѣло въ прошедшемъ какое-нибудь вліяніе на образованіе моего моральнаго характера, и тѣ средства, которыми можно его усовершенствовать и исправить. Очень пріятно говорить съ вами; очень пріятно увѣрять себя въ любви человѣка, прямой, искренней, знать, что онъ оправдываетъ меня, когда я хорошо дѣлаю, извиняетъ, когда дурно дѣлаю, потому что ему извѣстнѣе всѣ мои свойства и причины моихъ поступковъ. Люди умѣютъ только осуждать по наружности то, что другіе дѣлаютъ, но для этого какъ много надобно знать такихъ вещей, которыя имѣютъ непобѣдимое вліяніе на ихъ поступки, но которыхъ знать невозможно! Тотъ же человѣкъ въ другихъ обстоятельствахъ былъ бы другимъ. Что жъ, если онъ былъ оставленъ съ одними своими силами на произволъ судьбы и обстоятельствъ; если онъ посреди людей, привязанныхъ къ нему одною привычкою, а не любовью, былъ одинъ, зависѣлъ отъ одного себя, долженъ былъ самъ себя образовать, не зная какъ и даже долго не думая объ этомъ, слѣдовательно, потерявъ самое лучшее время? Но объ этомъ я не одинъ разъ съ вами говорить буду. Этотъ человѣкъ—я! Что будетъ со мною впередъ, не знаю и знать этого не могу. Но должно себя приготовить ко всему. Главное дѣло человѣка: пріобрѣсть способность быть счастливымъ.

§ 20. Августа 24. Что мнѣ вамъ сказать? Желалъ бы все такъ точно сказать, какъ чувствую, но думаю, что умѣть не буду. Я ушелъ отъ васъ съ грустію и, признаюсь, съ досадою. Тяжело и несносно смотрѣть на то, что Машенька [1]) безпрестанно плачетъ; и отъ кого же? Отъ васъ, своей матери! Вы ее любите, въ этомъ я не сомнѣваюсь. Но я не понимаю любви вашей, которая мучитъ и терзаетъ. Обыкновенно брань за бездѣлицу, потому что Машеньку, съ ея милымъ ангельскимъ нравомъ, нельзя бранить за что-нибудь важное. Но какая жъ брань? Самая тяжелая и чувствительная! Вы хотите ее отучить отъ слезъ; сперва отучитесь отъ брани, сперва пріучите себя говорить съ нею, какъ съ другомъ. Мнѣ

[1]) М. А. Протасова.

кажется, ничто не можетъ быть жесточае, какъ бить человѣка и велѣть ему не чувствовать боли. Ваша брань тѣмъ чувствительнѣе, что она заключается не въ грубыхъ, бранныхъ словахъ, а въ тонѣ голоса, въ выраженіи, въ минѣ; ребенка надобно увѣрить, что онъ сдѣлалъ дурно, заставить его пожелать исправить дурное, а не огорчать бранью, которая только что портитъ характеръ, потому что его раздражаетъ, а будучи частою, и дѣйствуютъ на здоровье. Можно ли говорить Машенькѣ: ты не хочешь сдѣлать мнѣ удовольствія, ты только дразнишь меня, тогда, когда она написала криво строку, и тогда, когда вы увѣрены, что для нея нѣтъ ничего святѣе вашего удовольствія? Что вы дѣлаете въ этомъ случаѣ? Возбуждаете въ ребенкѣ ропотъ противъ несправедливости и лишаете его надежды угодить вамъ, слѣдовательно, дѣлаете робкимъ, а ничто такъ не убиваетъ характера, какъ робость, которая отнимаетъ у него свободу усовершенствоваться и образоваться, потому что не даетъ ему дѣйствовать или обнаруживаться. Объ этомъ буду говорить еще; напишу къ вамъ особенно. Я не умѣю говорить языкомъ о томъ, что чувствую сильно. Вы опытомъ это извѣдали. Прочту нѣсколько книгъ о воспитаніи; сравню то, что въ нихъ предписано, съ тѣмъ, что вы дѣлали, воспитывая дѣтей, и предложу вамъ свое мнѣніе о томъ, что осталось дѣлать.

§ 21. Августа 26. Съ двадцать-шестаго августа по десятое ноября я не принимался за свой журналъ, почти ни о чемъ не думалъ, переводилъ нѣсколько времени, а все прочее время прошло не знаю какъ; мнѣ кажется, въ совершенномъ бездѣйствіи; иногда мнѣ было весело, иногда скучно. Главная причина, отъ которой я душевно надолго разстроивался, заключается въ неудачѣ моихъ работъ, которыя не могутъ быть отмѣнно пріятны, потому что принужденныя Теперь я въ очень дурномъ расположеніи; голова тяжела; въ умѣ такая пустота и недѣятельность; прошедшее мнѣ кажется очень дурнымъ, а настоящее скучнымъ; отъ будущаго не ожидаю ничего; всѣ мои планы исчезли; даже нѣтъ во мнѣ желанія дѣлаться лучше, образовать и умъ, и характеръ. Одиночество, совершенной недостатокъ въ пріятныхъ связяхъ, отдаленіе тѣхъ людей, которые бы могли меня оживлять и ободрять въ исканіи всего хорошаго, совершенное безсиліе души, ненадѣянность на самого себя—вотъ, что меня теперь мучитъ. Я одинъ; въ самомъ себѣ не нахожу довольно прибѣжища; чувствую, что одинъ мало могу для себя сдѣлать; мнѣ недостаетъ ободренія. Всѣ мои теперешнія работы кажутся мнѣ цѣпью, которою я къ одному мѣсту прикованъ. Одинъ не могу ни о чемъ думать, потому что не имѣю никакой матеріи для мыслей; переводы не всякой день идутъ удачно, отъ этого и разстройка моя дѣлается бо́льшею, и все другое становится такъ же

неудачнымъ. Къ тому же не умѣю мыслить въ связи, это для меня утомительно, и въ теперешнемъ моемъ расположеніи не чувствую даже и нужды мыслить: такія минуты очень похожи на ничтожество и еще хуже ничтожества, потому что чувствуешь непріятное. Самое добро, самое желаніе быть добрымъ не имѣетъ въ эту минуту ничего для меня привлекательнаго. Самъ съ собою я недоволенъ и скученъ, потому что не могу ни о чемъ порядочно думать и не имѣю еще этой привычки; съ тѣми, кто вокругъ меня, я не связанъ (что этому причиною, не знаю, но долженъ узнать), слѣдовательно, не пріятно занятъ; самое общество матушки, по несчастію, не можетъ меня дѣлать счастливымъ: я не таковъ съ нею, каковъ долженъ быть сынъ съ матерью; это самое меня мучитъ, и мнѣ кажется, я люблю ее гораздо больше заочно, нежели вблизи. Я не былъ счастливъ въ моей жизни, кажется, и не буду счастливымъ. Надобно пріобрѣсть способность быть счастливымъ, а я едва-ли не пропустилъ время. Какъ прошла моя молодость? Я былъ въ совершенномъ бездѣйствіи. Не имѣя своего семейства, въ которомъ бы я что-нибудь значилъ, я видѣлъ вокругъ себя людей мнѣ коротко знакомыхъ, потому что я былъ передъ ними выросценъ, но не видалъ родныхъ, мнѣ принадлежащихъ по праву; я привыкалъ отдѣлять себя ото всѣхъ, потому что никто не принималъ во мнѣ особливаго участія, и потому что всякое участіе ко мнѣ казалось мнѣ милостію. Я не былъ оставленъ, брошенъ, имѣлъ уголъ, но не былъ любимъ никѣмъ, не чувствовалъ ничьей любови [1]); слѣдовательно, не могъ платить любовью за любовь, не могъ быть благодарнымъ по чувству, а былъ только благодарнымъ по должности; мнѣ сказывали, что надобно быть благодарнымъ, и я вѣрилъ или, лучше сказать, повторялъ самому себѣ чужія слова. Это сдѣлало меня холоднымъ. Человѣкъ, который, будучи съ людьми, былъ однакожъ одинъ, будетъ холоднѣе того человѣка, который совсѣмъ былъ бы оставленъ, потому что послѣдній будетъ чувствовать нужду въ любви и будетъ искать ее, а первый, будучи на свой счетъ обезпеченъ и спокоенъ и долго не имѣя нужды ни въ чемъ, кромѣ ѣды, жилища и одежды, останется нечувствительнымъ въ душѣ своей, которая не научилась ни къ кому привязываться и которая теряетъ чувствительность, если не приводить ее часто въ движеніе. Умъ его также останется въ неразвитіи, потому чувства заставляютъ дѣйствовать умъ, а если чувства не дѣйствуютъ, то и умъ спитъ. Кто отдѣленъ отъ людей, тотъ не имѣетъ предмета для размышленія, потому что одни только наши отношенія къ людямъ служатъ началомъ нашихъ умство-

---

[1]) То же читаемъ мы и въ отрывкѣ изъ дневника Жуковскаго за 1814 годъ, напечатанномъ въ „Русской Старинѣ“ 1883 года (т. 37-й, стр. 210); см. также Зейдлицъ, „Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго“, Спб. 1883, стр. 56—57.

ваній; потомъ уже онъ обращается на другіе предметы. Характеръ его дѣлается робкимъ, нерѣшительнымъ, медленнымъ, лѣнивымъ, потому что и характеръ образуется дѣятельностію. Каковъ я теперь, отъ чего таковъ; каковы мои связи и что я долженъ быть въ отношеніи къ нимъ; какую цѣль себѣ предназначить сообразно съ моими обстоятельствами? Чего искать въ свѣтѣ и отъ чего отказаться? Въ чемъ можетъ быть мое счастіе? Вотъ вопросы, которые мнѣ должно рѣшить.—Я такъ не привыкъ къ тому, чтобы меня любили, что всякой знакъ любви кого-нибудь ко мнѣ кажется мнѣ страннымъ и чѣмъ-то необыкновеннымъ,— слѣдствіе непривычки видѣть чью-либо ко мнѣ привязанность и отвѣчать на нее. Одна любовь, одна привычка отвѣчать на любовь любовью дѣлаетъ сердце нѣжнымъ и способнымъ любить, слѣдовательно, быть счастливымъ. Для чего я не имѣлъ такого человѣка, который бы дорожилъ моимъ счастіемъ, который бы былъ моимъ хранителемъ и путеводцемъ! Я бы любилъ его, какъ своего Бога! Но я былъ одинъ, всегда одинъ! Я не испорченъ, но я нимало не образованъ. Найду ли кого-нибудь для себя въ свѣтѣ? Человѣкъ, который не имѣетъ передъ собой человѣка, къ нему привязаннаго, не можетъ долго имѣть и желанія быть добрымъ. Прежде нежели научишься желать совершенства, какъ непремѣнной цѣли всякаго человѣка, долженъ научиться желать быть добрымъ въ глазахъ того, кому ты дорогъ: все хорошее основано на чувствѣ; о д и н ъ умъ можетъ увѣриться въ его прелести, но онъ имъ не прельстится, а будетъ ему слѣдовать по одному только расчету, ибо увидитъ, что зло всегда хуже и невыгоднѣе добра.

§ 22. Н о я б р я 16. Это было писано въ худомъ расположеніи духа. Странно то, что я, начавши писать, сдѣлался веселѣе и мое худое расположеніе кончилось. Это отъ того, я думаю, что мысли мои пришли въ движеніе, которое и меня самого оживило. Ничто такъ не скучно и не тягостно и ничто такъ не дѣлаетъ человѣка печальнымъ, какъ эта неподвижность и тягость ума, которая лишаетъ его способовъ пользоваться своими силами. Въ такія минуты не живешь и не чувствуешь, а только имѣешь какое-то непріятное, не живое ощущеніе своего бытія, состояніе несносное.

Теперь хочу сдѣлать расположеніе своихъ работъ до моего отъѣзда въ Москву. Я хотѣлъ переводить Гарве [1]), но его оставляю на время. Я ошибся, думая, что разнообразіе въ работахъ будетъ дѣлать ихъ пріятными; напротивъ, оно только что развлекаетъ мысли и не даетъ имъ заняться исключительно однимъ предметомъ. Займусь теперь сочиненіемъ моего собранія лучшихъ русскихъ авторовъ [2]). Остатокъ

[1]) См. выше, стр. 22.

[2]) „Я теперь занимаюсь собраніемъ русскихъ поэтовъ“,—писалъ Жуковскій А. И. Тургеневу, 8-го января 1806 года, изъ Бѣлева—„скажи Мерзлякову,

ноября, декабрь и генварь посвящу чтенію эстетическихъ авторовъ, буду дѣлать выписки; въ февралѣ переведу Эшенбурга [1]), а въ мартѣ и апрѣлѣ напишу къ нему прибавленіе и критическія примѣчанія къ стихотворцамъ. Въ апрѣлѣ кончу переводъ Leçons [2]), а во все это время займусь сочиненіемъ въ стихахъ. Я давно не занимался стихами и какъ будто бы потерялъ изъ виду поэзію [3]).

Голова тяжела; писать не хочется. Завтра. Надобно подумать о томъ, какъ бы и гдѣ поучиться, что дѣлать, кончивъ ученье, и какому роду литературы больше себя посвятить. Какой родъ литературы сообразнѣе съ тѣмъ счастіемъ, котораго буду искать въ жизни?—Надобно каждый день въ своемъ журналѣ записывать то, что случилось со мною въ теченіе дня, то-есть себя разсматривать. Мои работы не помѣшаютъ мнѣ думать и о морали моей: я буду читать съ Машею [4]) Геллерта [5]).

§ 23. Ноября 19. Я очень медлителенъ. Этотъ порокъ можетъ лишить меня всякаго счастія въ жизни. Я думаю, что онъ однакожъ принадлежитъ къ темпераменту и что отъ него нельзя избавиться или по крайней мѣрѣ нельзя совершенно избавиться. Но какое средство отъ него избавиться? Мнѣ двадцать третій годъ, а этотъ порокъ долженъ больше всякаго другаго укореняться съ лѣтами. Моя же жизнь была всегда такого рода, что я непремѣнно долженъ былъ наконецъ сдѣлаться недѣятельнымъ. Я никогда не былъ

чтобъ онъ прислалъ мнѣ лучшіе свои стихи; не будетъ ли чего для помѣщенія въ это „Собраніе“? (см. Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу, стр. 22). Собраніе русскихъ стихотвореній, въ пяти частяхъ, было издано Жуковскимъ позднѣе, въ 1810—1811 годахъ.

[1]) Сочиненіе нѣмецкаго историка литературы и эстетика Іоганна Эшенбурга (р. 1743 † 1820) „Entwurf einer Theorie und Literatur der schönen Wissenschaften“, изданное въ Берлинѣ въ 1783 году. Въ бумагахъ Жуковскаго сохранился его переводъ избранныхъ мѣстъ о лирической и эпической поэзіи изъ этого сочиненія Эшенбурга, писанный на бумагѣ съ водянымъ знакомъ 1804 года и, безъ сомнѣнія, относящійся къ 1805—1806 гг. (см. Бумаги Жуковскаго, стр. 163), а также замѣтки его: „На что дѣлать примѣчанія къ Эшенбурговой теоріи?“ (тамъ же, стр. 157).

[2]) Какихъ именно Leçons—сказать трудно; въ упомянутой выше (стр. 6) „Росписи во всякомъ родѣ лучшихъ книгъ и сочиненій, изъ которыхъ большей части должно дѣлать экстракты, 1805 года“ встрѣчается, между прочимъ, такая книга: Leçons d'une gouvernante.

[3]) Жуковскій не писалъ стиховъ цѣлый годъ, съ декабря 1804 года, къ которому относится стихотвореніе „Къ поэзіи“, по декабрь 1805 года, къ которому относится оставшееся неизданнымъ стихотвореніе „Опустѣвшая деревня“ (см. Бумаги Жуковскаго, стр. 25). 1806 же годъ былъ весьма плодовитъ въ поэтической дѣятельности Жуковскаго: съ апрѣля по конецъ ноября этого года онъ написалъ 42 пьесы (см. тамъ же, стр. 26—29).

[4]) М. А. Протасовою.

[5]) Извѣстнаго нѣмецкаго баснописца и моралиста (р. 1715 † 1769).

въ такихъ обстоятельствахъ, которыя бы требовали дѣятельности. Я не имѣлъ связей, которыя однѣ только могутъ принудить къ дѣйствію. Напротивъ, все нѣкоторымъ образомъ былъ останавливаемъ. Умъ пріучается мыслить, сердце чувствовать, что, будучи соединено съ привычкою дѣйствовать тѣломъ, составляетъ то, что называется дѣятельностію. Я ничего этого не имѣлъ по сію пору и даже не чувствую и теперь нужды быть дѣятельнымъ, что̀ необходимо. Кому нужна будетъ моя дѣятельность? Одна мысль, что она принадлежитъ къ совершенству, которое должно составлять цѣль каждаго человѣка, можетъ меня воспламенять; но совершенство само по себѣ есть нѣчто отвлеченное; оно не видимо для чувствъ, слѣдовательно не такъ можетъ быть дѣйствительно.

1806.

§ 24. Генваря 3. Объ чемъ я буду нынче съ вами [1]) говорить? Я получилъ ваше письмо изъ Троицкаго, въ которомъ вы мнѣ говорите о неискренности и пеняете мнѣ за мою неоткровенность съ вами. Я еще не знаю, имѣю ли я откровенный характеръ; по крайней мѣрѣ увѣренъ въ томъ, что по моему воспитанію мнѣ не можно имѣть откровенности, и даже сама натуральная моя откровенность должна совершенно быть ослабленною, если не уничтоженною. Объяснять этого не нужно, потому что это уже объяснено прежде въ моемъ журналѣ, которой однакожъ по сіе время худо шелъ отъ моей лѣни; теперь онъ будетъ итти лучше и порядочнѣе, потому что всѣ мои дѣла и даже моя голова въ большемъ порядкѣ. Итакъ, чтобъ вамъ не за что было со мною ссориться, я хочу быть откровеннымъ; хотя вы долго не будете знать того, что здѣсь написано, но все когда-нибудь узнаете; я сдѣлаю свое дѣло, скажу вамъ все, облегчу себя, и довольно. Мнѣ кажется всего лучше быть правымъ передъ самимъ собою и быть спокойнымъ въ душѣ своей. Вы должны одинъ разъ навсегда быть увѣрены, что я не въ состояніи дѣлать ничего съ такимъ видомъ, который бы должно было скрывать. Иногда приходятъ въ голову дурныя мысли; я стараюсь ихъ разгонять, ихъ не слушаться или самъ ихъ обнаруживаю, чтобы себя нѣкоторымъ образомъ успокоить: это правило честности не быть скрытнымъ, не имѣть нужды въ скрытности. Я бы желалъ пріобрѣсть способность всегда слѣдовать этому правилу. Я иногда смѣшивалъ очень некстати нескрытность съ неосторожностью и отъ этого часто бывалъ

---

[1]) Т. е. съ Е. А. Протасовой.

болтливъ съ намѣреніемъ, хотя нерѣдко болталъ и по глупой вѣтренности. Отъ этого порока можно избавиться. Еще я замѣтилъ, что я часто въ веселую минуту откровенности заговариваюсь, не могу остановить своихъ словъ, которыя съ излишнимъ изобиліемъ льются и, такъ сказать, всѣ выливаются вмѣстѣ, и нужныя, и ненужныя, и вздорныя. Мнѣ весело разсуждать и быть откровеннымъ, тѣмъ больше, что это для меня новость, которою спѣшу воспользоваться и которую употребляю во зло. Но полно говорить о постороннемъ; будемъ говорить о томъ, что есть.

§ 25. генваря 4. Итакъ надобно быть съ вами искреннимъ то есть представить вамъ себя такимъ, каковъ я есть теперь, это значитъ, каково мое теперешнее расположеніе со всѣхъ сторонъ (о томъ, что можетъ быть впередъ, ни слова; должно только стараться, чтобы все было хорошо), чего мнѣ теперь хочется. Вы должны мнѣ отвѣчать на все чистосердечно. Мои планы и желанія могутъ вамъ показаться безумными и несбыточными; вы скажете просто свои мысли, и я увѣренъ, что вы не оскорбитесь; къ тому же мнѣ показалось, если не ошибаюсь, что вы имѣете одно со мною желаніе. Воображеніе могло меня обмануть. Не забудьте, что я очень еще мало думалъ въ связи слѣдовательно очень легко могу ошибиться въ расчетѣ. Вамъ надобно только мнѣ сказать, что я ошибся, почему ошибся; я готовъ вѣрить истинѣ и принять ее какъ должно; но единственно мысль о томъ, чтобы не было мнѣ тяжело быть разувѣреннымъ вами лично, не позволяетъ мнѣ говорить теперь. Слѣдовательно, получу вашъ отвѣтъ и узнаю все рѣшительно не иначе, какъ тогда, когда самъ не буду съ вами. Вотъ вся причина теперешняго моего молчанія. На письмѣ изъясняться гораздо легче и способнѣе, нежели на словахъ; скажешь все, не щадя, обдумавши и яснѣе. Для того и съ вами объясняюсь письменно.

§ 26. 1 Марта. Еще остановка въ моемъ журналѣ. Онъ идетъ очень непостоянно. Теперь однакожъ (можетъ быть) буду прилежнѣе; я одинъ, могу думать безъ помѣшательства (не говорю о худомъ моемъ расположеніи, которое такъ часто мѣшаетъ мнѣ порядочно думать). Что мнѣ дѣлать въ эти три мѣсяца, которые проживу одинъ совершенно? Надобно хорошенько обратить глаза на самого себя; привести себѣ на память, сколько можно, прошедшее; подумать о будущемъ и настоящемъ. Пора выбрать что-нибудь постоянное и быть постояннымъ въ своемъ выборѣ!

§ 27. Мая 29. Lavéritable vertu consiste à faire de toutes ses facultés l'emploi dont il résultera le plus de bien pour les hommes. Il est des vertus pour tous les degrès d'esprit, comme il en est pour tous

les états [1]). *Voltaire*. Вотъ правило, котораго никогда не должно выпускать изъ мыслей. Если я не могу сдѣлать *большаго*, то почему жъ не сдѣлать *малаго*? Одно мнѣ невозможно, я долженъ отъ него отказаться; другое возможно, я долженъ его искать; въ противномъ случаѣ буду похожъ на такого человѣка, которой, имѣя малой ростъ, не можетъ сорвать плода съ дерева и гнушается тѣмъ, которой лежитъ у ногъ его. Самая трудная и лучшая наука есть знать цѣну того, что мы имѣемъ въ рукахъ, и умѣть извлекать изъ него истинную пользу.

§ 28. *Замѣчанія на прошедшій годъ журнала съ § 1 по § 27.*

§ 1. Что такое ложь? Неправда, сказанная съ намѣреніемъ или съ увѣреніемъ, что сказываемое мною несправедливо. Не думаю, чтобы такая ложь могла быть когда-нибудь позволена. Ложь можетъ быть шуточная: я могу лгать, будучи увѣренъ, что читатель или слушатель не обманутся и примутъ мои слова за то точно, за что я ихъ самъ выдаю. Такого рода ложь только что забавна, и тѣмъ забавнѣе, чѣмъ съ большею важностію разсказана. Руссо напрасно сердится на Монтескье за то, что онъ называетъ свой *Книдійскій храмъ* [2]) переводомъ съ древняго манускрипта. Авторъ зналъ, что читатель рано или поздно откроетъ истину, и нимало не хотѣлъ ее скрывать, а только представилъ, такъ сказать, подъ флеромъ, для того единственно, чтобы она была пріятнѣе: онъ хотѣлъ произвести не увѣреніе, а иллюзію, которая такъ очаровательна во всѣхъ произведеніяхъ человѣческой фантазіи. *Итакъ ложь только тогда не позволена или, лучше сказать, только тогда есть ложь, когда мы должны бояться, чтобы ее не открыли и когда сіе открытіе должно быть для насъ посрамительно.* Очень легко не быть лжецомъ, но гораздо труднѣе говорить правду. Я напрасно употребилъ выраженіе *быть скрытнымъ*; лучше бы сказать: *быть осторожнымъ*. Что я называю *правдою*? То, *что мнѣ кажется справедливымъ, по нѣкоторомъ размышленіи, въ томъ или другомъ предметѣ*. Я могу обманываться, но я долженъ говорить согласно съ моимъ собственнымъ, внутреннимъ увѣреніемъ, ложно ли оно или справедливо. Узнавъ его ложность, я его оставляю, но по тѣхъ поръ, пока оно мнѣ кажется истиннымъ, я долженъ его поддерживать. Твердую, постоянную рѣшимость всегда говорить и дѣйствовать согласно съ симъ внутреннимъ увѣреніемъ разсудка, во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, во всѣхъ сношеніяхъ съ

---

[1]) Т. е. Истинная добродѣтель состоитъ въ употребленіи своихъ способностей къ наибольшему благу людей. На всякой степени ума и во всякомъ состояніи можно быть добродѣтельнымъ.

[2]) Сочиненіе Монтескье „Le temple de Gnide“.

фонд

здѣсь же помѣщено письмо великаго художника (безъ даты) къ своему брату А. П. Брюллову, интересное въ томъ отношеніи, что въ немъ заключается подробное изложеніе плана знаменитой картины, при чемъ выясняется, какіе обстоятельные этюды съ натуры дѣлалъ Брюлловъ, копируя улицы Помпеи, античныя вещи, проектируя нѣкоторыя группы на основаніи найденныхъ скелетовъ. О картинѣ Брюллова заговорили въ Римѣ еще задолго до ея окончанія; когда же она предстала предъ римлянами во всемъ своемъ блескѣ, то восторгамъ не было конца. Очевидцы разсказываютъ удивительныя подробности. Совершенно незнакомые Брюллову люди снимали при встрѣчѣ съ нимъ шляпы; въ театрахъ, при его появленіи, публика вставала; Камуччини обнималъ его и называлъ колоссомъ; Вальтеръ-Скоттъ сравнилъ картину съ цѣлою эпопеей.

Вслѣдъ за Брюлловымъ А. В. Половцовъ говоритъ о знаменитомъ его современникѣ Ѳ. А. Бруни и его произведеніяхъ; при чемъ болѣе подробно останавливается на извѣстнѣйшихъ картинахъ этого художника „Мѣдный змій“ и „Моленіе о чашѣ“. Обѣ картины висятъ въ 24-мъ залѣ, одна противъ другой. Въ противоположность „Мѣдному змію“,—на которой нарисовано до шестидесяти фигуръ,—въ „Моленіи“—всего одно лицо. „Но что это за образъ!—восклицаетъ г. Половцовъ. Во взглядѣ колѣнопреклоненнаго Христа, въ его фигурѣ, въ чарующемъ мягкомъ освѣщеніи, въ величавой простотѣ всего замысла есть нѣчто, не поддающееся описанію, но приковывающее взглядъ зрителя; впечатлѣніе это никогда не забывается. Не мудрено, поэтому, что картина, пріобрѣтенная императоромъ Николаемъ Павловичемъ за 3.000 руб., распространилась въ сотняхъ тысячахъ снимковъ и близко знакома милліонамъ людей, не имѣющихъ понятія о томъ, кто былъ ея авторъ“.

Коснувшись произведеній П. В. Басина, гр. Ѳ. П. Толстаго, П. С. Пименова, П. А. Ѳедотова, А. А. Иванова и др., г. Половцовъ останавливается на произведеніяхъ недавно умершаго, извѣстнаго мариниста, И. К. Айвазовскаго, автора «Девятаго вала», «Всемірнаго потопа» и мн. др. Это былъ поэтъ моря,—говоритъ А. В. Половцовъ,—какихъ уже больше нѣтъ. «Девятый валъ» или, какъ картина прежде называлась—«Восходъ солнца на бурномъ морѣ», даетъ превосходное понятіе о бушующемъ морѣ Айвазовскаго.

Изъ современныхъ художниковъ въ разсматриваемой нами книгѣ встрѣчаемъ имена: мало извѣстнаго художника по исторической живописи, А. Е. Коцебу, автора «Битвы подъ Лѣснымъ», «Полтавскаго боя» и др.; выдающагося живописца И. Е. Рѣпина, автора картины «Запорожцы, сочиняющіе письмо къ турецкому султану», «Садко» и др.; Г. И. Семирадскаго («Фрина», «Христосъ у Марѳы и Маріи», «Грѣшница»); К. А. Маковскаго, В. Г. Перова, М. М. Антокольскаго и мн. др.

Въ главѣ «Скульптурная поэма» высказаны задушевныя мысли автора о творчествѣ и будущности русскаго искусства.

Особую главу книги А. В. Половцова составляетъ «Памятный отдѣлъ Императора Александра III». Изъ предметовъ, собранныхъ до настоящаго времени уже въ значительномъ количествѣ для этого отдѣла, выставлено пока для обозрѣнія публики не много, но между ними есть вещи очень интересныя. Эффектный центральный залъ съ колоннами увѣшанъ 70-ю роскошными, художественно исполненными блюдами, поднесенными въ разные знаменательные дни Императору Александру III и Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ; для помѣщенія сюда выбраны самыя характерныя и художественныя блюда, съ видами мѣстностей, историческими сценами, портретами и другими почему-либо интересными изображеніями.

Среди картинъ, находящихся уже въ залахъ будущаго Памятнаго отдѣла, обращаетъ на себя вниманіе прежде всего превосходно написанная красивая голова русскаго мужика великорусскаго типа съ окладистой бородой. Это портретъ кучера, Ивана Любушкина, написанный собственноручно Государынею Императрицею Маріею Ѳеодоровною. Мало кому извѣстно, что Государыня Императрица—превосходный живописецъ. Ея Величество унаслѣдовала талантъ къ живописи отъ Августѣйшей матери своей, усопшей королевы Датской Луизы. Въ Аничковомъ дворцѣ въ Петербургѣ и Гатчинскомъ дворцѣ находится много картинъ работы Ея Величества.

Событій жизни Императора Александра III касаются въ отдѣлѣ три картины. Двѣ изъ нихъ воспроизводятъ ужасную сцену крушенія Императорскаго поѣзда близъ станціи Борки, 17-го октября 1888 г., работы г. Васильковскаго, а третья изображаетъ послѣдній парадъ при Императорѣ Александрѣ III на площади Зимняго дворца.

Изъ переданнаго нами содержанія книги А. В. Половцова легко убѣдиться, что она не только облегчаетъ посѣтителямъ музея ознакомленіе съ хранящимися въ немъ сокровищами, но имѣетъ большое значеніе и внѣ стѣнъ музея.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1901 г.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. — V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☞ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1900 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **безплатно.**

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.